

**Критика
идеологии
и политики
неоколониализма**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СРВ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

***Критика
идеологии
и политики
неоколониализма***

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия
В. Г. БУРОВ, Е. С. ЕВСЕЕВ,
Е. Д. МОДРЖИНСКАЯ (ответственный редактор),
ФАМ НЬЫ КЫОНГ (ответственный редактор), ФОНГ ХИЕН,
ХОАНГ ВЬЕТ

В книге, написанной советскими и вьетнамскими учеными, раскрывается сущность неокolonиализма как сложного политического, социально-экономического и идеологического явления современности. Значительная часть работы посвящена политике неокolonиализма в Южном Вьетнаме в 50—70-е годы.

К 0302020300-045 29-83
013(02)-84

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 60—70-е годы в странах Азии, Африки и Латинской Америки происходили важные политические, экономические, социальные и культурные сдвиги. Однако этим странам не удалось решить трудные задачи преодоления огромной отсталости в различных сферах экономики и общественной жизни, более того, разрыв, существовавший между ними и развитыми странами, еще более увеличился. Это объясняется многими причинами: и влиянием глобальных (сырьевых, энергетических, продовольственных, демографических) проблем, и отсутствием современной техники, технологии, кадров, и наличием консервативных традиций, обычаев, предрассудков, отсталых общественных структур, и некомпетентностью в ряде случаев политического руководства. Главная же причина заключается в отрицательном воздействии неокOLONиалистской политики империализма.

Наблюдающийся в последние годы кризис мировой капиталистической системы не только наглядно продемонстрировал присущие ей органические слабости и пороки, но и отчетливо «высветил» историческую бесперспективность распространения в развивающихся странах капиталистического способа производства. Однако империализм не хочет сдавать своих позиций, он использует всевозможные средства, начиная с идеологических и кончая военными, для того чтобы удержать страны Азии, Африки и Латинской Америки в орбите своего влияния.

Кризис политики неокOLONиализма заставляет буржуазных идеологов прибегать к поискам новых теоретических аргументов. Помимо концепций «европеизации», «американизма», «вестернизации» и т. п. получают распространение теории, в которых содержится признание самостоятельной роли развивающихся стран в мировом сообществе. Наряду с западнoцентристским и узкоэкономическим подходом начинает пропагандироваться более широкий подход к проблемам данной группы стран, который, на первый взгляд, включает учет их социальных и культурных ценностей. Идея, в соответствии с которой капиталистический Запад призван якобы осуществлять руководство перестройкой всей системы социально-экономических отношений освободившихся стран, стала дополняться такими рецептами социального обновления, в которых формально отсутствуют предложения о прямом переносе методов индустриализации, норм буржуазной культуры в условия этих стран.

В последние годы идеологическое кредо неокOLONиализма находит выражение в различного рода концепциях «модернизации». Сам по себе термин «модернизация» звучит вполне новаторски и прогрессивно, ибо он употребляется как синоним «осовременивания» общества. Однако за этим названием скрывается определенное неокOLONиалистское политико-идеологическое содержание, поскольку «модернизация» предполагает осуществление такого комплекса мероприятий социально-экономического и культурно-психологического характера, который призван сохранить влияние империализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Создатели концепций «модернизации» выдвигают в качестве цели мировой истории «индустриальную цивилизацию», достижимую лишь на путях капиталистического развития, и настаивают в конечном счете на заимствовании развивающимися странами опыта решения социально-экономических проблем в буржуазных государствах Запада.

То же самое происходит и с мифом о так называемой дихотомии «Запад — Восток». Известно, что в течение продолжительного времени буржуазные теоретики, игнорируя реальную действительность, стремились доказать, что существуют полярные противоположности: статичный, мистический, спиритуальный, интровертный, пассивный Восток и динамичный, рациональный, материалистический, экстравертный, активный Запад; другими словами, все западное оценивалось со знаком плюс, а все восточное — со знаком минус¹. Ныне в известной степени происходит отказ от идей духовного универсализма; взамен них выдвигается неокOLONиалистская модель плюрализма культуры, в которой могут найти себе место «самобытные» ценности Востока (некоторые представители западной интеллигенции обращаются к афро-азиатской культуре в прямо противоположных целях — они стремятся найти в ней средство излечения духовных противоречий капиталистического общества).

НеокOLONиализм отражается в конкретной политике империалистических держав по отношению к различным странам Азии, Африки и Латинской Америки. Наибольший интерес для понимания сущности, форм и методов неокOLONиализма представляет изучение опыта развития тех стран, которые по каким-либо причинам были объектом особого внимания империализма. Одной из таких стран является Вьетнам, южная часть которого в течение продолжительного времени была своего рода опытным полигоном для построения неокOLONиалистской модели общества.

Выбор для этой цели Южного Вьетнама был не случаен. Развитие Северного Вьетнама, где была создана Демократическая Республика Вьетнам, пошло по социалистическому пути. Что касается юга страны, то здесь американские империалисты и их ставленники пытались утвердить буржуазные производственные отношения, внедрить буржуазную культуру. Ставки были очень велики: речь шла, в сущности, об исторической прогрессивности двух противоположных путей социального развития — социалисти-

ческого и капиталистического, о различном понимании характера и тенденций общественного процесса. Неокolonизаторы ставили своей целью доказать, что решение социально-экономических проблем развивающихся стран возможно лишь на основе капиталистического способа производства, и одновременно дискредитировать опыт реального социализма, посеять сомнения в преимуществах социализма вообще.

Империализм США применял всевозможные средства для осуществления неокolonиалистской политики, начиная от воздействия на массовое сознание различных слоев южновьетнамского общества и кончая прямым вмешательством во внутренние дела страны. Громадная экономическая помощь в виде многомиллиардных долларовых инъекций, широкий экспорт товаров массового потребления, подготовка кадров в военной, политической, административной и культурной областях, использование различных форм общественного сознания, в том числе с помощью самых современных средств массовой информации, насаждение образа жизни, норм морали, культурных стандартов, характерных для буржуазного общества, и т. д. — все было поставлено на службу неокolonиализму. Не были забыты и традиционные ценности. Исследуя реальные социальные процессы, В. И. Ленин указывал, что есть «две национальные культуры в каждой национальной культуре»², что существуют различные традиции, которые могут использоваться как прогрессивными, так и реакционными общественными силами. В этой связи следует подчеркнуть, что американские империалисты и их ставленники опирались на «плохие» традиции и способствовали их консервации; одним из средств осуществления неокolonиалистской политики являлось разжигание межрелигиозных конфликтов. Наряду с использованием религии импортировались различные течения современной буржуазной философии и эрзакультуры. Одним словом, Южный Вьетнам подвергся массивному политико-идеологическому воздействию со стороны империализма США. Преобразование южновьетнамского общества в нужном для неокolonизаторов направлении стало, фактически, стратегической целью американской внешней политики.

При этом важно подчеркнуть, что различного рода политические, экономические, культурные и идеологические методы на протяжении целого десятилетия «дополнялись» вооруженной агрессией. Для достижения своих целей империалисты США развязали настоящую войну против вьетнамского народа, военные методы явились главным средством реализации планов Вашингтона. Такова была специфика осуществления политики неокolonиализма в конкретных условиях Вьетнама. Однако империализму США не удалось подчинить Вьетнам своему господству, вернуть его к колониальным временам. Вьетнамский народ добился убедительной победы над самой сильной империалистической державой мира. Потерпела полный крах и социальная политика неокolonиализма. В результате ее осуществления в Южном Вьетнаме произошло известное повышение уровня жизни лишь незначительной части

населения, сложилась проамерикански настроенная элита, появились внешние атрибуты современного развитого общества, однако не произошло, да и не могло произойти, главного — ликвидации эксплуатации человека человеком. На смену одной, феодальной, системы эксплуатации пришла другая — буржуазная, причем в уродливой, неокOLONиалистской форме; наряду с социальным угнетением продолжало существовать национальное порабощение, ибо независимость «Республики Вьетнам» (так официально называлась южная часть страны) была чисто формальной; неокOLONиализм господствовал и в сфере духовной жизни, общечеловеческие нравственные ценности предавались здесь забвению, лучшие достижения мировой культуры сюда не проникали.

В то же время Северный Вьетнам уверенно шел по пути социального прогресса. Конечно, социалистическое строительство в этой части страны столкнулось с серьезными трудностями, такими, как отсутствие необходимой техники, технологии, кадров, слабое промышленное развитие в прошлом, недостаток опыта; к тому же все это усугублялось военной агрессией США. Однако благодаря правильной, марксистско-ленинской политике Коммунистической партии Вьетнама, эффективной помощи социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, на севере Вьетнама были заложены основы социализма, утверждены социалистические отношения в различных сферах общественной жизни. И хотя в силу ряда объективных причин не удалось достигнуть существенного повышения уровня жизни, сам пример общества, где ликвидирована система эксплуатации человека человеком, где социальная справедливость стала нормой человеческого общежития, где народ стал хозяином своей судьбы, оказывал революционизирующее воздействие на политическую обстановку в Южном Вьетнаме, на умонастроения тамошнего населения, что явилось одной из важнейших причин победы вьетнамского народа в освободительной войне против американского империализма и его ставленников.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книга является результатом коллективных усилий советских и вьетнамских ученых. Она состоит из двух частей: в первой сделана попытка проанализировать теоретические концепции идеологов современного неокOLONиализма, а также их практическое осуществление в странах Азии, во второй — показать конкретный механизм функционирования идеологии и политики неокOLONиализма в Южном Вьетнаме.

Авторы книги: I, II, III главы — М. О. Мнацаканян; IV, VII — В. В. Вахрушев; V — В. Д. Щетинин; VI — А. Г. Григорьянц; VIII, XIV — Фам Ньы Кыонг; IX, XI — Хоанг Вьет; X, XII — Фонг Хиен; XIII глава — Фонг Хиен и Ким Куи.

Научно-организационную работу по подготовке рукописи к изданию провела Т. Н. Жильцова. В работе над ней принимали участие сотрудники сектора критики антикоммунизма Института фи-

лософии АН СССР С. Ф. Колосовская, А. К. Можеева, И. А. Опарина, В. Великов, Ю. А. Ежов, а также А. В. Никитин.

Во время подготовки рукописи к печати безвременно скончалась ответственный редактор книги профессор Е. Д. Модржинская, под руководством которой начиналась эта монография, обсуждались ее проспект, концепции глав, их содержание. Авторы книги хотели бы высказать слова глубокого уважения к ее светлой памяти.

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Глава I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Неоколониализм — сложное политическое, социально-экономическое и идеологическое явление, свойство современного государственно-монополистического капитализма. Для понимания сущности неоколониализма недостаточно раскрыть его экономическую, эксплуататорскую природу, его функции, направленные на удовлетворение экономических потребностей государственно-монополистического капитализма, его роль в функционировании механизма мирового капиталистического хозяйства. Особо важное значение в современных условиях приобретает анализ его социально-политических функций, социально-классовой стратегии, имеющей целью защиту капитализма как общественного строя в борьбе двух мировых общественных систем.

Неоколониализм в первую очередь призван обслуживать разнообразные потребности государственно-монополистического капитализма, отстаивать интересы империалистических государств в борьбе с национально-освободительными революциями. Вместе с тем политика и идеология неоколониализма оказывают своеобразное воздействие на страны высокоразвитого капитализма, на рабочее движение, на происходящие в них социально-классовые и идеологические процессы. Наконец, неоколониализм, его политика создания военно-политических блоков, военных баз империализма на территории освободившихся стран являются источником международных конфликтов, локальных войн, могущих поставить мир на грань термоядерной войны. Все это свидетельствует о том, что проблема неоколониализма затрагивает не только интересы народов освободившихся стран, прямых объектов империалистической экспансии, но и жизненные интересы международного рабочего и коммунистического движения, народов социалистических стран, всех демократических и миролюбивых сил.

Проблема неоколониализма возникла в послевоенный период и имеет конкретно-историческое содержание. Вместе с тем сам нео-

колониализм как конкретно-историческая форма долговременного, устойчивого и сложного явления классово антагонистического строя — капитализма генетически связан с предшествующей и, как показала общественно-историческая практика, преходящей формой — колониальной системой империализма. Нельзя поэтому плодотворно исследовать неоколониализм, не учитывая историческую преемственность форм колониальной политики и практики, историческую повторяемость общезначимых черт и свойств колониализма. В этом свете основополагающее методологическое значение приобретает подход К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина к исследованию сущности колониализма, его черт, форм и методов. В таких фундаментальных трудах, как «Капитал» К. Маркса, «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина, и в ряде других раскрывается содержание теории колониализма, излагаются принципы его научного анализа.

Прежде всего следует отметить, что представление о целостности системы эксплуататорского строя является основой марксистско-ленинского подхода к исследованию колониализма. К. Маркс рассматривает теорию колониализма в качестве составной части общей теории капитализма. В работах В. И. Ленина теория колониализма анализируется в контексте теории империализма. Проблема неоколониализма выступает в современных условиях как часть общей проблемы становления, развития, функционирования и эволюции современного государственно-монополистического капитализма.

Для понимания сущности неоколониализма весьма важно раскрыть его роль и значение как исторического условия и предпосылки формирования, развития и функционирования системы государственно-монополистического капитализма. К. Маркс придавал большое методологическое значение выявлению роли внешних факторов и исторических предпосылок генезиса капитализма, к числу которых он относил и колониальную систему. Причем К. Маркс ставил вопрос более широко: каким образом колониализм, будучи условием, предпосылкой генезиса и становления капиталистической системы, превращается в свойство той же системы? В «Экономических рукописях» К. Маркс показывал, что «клеточка» нового, возникнув в недрах феодализма, развивается за счет материала, созданного предшествующим развитием. Однако капиталистическая система конструируется не просто из обломков прошлого, а из результатов «творчества» самого капитала, сущность которого заключается в качественной модификации на началах капитализма собственных предпосылок. «Эти предпосылки, — пишет К. Маркс, — которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности как капитала, теперь являются результатом его собственного осуществления, полагаемой им действительности, являются не условиями возникновения капитала, а результатом его бытия. Для своего становления капитал больше не ис-

ходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»¹.

Важное методологическое значение этой концепции К. Маркса для анализа неокOLONиализма заключается в том, что, во-первых, она объясняет объективный характер возникновения феномена зависимости в рамках целостной системы капитализма, выступающей в качестве абсолютного условия бытия и развития этого феномена; во-вторых, предполагает конкретно-исторический подход к определению его характера и содержания. Один из законов развития капитализма заключается в создании таких предпосылок, которые отвечают потребностям данного этапа его развития. Зависимость колониальных обществ имеет в мануфактурный период одно содержание, в период промышленного развития капитализма — другое. Империалистическая стадия объективно требует более широкого применения капиталистических методов эксплуатации колоний и зависимых стран, придает отсталости и зависимости новые формы и проявления. Модификация колониальной политики и отношений, эволюция колониальных обществ рассматривались К. Марксом как продукт сменяющих друг друга исторических стадий капиталистического способа производства.

В. И. Ленин видел в колониальной системе империализма не простое наследие предыдущей стадии, возросшее количественно, а прежде всего результат «творчества» финансового капитала, реализацию его потребностей. Он показывал производный характер колониализма, его зависимость от коренных особенностей данного этапа развития капитализма. Это проявляется, во-первых, в объективной соподчиненности экономических свойств империализма, которая в системе категорий выражается в их логической субординации; во-вторых, в наличии общей основы — монополии, которая одновременно выступает в качестве исходной и для колониализма, и для всей системы империализма; в-третьих, в специфике модификации коренных свойств империализма, например вывоза капитала в колонии и зависимые страны, придающих им колониальную особенность; в-четвертых, в служебной роли колониальной политики, призванной создать внешние условия и предпосылки для функционирования системы капитализма, искусственно задержать ее крах.

Известно, что В. И. Ленин, раскрывая сущность империализма и империалистического колониализма, придавал особо важное значение выявлению их всеобщей сущности, воплощенной в монополии. Именно с монополии начинается систематизация категорий, воспроизводящая объективное развитие империализма, его свойств и отношений, ибо таково в действительности начало его исторического процесса, который приводит к господству монополий во всех возможных формах и сферах. Именно такой анализ дает возможность раскрыть историческую роль и место колониализма в формировании и развитии империализма.

Колониализм, его коренные свойства составляют важнейшую предпосылку генезиса и становления империализма потому, что

монополии, воплощая сущность империализма, исторически возникли в колониализме раньше, чем в других общественных сферах. Монополии впервые появились еще в колониальной политике Португалии, Испании, Англии в XVI—XVIII вв. В. И. Ленин отмечал, указывая на генетическую связь между колониализмом и монополиями, что монополия вырастает, исторически рождается из колониальной политики². О значении, которое придавал В. И. Ленин этой связи, свидетельствует его указание на то, что такая существенная черта империализма, как наличие громадных колониальных владений, имела место в Англии еще с середины XIX в.³ Именно поэтому механизм, сама природа государственно-монополистического капитализма способны пролить свет на сущность и особенности неоколониализма, на его конкретно-историческое своеобразие. Вместе с тем изучение таких периферийных явлений, как крушение колониальной системы, зарождение новых функций и потребностей во внешней экспансии, сам исторический процесс формирования неоколониализма и т. д., способно объяснить многое в особенностях формирования и функционирования государственно-монополистического капитализма.

Государственно-монополистический капитализм, говоря словами К. Маркса, «исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»⁴. Неоколониальная политика и практика, представляющие собой социально-классовую реакцию империализма на коренные общественные перемены в бывшем колониальном и полуколониальном мире, на рост революционного процесса в зонах национально-освободительного движения, призваны удовлетворить важнейшие социально-политические и идеологические потребности империализма в борьбе двух мировых систем, в его противоборстве с революционными силами национального освобождения. Неоколониализм призван осуществлять широкий спектр классово-защитных функций, которые, собственно, и определяют сегодня рост значения внешней экспансии в сохранении мировой системы эксплуатации.

В. И. Ленин, исследуя мотивы внешней экспансии империализма, обращал особое внимание на анализ тех социально-политических факторов, которые стимулируют при империализме усиление колониальной экспансии. Говоря об удовлетворении колониализмом потребностей капитализма, о глубоких причинах, вызывающих экспансию, В. И. Ленин отмечал, что небезытересно показать «связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней»⁵ империалистической экспансии. «...К экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные»⁶, — приводил он слова французского буржуазного писателя Валя, соглашаясь с ними. В. И. Ленин подчеркивал, что капиталистам нельзя не вести колониальную экспансию, войны, осуществлять насильственный передел колоний, «если хотят сохранить капитализм»⁷. Суть социально-политических функций колониализма В. И. Ленин выразил сжато: колониализм, колониальный гнет являются «одним из источников искусственной задержки

падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистских наций»⁸.

Рассматривая вопрос о социально-политических потребностях капитализма, удовлетворяемых колониальной политикой, В. И. Ленин на первый план выдвигал именно классово-защитные аспекты. Он показывал, что при империализме формируется своеобразная классовая линия буржуазии, направленная на сознательное, целеустремленное использование социально-политических, защитных функций колониальной политики. Буржуазные деятели, например известный колонизатор С. Родс, усматривали «истинную мудрость» колониальной политики в ее способности стать орудием своеобразного решения социального вопроса, спасения буржуазного общества «от убийственной гражданской войны»⁹. Мотивируя необходимость колониальной экспансии для капитализма, его идеологи подчеркивали: «...Энергии, выбиваемой из определенной классовой колен, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри»¹⁰. Возросшая социальная роль колониальной политики в эпоху империализма все чаще реализуется в интересах охраны классового господства буржуазии, защиты капитализма, его эксплуататорских отношений. Социально-классовые, политические факторы играют все более заметную роль в усилении колониальной экспансии. «Внеэкономическая надстройка, — подчеркивал В. И. Ленин, — вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям»¹¹.

Социально-политические функции колониализма — это особые функции колониальной политики и идеологии, призванные методами экономического, политического, идеологического воздействия обеспечить сохранение и закрепление существующих общественных отношений и, таким образом, защитить систему капитализма в целом. Поскольку главный объект этих функций — классовые отношения, постольку по своей природе, роли и значению эти функции являются социально-политическими.

Колониализм в прошлом, как и неоколониализм сегодня, пытался воздействовать на активный общественный фактор, на все то, что служило носителем и непосредственной причиной общественных перемен, общественного прогресса. Такие субъекты общественно-исторического развития, как нации, государства, партии, социальные группы и т. д., выступали в качестве объектов действия функций колониализма потому, что характер их взаимоотношений, будучи абсолютно зависимым от классовых взаимоотношений, во многом определял характер и глубину классовых конфликтов, возможности развития, углубления революционных процессов в обществе. Отношения между указанными структурными подразделениями общества, социальными общностями, являются социально-политическими, они значительно глубже и сложнее, чем просто внебазисные отношения, отношения в политической сфере общества.

В порабощенных странах социально-политические функции колониальной политики проявлялись в защите основ и конкретных форм колониального господства и посредством этого — сохранении важнейших условий функционирования мирового хозяйства капитализма, системы его отношений. Колониальная политика и идеология в результате действия социально-политических функций оказывали как бы обратное воздействие на метрополию, на происходящие в ней социально-классовые процессы, на рабочее и демократическое движение и т. д.

Роль социально-политических функций возрастает, приобретая в прямом смысле классово-защитный характер в условиях обострения внутренних противоречий капитализма, социально-классовых конфликтов и революционной борьбы, роста рабочего и национально-освободительного движения. Усиление колониальной экспансии, вызванное экономическими мотивами и процессами, становится вместе с тем формой борьбы буржуазии с революционным процессом, с теми силами, которые представляют угрозу для существования капитализма, классового господства буржуазии. Уже в годы первой мировой империалистической войны В. И. Ленин прослеживал эту тенденцию, вскрывая условия и факторы резкого роста социально-политических функций, особенно контрреволюционных черт колониальной политики. Именно в этот период он все чаще говорит о колониальных функциях «искусственной задержки падения капитализма», призванных «сохранить капитализм».

Логический анализ, предпринятый В. И. Лениным, показывает, что возрастание роли социально-политических функций колониальной политики проявляется в условиях воздействия этой политики на империалистическую политику вообще. В новую историческую эпоху происходили сближение, сращивание колониальной политики с другими направлениями внешней политики (например с милитаризмом), дальнейшее усиление воздействия ее форм и методов на внутреннюю политику, широкое использование всего арсенала реакционных идейно-политических концепций, расизма, колониального шовинизма как во внутренней, так и во внешней политике. Все это, в свою очередь, расширяет сферу действия социально-политических функций колониальной политики, ставит перед ней все новые социальные задачи. Колониальная политика и идеология создают малые и крупные международные конфликты, способствуют раздуванию милитаризма, становятся источником войн и т. д., подготавливая условия для утверждения антидемократических, военно-полицейских и диктаторских режимов, прямого подавления рабочего движения, революционной борьбы в капиталистических странах.

Научное исследование неокOLONиализма требует конкретно-исторического и классового подхода. Главное при этом — раскрыть взаимосвязь данной проблемы с характером эпохи, ее закономерностями, особенностями классовой борьбы на мировой арене, показать характер их воздействия на генезис и эволюцию неокOLONиализма. Решающее значение приобретает фактор соотношения

сил на мировой арене, который оказывает сильное воздействие на неокOLONИализм, накладывая определяющий отпечаток на действие и конкретное содержание его функций. Принцип историзма и классовый подход позволяют выявить не только исторические особенности генезиса и развития неокOLONИализма, тенденции его эволюции, но и особенности его конкретного содержания и форм, новое соотношение его социально-классовых и экономических, эксплуататорских функций.

НеокOLONИализм — новая форма эксплуатации народов. В этом его реакционная сущность, опасность для исторического прогресса народов освободившихся стран. Особую опасность представляет его социально-классовая стратегия, направленная на экспорт капитализма в бывшие колониальные страны, стимулирование и рост местной буржуазии и капиталистических производственных отношений. НеокOLONИализм призван не только эксплуатировать освободившиеся страны, но в первую очередь защитить и консервировать основы международных эксплуататорских отношений: экономическое неравенство и неравноправие в мировом капиталистическом хозяйстве; традиционное, колониального типа разделение труда между высокоразвитыми и экономически отсталыми странами — подчиненными звеньями этого хозяйства; узурпировать в мировом капиталистическом хозяйстве главные достижения научно-технической революции, монополизировать и сосредоточить в высокоразвитых капиталистических странах решающие области науки, техники, технологии, производства и т. д. Средством защиты эксплуататорских отношений, их консервации является насаждение и поощрение в освободившихся странах капитализма, зависимого от главных центров империализма. В этом — главная социальная функция неокOLONИализма.

В конкретно-исторических условиях современной борьбы двух мировых общественных систем задача защиты основ колониального типа эксплуататорских отношений одновременно становится задачей защиты мирового капитализма как общественного строя, мирового капиталистического хозяйства и законов его функционирования. Поэтому неокOLONИализм — это не просто система определенных экономических отношений, направленная на эксплуатацию народов. НеокOLONИализм — одна из воинствующих контрреволюционных сил, ведущих борьбу против революционного национально-освободительного движения, революционных процессов в освободившихся странах.

Именно классовый подход позволяет более четко выявить возросшие социально-классовые функции неокOLONИализма, взаимосвязь между его эксплуататорскими отношениями и условиями их функционирования. НеокOLONИализм, если попытаться дать ему самое краткое и общее определение, — это новая система косвенного контроля и эксплуатации освободившихся стран, политика утверждения в них зависимых от империализма капиталистических отношений в условиях коренного изменения соотношения сил двух мировых систем в пользу социализма. В этом определении зафик-

сированы его основные черты и особенности, в частности то, что в неокOLONиальных отношениях вопросы получения многомиллиардных прибылей, обеспечения источников энергии, сырья, сфер приложения капитала, рынков сбыта, эксплуатации дешевой рабочей силы и т. д. стали одновременно вопросами защиты условий их получения. Экономические функции неокOLONиализма оказались, таким образом, в зависимости от проявления его классово-защитных функций.

В современных условиях возможности и условия неокOLONиальной экспансии, эксплуатации освобожденных стран и установления контроля над ними, зависят от возможностей противодействия, которое оказывают этому все антиимпериалистические силы. Эти силы, действующие не только в освобожденных странах, но и в системе международных отношений в целом, способны ставить мощные преграды на пути неокOLONиализма, подрывать силу его экспансии, ограничивать ее сферу, воздействовать на ее формы и методы. Особо важное значение имеет в этом смысле фактор соотношения сил двух систем на мировой арене, который в обобщенном, концентрированном виде выражает условия функционирования неокOLONиализма, показывает закономерность соотношения его экономических и социально-политических, классово-защитных функций, роста и расширения последних, наконец, проливает яркий свет на характер и особенности генезиса неокOLONиализма, на его конкретно-историческое своеобразие, на тенденции его эволюции.

Уже с победой Великой Октябрьской социалистической революции классовая борьба из внутрисоварственного явления превратилась в свойство международных отношений. Возникновение мировой системы социализма привело к принципиально новой расстановке классовых сил в мире. Классовая борьба на мировой арене становится осью современных международных отношений, а противоборство государств, объединенных в противоположные социальные системы, превращается в глобальное в масштабах всего мира классовое противоборство.

Весь мир, в том числе и освобожденные страны, стал ныне ареной классовой борьбы двух систем, двух политик и идеологий — капиталистической и социалистической. Империализм проводит классово-целенаправленную политику в этих странах, пытается привлечь народы на сторону капитализма, стремится укрепить позиции капиталистической формации в борьбе двух систем и изменить таким путем соотношение сил на мировой арене в свою пользу. Речь идет не просто об усилении политико-идеологического воздействия капитализма на освобожденные страны, и даже не о вовлечении их в орбиту империализма с помощью военно-политических договоров, втягивания в агрессивные блоки. Если в 50-е годы империализм действительно проводил подобную политику искусственного привязывания многих некапиталистических по характеру и направлению своего развития освобожденных стран к мировому капитализму в качестве инородных социальных орга-

низмов капиталистического мирового хозяйства, то сейчас классовая стратегия неокOLONиализма заключается в том, чтобы органически включить освободившиеся страны в систему мирового капитализма как капиталистические — родственные, однотипные организмы его мировой хозяйственной и социальной системы. По каналам неокOLONиализма происходит поэтому активная социальная экспансия капитализма как общественного строя, т. е. в самом широком плане экспорт капиталистических производственных отношений. Социальная экспансия капитализма становится главной и при этом новой своеобразной формой борьбы империализма с национально-освободительным движением, формой защиты капитализма, позиций и интересов мировой буржуазии как класса.

Что касается самого понятия социальной экспансии, то она в отличие от известных ранее в литературе понятий политической, экономической, военной, идеологической и других видов экспансии решает уже не отдельные задачи и охватывает не отдельные сферы, а решает комплексные, фундаментальные классово-защитные и эксплуататорские задачи. Социальная экспансия неокOLONиализма включает в себя такие задачи и направления, как: оказание классового воздействия капитализма на общественные процессы освободившихся стран; стимулирование и насаждение капиталистических производственных отношений; целенаправленное формирование класса местной буржуазии как социальной опоры неокOLONизаторов, их союзника в борьбе с революционными силами, антиимпериалистическими тенденциями и процессами в освободившихся странах, с теорией и практикой социализма на мировой арене; подготовка прокапиталистически настроенных кадров — хозяйственных, административных, военных, идеологических, создание организаций и учреждений прозападной ориентации.

Стратеги неокOLONиализма положили в основу своего подхода к той или иной освободившейся стране, к освободительным движениям классовые критерии. Осуществляя грабительскую политику, защищая эксплуататорские интересы монополий, они рассматривают освободившиеся страны прежде всего как поле борьбы с революционным процессом. НеокOLONиализм поэтому представляет собой, по существу, социально-классовую реакцию капитализма на углубление в процессе и в результате крушения колониальной системы социального содержания национально-освободительной борьбы, на возрастание воздействия политики социализма и идей марксизма-ленинизма на народы освободившихся стран.

Империализм, проводя неокOLONиальную политику, учитывает выдающуюся роль СССР, стран социализма в успешном развитии национально-освободительной борьбы. Известно, во-первых, что СССР, мировая система социализма уже самим фактом своего существования, борьбы, которую они ведут с системой мирового капитализма, создают благоприятные международные условия для развития национально-освободительного движения. Во-вторых, страны социализма, СССР проводят интернационалистскую внешнюю политику, оказывают разностороннюю помощь силам нацио-

нального освобождения. В-третьих, империалистические стратеги и идеологи не могут не принимать во внимание того, что теория и практика социализма, исторический опыт социалистических преобразований в СССР, странах социализма, успешное решение в исторически кратчайшие сроки сложных социальных проблем (национальный вопрос, культурный и научно-технический прогресс, преодоление экономической отсталости и т. д.), имеющих особую актуальность для бывших колониальных и полуколониальных стран, оказывают на них огромное идейное, революционизирующее воздействие.

Возникновение группы стран социалистической ориентации, отвергающих капитализм, осуществляющих коренные преобразования в интересах народных масс, является ярким свидетельством роста воздействия социализма на освободительную борьбу. Вместе с тем пример этих стран создает объективную основу для дальнейшего воздействия социалистической общественной системы на другие народы. Революционное значение выбора социалистической ориентации заключается в том, что, как показывает опыт, он способен нанести прямой «физический» урон системе капитализма, привести ее к новым серьезным потрясениям, к прямым потерям. Такой выбор прямо направлен против капитализма как строя, определяет возможность и степень участия освободившихся стран во всемирно-историческом переходе человечества от капитализма к социализму.

Все эти социально-классовые аспекты неоколониализма многочисленными нитями преемственности связаны с предшествующей формой колониальных отношений — колониальной системой империализма. В. И. Ленин показал, что для реализации конкретно-исторического и классового подхода необходимо вскрыть классовые интересы и соотношение классовых сил в колониальной экспансии, основные ее мотивы. Важно выявить, какие именно экономические, социально-политические, идеологические потребности призвана удовлетворить колониальная экспансия в условиях конкретно-исторического развития мировой обстановки, за которыми опять-таки стоят классовые интересы.

В. И. Ленин, исходя из марксистской теории колониализма, показал, что сущность колониальной экспансии во многом определяется тем, какую роль она играет в функционировании данной целостной системы эксплуататорских отношений, в том числе в социально-классовых процессах в странах метрополий, какими методами колониализм пытается решить задачу развития и сохранения капитализма, в том числе и в главных его центрах. Можно проследить следующие направления конкретно-исторического и классового анализа колониализма, предпринятого В. И. Лениным: а) объективные социальные последствия реализации экономических, грабительских функций колониализма в колониях и полуколониях; б) функции колониальной политики, осуществляемые в интересах упрочения позиций метрополий в колониях и полуколониях, в одних случаях — методами реформизма и соглашательства

с местными эксплуататорами, формирования и воспитания социальной опоры колонизаторов на местах, в других — подавления методами насилия и контрреволюций антиколониальных, национально-освободительных сил. Реализация этой функции на практике была равносильна защите целостности универсальной системы капитализма, включающей колониальную систему, мировой рынок и т. д.; в) объективные социальные последствия колониальной экспансии, своеобразное обратное воздействие колониальной политики на социально-классовые процессы стран метрополий; г) целенаправленное использование господствующими классами капиталистических стран, осуществляющих колониальную экспансию, результатов объективной «работы» колониализма: колониальных прибылей, идеологии реформизма и колониального шовинизма и т. д. для раскола рабочего движения, политической и идеологической защиты капиталистического строя и собственных классовых позиций; д) конкретные национальные и международные условия действия защитных функций колониальной политики, закономерности их расширения.

Исключительно важен для анализа неоколониализма вывод В. И. Ленина о том, что в целом рост социально-политических функций колониализма обусловлен ростом функций и задач империалистического государства по защите эксплуататорского строя и вытекает из классовой природы этого государства. Вместе с тем В. И. Ленин показывает, что усиление защитных функций колониальной политики не представляет собой простого автоматического проявления ни единства внутренних и внешних функций империалистического государства, ни единства его внутренней и внешней политики. Ибо здесь действуют такие факторы (наряду с усилением классовой борьбы пролетариата в метрополиях, обострением внутренних конфликтов), как пробуждение Востока, серия революций в странах Азии под влиянием первой русской революции, расширение социальной базы и усиление революционных возможностей национально-освободительного движения. Превращение с победой Великого Октября классовой борьбы из внутригосударственного явления в свойство международных отношений, резкое усиление роли национально-освободительного движения как составной части мирового революционного процесса определяют собой качественный поворот в колониальной политике — появление в ней, вместе с новым ростом защитных функций, открыто контрреволюционных черт.

Во-первых, социально-классовый ответ империалистической буржуазии на превращение национально-освободительного движения под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции «в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма»¹² сразу же проявляется наряду с усилением репрессий и военно-полицейских традиционных форм борьбы с революционными выступлениями в колониях и зависимых странах в переносе сюда из метрополии буржуазно-реформистских форм борьбы¹³.

Во-вторых, раскол мира на две противоположные общественные системы, их борьба и соревнование, появление в международных отношениях фактора соотношения их сил по-иному ставят для империализма весь комплекс проблем колониальной экспансии. Качественно новое заключается в том, что империалистическая буржуазия, продолжая политику соперничества за сферы влияния, защиты «национальных» имперских интересов, стала рассматривать весь колониальный мир как часть капиталистической системы, противостоящей Советскому государству, его возрастающему революционизирующему воздействию.

В неоколониализме эта защитительная задача приводит к усилению интеграционных процессов, стремлению империалистических государств выступать совместно, выработать коллективные формы экспансии. Практика показывает, что при проведении неоколониальной политики, как и империалистической политики вообще, объективно в капиталистическом мире действуют две тенденции — центробежные и центростремительные. В ходе борьбы двух мировых систем и изменения соотношения их сил в пользу социализма в лагере империализма все больше усиливается действие центростремительной тенденции. Чем больше углубляется общий кризис капитализма, ощутимее становятся потери, понесенные империализмом в послевоенный период, в том числе и в процессе крушения колониальной системы, чем более крепнут мировые революционные силы, тем сильнее стремление международной буржуазии к объединению в защиту капитализма, неоколониальных интересов.

Объединительная тенденция, стремление к «коллективности», определяемые объективным фактором — общностью классовых интересов монополистической буржуазии, — имеет серьезные экономические предпосылки. Речь идет о процессах, вытекающих из интернационализации капитала и производительных сил капитализма. Во-первых, это формирование межнациональных монополистических объединений, невиданное расширение масштабов их деятельности; во-вторых, это выход за рамки национальных границ научно-технического прогресса, объективно требующего межнациональных усилий, и, наконец, в-третьих, развитие экономической интеграции капиталистических стран, во многом обусловленное научно-технической революцией, усилением специализации и кооперирования между монополиями и отраслями национальных экономик и т. д.

Все это создает для неоколониализма возможность совместных действий, которая, однако, превращается в действительность не автоматически, стихийно, а в результате осознания стратегами и политиками различных групп буржуазии под воздействием идеологии империализма и антикоммунизма своих долговременных классовых интересов. Несовпадение экономических и политических интересов империалистических держав, ожесточенная конкурентная борьба монополий между собой ослабляют единый фронт неоколониализма. Экономический, энергетический и сырьевой кризисы

последнего времени резко обострили конкурентную борьбу между империалистическими государствами, центрами соперничества — США, Западной Европой и Японией. Обострились противоречия между долговременной классовой стратегией империалистических государств на международной арене и конкретными интересами монополий и монополистических групп. Правительство Рейгана пытается полностью подчинить неокOLONИАЛЬНЫМ интересам США интересы других неокOLONИАЛЬНЫХ сил, что усиливает межимпериалистические противоречия.

В качестве идейно-политической силы, которая приводит в движение центростремительную тенденцию, коллективные формы неокOLONИАЛЬНОЙ экспансии, используется антикоммунизм. Именно антикоммунизм, его международная стратегия делают возможным объединение, координацию действий различных неокOLONИАЛЬНЫХ сил, концентрируют усилия империалистических держав на реализации долговременных и коренных интересов капитализма. Под воздействием антикоммунизма создан и действует механизм подчинения частных, отдельных, чаще всего экономических интересов отдельных держав и монополистических групп общим интересам эксплуататорского строя. Приносятся в жертву, разумеется, не все частные и текущие интересы, а лишь те из них, которые открыто противоречат, наносят ущерб интересам защиты капитализма как системы.

Марксистско-ленинская методология, в первую очередь классовый подход и принцип историзма, помогает глубоко исследовать многие новые явления в развитии неокOLONИАЛИЗМА, понять характер его эволюции, исторические перспективы и причины его неизбежного крушения.

Глава II

ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИДЕОЛОГИИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Осуществляя свою неокOLONиальную экспансию, империализм придает важное значение ее идеологическому обоснованию. Идеология неокOLONиализма выполняет разносторонние функции, связанные с защитой позиций и интересов империализма в зонах национально-освободительной борьбы. В условиях неуклонного углубления социального содержания национально-освободительного движения, когда усиливается борьба за полное, фактическое национальное освобождение, экономическую независимость и социальный прогресс, империализм прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить основы неравноправного и зависимого положения развивающихся стран. Это, во-первых, мировое капиталистическое хозяйство, механизм его функционирования, неравноправное, специфическое колониальное разделение труда между высокоразвитыми капиталистическими и слаборазвитыми освободившимися странами. Во-вторых, это контроль над правительствами молодых государств, над их политикой, прежде всего социально-экономической, определением ее магистральных направлений, разработкой и реализацией программы развития.

Стратеги империализма учитывают, что национально-освободительная борьба развивается не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими революционными силами современности, что она получает мощную поддержку со стороны мировой системы социализма, СССР. Поэтому борьба за сохранение своих политических позиций, системы эксплуататорских отношений превращается для империализма в борьбу за изоляцию национально-освободительного движения от других революционных сил, стран социализма, за подавление революционных процессов в освободившихся странах. Именно этим прежде всего объясняется возросшая роль идеологии неокOLONиализма в системе империалистической экспансии в зонах национально-освободительного движения.

Идеология неокOLONиализма — составная часть экспорта империалистической контрреволюции. Поэтому анализ ее сущности и особенностей, основных направлений и концепций приобретает ныне исключительную актуальность. Он позволяет уяснить ее роль как реакции буржуазного сознания на коренные общественные изменения, происходящие в зонах национально-освободительной

борьбы, и на глубокие революционные процессы в мире в целом, ее место в классовой борьбе на мировой арене. Ее основные черты связаны с особенностями современного международного развития и специфическими особенностями политической и идеологической борьбы в развивающихся странах. Главное здесь состоит в том, что она ориентирована на активизацию и мобилизацию класса буржуазии, защиту капитализма как общественного строя путем экспорта капиталистических отношений в эти страны. Исследование социально-политических функций идеологии неокOLONИализма дает возможность разоблачить изощренную, замаскированную апологетику, характерную для неокOLONИалистских теорий, их мнимую «объективность», выяснить их классовую принадлежность.

Как и всякая идеология, идеология неокOLONИализма не может ограничиться познанием явлений и процессов, она связана с определенными практическими действиями, имеет практически-действенную сторону, классово-партийную направленность. Прежде всего это программно-целевые функции. Далее, интегрирующие и мобилизующие функции, направленные на объединение класса буржуазии вокруг долговременных и коренных классовых целей как внутри страны, так и на международной арене, формирование единой классовой линии, «коллективных форм» неокOLONИализма. Наконец, это классово-защитные, или, как их иначе именуют в литературе, охранительные функции. Они направлены на защиту интересов монополистической буржуазии и капитализма как строя, а также на непосредственную борьбу с политическими и идейными силами, выступающими против капитализма.

Классово-защитные функции идеологии неокOLONИализма проявляются прежде всего в маскировке, прикрытии проводимой империалистами политики. Во-вторых, они проявляются в создании особой «науки», выработке идеологических концепций, которые неокOLONИализм использует в пропаганде и апологетике капитализма, в борьбе с марксистско-ленинской теорией и идеологией. В-третьих, они выражаются в организации и ведении идеологической борьбы и, в-четвертых, в обосновании тех или иных доктрин, лежащих в основе политической линии, программ и т. д.

Советский исследователь К. Н. Брутенц пишет: «По сути дела, принципиальная особенность неокOLONИализма состоит прежде всего в том, что это *социально-классовая реакция империализма на коренные перемены в „третьем мире“*». И не в том само собой разумеющемся смысле, что неокOLONИализм несет на себе отпечаток того общественного строя и того класса, которые вызвали к жизни и проводят эту политику, — это справедливо относительно *любой* колониальной политики. А в том, что это классовый ответ капитализма в условиях борьбы двух систем в первую очередь с целью защиты себя как строя и соответственно буржуазии как класса, причем в мировом масштабе, а не только в интересах наживы или укрепления позиций того или иного „национального“ империализма»¹. Если сказанное верно для неокOLONИальной политики, то оно еще полнее выражает главную особенность неоко-

лониистской идеологии, ее роль в классовой борьбе на мировой арене и в самих освободившихся странах.

Классово-защитная направленность социально-политических функций идеологии неокOLONиализма во многом объясняет ту роль, которую сегодня играет антикоммунизм в неокOLONиальной экспансии. Антикоммунизм и классово-защитные потребности империализма в зонах национально-освободительного движения обуславливают резкое возрастание роли интегрирующих и мобилизующих функций. Именно идеология представляет собой ту сферу империалистической экспансии, в которой в отличие от экономической и политической сфер, где открыто действуют межимпериалистические конфликты, противоречия и соперничество, существует совпадение классовых устремлений империалистических держав и неокOLONиальных сил. Международная монополистическая буржуазия, объединившаяся под знаменем антикоммунизма, выступает единым фронтом в идеологической борьбе за сохранение системы международной эксплуатации и гнета, неокOLONиальных форм контроля и грабежа развивающихся стран.

Классово-защитные социально-политические функции идеологии неокOLONиализма непосредственно связаны с теоретической основой этой идеологии — с неокOLONиалистскими теориями. В них находят свое концентрированное выражение функции, задачи политики.

Идеология неокOLONиализма не могла бы ныне выполнять свое назначение, если бы она занималась только грубой клеветой и фальсификацией, не ставя и не рассматривая жизненно важных для народов освободившихся стран проблем, не считаясь с новыми политическими и идеологическими реальностями. Таким образом, неокOLONиалистские теории имеют свою «позитивную» сторону. Но здесь «позитивный» аспект их сводится к тому, чтобы создать альтернативу марксистско-ленинскому объяснению и решению острых проблем, находящихся в центре общественной жизни бывших колоний и полуколоний, к тому, чтобы под видом «объективного» анализа дискредитировать теорию и практику социалистической ориентации.

Содержание и главные задачи идеологической экспансии неокOLONиализма обуславливают ее направления, которые в той или иной форме и степени проявляются и самостоятельно, и через основные неокOLONиалистские теории. Таких направлений, если говорить лишь о главных, можно выделить четыре:

— апологетика капитализма, восхваление «свободного мира», буржуазной демократии и образа жизни, свободной инициативы, частного предпринимательства, т. е. пропаганда всего того, что составляет сущность капитализма. Органической частью этой пропаганды является апологетика неокOLONиализма, оправдание его политики, маскировка его сущности и целей;

— фальсификация марксистско-ленинской теории и идеологии, их дискредитация в освободившихся странах, дискредитация политики и практики, исторического опыта реального социализма, особен-

но в решении национального вопроса, проблем преодоления отсталости, расцвета социалистической демократии, экономики, культуры;

— фальсификация опыта некапиталистического развития, дискредитация политики и практики социалистической ориентации, революционной демократии;

— навязывание рецептов и планов, форм и методов преобразований, общественного развития, якобы более полно учитывающих специфику исторического развития и положения освободившихся стран, фактически же толкающих их на путь капитализма.

Существует еще одна особенность идеологии неоколониализма, сближающая ее с другими направлениями идеологии империализма. Речь идет о глубоком кризисе идеологии неоколониализма. Дело не только в том, что неоколониалистские теории весьма многолики, эклектически вбирают в себя буржуазные и правореформистские концепции, религиозные и реакционно-националистические воззрения местных эксплуататоров, реакции, используют различные левацкие концепции и т. д. В идеологии неоколониализма проявляется важная черта империалистической идеологии — сознание обреченности капиталистического строя. Страх и чувство обреченности диктуют ненависть к идущему на смену капитализму новому общественному строю, отказ буржуазии от многих «ценностей» традиционной буржуазной идеологии. Апологеты неоколониализма стыдливо отворачиваются от тех «ценностей» (восхваление расизма, насилия, колониального гнета и т. д.), которые характеризовали традиционную колониальную идеологию. Они вынуждены теперь заниматься тем, чтобы клеветать на социализм, действительного носителя общественного прогресса, изображать политику и всю совокупность неоколониальных отношений как помощь бывшим колониям и полуколониям, превозносить «альтруизм» империалистических монополий и т. д. Иначе неоколониализм не может ни конструировать, ни экспортировать, ни пропагандировать свои апологетические, «позитивные», «объективные» программы и концепции.

Ход и тенденции идеологической борьбы показывают, что никакая маскировка неоколониалистских теорий не в состоянии скрыть тот весьма существенный факт, что клевета и фальсификация были и остаются их имманентной и существенной чертой. Идеологи неоколониализма вынуждены фальсифицировать причины динамичного развития мировой системы социализма, разворачивания мирового революционного процесса в целом и, в особенности, причины дальнейшего роста и углубления национально-освободительной борьбы, возрастания воздействия на нее идей научного социализма, теории и практики реального социализма.

* * *

Советские ученые и зарубежные авторы-марксисты внесли существенный вклад в разоблачение идеологии неоколониализма.

Ими создан ряд крупных монографических работ, брошюр², множество статей, в которых анализируется идеология традиционного колониализма и неоколониализма. Вместе с тем задачи современной идеологической борьбы требуют дальнейшего разоблачения неоколониалистских теорий.

Идеологи неоколониализма понимают, что реализация их основной стратегии — обеспечения капиталистического развития освободившихся стран — зависит от ряда факторов, среди которых первостепенными они считают: раскол фронта общемировой революционной борьбы, отрыв национально-освободительного движения от СССР, социалистических стран, международного рабочего и коммунистического движения; подрыв фронта революционной национально-освободительной борьбы в целом и в каждой стране в отдельности; противопоставление национализма интернационализму, коммунистической политике и идеологии; распространение реформистских соглашательских концепций «особого», «национального» пути развития афро-азиатских стран; установление союза и «партнерства» с национальной буржуазией на условиях, выгодных для империализма. Закономерно, что именно теория национализма и связанные с ней различные националистические концепции заняли ведущее место в идеологии неоколониализма с середины 60-х годов.

Это обусловлено, во-первых, тем, что после крушения колониальной системы и вступления национально-освободительного движения в новый этап развития социальные факторы приобретают большее, чем на предыдущем этапе, значение. Углубляется социальное содержание борьбы, стремительно растут антиэксплуататорские, антикапиталистические устремления масс. Во-вторых, рост национализма как побочного продукта подъема национального самосознания в ходе углубления национально-освободительной борьбы и повышение его роли в общественной жизни освободившихся стран оказывают сильное воздействие на идеологические процессы, на формирование политических и идейных концепций. В основе теории национализма лежит утверждение о якобы всеобщем подъеме национализма во всем мире, его превращении в господствующую идеологию XX в. Известные своим антикоммунизмом Г. Барклей, Д. Джонсон, Г. Кон, Р. Пайпс, Р. Хилсман, А. Смит, Р. Эмерсон и другие идеологи империализма превозносят национализм, заявляя о «веке национализма», о росте национального фермента», о «взрыве национализма» и т. д. По мнению Г. Барклея, например, «наш век — это век национализма»³. А. Смит, автор книги «Теории национализма», характеризует национализм как главную идеологию и политическое движение современности. Что касается освободившихся стран, то «и национализм, — как утверждает автор, — это кальвинизм, новая политическая религия „третьего мира“»⁴. Этот исходный неоколониалистский тезис, ложный сам по себе, преследует далеко идущие антикоммунистические цели.

Марксизм-ленинизм рассматривает все мировые процессы и

явления сквозь призму закономерностей современной эпохи, борьбы двух мировых общественных систем, двух политик и двух идеологий. Идеологи же неокOLONиализма пытаются избежать классового подхода. Процессы, действительно интенсивно развивающиеся в капиталистических странах в условиях углубления общего кризиса капитализма, кризиса буржуазной идеологии и политики и т. д., они стремятся выдать за общемировые, распространить их на все страны, в первую очередь на страны социализма. Следует иметь в виду, что обострение в капиталистических странах социально-политических и экономических проблем привело к резкому росту национализма, шовинизма и расизма. Обострение национального вопроса и национальных столкновений в Бельгии, Англии, Канаде и т. д., периодические вспышки расовых волнений в США и других капиталистических странах свидетельствуют об остроте социальных проблем.

Чтобы скрыть классовую, социальную основу национализма, идеологи неокOLONиализма пытаются доказать, что национализм свойствен всем, как капиталистическим, так и социалистическим странам, а поэтому источником национализма являются не капиталистический строй, не его социально-классовые, эксплуататорские отношения, а природа самого человека, его врожденные «иррациональные» устремления. Тем самым делается попытка обелить капитализм, снять с него вину за национальный и колониальный гнет, преступления, совершенные под лозунгами расизма, шовинизма, фашизма.

Утверждение о «веке национализма» рассчитаны на разжигание националистических и шовинистических страстей, на подмену классовой борьбы на мировой арене и внутри отдельных стран национальными конфликтами, на раскол революционных сил. Что касается освободившихся стран, то идеологи неокOLONиализма стремятся поднять здесь на щит реакционный национализм, широко использовать его для раскола национально-освободительного движения, подрыва его революционных возможностей, его союза с другими мировыми революционными силами, в первую очередь с мировой системой социализма. Реакционный национализм, сочетающийся с религиозной идеологией, с антикоммунизмом, проявляет враждебность к демократическим течениям и традициям.

Исвращая смысл и содержание национальной политики КПСС, фальсифицируя исторический опыт решения национального вопроса в СССР и характер развития национальных отношений, особенно в сфере национально-государственного строительства, буржуазные идеологи пытаются ослабить силу воздействия исторического опыта социалистического строительства в целом. Это становится понятным, если учитывать, что огромные преимущества социализма в решении сложных социальных проблем особенно ярко проявляются в национальном вопросе. Народы, сбросившие колониальное иго, воспринимают опыт социализма прежде всего сквозь призму тех проблем, которые находятся в центре их собственной общественной жизни, — проблем национального освобождения,

возрождения, достижения экономической независимости. В советском опыте сконцентрированы и проблемы интернационализма, и проблемы некапиталистического развития, и проблемы классового союза с революционными силами и т. д. Показательно, что, по мнению американского «советолога» А. Инкельса, область национальных отношений и национальной политики представляет собой важную сферу сопоставления капитализма и социализма в процессе мирного, идеологического соревнования, особенно в глазах народов освободившихся стран⁵.

Фальсифицируя национальную политику КПСС, идеологи неоколониализма пытаются нанести удар по теории и политике интернационализма. Утверждая, что национализм — это главная идеология и общественное движение XX в., они пытаются доказать, что интернационализм устарел. Они заявляют, что социалистические страны якобы не могут проводить интернационалистскую внешнюю политику хотя бы потому, что национализм стал в них господствующей идеологией. Исходя из этой лживой посылки, антикоммунисты и их пособники клеветают на политику СССР, приписывая ей экспансионистские цели, колонизаторские устремления. По версии Р. Стерлинга, страны социализма, СССР, проводят неоколониальную политику⁶. Цель советской политики в странах Востока, утверждает Дж. Армстронг, — «привести развивающиеся страны в советскую орбиту»⁷.

Однако факты свидетельствуют о том, что вся история развития национально-освободительной борьбы послеоктябрьского периода представляет собой одновременно историю интернационалистской помощи и поддержки Советским государством этой борьбы. Это вынуждены признать даже некоторые буржуазные авторы. Известная своими антикоммунистическими взглядами Э. Волкенье, сотрудница Русского института Колумбийского университета США, отмечала, что именно способность СССР предоставлять помощь привела к тому, что Запад был вынужден принимать участие в строительстве промышленных предприятий в освободившихся странах. «Национализация, развитие тяжелой индустрии, создание государственного сектора при советской помощи рисуют убедительную картину прямого и быстрого развития к благосостоянию, независимости и прогрессу»⁸, — пишет автор.

Выступая с трибуны XXVI съезда КПСС, представители героических народов Вьетнама, Анголы говорили, что помощь стран социализма в их борьбе с империализмом была своевременной, эффективной и бескорыстной, подтверждающей силу пролетарского интернационализма. Интернационализм вытекает из самой сущности системы социализма, он законодательно закреплен в Конституции СССР в качестве важнейшего принципа внешней политики Советского государства.

Интернационализмом проникнута вся политика СССР, стран социалистического содружества по отношению к национально-освободительному движению. Социализм оказывает морально-политическую, дипломатическую, экономическую, военную помощь и под-

держку народам, борющимся за упрочение своего государственного суверенитета, достижение экономической самостоятельности.

Клевета на бескорыстную политику стран социализма в отношении молодых государств призвана оправдать необходимость продолжения и усиления неокOLONиальной эксплуатации, закрепления положения этих государств как зависимых и эксплуатируемых звеньев в системе мирового капиталистического хозяйства. Факты свидетельствуют о том, что освободившиеся страны переживают серьезные трудности, увеличивается разрыв в уровнях экономического развития между ними и развитыми капиталистическими странами. Составляя 75% населения капиталистического мира, народы освободившихся стран располагают лишь 21% совокупного валового продукта и дают в настоящее время всего 7% мирового промышленного производства. Если в 70—80-е годы среднегодовой доход на душу населения в развитых государствах Запада достигал 3400 долл., то в развивающихся странах — всего 270 долл.⁹. Разница в производстве валовой продукции на душу населения между этими двумя группами стран к середине 70-х годов выражалась соотношением 13:1 в пользу индустриально развитых капиталистических стран, в то время как в 50-е годы это соотношение было равно 10:1. Катастрофически растет задолженность освободившихся стран империалистическим донорам — с 9 млрд. долл. в 1955 г. и 300 млрд. к концу 70-х годов, до 540 млрд. долл. к 1982 г.¹⁰.

Особенно тяжелым является социально-экономическое положение в странах, развивающихся по капиталистическому пути. Усиливается их зависимость от империалистических государств и транснациональных корпораций. Хотя экономическая политика таких государств порой имеет самостоятельный характер, но она ограничена рамками, заданными капитализмом, законами его развития и функционирования, воспроизводящими отношения зависимости. Практика подтверждает марксистско-ленинское положение о том, что капиталистическое развитие не может стать надежной основой решения коренных социальных и экономических проблем в освободившихся странах.

Есть, однако, и иной путь развития для народов освободившихся стран, способный обеспечить подлинный социально-экономический и духовно-культурный прогресс. Это социалистическая ориентация. Особая враждебность политиков и идеологов неокOLONиализма к странам социалистической ориентации объясняется не только тем, что они препятствуют реализации их планов насаждения и поощрения капиталистических отношений в бывших колониях и полуколониях и интеграции таким путем этих стран в систему мирового капитализма как зависимых и эксплуатируемых звеньев его мирового хозяйства. Особенно заботит идеологов неокOLONиализма неослабевающий рост популярности марксистско-ленинских идей в освободившихся странах, возникновение в ряде стран социалистической ориентации авангардных партий. Именно в результате социалистической ориентации происходит

соединение национально-освободительной борьбы с научным социализмом. Такая дифференциация освободившихся стран по классовому признаку вносит качественные сдвиги, изменения в развитие классовой борьбы на международной арене, что способно серьезно повлиять на общее изменение соотношения классовых сил в мире в пользу революционных сил. Это делает понятным, почему страны социалистической ориентации являются объектом особенно интенсивной неокOLONиалистской идеологической экспансии.

* * *

Неоколониализм осуществляет свою идеологическую диверсию против стран социалистической ориентации по следующим направлениям: во-первых, грубая фальсификация марксистско-ленинской теории некапиталистического развития и исторического опыта народов Советского Востока и Монгольской Народной Республики; во-вторых, клевета на политику и практику революционной демократии, извращение опыта, накопленного странами социалистической ориентации; в-третьих, искажение и дискредитация немарксистских концепций социализма, их тенденциозное толкование; в-четвертых, извращение характера взаимоотношений стран социалистической ориентации со странами социализма, с СССР.

Борьба с социалистической ориентацией в идеологической сфере обычно начинается с клеветы на марксистско-ленинскую теорию некапиталистического развития. Идеологи неоколониализма пытаются представить дело таким образом, будто такого учения вообще нет, что речь якобы идет лишь о пропагандистском лозунге, о тактической установке, выдвинутой в свое время большевиками в чисто тактических целях. Поэтому идеологи неоколониализма изображают социалистическую ориентацию как искусственное явление, как результат «происков Москвы», а прогрессивные режимы объявляют «советскими сателлитами». Вместе с тем в 70-е годы появились и новые тенденции в подходе к этим странам.

Прежде всего, марксистско-ленинская теория некапиталистического развития и исторический опыт народов Советского Востока и Монголии получили широкое международное признание. Во-вторых, два десятилетия развития стран Азии и Африки по пути социалистической ориентации показали, что эти государства утвердились в системе международных отношений, проявляют исключительную жизненность, способность к дальнейшему развитию, раскрыли свои прогрессивные потенции, преимущества для трудящихся масс. В связи с этим на Западе появляются труды, авторы которых претендуют на то, чтобы дать антикоммунистическое истолкование общественно-исторической практики стран социалистической ориентации, «серьезный», «объективный» анализ внутренних процессов их развития.

Рассматривая общественные процессы, происходящие в странах социалистической ориентации, часть идеологов неоколониализма пытается доказать, что эти процессы якобы в принципе совместимы с капитализмом, неминуемо ведут к капитализму. Другая часть

предрекает неизбежный крах прогрессивных режимов, ибо, по их утверждению, они не могут обеспечить реализацию провозглашаемых ими целей, которым противостоят устойчивый традиционализм, религиозные предрассудки, национализм. Особые надежды при этом возлагаются на реакционный национализм, который, по словам американского социолога Р. Хилсмана, «представляет собой мощный заслон против распространения коммунизма»¹¹.

Характерен, например, метод «научного» анализа, примененный профессором политических наук, директором так называемого советского центра Пенсильванского университета США В. Аспатурияном. Выступая на конференции, созванной в Колумбийском университете США в марте 1973 г., он утверждал, что в опыте освободившихся стран проявляется якобы некая закономерность, свидетельствующая о возможности одновременного развития политических и экономических процессов в прямо противоположных направлениях. Экономика может развиваться в русле модернизации, что, по мнению автора, является развитием по западному, капиталистическому образцу, а политика может провозглашать противоположные цели, т. е. антикапиталистические. Вывод, к которому приходит автор, весьма оригинален: социалистическая ориентация — это аномалия, разрыв единства социально-экономического и политического развития¹².

В основе подобных утверждений лежат прежде всего искажения сущности некапиталистического пути развития. Известно, что, согласно марксистско-ленинскому учению, некапиталистическое развитие это еще не непосредственное социалистическое, а демократическое преобразование общества, когда создаются материальные, социально-политические, идеологические условия для перехода на новый, социалистический этап развития. Никакого разрыва, никакого движения политики и экономики в противоположных направлениях в странах социалистической ориентации нет. Социально-экономическому этапу преобразований соответствует и политический этап в виде революционно-демократической власти народа. Идеологическая и политическая ориентация на социализм подкрепляется антикапиталистической социально-экономической политикой, разработка и проведение в жизнь которой является функцией революционно-демократического государства. В. Аспатуриян, С. Блэк и другие идеологи неоколониализма стремятся представить некапиталистическое развитие как непосредственно социалистическое и пытаются свести весь процесс к одной лишь политике. Однако это не соответствует марксистской точке зрения на некапиталистическое развитие, ибо «между социалистической ориентацией развития на этапе национально-демократической революции и собственно социалистическим строительством существует достаточно четкая и определенная грань как в теории, так и в практике, хотя в известной мере задачи этих двух этапов переплетаются»¹³.

В своей идеологической экспансии неоколониализм учитывает такую существенную особенность идеологических процессов, про-

исходящих в освободившихся странах, как их антиимпериалистическая направленность, национально-освободительный характер. При этом принимается во внимание, что прогрессивные силы и правительства, ведущие решительную борьбу с неокOLONИализмом, добились определенных успехов. В 70-е годы фронт прогрессивных сил окреп, усилилось воздействие идей и идеалов социализма на революционное самосознание масс. Дискредитация капитализма шла параллельно росту популярности социализма. Еще большее значение приобрели идеи некапиталистического развития. В этих условиях проблема «перехвата» социальных революций приобрела для империализма особую остроту, что нашло свое выражение в разработке его идеологами различных вариантов концепции «модернизации», появившихся еще в начале 60-х годов.

Концепция «модернизации» занимает особо важное положение в идеологии неокOLONИализма; она призвана дать с позиций антикоммунизма ответ на ключевые общественные проблемы развития бывших колоний и полуколоний. В этой концепции особенно ярко проявляется то, что вообще характерно для неокOLONИалистских концепций — воплощение в той или иной форме и степени основных направлений антикоммунистического идеологического вторжения в зоны национально-освободительной борьбы. В ней эклектически сочетаются различные догмы и теории антикоммунизма. В ее основе лежат всевозможные теории «конвергенции», «индустриального», «постиндустриального общества», «стадий роста». Следует отметить и то, что данная неокOLONИалистская концепция широко используется антикоммунизмом и за пределами освободившихся стран. Отсутствие у неокOLONИалистской идеологии научной методологии возмещается заимствованием ложных, но удобных для аргументации положений из различных антикоммунистических концепций.

Суть концепции «модернизации» заключается в разработке и рекомендации для освободившихся стран путей, форм и методов перехода от «консервативного традиционализма» к «динамичной современности», каковой, согласно этой неокOLONИалистской концепции, является буржуазное общество. Концепции «модернизации» предшествовали еще в середине 50-х годов различные экономические теории «отсталости», «экономического роста». В их разработке принимали активное участие такие видные западные экономисты, как Р. Нурске, Г. Зиигер, С. Кузнец, А. Люнс, П. Розенштейн-Родан, А. Хиршман и др. Перерастание чисто экономических концепций развития в комплексную социально-экономическую, политическую, культурно-идеологическую теорию в начале 60-х годов означало формирование концепции «модернизации», что по времени совпадает с завершением формирования неокOLONИализма. В «модернизации» нашли отражение новые социально-политические и идеологические реальности в бывшем колониальном и полуколониальном мире, а также надежды империализма интегрировать его в систему капитализма. Эта концепция, по мнению профессора Массачусетского технологического института США

У. Гриффитса, порождена американским «энтузиазмом в отношении стран „третьего мира“»¹⁴. Империализм был вынужден проявлять хотя бы видимость признания права народов на политическую самостоятельность. Что касается национализма, то он действительно занял особо важное место в теории «модернизации». А. Смит, например, в своей книге о национализме неоднократно подчеркивает, что «великая революция модернизации» имеет своей первоосновой бурный подъем национализма во всем мире¹⁵. Дж. Каутский, профессор политических наук Вашингтонского университета, рассматривая природу национализма, приходит к выводу, что он якобы представляет собой продукт модернизации отсталых стран¹⁶.

Приверженцы концепции «модернизации», игнорируя конкретно-исторический подход, объявляют все революции прошлого и современности националистическими и характеризуют их как «революции модернизации», утверждая, что все страны мира или прошли стадию модернизации, или уже вступили в нее. С. Эйлоу, например, пишет: «Грубо народы мира можно разделить на тех, кто вступает в модернизацию, и на тех, для кого модернизация осталась позади»¹⁷. Известный антикоммунист Д. Белл утверждает, что «молодые государства... преследуя цель экономического роста, намерены преодолеть дистанцию между доиндустриальным и индустриальным обществом»¹⁸. А. Смит в уже упомянутой работе включает в число охваченных «модернизацией» такие страны, как Китай, Куба, Франция, Израиль, Япония, Египет, Югославия. Этих идеологов неокOLONиализма не смущает принадлежность указанных стран к противоположным общественным системам.

Идеологи неокOLONиализма, сконструировав концепцию «модернизации», ставят перед собой следующую цель: разделить страны мира не по классовому признаку, а по степени «модернизации», развитости и, следовательно, найти общую основу, выявить «родственность» некоторых весьма существенных сторон общественной жизни социалистических и капиталистических стран. Р. Арон, например, полагает, что СССР и западный мир — «это единая реальность: индустриальная цивилизация. Это только два аспекта единого гена, две вариации одного социального типа — прогрессивного индустриального общества»¹⁹. Но эта индустриальная «цивилизация» для Р. Арона, Д. Белла и других теоретиков имеет капиталистическое, западное происхождение, ибо, по их мнению, начало «модернизации» положили буржуазные революции Запада.

Отсюда делается следующий вывод для освободившихся стран: если все страны мира развивались и развиваются по единообразной западной модели, одним из создателей которой является, как утверждает В. Аспатурян, сам К. Маркс²⁰, если социалистические страны движутся в одном направлении с капиталистическими странами в сторону «постмодернизированного», по терминологии С. Е. Блэка²¹, общества, то социально-классовая и политическая борьба вокруг общественной ориентации и выбора путей и методов развития утрачивает якобы всякий смысл.

Описание истории «модернизации», сравнение «степени модернизации» различных стран используются идеологами антикоммунизма для клеветы на социалистический строй и для всемерного восхваления капитализма.

Эти мотивы лежат в основе и других неоколониалистских теорий: «взаимозависимости», «партнерства», «ограниченного суверенитета» и др. Главное, по мнению идеологов антикоммунизма, это противопоставить развивающиеся страны мировому социализму, привлечь их в лоно западного мира, восхваляя выгоды и преимущества «ассоциации» с Западом, укрепления взаимозависимости и партнерских отношений и т. д. В последние годы особое внимание уделяется пропаганде концепции «богатых и бедных» стран, в которой «развитой Север» противопоставляется «бедному Югу», проповедуется «равная ответственность» всех развитых стран за отсталость бывших колоний и полуколоний. Это — неоколониалистская по содержанию и происхождению концепция.

Опасность подобных концепций заключается в том, что они ставят на одну плоскость социалистические и империалистические страны, постулируют принцип их «равной ответственности», тем самым сглаживая не только преступления, совершенные империализмом в прошлом, но и картину неоколониального грабежа, который совершается империализмом в настоящее время.

Ни демагогия, ни антикоммунистическая шумиха идеологов неоколониализма не могут убедить народы и правительства развивающихся стран в преимуществах «западных моделей» общественной жизни, ибо невозможно скрыть коренные причины углубляющегося разрыва в уровнях экономического развития между империалистическими и молодыми государствами, зависимости, отсталости последних, бедственного положения трудящихся, затушевать тот факт, что капитализм не в состоянии указать реальные пути прогресса, выхода из зависимости, отсталого и эксплуатируемого положения.

Вопреки стараниям идеологов неоколониализма объективно усиливается дискредитация капитализма в освободившихся странах, что является не только результатом неспособности местного капитализма, национальной буржуазии решить насущные проблемы развития, в первую очередь социально-экономического, но прежде всего неспособности системы капитализма как общественного строя справиться со все более углубляющимся общим кризисом, разрешить проблемы безработицы, инфляции, расовые и национальные конфликты и т. д. Поэтому пропаганда «ценностей» капитализма не находит понимания среди народных масс. Наконец, антикоммунистическая пропаганда, антисоветизм идеологов неоколониализма не могут нейтрализовать последствия ряда военно-политических акций империализма, будь то в Индокитае, Анголе, Иране или Афганистане, скрыть грабительскую деятельность империалистических государств и монополий в экономических и торговых отношениях с освободившимися странами, убедить народы в их альтруизме, бескорыстности.

Достижения Советского Союза и других социалистических стран, прогресс, процветание социалистического общества делают эффективной пропаганду марксистско-ленинских идей, привлекают на сторону социализма умы и сердца миллионов людей, подрывают основы идеологии и пропаганды неоколониализма.

Глава III

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ КАК ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И ВОЙН

Важным аспектом борьбы за мир, против угрозы термоядерной войны, за разрядку международной напряженности является разоблачение неокOLONиализма как источника кризисов на мировой арене, конфликтов и войн. Эта задача представляется тем более актуальной, если учитывать попытки международной реакции вновь вернуть мир к временам «холодной войны». Империализм, и прежде всего империализм США, отводит важное место неокOLONиалистским методам подрыва мира и создания новых опасных очагов напряженности, обострения «старых» конфликтов в зонах национально-освободительной борьбы. Все это осуществляется под прикрытием антикоммунистической идеологической экспансии и пропаганды различных концепций о «советской военной угрозе», об «агрессивности коммунизма» и т. д.

Идеологи неокOLONиализма прилагают особые усилия для того, чтобы скрыть истинные причины возникновения современных международных конфликтов и войн, фальсифицировать представление о главном источнике войн. Как и прежде, буржуазные теории происхождения и сущности войн пытаются представить войну как «вечный» социальный институт, постоянный и неизбежный фактор общественно-исторического процесса. Например, в книге австрийского профессора Г. Блейнли «Причины войны» перечисляются 33 причины войн. Основным механизмом, регулирующим состояние войны и мира, является, по автору, «психологический цикл» мира, пройдя который любое общество имеет «склонность к войне». «Мир, — пишет Г. Блейнли, — дает богатство, богатство приносит славу, слава вызывает злобу, злоба ведет к войне, война плодит бедность, бедность взывает к человечности, а человечность приводит к миру»¹. Война, таким образом, приобретает фатальный характер, ибо точной формулой измерения силы служит результат войны. «До тех пор, пока война представляет ценность с этой точки зрения, поиски более гуманного и эффективного пути измерения сил будут, видимо, бесплодными»².

Различные теории антикоммунизма, стремящиеся доказать «фатальную» якобы неизбежность мировой войны, призваны внушить представление, что именно социализм, его теория и практика представляют главную угрозу миру, являются основным источником

войн. Марксистско-ленинское учение характеризуется как агрессивное уже на том основании, что оно научно доказывает неотвратимость крушения капитализма и торжества социализма. Опасным источником войн объявляются идеология и идеологическая борьба, равно как и современный революционный процесс. Буржуазные авторы пытаются также доказать, что международные конфликты и войны порождены якобы национально-освободительной борьбой.

Национально-освободительные революции добились исторических побед и привели к ликвидации позорной колониальной системы. Углубляется их социальное содержание, на очереди дня стоят проблемы экономического освобождения, социального и национального прогресса; в авангарде этой борьбы идут страны социалистической ориентации, осуществляющие революционные антиэксплуататорские преобразования в интересах народных масс. Именно поэтому идеологи неокOLONиализма выступают против стран, сделавших социалистический выбор, обвиняя их в возникновении конфликтных ситуаций и войн в зонах национально-освободительной борьбы. Один из идеологов неокOLONиализма, Дж. Лиска, приписывает странам социалистической ориентации империалистические устремления, агрессивность, именуя их «диктаторски организованными режимами»³. Н. Браун, профессор Бирмингемского университета, утверждает, что в конфликтах и войнах в бывших колониях и полуколониях повинны якобы сами освободившиеся страны, ибо, как он считает, «низкий уровень развития» неизбежно порождает «насилие во внутренней жизни и внешнеполитическом курсе освободившихся государств»⁴. Д. Кимче в книге «Афро-азиатское движение» приходит к выводу, что именно афро-азиатский национализм представляет собой агрессивную силу⁵. Английский историк М. Говард также полагает, что главная «угроза миру» ныне исходит от «динамичного национализма» народов освободившихся стран⁶.

Политики и идеологи неокOLONиализма усматривают источник конфликтов и войн именно в революционных методах общественных преобразований в освободившихся странах. Например, Л. Каплан, профессор истории Нью-Йоркского университета, говоря о национально-освободительных движениях и имея в виду революцию в Алжире, пишет: «Революция — это изменения, осуществляемые при помощи насилия ... Это сила, используемая с безжалостной интенсивностью»⁷. Буржуазные идеологи стремятся при этом доказать, что мифический «рост насилия», агрессивности, якобы имеющий место в освободившихся странах — результат «происков более мощных внешних сил», часто прямо называя такими силами «международный коммунизм», СССР и другие страны социализма. Таким образом, во-первых, скрывается истинный источник войн и международных конфликтов, во-вторых, фальсифицируется характер национально-освободительного движения, роль СССР и мирового социалистического содружества в освобождении народов; в-третьих, предпринимаются попытки снять историческую ответственность с империализма, обелить неокOLONиализм.

лизм, представить его как бескорыстного друга народов освободившихся стран.

В современных условиях важное теоретическое и методологическое значение приобретает вопрос об источнике войн и военной напряженности. Научное объяснение причин, происхождения и характера войн, их роли в историческом развитии дали К. Маркс и Ф. Энгельс, которые показали, что международные конфликты и войны порождаются строем, основанным на частной собственности. Способ производства и система эксплуататорских отношений антагонистических обществ объективно являются источниками внешней экспансии, колониального гнета, конфликтов и войн между народами. Колониализм как устойчивое свойство способа производства и системы эксплуататорских отношений классово антагонистического строя веками служил источником международных конфликтов и войн.

Колониальные политики и буржуазные идеологи в прошлом не раз вынуждены были признавать это. Например, Д. Чемберлен, один из вдохновителей колониальной политики Англии конца XIX в., писал: «Если мы на один момент вспомним историю нашей страны... то увидим, что каждая война — большая и малая, в которой мы участвовали, в основном велась из-за колониальных интересов, т. е. из-за какой-либо колонии или таких больших зависимых территорий, как Индия. Это абсолютно верно и, по-видимому, будет верно, пока не кончится эта эпоха»⁸. Действительно, вся история Англии, если иметь в виду ее международную политику, по существу, представляет собой историю ее экспансионистской политики, колониальных захватов и войн. За четыре столетия она вела 230 колониальных войн.

В. И. Ленин, сформулировав закономерности империализма и империалистической эпохи, раскрыл и закономерности усиления колониальных мотивов в войнах и международных конфликтах на новой стадии развития капитализма. Он показал, что колониализм становится причиной и источником международной напряженности и войн в той мере, в какой возрастает роль самой колониальной политики в экономических и политических отношениях империализма. В. И. Ленин уделил большое внимание раскрытию социально-политического содержания войны, ее связи с политикой, с интересами господствующих классов. Надо рассматривать каждую войну, писал он, «как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»⁹.

Именно империализм как особая стадия развития капитализма является объективным источником международных конфликтов и войн. Война при империализме, указывал В. И. Ленин, не случайность, «а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир»¹⁰. Колониализм и колониальная политика, с одной стороны, выражают это свойство империализма как источника войн, выступают в качестве его конкретного проявления в международных отношениях. С другой сто-

роны, данное свойство империализма получает конкретные импульсы, генетически формируется в результате действия конкретных мотивов и потребностей своего развития и функционирования. Поэтому потребности во внешней экспансии, ее эксплуататорские мотивы и т. д. придают колониализму в системе отношений империализма характер источника международных конфликтов и войн. Это особенно явственно проявляется в тех случаях, когда в системе мотивов конкретных войн колониальные мотивы стоят на первом месте. В. И. Ленин, например, систематизирует мотивы первой мировой империалистической войны следующим образом: эта война велась: «...во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более „справедливого“ раздела и дальнейшей более „дружной“ эксплуатации их; во-2-х за укрепление гнета над чужими нациями в самих „великих“ державах... в-3-х, за укрепление и продление наемного рабства»¹¹. Экономическая и дипломатическая история предвоенных лет, подчеркивал В. И. Ленин, «неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики *обеих* воюющих ныне групп держав»¹².

Крушение колониальной системы империализма и формирование неоколониализма, его политики, стратегии и защитных социально-классовых функций по-новому ставят проблему международных конфликтов и войн. Возникновение неоколониализма объективно приводит к резкому возрастанию роли империалистической экспансии как источника конфликта и войн. Вместе с тем неоколониализм вносит качественно новые элементы, видоизменяет традиционную роль экспансии в системе международных отношений, в судьбах мира и войны. Представляя собой орудие классовой борьбы в международных отношениях, социально-классовую реакцию империализма на рост революционного процесса в зонах национально-освободительной борьбы, неоколониализм добавляет к традиционным эксплуататорским мотивам экспансии новые социально-классовые, контрреволюционные мотивы. Опасность неоколониализма как источника конфликтов и войн возрастает в условиях изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, углубления общего кризиса капитализма.

Характер войн и военных конфликтов, конкретно-исторические особенности самого источника войн обусловлены характером современной эпохи как эпохи революционного перехода человечества от капитализма к социализму, ее основным противоречием, особенностями развития мирового революционного процесса. В. И. Ленин подчеркивал, что «нельзя понять данной войны, не поняв эпох»¹³. «Эпоха, — подчеркивал он, — потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»¹⁴. Закономерности современной эпохи проливают яркий свет на характер и причины подготовки империализмом новой мировой войны, на факторы и возможности ее предотвращения, на причи-

ны побед и дальнейшего роста национально-освободительных революций, на особенности возникновения и характер международных конфликтов, тенденции их развития, разрешения и т. д.

Международные конфликты, создаваемые империализмом, ныне зачастую перерастают в войны в облике неоколониальных войн. Советский исследователь В. А. Кременюк, анализируя тенденции развития конфликтов в Азии, отмечает: «Истоки возникновения и обострения этих конфликтных ситуаций кроются в политике колониализма и неоколониализма, в агрессивной политике американского империализма в Азии, направленной против социалистических стран и национально-освободительного движения азиатских народов. Под влиянием факторов первостепенной важности эти сложные конфликтные ситуации на нынешнем этапе превратились в источник сохраняющейся напряженности и в угрозу международному миру и безопасности»⁴⁵.

Как и прежде, главным источником международных конфликтов и войн остается империализм, который рассматривает войну как одно из главных орудий своей политики. В Документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий, состоявшейся в июне 1976 г., подчеркивалось: «Политика империализма, неоколониализма и все формы угнетения и эксплуатации остаются главной угрозой миру, независимости и равноправию народов. В то же время неравномерное экономическое развитие, неравномерные экономические и политические отношения представляют источник напряженности и конфликтов и являются серьезной преградой на пути к независимости и социальному прогрессу»⁴⁶.

Империализм, его политика в современных условиях объективно могут породить три типа международных конфликтов: а) международные конфликты, отражающие противоречия и борьбу двух антагонистических общественных систем на мировой арене; б) международные конфликты, в которых проявляются межимпериалистические противоречия и борьба; в) международные конфликты, порождаемые попытками империализма подавить национально-освободительные движения, навязать освободившимся странам неоколониальное решение стоящих перед ними проблем, продолжать эксплуатировать их и удерживать в системе мирового капитализма. В послевоенный период из всех конфликтов, которые возникали неоднократно, иной раз в крайне острой форме, только третья группа конфликтов приводила к войнам. Анализ неоколониальных войн, военных столкновений в зонах национально-освободительных движений в целом, связанных с политикой неоколониализма, показывает вместе с тем, что в них в той или иной форме и степени проявляются противоречия двух систем и межимпериалистические противоречия.

Развязывая «холодную войну», империализм пытался «сдерживать», затем «отбрасывать» коммунизм, подготовить новую мировую войну для уничтожения социализма как общественного строя. Все аспекты, формы и направления империалистической политики, в том числе и неоколониализм, были подчинены этой гло-

бальной политике. Антикоммунизм и «глобализм» не раз приводили к острым международным конфликтам. Твердая, принципиальная миролюбивая политика СССР и других социалистических стран, укрепление их экономической и военной мощи, изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма и ряд других важных исторических факторов позволили дипломатии социализма обеспечить политическое решение ряда острых конфликтов. Наметившаяся в 70-е годы тенденция к разрядке международной напряженности, борьба за военную разрядку, разоружение и т. д., реализация комплекса мер, направленных на обеспечение мира, намеченных XXVI съездом КПСС, позволяют ограничить сферы конфликтов между двумя мировыми системами, исключить их военное решение. Тем более настоятельной становится для народов всего мира, в том числе и для народов освободившихся стран, необходимость борьбы против попыток империалистических сил сорвать процесс разрядки, форсировать гонку вооружений, свергнуть человечество в пучину термоядерной войны.

Межимпериалистические противоречия также накладывают отпечаток на современные международные отношения. Однако в послевоенный период особенно явно прослеживаются две тенденции в развитии отношений между империалистическими государствами. Первая тенденция продолжает на основе роста противоречий и соперничества порождать конфликты и возможность войн между этими государствами, вторая толкает их к объединению с целью защиты общих коренных интересов в борьбе двух систем. Вторая тенденция, объективно действующая в русле антикоммунизма, объясняет возможность межимпериалистических компромиссов, политических решений в урегулировании международных конфликтов.

Необходимо подчеркнуть, что послевоенный период можно назвать мирным лишь в том смысле, что империализму не удалось развязать новую мировую войну. Происходило множество мелких и крупных военных столкновений, затяжных и жестоких, так называемых локальных, «ограниченных» войн. Империализм с помощью военных средств пытался подавить национально-освободительные революции, развязал серию неокOLONиальных войн, спровоцировал ряд военных конфликтов между освободившимися странами. Венгерский историк И. Кенде подсчитал, что за двадцатипятилетний период после окончания второй мировой войны освободившиеся страны участвовали в 93 войнах, общая продолжительность которых составила 255 лет¹⁷. Это и колониальные войны, и военные столкновения между освободившимися странами, и неокOLONиальные войны, агрессии типа индокитайской, ближневосточной и т. д. В. А. Кременюк насчитал до 83 военных конфликтов между империализмом и освободившимися странами¹⁸.

В основе этих конфликтов и войн лежат противоречия между империализмом и национально-освободительным движением. Однако трудно было бы понять характер, происхождение, длительность и особую жестокость наиболее крупных военных акций импери-

лизма, не учитывая главного противоречия современной эпохи: характера и особенностей борьбы двух мировых систем на международной арене, а также наличия межимпериалистических противоречий.

Хотя военные столкновения послевоенного периода были направлены на прямое подавление национально-освободительной борьбы или на неокOLONИАЛЬНОЕ решение проблем освобожденных стран, тем не менее это уже не обычные, «классические» колониальные войны. НеокOLONИАЛИЗМ, его антикоммунистическая стратегия и идеология придают этим войнам более сложный характер. По существу, это экспорт контрреволюции, в котором неокOLONИАЛЬНЫЕ задачи переплетаются с задачами конфронтации с социалистической системой, военного решения международных конфликтов, особенно глубоко затрагивающих интересы двух мировых систем в зонах национально-освободительной борьбы.

История международных отношений послевоенного периода, вооруженных конфликтов убедительно подтверждает известное положение о том, что война есть продолжение политики иными средствами. Политические цели определяют как характер конфликта, возможность его перерастания в войну, так и продолжительность войны, выбор методов и средств ее ведения. Политические цели во многом диктуют и характер военной стратегии, выбор того или иного ее варианта в конкретном случае. Изменения, происшедшие в характере политики, сближение, а в ряде случаев и слияние политических целей неокOLONИАЛИЗМА с антикоммунистическими задачами империализма в борьбе двух мировых систем приводят к изменениям сущности конфликтов и войн в зонах национально-освободительной борьбы.

Особая опасность неокOLONИАЛИЗМА, способного привести мир к термоядерной войне, обусловлена той ролью, которую играет сегодня антикоммунизм в качестве мотива и движущей силы его политики. И не потому только, что антикоммунизм — это идеология и политика наиболее реакционных, агрессивных сил современного империализма. Антикоммунизм модифицирует традиционные мотивы и функции колониальной политики, а вместе с ними и характер, содержание международных конфликтов и войн, максимально приспособляя их к собственной международной классовой стратегии. Антикоммунизм не раз пытался спровоцировать прямую конфронтацию двух систем при помощи развязывания, а затем и расширения масштабов неокOLONИАЛЬНЫХ войн. Империалистическая агрессия против КНДР, индокитайская военная авантюра принадлежат к числу наиболее крупных, длительных, жестоких по методам и средствам ведения войн, которые, будучи направленными на решение широкого комплекса неокOLONИАЛЬНЫХ задач в районах Юго-Восточной Азии, таили в себе опасную тенденцию перерастания в общее военное столкновение двух систем. Эти неокOLONИАЛЬНЫЕ по характеру войны одновременно решали задачу военного разгрома конкретных социалистических стран, «отбрасывания» таким образом социализма.

Антикоммунизм, его глобальная стратегия и идеология объясняют еще одну важную тенденцию в характере возникновения, развития и решения международных конфликтов. Практика показывает, что последние в зонах национально-освободительной борьбы начиная с 60-х годов проявляли опасную тенденцию перерастания в прямое военное столкновение в тех случаях, когда борьба за национальное освобождение принимала революционные формы и методы, ставила цели, способные вывести общественный процесс за рамки капитализма, дать ей реальные прогрессивные классовые очертания. Затяжной конфликт на Ближнем Востоке, его неоднократно перерастание в опасные военные действия между неокOLONИАЛИЗМом, орудием которого выступают сионистские правящие круги Израиля, и арабским национально-освободительным движением ярко свидетельствует о классовом характере этого столкновения, о непримиримости антикоммунизма к революционным изменениям в странах социалистической ориентации и т. д. Перерождение революционного египетского режима, отход режима Садата от революционных и даже от прогрессивных позиций сразу же отразились на методах неокOLONИАЛЬНОГО «решения» конфликта между Египтом и Израилем. Там, где конфликт, пусть даже самый острый, имел в основном экономический характер, определявшийся столкновением грабительских интересов монополий с экономической политикой того или иного молодого государства, империализм пытался найти невоенное решение. Он тем более искал политическое решение, исчерпав все средства давления и угроз, если имел дело с режимом, ориентирующимся на капитализм.

Связь между неокOLONИАЛЬНЫМИ по характеру конфликтами и войнами и антикоммунизмом, таким образом, закономерно обусловлена международной классовой стратегией империализма, ее социально-политическими защитными функциями. В данном аспекте антикоммунизм проявляется особенно открыто, грубо. Например, директор Института политических исследований в Вашингтоне Р. Барнет подчеркивал, что содержание стратегии США, начиная от доктрины Трумэна, наглядно свидетельствовало о том, «что ее целью была борьба не с любым случаем „насилия“, не с любым случаем „принуждения“ и не со всеми случаями „изменения статус-кво“, а лишь с теми, которые были связаны с коммунизмом»¹⁹. Т. Хупс в биографии Дж. Ф. Даллеса, отмечает, что Даллес сконструировал и фанатично отстаивал антикоммунистическую концепцию, согласно которой все мировые события послевоенного периода — возникновение социалистических стран в результате революций, национально-освободительное движение в Индокитае, восстание в Малайе и т. д. — являются «составными частями единой программы подрывных действий, запланированных на четверть века вперед и осуществляемых с помощью заговоров»²⁰.

Борьба против прямой или косвенной «коммунистической агрессии» стала официальной доктриной, на основе которой сколачивались военные и военно-политические блоки с участием империали-

стических и освободившихся стран — СЕАТО, Багдадский пакт, СЕНТО, АЗПАК и т. д., а также заключались двухсторонние военные соглашения. Р. Никсон, будучи президентом США, открыто заявил в 1969 г., что целью СЕАТО является борьба с внутренними коммунистическими силами, что «США будут решительно выступать совместно с Таиландом против тех, кто может угрожать не только извне, но и изнутри»²¹. Борьба с коммунизмом стала не только пропагандистским прикрытием, но и официальной доктриной, движущим мотивом вмешательства империализма, особенно США, во внутренние дела освободившихся стран с целью подавления революционных сил национального освобождения. Р. Барнет пишет: «В течение послевоенного периода в среднем каждые восемнадцать месяцев вооруженные силы США или специальные полувойсковые формирования вмешивались во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки, чтобы помешать революционерам захватить власть или чтобы свергнуть революционные правительства»²². Действительно, США в послевоенные годы 215 раз использовали свои вооруженные силы или прибегали к угрозе их использования²³.

Связь между антикоммунизмом и неокOLONиальными войнами проявляется и в эволюции глобальных военных доктрин и стратегических планов империализма, разработанных с целью военного сокрушения социалистической системы. Известно, что военные доктрины империализма претерпели серьезные изменения — от превентивной атомной войны, «стратегии массированного ответного удара» до «гибкого реагирования» и ограниченных, локальных войн. Империализм готовил и продолжает готовить против СССР и других стран социализма термоядерную мировую войну. Другое дело, что политика мира и разрядки, проводимая странами социализма, их постоянно растущий экономический потенциал, оборонная мощь ставят эффективные преграды на пути ее развязывания. В современных условиях поэтому империализм выдвинул на первый план стратегию ограниченной войны с возможным применением оперативно-тактического ядерного оружия малого калибра. На практике ограниченные, локальные войны стали орудием неокOLONиализма; они не раз уже применялись против национально-освободительного движения.

Особая опасность неокOLONиализма в этом аспекте и заключается в том, что военный конфликт даже незначительного масштаба может, путем его эскалации, привести к всеобщей войне. Такая опасность тем более реальна, что «гибкое реагирование» антикоммунизма на революционные перемены в бывшем колониальном и полукOLONиальном мире придает особую логику эскалации неокOLONиальной войны, этой специфической форме вооруженного экспорта контрреволюции.

В США не раз на правительственном уровне ставился вопрос о практическом применении атомного оружия в тех или иных конкретных случаях. Так, 2 июня 1964 г. в Гонолулу на совещании, на котором присутствовали министр обороны США Р. Макнама-

ра, государственный секретарь Д. Раск, посол США в Сайгоне К. Лодж, генерал М. Тэйлор, директор ЦРУ Д. Маккоун и др., был поднят вопрос о необходимости использования атомного оружия во Вьетнаме²⁴. Как свидетельствует находящийся в Вашингтоне институт Брукинга, США в послевоенный период в 33 случаях были на грани применения ядерного оружия²⁵.

Напомним, что перечисленные участники совещания в Гонолулу принадлежали сперва к «либеральному» крылу военно-промышленного комплекса, сторонникам компромиссов и осторожной политики. Но, подвергшись сильному нажиму «ястребов» — воинствующего, агрессивного крыла военно-промышленного комплекса, Пентагона, оголтелого антикоммунизма, они сами стали на путь опасной эскалации военного конфликта. Неоколониализм, развязав военный конфликт с далеко идущими политическими целями, делает его исключительно опасным для судеб всего мира. Это означает, что в политике взяли верх агрессивно-милитаристские силы антикоммунизма, им удалось парализовать «реализм» либерального крыла антикоммунизма, подчинить его своему руководству.

Место и роль неоколониализма в судьбах мира и войны определяются и тем, что масштабы и логика развития неоколониального военного конфликта находятся в прямой зависимости от мощи военной силы империализма, которая участвует в данном конфликте. Антикоммунизм определяет не только классовую сущность конфликта, задачи его военного решения. Под его непосредственным воздействием империализм приводит в движение свою военную машину, наращивает участие в неоколониальной войне живой силы и техники, определяет способы ее ведения, применения тех или иных видов смертоносного оружия. Вступают в силу специфические интересы милитаризма и военно-промышленного комплекса, диктующие свои условия ведения войны: ее длительность, испытание на практике различных видов оружия, тактических схем и т. д. Расширение войны используется для нагнетания напряженности, усиления гонки вооружений, наращивания военных бюджетов и т. д. Антикоммунизм использует созданную им же военную обстановку для оживления существующих и организации новых военно-политических союзов, привлечения к участию в них новых молодых государств. И наконец, военная обстановка служит целям гальванизации антикоммунистических мифов, разжигания антикоммунистической истерии.

Говоря о специфике неоколониализма в данном его аспекте, следует также отметить, что на раннем этапе своего формирования он часто прибегал к вооруженным акциям против национально-освободительного движения, защищая свои эксплуататорские интересы. С крушением колониальной системы и появлением феномена социалистической ориентации начиная с 60-х годов он пытается смягчить методами компромиссов, соглашения и уступок свои противоречия с освободившимися странами, придерживающимися умеренно-буржуазной ориентации. Империализм рас-

смаатривает теперь неоколониальную войну как органическую часть борьбы с социализмом, как специфическую форму военного столкновения в общемировой классовой борьбе.

В документе, принятом Совещанием коммунистических и рабочих партий стран Тропической и Южной Африки (август 1978 г.), обращено особое внимание на классовые критерии военных акций неоколониализма в Африке. Они лежали в основе координации действий стран НАТО как в их военных акциях в Заире, Чаде, Западной Сахаре, так и в особенности в их позиции в отношении Анголы, Эфиопии, подвергшихся агрессии со стороны неоколониальных сил, внутренней и внешней реакции. Страны НАТО пытаются в сговоре с реакционными силами Африки сколотить так называемые «межафриканские силы» и военные блоки на континенте. Подобные действия имеют своей целью, подчеркивается в документе, узаконить любую империалистическую агрессию, подорвать прогрессивные режимы, парализовать революционные процессы в Африке²⁶.

Именно рост в 70-е годы революционных процессов в зонах национально-освободительной борьбы определил усиленную деятельность неоколониализма по созданию очагов напряженности, на травливанию освободившихся стран друг на друга. США выступают ныне в роли застрельщика гонки вооружений в ряде стратегически важных районов Азии и Африки. Такие страны, как Саудовская Аравия, Израиль, Южная Корея, ежегодно тратят миллиарды долларов на закупки новейших видов оружия. Усиленное вооружение реакционных режимов, способных сыграть роль жандарма самостоятельно или совместно с неоколониализмом, приводит к усилению военной напряженности, росту вооружений в освободившихся странах. Ежегодные военные расходы в молодых государствах Азии и Северной Африки составляют огромную сумму в 40 млрд. долл.²⁷, а в целом в освободившихся странах более 100 млрд. долл.

Специфика неоколониальной политики и неоколониализма заключается и в том, что они объективно порождают вследствие обострения антагонизма между империализмом и народами освободившихся стран не только, с одной стороны, несправедливые неоколониальные, а с другой — справедливые войны — национальные восстания, национально-освободительные войны, направленные против неоколониального контроля и эксплуатации, и свержение власти неоколониальных, как правило, военно-диктаторских, марionеточных прогнивших режимов, но и войны, военные конфликты между самими освободившимися странами. В основе подобных военных столкновений (Индия и Пакистан, Марокко и Алжир, Саудовская Аравия и Йемен, Сомали и Эфиопия и т. д.) лежат искусственно созданные колонизаторами конфликты, спровоцированные неоколониализмом в интересах политики «разделяй и властвуй» с целью ликвидации прогрессивных режимов в интересах реакции. Этнические, религиозные и другие военные конфликты внутри отдельных государств, гражданские войны (Конго —

ныне Заир, Нигерия, Ливан и т. д.) имеют неокOLONиальное происхождение, служат политическим целям неокOLONиализма.

Наконец, в отличие от старого колониализма, который породил как локальные, так и крупные военные столкновения с участием многих держав, служил существенным источником мировых войн, неокOLONиализм, будучи не менее опасным источником крупного военного конфликта, встречает на своем пути такие мощные преграды, которые на практике оказались способными помешать планам эскалации ряда особенно опасных военных конфликтов до всеобщей войны. Если раньше военные конфликты крупного плана порождались межимпериалистическими противоречиями, то неокOLONиальные войны современности являются следствием обострения противоречий между империализмом и национально-освободительным движением в русле общемировой классовой борьбы. Против таких войн выступают не только движущие силы мирового революционного процесса, но и все прогрессивные и миролюбивые силы.

Таким образом, подводя итог рассмотрению связей, существующих между неокOLONиализмом и современной войной, можно сделать следующие выводы: а) неокOLONиализм и его политика объективно порождают войны, являются их источником; б) неокOLONиалистская политика своими целями придает войне определенное социально-историческое содержание, определяет ее как особо реакционную, контрреволюционную; в) неокOLONиалистская политика в вопросе о войне и мире тесно сближается и в конечном счете сливается с глобальной антикоммунистической политикой военного решения исторического спора двух мировых систем. НеокOLONиальная война становится фактом, когда в определении способов решения конфликта между империализмом и национально-освободительной борьбой верх берут антикоммунизм, милитаризм, крайняя империалистическая реакция; г) политическое руководство, развязав неокOLONиальную войну, направляет ее развитие, под давлением антикоммунизма и милитаризма осуществляет курс на ее эскалацию; д) в ходе войны неокOLONиалистская политика приспособляется к военной стратегии, логике войны, подчиняет свою тактическую линию в данном регионе военно-стратегическим целям. Война, в свою очередь, имеет собственную логику развития, демонстрирует под воздействием милитаризма и антикоммунизма опасную тенденцию изменить в своих интересах первоначальные политические цели, стремится выйти из-под «опеки» политического руководства. Последнее обстоятельство, учитывая мощь военной машины империализма, средств ведения современной войны, роль и место военно-промышленного комплекса в определении целей и характера политики, придает неокOLONиализму особенно опасный для дела мира характер.

Разрядка международной напряженности, упрочение мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным общественным системам, способны ставить преграды на пути осуществления военно-политической экспансии неокOLONиализма, препятст-

водить военным методам решения конфликтов, в том числе и между неокOLONиализмом и освободившимися странами. В этих условиях любая новая «ограниченная» неокOLONиальная война способна резко обострить международную обстановку, поставить под угрозу дело разрядки, ввергнуть мир в пучину новой мировой войны. Антикоммунизм и милитаризм, борясь всеми средствами против разрядки, гальванизируя мифы о «советской угрозе» и т. д., используя антисоветизм, пытаются ныне прибегать к некоторым традиционным методам провокаций, военных интриг в борьбе с национально-освободительными движениями, стремясь подорвать всеобщий мир.

НеокOLONиализм выступает в системе современных международных отношений как заклятый враг всех народов, всех прогрессивных и миролюбивых сил. Поэтому в его уничтожении заинтересованы все народы мира, а не только народы освободившихся стран, являющиеся прямыми объектами его экспансии.

Глава IV

ВОЕННЫЕ МЕТОДЫ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Перед лицом усиливающейся борьбы освободившихся стран за окончательное экономическое и социальное освобождение, стремясь восстановить свои утраченные позиции в развивающемся мире, США и другие империалистические державы вновь делают главную ставку на военные методы неокOLONиализма. «Современный милитаризм есть результат капитализма, — отмечал В. И. Ленин. — В обеих своих формах он — „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях... и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата»¹.

Резкое усиление агрессивности империализма в начале 80-х годов все более ощущают и освободившиеся страны, особенно те, которые не желают мириться с диктатом старых и новых колонизаторов. Свидетельство тому — события последнего времени на Ближнем и Среднем Востоке, на Юге Африки, в Центральной Америке.

Военные методы империалистические державы широко применяли и ранее. Использование военных блоков и баз в сочетании с актами агрессии, провоцированием «локальных» войн, «полицейскими операциями», другими формами вмешательства во внутренние дела, втягиванием развивающихся стран в гонок вооружений — таков арсенал военных неокOLONиалистских методов империализма. Об этом свидетельствуют такие события, как провоцирование военных столкновений между греками и турками на Кипре; военная интервенция против Кубы и блокада этой страны; серия заговоров и военных переворотов в странах Латинской Америки и Африки; подогревание военного конфликта между Сомали и Эфиопией; злодейские убийства агентами и наемниками империализма выдающихся деятелей национально-освободительного движения: Патриса Лумумбы, Эрнесто Че Гевары, Эдуардо Мондлане, Амилкара Кабрала, Сальвадора Альенде, Камилы Джумблата, Мариана Нгуаби, Мухаммеда Тараки; интервенция США в Доминиканской Республике; агрессия США во Вьетнаме; агрессия Израиля против Египта, Сирии, Иордании и Ливана; вмешательство США в дела Кампучии и Лаоса; акты агрессии и давления расистского режима ЮАР в отношении Анголы и других «прифрон-

товых стран Африки»; враждебные акции США и некоторых их союзников в отношении Афганистана и Ирана; подогревание ирано-иракского конфликта; активные попытки США использовать «китайскую карту» в борьбе против социалистических и освободившихся стран. Вмешательство во внутренние дела и активную полицейскую борьбу против национально-освободительного движения правящие круги США, объявив его «международным терроризмом», возвели ныне в ранг государственной политики. Активизация этой политики наглядно видна и в Латинской Америке, где США осуществляют прямое вмешательство во внутренние дела Сальвадора, совершают подрывные акции против Никарагуа, поставляют оружие и оказывают экономическую помощь военным хунтам Гватемалы и Чили, усиленно пытаются создать так называемые «межамериканские силы», включив в них регулярные войска США, Гватемалы, Гондураса, Парагвая, Уругвая и Чили. Одновременно США продолжают курс прямых провокаций и угроз в отношении Кубы, пытаются шантажировать Мексику. Они готовят и осуществляют планы террористической расправы над патриотами ряда стран. В ходе англо-аргентинского конфликта из-за Мальвинских (Фолклендских) островов США открыто поддержали английских неокolonизаторов.

За послевоенный период США опутали военными блоками и соглашениями «о взаимной обороне» более 40 государств мира. Это договор Рио-де-Жанейро (1947 г.)², НАТО (1949 г.), договоры «о взаимной обороне» с Японией (1951 г.), Филиппинами (1951 г.), сеульским режимом (1953 г.), блок АНЗЮС (1951 г.), блоки СЕАТО и СЕНТО, договор «о взаимной обороне» с Тайванем (1954 г.)³. Из этих девяти основных военных блоков и навязанных договоров сейчас продолжают действовать шесть, охватывающих 38 государств. Практически все эти блоки и договоры США и их союзников по НАТО предназначены для борьбы не только против стран социализма, международного коммунистического движения, но и против национально-освободительного движения и развивающихся стран. Руководители США и НАТО пытаются даже обосновать свое «право» на подавление национально-освободительного движения.

В свое время расистский режим ЮАР вынашивал план создания «Организации южноатлантического договора» (САТО) с участием ЮАР, Аргентины, Бразилии и Австралии⁴. Сейчас вдохновителем создания САТО выступают США. Прилагаемые ими усилия пока не дали результатов, поскольку Бразилия и Аргентина полагают, что создание такого блока под эгидой США было бы опасным для дела мира, однако, как свидетельствует французская газета «Монд», США, по-видимому, будут продолжать оказывать давление на южноамериканские страны, добиваясь создания этого нового военного блока⁵. В этом аспекте следует упомянуть и о создании в ноябре 1981 г. регионального командования вооруженных сил США для Карибского бассейна (на базе Карибского оперативного соединения, сформированного в 1979 г.).

Наталкиваясь на сопротивление ряда латиноамериканских стран созданию блока САТО, США и некоторые их союзники по НАТО реализуют планы расширения сферы действия последнего. В связи с англо-аргентинским конфликтом в Южной Атлантике Комитет военного планирования этого блока в мае 1982 г. в Брюсселе принял решение (под давлением США и Англии) об участии членов НАТО в акциях американских «сил быстрого развертывания» в любом районе земного шара⁶. Планы «дальних экспедиций» НАТО фактически осуществляются — свидетельством тому явились военные действия в районе Мальвинских островов английского экспедиционного корпуса при поддержке крупных военно-морских сил Англии, а также США и других союзников по НАТО, объявивших экономические санкции против Аргентины и давших согласие выделить для действий в Южной Атлантике британские силы, обычно приданные НАТО. Таким образом, руководители блока НАТО фактически осуществляют идею «защиты общих интересов» Запада за пределами сферы действия этого блока. Если прежде в Пентагоне вели речь о необходимости быть готовыми одновременно к «полутора», а затем «двум с половиной» войнам, то теперь принята установка на так называемую «горизонтальную» эскалацию, предусматривающую ведение по крайней мере четырех войн — в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке⁷.

Запугивая своих союзников мифической «советской угрозой», руководители США в то же время подчеркивают, что они «ни при каких обстоятельствах в одностороннем порядке не ограничат своих обязательств перед НАТО»⁸. Ныне администрация США пускает в ход фальшивую версию о «советской угрозе» нефтяным богатствам Ближнего и Среднего Востока или путям транспортировки нефти. Она навязывает своим союзникам решение о распространении сферы действия блока НАТО на Ближний и Средний Восток и на Индийский океан. Размещение на Синайском п-ве военных подразделений США и их союзников по НАТО, которые, по замыслам Пентагона, могут быть использованы в этом и близлежащих регионах, является еще одним свидетельством расширения сферы действия блока НАТО, становящегося «мировым жандармом». Под предлогом обеспечения безопасности нефтяных путей США и их союзники превратили Индийский океан в самый крупный со времен второй мировой войны центр сосредоточения военных флотов, причем флот США насчитывает здесь свыше 40 кораблей, включая авианосцы. С учетом военных кораблей Англии, Франции, Австралии и других союзников США, находящихся в этом районе и в прилегающих к Индийскому океану водах, военно-морская армада указанных стран включает в себя 75 судов. Индийский океан хотят, по существу, превратить в военно-стратегический плацдарм империализма, в частности и для борьбы с национально-освободительными революциями в этом обширном регионе⁹.

Миролюбивая внешняя политика социалистического содружест-

ва, осуществляемая им последовательная поддержка национально-освободительных движений и борьбы народов против империализма и неокOLONиализма, а также противоречия внутри НАТО мешают Соединенным Штатам более активно использовать военный механизм этого блока против национально-освободительного движения и молодых государств. Так, несмотря на нажим со стороны США, их западноевропейские союзники и Япония воздержались от поддержки «спасательной» операции Пентагона в Иране, от существенной поддержки экономической блокады этой страны в 1979—1980 гг. Оценивая это обстоятельство, посол США в Японии М. Мэнсфилд вынужден был признать: «Мы больше не можем рассчитывать на автоматическую реакцию наших союзников, которая раньше неизменно следовала»¹⁰. Журнал «Тайм» опубликовал следующее высказывание сенатора Дж. Байдена: «Нельзя заставить стрелки часов вращаться в обратном направлении, чтобы вернуться к тому времени, когда Америка шла впереди, а остальные послушно маршировали под американский барабан»¹¹. Все это, однако, не снимает угрозы использования военного механизма НАТО против освободившихся стран и национально-освободительного движения. Об этом, в частности, свидетельствует и создание в США 1 января 1983 г. так называемого «Центрального командования» (Сентком), сфера деятельности которого распространяется Пентагоном на 19 суверенных государств (Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Катар, Саудовскую Аравию, Оман, ИАР, НДРИ, Египет, Иорданию, Судан, Эфиопию, Джибути, Сомали, Кению), а также на значительную часть Индийского океана, Персидский залив и Красное море. В его распоряжение Пентагон передал также «силы быстрого развертывания», военные базы на о-ве Диего-Гарсия, в Омане, Сомали, Кении, авиагруппу, дислоцированную на подступах к Персидскому заливу. Разумеется, предпринимая эти действия, Вашингтон не спрашивал согласия перечисленных выше других государств, чьи интересы затрагиваются этими действиями, и не консультировался с ними.

В борьбе за энергетические ресурсы империалистические державы также все чаще применяют силу или угрозу силой, что ведет к возникновению новых очагов напряженности. «Монополиям нужны чужая нефть, уран, цветные металлы — и сферой „жизненных интересов“ США объявляются Ближний Восток, Африка, Индийский океан. Туда активно прорывается военная машина США и собирается расположиться надолго»¹², — отмечалось на XXVI съезде КПСС. Правительство США претендует на то, чтобы с «позиции силы» распоряжаться сырьевыми богатствами освободившихся стран. Кроме Ближнего и Среднего Востока, объектом растущих притязаний американского империализма в последние годы стал район Юго-Западной Азии с его нефтяными богатствами. Вашингтон объявил весь этот район «третьей центральной стратегической зоной» США, подчеркивая, что эта зона приобрела для них такое же «жизненно важное значение», как и Западная Европа и Дальний Восток. Администрация США планирует примене-

ние «сил быстрого развертывания» практически во всей зоне освобожденных стран, в особенности обладающих стратегическим сырьем.

Американский империализм пытается извлечь уроки из неудавшихся попыток использования военных блоков в других районах. Как известно, быстротечный, но серьезный кризис пережил неокOLONиалистский блок СЕАТО, созданный им в 1954 г. для борьбы с национально-освободительным движением в Юго-Восточной Азии. Этот кризис начался с постепенного отхода от активного участия в блоке двух стран — Пакистана и Франции. Оценивая состояние дел в СЕАТО, «Вашингтон ивнинг стар» в 1968 г. писала: «Серия дипломатических конференций в столице Новой Зеландии Веллингтоне показала, что антикоммунистический союз в Азии практически прекратил свое существование», поскольку «многие государства — члены СЕАТО решили, что их национальные интересы не совпадают с целями этого союза»¹³. Примерно к середине 70-х годов стало очевидным, что блок доживал последние дни: в нем фактически оставались всего две страны этого района — Таиланд и Филиппины, которые потребовали пересмотра всей концепции СЕАТО, а в конце июня 1977 г. этот блок и официально прекратил свое существование.

Предвидя развал СЕАТО, США предприняли меры к тому, чтобы «заполнить вакуум», выступив в поддержку тенденций к региональному сотрудничеству, но имея при этом в виду сохранить в любой форме «стратегическую дугу», проходящую от Японии и Южной Кореи через Индонезию, Австралию и Новую Зеландию. По этим причинам в 1967 г. они вынуждены были «поддержать» инициативу Малайзии по созданию Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в составе Малайзии, Индонезии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, надеясь в будущем превратить ее в «оборонительный союз». Тогда эти планы натолкнулись на сопротивление стран — членов АСЕАН.

США, однако, не оставили попыток «военнизировать» АСЕАН и использовать ее против СРВ, ЛНДР и НРК. В этих целях Вашингтон увеличил кредиты на военные закупки для Малайзии и Индонезии, заключил новое пятилетнее соглашение с Филиппинами, ускорил поставки военной техники, включая танки и самолеты, Таиланду и согласился увеличить ему военную помощь¹⁴. В результате за 1978—1980 гг. США навязали странам АСЕАН оружие почти на 2,5 млрд. долл.¹⁵. Пентагон стремится обосноваться и на бывших английских военно-морских базах в Сингапуре. В последние годы все чаще проводятся военно-морские учения с участием стран АСЕАН (Индонезия — Австралия, США — Таиланд, Таиланд — Австралия — США и в других комбинациях). Усилились «военное присутствие» США в Таиланде и враждебные акции последнего против СРВ и Кампучии. К этим акциям США пытаются подключить Японию. Диалог Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и США, проведенный в Вашингтоне по его инициативе в марте 1982 г., вновь подтвердил, что США на этот

раз еще более откровенно связали развитие своих экономических и торговых отношений с «пятеркой» АСЕАН с требованием беспрекословного ее подчинения диктату Пентагона, более активного участия этих стран в осуществлении милитаристской политики США в регионе¹⁶.

США предпринимали меры и по укреплению АНЗЮС — пакта «о совместной обороне», заключенного США, Австралией и Новой Зеландией. Результатом этих мер, по замыслу Вашингтона, должно было стать создание нового блока — Организации договора для Тихого океана и Азии (ПАТО). Победа вьетнамского народа сорвала осуществление этого плана. Поражение американского империализма во Вьетнаме, последовавшие затем революции в Афганистане и Иране продемонстрировали ненадежность США как военного лидера империализма. Стремясь укрепить АНЗЮС, они на одной из сессий этого блока в ультимативном порядке потребовали от его участников наращивания их военных усилий в Индийском океане. В этом ряду событий необходимо упомянуть и попытки свергнуть прогрессивный режим Республики Сейшельские острова. Такая попытка имела место 25 ноября 1981 г., когда около 100 вооруженных наемников высадились в международном порту на о-ве Маэ с целью совершить государственный переворот. Как выяснилось, нити этого провалившегося заговора вели в Преторию и Вашингтон. В этом же ряду стоит и нажим на Республику Коморские острова в целях захвата порта Морони и превращения его в военно-морскую базу США.

Осуществлению планов США по созданию блока ПАТО помешало ослабление Азиатско-тихоокеанского союза (АЗПАК), созданного в 1966 г. В него вошли Австралия, Япония, Новая Зеландия, Филиппины, Малайзия, Таиланд, сайгонский и сеульский режимы и Тайвань. Основной причиной развала этого союза явилось отсутствие с его стороны каких-либо реальных мер для развития регионального сотрудничества. К марту 1973 г. его развал стал очевидным: накануне созыва Постоянного комитета этого блока (13 марта) правительства Малайзии и Австралии объявили о своем выходе из АЗПАК, а в работе сессии Постоянного комитета приняли участие лишь второразрядные чиновники. На своей следующей сессии 1 июня 1973 г. Постоянный комитет единогласно решил отложить на неопределенное время созыв очередной сессии Совета министров АЗПАК, что фактически означало роспуск этого союза. По образному выражению японской газеты «Майнити дейли ньюс», опубликованное комитетом коммюнке явилось «похоронным звоном» для АЗПАК, поскольку эта антикоммунистическая организация стала несовместимой с новой ситуацией в Азии и во всем мире¹⁷, и хотя этот блок формально продолжает существовать, практически он бездействует.

Решающим фактором, обусловившим в конечном счете развал блока СЕАТО, явилась победа героического вьетнамского народа над американскими агрессорами и их марионеткой — сайгонским режимом, которая создала совершенно новую ситуацию в Юго-

Восточной Азии. После этого поражения начались зигзаги в политике США в данном регионе. В ходе президентских выборов Рейган неоднократно заявлял, что «новая республиканская администрация восстановит важную роль Америки в Азии и на Тихом океане», а А. Хейг, став государственным секретарем, подчеркивал, что Соединенные Штаты будут поддерживать и усиливать свои военные возможности на Тихом океане. В течение 1981 г. численность вооруженных сил США на Дальнем Востоке (за пределами США) возросла на 11 тыс. человек и составляет ныне 135 тыс. человек, расширены или модернизированы их военные базы в Японии, на Филиппинах, в Южной Корее и на островах Микронезии, более чем на одну треть увеличена численность личного состава 7-го флота США на Тихом океане. США оказывают нажим на союзников по блоку АНЗЮС и на Японию, побуждая эти страны увеличить их вклад в охрану американских военно-стратегических и неокOLONиальных позиций в регионе, пытаются вовлечь страны АСЕАН в гонку вооружений, подталкивают их на враждебные акции против социалистических стран Индокитая и препятствуют тем самым нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии. В июне 1982 г. на очередной сессии Совета АНЗЮС Соединенным Штатам удалось добиться от Австралии и Новой Зеландии согласия принять в своих портах любые корабли американских ВМС, причем без уведомления о том, имеется ли на борту этих кораблей ядерное оружие. Однако страны АСЕАН, как заявил министр иностранных дел Индонезии в октябре 1982 г., «решительно выступают против планов Вашингтона и Токио расширить сферу действия японских вооруженных сил на обширный район Тихого океана вплоть до берегов Юго-Восточной Азии». При этом министр подчеркнул: «Безопасность Юго-Восточной Азии должны обеспечивать только сами государства этого региона»¹⁸.

Подъем национально-освободительного движения расшатал до основания еще один военный неокOLONиалистский блок империализма — Багдадский пакт. Антиимпериалистическое восстание в Ираке в июле 1958 г. лишило его и штаб-квартиры, и имени. Правда, правящим кругам США и Англии удалось воссоздать его под другим названием, однако в новый военный блок — СЕНТО — им удалось вовлечь лишь две страны этого района — Турцию и Иран — и одну страну Южной Азии — Пакистан. Но и этот блок фактически бездействовал. О его слабостях свидетельствовала начатая в конце 1955 г. дипломатией США деятельность, в которую затем включились дипломаты Англии и ФРГ, по созданию так называемого «исламского пакта»¹⁹. Это была также попытка возродить Багдадский пакт в новом виде; которая, кроме всего прочего, должна была внести раскол в движение за арабское единство, в чем были заинтересованы нефтяные монополии США. Именно их интересами руководствовался Вашингтон, побуждая в начале 1973 г. Иран и Саудовскую Аравию заключить военный союз в целях установления своего контроля над зоной Персидского залива²⁰. Сейчас США, используя введенную в зону Персидского зали-

ва армаду военных кораблей, фактически контролируют эту зону, угрожая нормальному судоходству. С другой стороны, США стремятся воздействовать и на Организацию исламской конференции (действуя через Пакистан), чтобы оказать давление на Афганистан.

Ко времени 16-й сессии Совета министров СЕНТО (Тегеран, 26—27 мая 1969 г.) Пакистан фактически уже не принимал участия в военных делах этого блока, а Иран считал, что СЕНТО утратил военное значение. Сессия закончилась подписанием составленного в общих выражениях коммюнике. И это неудивительно, ибо она проходила в обстановке усиливавшихся противоречий внутри блока, а также между некоторыми его участниками и другими странами. Так, возобновился спор Ирана с Ираком относительно судоходства по р. Шатб-эль-Араб, который впоследствии перерос в вооруженный конфликт; продолжался спор между Грецией и Турцией из-за Кипра, отношения между которыми вновь обострились. Состоявшаяся в мае 1970 г. в Вашингтоне 17-я сессия Совета СЕНТО также не внесла ничего позитивного в решение этих проблем. Англии и США так и не удалось вдохнуть «новую жизнь» в СЕНТО ²¹.

Последующие события, особенно антиимпериалистическая революция в Иране и народно-демократическая революция в Афганистане, похоронили и этот блок. А ведь Иран был не только одним из ведущих покупателей оружия у США (в отдельные годы Иран поглощал до 40% всего американского экспорта оружия; только в течение 1972—1978 гг. шахский режим затратил на военные цели 19,5 млрд. долл.), но и выполнял роль стража интересов империализма США в районе Персидского залива. Так, шахские войска помогали султану Омана подавлять народное движение. Кроме того, Иран играл роль важного плацдарма США у южных границ СССР. Всего за несколько дней до начала антишахских выступлений Дж. Картер назвал Иран «островом стабильности в одном из наиболее беспокойных районов мира» ²². Американская печать расценила иранскую революцию как «одну из самых серьезных стратегических неудач, постигших Соединенные Штаты в послевоенный период» ²³. Эти события привели к окончательному развалу блока СЕНТО, прекратившего свое существование в 1979 г.

Сейчас империализм США, объявивший зоной своих «жизненных интересов» обширный район, простирающийся вдоль так называемой «дуги нестабильности», проходящей от Ближнего и Среднего Востока до Юго-Восточной Азии, усиленно толкает Пакистан на вмешательство в дела Афганистана в целях свержения правительства ДРА и подстрекает исламские страны на антиафганские акции. Вашингтон вооружает Пакистан: США взяли обязательство предоставить ему военно-экономическую «помощь» в 3,2 млрд. долл. Затем последовали новые подачки: США дали согласие продать Пакистану сверх предоставленной помощи 40 истребителей-бомбардировщиков «F-16» на 1,1 млрд. долл. Вашингтон вынашивает планы превращения Пакистана в главное звено

своей стратегии «по защите Персидского залива», а также использования его территории как транзитной базы для «сил быстрого развертывания» (например, для их переброски в зону Персидского залива с Диего-Гарсия или с Филиппин). Как заявил президент Пакистана Зия-уль-Хак, еще в 1981 г. США добивались от него разрешения (в обмен на поставки оружия) разместить на пакистанской территории свои войска и склады оружия²⁴. Этот курс вызывает законную тревогу Индии, поскольку он может привести к усилению угрозы ее безопасности.

Империализм США активно использует Пакистан против Афганистана. Судя по заявлениям руководителей американской администрации, Вашингтон намерен продолжать использовать Пакистан и находящиеся на его территории басмаческие банды для вооруженных вторжений в ДРА. Развал блоков СЕАТО и СЕНТО, падение шахского режима в Иране, революция в Афганистане подняли роль Пакистана в политике США, стремящихся превратить его в опорный пункт американского империализма и неокOLONиализма в этом районе мира. В настоящее время Пакистан является единственной страной Южной Азии, имеющей союзнические обязательства с США, навязанные ему американско-пакистанским соглашением 1959 г. о «сотрудничестве».

Вашингтон всеми силами пытается сохранить действующие и создать новые военные блоки, имея в виду вовлечь в них прежде всего Израиль, Египет, Саудовскую Аравию, Оман, Пакистан, Южную Корею, Таиланд и Филиппины, превратить в военный блок АСЕАН. Однако, несмотря на усиление агрессивности империализма, его расчеты на силу, на военные блоки и союзы, на «большой милитаристский скачок» не дают желаемых результатов. Это начинает становиться ясным и для некоторых трезвомыслящих политиков в США. Так, орган деловых кругов — газета «Уолл-стрит джорнэл» — в конце марта 1982 г. опубликовал статью бизнесмена Р. Нэйрна под характерным заглавием: «Почему неэффективна НАТО». Ее автор, указывая на невозможность «победы» в ядерной войне хотя бы потому, что «никто не знает, как определить эту победу», и выступая за пересмотр всей концепции этого блока, подчеркивает: «Надежные союзы редки в истории и недолговечны»²⁵. Определенным подтверждением этого вывода является и то весьма деликатное положение, в которое попали США в связи с англо-аргентинским конфликтом из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Как известно, эти острова, а также острова Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова решением Генеральной Ассамблеи ООН в 1963 г. были включены в список колониальных владений, подлежащих деколонизации. Однако Англия, саботируя это решение, затягивает освобождение островов, не идя вместе с тем на мирное решение спора с Аргентиной о суверенитете над ними. «Деликатность» возникшей ситуации для США состоит в том, что по договору Рио-де-Жанейро они обязаны поддержать Аргентину, а с другой стороны, они связаны узами военного союза с Англией по блоку НАТО. В этой связи они раз-

решили британским ВВС использовать свою базу на о-ве Вознесения (Атлантический океан), расположенном на полпути следования английской эскадры, двигавшейся к Мальвинским (Фолклендским) островам. Открыто проанглийская позиция США в ходе конфликта, которая помогла Англии восстановить колониальные порядки на этих островах, вызвала резкий рост как антианглийских, так и антиамериканских настроений во всей Латинской Америке.

Серьезные трудности во внутринатовских отношениях создают и углубляющиеся противоречия между США и Западной Европой, и прежде всего по вопросу об отношениях с СССР. Американский журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» подчеркнул, что, если нынешние тенденции в блоковой политике США будут продолжаться, процесс разложения и распада ныне действующих блоков и военных договоров неизбежен²⁶.

Важное место в арсенале военных методов неокOLONиализма занимают военные базы, которые активно используются против национально-освободительного и антиимпериалистического движения. И здесь пальма первенства принадлежит Соединенным Штатам, которые особенно активно использовали военные базы в агрессивной войне против народов Индокитая, а также на Ближнем Востоке.

В конце 1965 г. Пентагон объявил о «свертывании» ряда военных баз, расположенных на чужих территориях. Однако и после этого «свертывания» США сохраняли за границей 429 крупных и 2970 средних военных баз, обслуживающий персонал которых составлял около 1 млн. человек. Под ними было занято почти 4 тыс. кв. миль территории других государств. Помимо военнослужащих на них работало свыше 250 тыс. местных служащих. Содержание этих баз обходилось в 4—5 млрд. долл. в год²⁷. Это «свертывание» не коснулось района Юго-Восточной Азии. Наоборот, ведя тогда агрессивную войну в Индокитае, США расширили сеть баз на территории Таиланда, Тайваня, Южного Вьетнама. Только на их сооружение в Таиланде было израсходовано свыше 500 млн. долл. Вслед за подписанием Парижских соглашений о прекращении войны во Вьетнаме были начаты работы по расширению гигантской базы ВВС в Утопао²⁸. Несмотря на сокращение общего числа баз в Японии и передачу части военных объектов японским властям, в начале 70-х годов на территории этой страны имелось 148 военных баз²⁹. В июне 1969 г. США договорились с сеульским режимом о строительстве двух баз ВВС в Южной Корее. Вместе с Англией США приступили к созданию военного аэродрома на о-ве Фаркуар (к северу от Мадагаскара) и крупной военной базы на о-ве Диего-Гарсия, на которой размещены в том числе и самолеты-разведчики с большим радиусом действия³⁰. Индийская «Нью-Эйдж» уже тогда предсказывала, что США будут использовать эту базу прежде всего против неприсоединившихся стран³¹. После победы революций в Иране и Афганистане США не только ускорили завершение сооружения этой базы, но и

начали её расширение и модернизацию, на что конгресс США выделил дополнительно 170 млн. долл. «Таймс оф Индия» в марте 1982 г. сообщала, что пакистанский порт Гвадар становится новым опорным пунктом жандармского корпуса США — «сил быстрого развертывания», что сооружаемая там американская военная база должна будет контролировать подходы к Персидскому заливу и Ормузскому проливу³². Выступая на заседании Специального комитета ООН по вопросу об Индийском океане, представитель США Дж. Кохэн откровенно признал, что США намерены и впредь держать авианосцы и другие стратегические ударные силы в бассейне этого океана.

В декабре 1970 г. в Токио состоялись новые японо-американские переговоры о базах, в результате которых было объявлено об эвакуации с баз Йокоте и Мисава 108 самолетов типа «Фантом» (переброшены на Окинаву и в Южную Корею) и о передислокации кораблей 7-го флота США из Йокосуки в Сасебо с сокращением общей численности американских войск на 12 тыс. человек. США, однако, сохраняли право использовать эти базы и вместе с тем переложили часть расходов по их содержанию на Японию. В начале 1973 г. состоялся еще один тур переговоров по этим вопросам, в ходе которых США согласились дополнительно сократить численность своих войск в Японии на 10% и отказаться от использования еще нескольких военных баз. Было, однако, подчеркнуто, что указанные изменения не затронут «передовые позиции» США в Азии³³. Таким образом, на территории Японии все еще сохраняется 89 американских военных баз и сооружений, не считая 84 баз и сооружений, расположенных на «возвращенной» Японии Окинаве. Было также решено, что Йокосука становится стратегической базой 7-го флота США, а его снабжение будет осуществляться из Сасебо. Базе Йокоте была отведена роль главной базы американских ВВС в Японии, а Ивакуни превращалась в опорный пункт американской морской пехоты.

На военных базах в Южной Корее, Японии, на Окинаве, Тайване, Филиппинах и в Таиланде, а также на кораблях 7-го флота США находится более 250 тыс. американских солдат и офицеров³⁴. И это не считая военных баз и войск, расположенных в бассейне Тихого океана, где происходит наращивание вооруженных сил США. Американские военные базы в Японии, на Филиппинах, в Таиланде, на Окинаве, Гуаме и Диего-Гарсия, а также на территории ряда стран Африки — важные звенья в цепи опорных пунктов Пентагона для осуществления его военно-стратегических операций по охране неокOLONиалистских позиций США в Азии, бассейне Тихого океана, на Ближнем и Среднем Востоке. Как уже отмечалось, США задались целью получить в свое распоряжение порт Морони (Коморские о-ва) и превратить его в военно-морскую базу. Это объясняется тем, что Морони находится примерно на полпути между Диего-Гарсия и военно-морской базой Саймонтаун (ЮАР), которой уже давно пользуются США. Пентагон рассчитывает также использовать ее в качестве связующего

звена между Диего-Гарсия и базами в Сомали и Кении. Взоры Пентагона обращены и в сторону принадлежащих Бангладеш о-вов Св. Мартина и Манпура, расположенных в Бенгальском заливе. Он оказывает нажим на правительство этой страны, стремясь получить указанные острова в свое распоряжение. Шеф Пентагона Уайнбергер совершил в 1982 г. поездку в Азию, посетив Японию, Южную Корею и Филиппины, на территории которых размещены более 100 тыс. американских войск и главные военно-морские и военно-воздушные базы США в этом регионе. При этом он потребовал, чтобы Япония взяла на себя функции патрулирования морского и воздушного пространства на удалении до 1 тыс. миль от своих берегов, пообещав одновременно увеличение военной помощи сеульскому режиму и Филиппинам³⁵.

После вывода войск и штаб-квартиры НАТО с территории Франции США усилили нажим на страны Африки, имея в виду расширить сеть военных баз на этом континенте. Особое внимание они уделяют Марокко. Несмотря на официальное объявление о закрытии (по соглашению 1963 г.) своих баз в Марокко, США фактически сохранили там три военные базы: в Кенитре, Сиди-Яхья и Буакнаделе, что было публично подтверждено Вашингтоном в конце 1970 г. При этом было отмечено, что Сиди-Яхья и Буакнадель связаны с американской военно-морской базой в Роте (Испания). Пентагон скрывал и фактическое положение дел с базами в Испании, а также существование соглашений, заключенных в 1968 г. с режимом Франко³⁶. В последующие годы Пентагону удалось не только сохранить эти базы, но и навязать Марокко и Испании новые соглашения, закрепившие стратегические позиции США в этих странах. С июня 1972 г. Испания, как известно, стала 16-ым членом НАТО. США прилагают огромные усилия к тому, чтобы сохранить свои базы в Греции и других странах Средиземноморья.

Наряду с попытками США и ЮАР создать новый военный блок САТО разрабатывается план включения военной базы в Саймонтауне (ЮАР) в систему баз НАТО, работы по расширению которой были закончены в конце 1980 г. В ходе торга с западными державами по поводу условий превращения этой базы в базу НАТО режим Претории добивается отмены эмбарго на поставки ему вооружений³⁷. Игнорируя решение ООН об эмбарго, США поставляют оружие ЮАР, становясь, по признанию журнала «Нэйшн», «все более причастными к сохранению там, причем насильственными средствами, расистского статус-кво»³⁸. Всего США в настоящее время держат за рубежом свыше полумиллиона своих солдат, матросов и офицеров, в том числе свыше 200 тыс. — на военных базах и объектах, расположенных на территориях развивающихся стран и на флотах своих ВМС, курсирующих в водах, омывающих эти страны³⁹.

После победы революций в Иране и в Афганистане США добиваются создания новых военных баз и других военных сооружений в этом регионе. Им уже удалось навязать соответствующие

соглашения Оману, Сомали, Кении и Турции⁴⁰, а режимы Садата и Бегина, как известно, сами предложили свои услуги Пентагону. Следует отметить одно существенное обстоятельство: Оман, Кения и Сомали имеют выход к Индийскому океану и расположены (кроме Кении) в непосредственной близости к Баб-эль-Мандебскому и Ормузскому проливам, через которые направляется основной поток нефти в страны Запада. Пентагон не скрывает намерения в течение пяти лет израсходовать на модернизацию аэродромов и портов в Омане, Кении и на о. Диего-Гарсия около 1 млрд. долл., приступив к осуществлению пятилетнего плана строительства и расширения сети военных баз на Ближнем Востоке и в Индийском океане для обеспечения поддержки военно-морских, сухопутных и военно-воздушных сил, действующих в этом регионе; общая стоимость всех работ превысит 2 млрд. долл.⁴¹.

Политика неоколониализма предполагает использование разнообразных форм вмешательства во внутренние дела освободившихся стран. Важная роль в этом отводится разведывательным органам. «Разведывательное сообщество» США, например, состоит из десятка органов: Агентство национальной безопасности (АНБ), «Джи-2» (разведывательная служба армии), ФБР, Разведывательное управление Пентагона и др. Ядром этого «сообщества» является ЦРУ. Только в Африке ЦРУ имеет шесть главных «баз» своих «крестоносцев»: в Рабате (Марокко), Каире (Египет), Монровии (Либерия), Киншасе (Заир), Найроби (Кения), Претории (ЮАР). Созданы или реорганизованы 32 «станции» и 50 «передовых пунктов» ЦРУ. Из 4 800 агентов, занимающихся «внешними операциями» ЦРУ, 900 действуют в Африке. Кроме того, ЦРУ имеет в Африке сеть «корреспондентов» (около 2 тыс. человек) — африканцев, состоящих на службе в качестве агентов этого Управления. ЦРУ играло активную роль в подавлении национально-освободительного движения в Заире, вербуя летчиков-наемников для предателя конголезского народа Чомбе⁴². ЦРУ причастно к убийству Патриса Лумумбы, к свержению Кваме Нкрумы и к гражданской войне в Анголе. «Соединенные Штаты Америки как главная и ведущая сила НАТО делают все возможное для свержения негодных им правительств и подавления национально-освободительного движения», — так оценила роль американского неоколониализма в применении этого метода танзанийская газета «Нэшнлист»⁴³.

Для «тайных» и явных операций США используют не только агентуру, но и регулярные воинские части, а ныне — специальный корпус «быстрого развертывания».

В апреле 1980 г. США совершили военно-диверсионную операцию на территории Ирана. Как известно, эта операция, несмотря на ее тщательную подготовку, окончилась провалом. Эта акция, санкционированная тогдашним президентом Дж. Картером, вызвала даже раскол в правительстве (в знак несогласия с президентом государственный секретарь С. Вэнс подал в отставку), замешательство среди союзников США⁴⁴. В июле 1980 г. в Иране был

раскрыт заговор против режима Хомейни, причем США намеревались выдвинуть в качестве главной фигуры после переворота бывшего премьера Бахтияра, обосновавшегося на Западе. Этот переворот провалился, однако Вашингтон не отказался от своих планов повернуть развитие событий в этой стране в своих интересах. В апреле 1982 г. в Иране был раскрыт новый заговор, одним из организаторов которого явился бывший министр иностранных дел — С. Готбзаде. По свидетельству печати, в США в 1981 г. был разработан новый план военного вторжения на территорию Южного Ирана под кодовым названием «Тривайр», который был одобрен Рейганом. Этот план предусматривал военное вторжение в надлежащее время не только на территорию Ирана, но и Турции, Пакистана, стран Персидского залива, Египта, Судана и Сомали, по которым, по замыслам Пентагона, должна проходить «линия обороны» США. Эти и другие приготовления английская «Санди таймс» квалифицировала как балансирование на грани войны⁴⁵. В январе 1981 г. «Нью-Йорк таймс» поведала о том, что и после освобождения американских заложников США не намерены увести своих сконцентрированных в Персидском заливе и на Ближнем Востоке военно-морской армады и войск и что, «если в Иране начнется гражданская война, США будут иметь возможность оказать быструю помощь той стороне, в поддержке которой они заинтересованы»⁴⁶.

Летом 1981 г. США, действуя совместно с Египтом и Суданом, предприняли провокации против Ливии, целью которых было свержение правительства Каддафи, запугивание ливийского народа. Этим целям служили и крупные военные маневры в Средиземном море, в ходе которых ВМС и ВВС США вторглись в территориальные воды и воздушное пространство Ливии и сбили два ливийских самолета⁴⁷. Этим целям служит и продолжающаяся антиливийская кампания в американской печати.

За 35 послевоенных лет США использовали вооруженные силы для поддержки своих политических акций свыше 220 раз, т. е. за этот период американская администрация прибегала к использованию силы в среднем более 7 раз в год, причем в 19 случаях прямо или косвенно угрожала применением ядерного оружия.

В настоящее время ударным кулаком империализма становятся «силы быстрого развертывания», сколачиваемые Соединенными Штатами для вмешательства во внутренние дела развивающихся стран и подавления освободительной борьбы народов в любой части земного шара, которую вдохновители американской имперской политики могут объявить «зоной жизненных интересов США». Планируя довести численность этих сил до 230 тыс. человек, США оказывают давление на своих союзников по НАТО, добиваясь их участия в этом жандармском корпусе. Что касается эволюции американской доктрины вмешательства в чужие дела, то она, например, в отношении стран Юго-Западной Азии, включая Персидский залив, открыто предписывает вооруженным силам США «быть готовым в случае необходимости по собственной инициати-

ве занять позиции в этом регионе, не дожидаясь приглашения дружественного правительства»⁴⁸.

Президент Рейган уже фактически санкционировал проведение ЦРУ «специальных операций» в развивающихся странах, причем в разработке целей и программы этих операций активное участие принимала Дж. Киркпатрик (постоянный представитель США при ООН), которая в 1981 г. посетила ряд стран Азии. В качестве важнейших задач она выдвинула следующие: «США должны установить политическое господство над такими ключевыми районами, какими являются Карибское и Средиземное моря, Южная Африка, Тихий и Индийский океаны, включая Красное море и Персидский залив, а также над регионами, из которых поступает важное сырье». Важнейшими объектами этих операций Киркпатрик назвала Индию, а также Кубу, Никарагуа, СРВ, Иран, Ливию, НДРГ, Эфиопию, Анголу, Мозамбик, Алжир и Мадагаскар. «Эти страны, — настаивала Киркпатрик, — должны быть изолированы или натравлены друг на друга». «По этим важным причинам, — подчеркивала она, — не может возникнуть вопроса о демилитаризации Индийского океана. Напротив, мы должны усилить свою мощь в этом районе. Наше военное присутствие в Индийском океане должно быть не только значительным, должны также существовать возможности для его быстрого усиления»⁴⁹.

Гонка вооружений, навязанная империализмом, ныне «становится всемирным явлением»⁵⁰. За 30 послевоенных лет расходы на гонку вооружений, по подсчетам экспертов ООН, обошлись народам в сумму, примерно равную совокупному ВВП всех стран мира в 1975 г.⁵¹, а ежегодные мировые военные расходы, по данным ООН, уже достигли 600 млрд. долл. и более чем в 30 раз превосходят внешнюю помощь, получаемую всеми освободившимися странами. Гонку вооружений возглавляют США, которые на эти цели только в 1983—1987 гг. намерены затратить более 1,5 трлн. долл., обеспечивая огромные прибыли военно-промышленному комплексу.

Гонка вооружений распространяется на Азию, Африку и Латинскую Америку. Кроме того, на развивающиеся страны приходится две трети из 26 млн. человек, находящихся ныне под ружьем во всем мире. Военные расходы на душу населения в некоторых странах Ближнего Востока в несколько раз выше, чем у членов НАТО. Опасность империалистической интервенции, рост военной машины в государствах с прозападными режимами вызывают ответные меры государств — сторонников движения неприсоединения в целях укрепления их обороноспособности. Именно с этих позиций следует рассматривать оборонительные мероприятия арабских стран против агрессивных устремлений Израиля и усиления Анголы и Мозамбика, противостоящих ЮАР.

Навязывая освободившимся странам оружие, создавая на их территории военные базы, передавая военную технологию, империализм все более вовлекает и эти страны в гонку вооружений. Достаточно сказать, что только за 1967—1976 гг. США, Англия и

Франция поставили этим странам около 10 тыс. танков и самоходных орудий, около 5 тыс. артиллерийских установок, более 12 тыс. броневиков и бронетранспортеров, 34 крупных военных корабля, более 400 торпедных катеров, минных тральщиков и противолодочных кораблей, 40 подводных лодок, свыше 7 тыс. боевых и других самолетов и вертолетов, более 8 тыс. ракет различных классов⁵². Только Израилю за указанный период США, Англия, ФРГ и Франция поставили различного оружия и вооружений на общую сумму 5 млрд. долл. Затраты Саудовской Аравии на закупки оружия в США, а также на сооружение военных объектов за послевоенный период достигли 22 млрд. долл.⁵³. Сенат США утвердил «делку века» — продажу Саудовской Аравии пяти самолетов с системой раннего радиолокационного обнаружения: АВАКС и другой военной техники на общую сумму в 8,5 млрд. долл. Одновременно США осуществляют дополнительную военную программу «поощрительной помощи» Израилю на общую сумму, превышающую 3 млрд. долл. — сверх тех 2,2 млрд. долл., которые ежегодно предоставляются ими Тель-Авиву⁵⁴.

Освободившиеся страны стали крупнейшим рынком сбыта оружия — так, в 1976 г., например, эти страны поглотили 73% его мирового экспорта. Ведущее место в применении этого метода неокolonизма принадлежит США, на долю которых падает более 50% мировой торговли оружием: в 1977 г. они сбывли его на 11,4 млрд. долл., в 1978 г. — на 13,6 млрд., в 1979 г. (с учетом аннулирования военных заказов шаха Ирана) — на 13,1 млрд. долл., а в 1980 г. экспорт американского оружия достиг 14 млрд. долл.⁵⁵. За период с 1955 по 1977 г. США продали оружия освобожденным странам на сумму, превышающую 50 млрд. долл.⁵⁶. А все страны Запада только за 1974—1979 гг. продали оружия освобожденным странам более чем на 100 млрд. долл., причем около 70% этой суммы приходится на долю США⁵⁷. На 1982/83 фин. г. США запланировали сбыть оружия на 25—30 млрд. долл.⁵⁸. Задаче расширения рынков сбыта оружия подчинены и их программы помощи освобожденным странам. Согласно директиве Рейгана от 8 июля 1981 г., «Соединенные Штаты рассматривают поставки обычных видов оружия и другой военной техники и услуг в качестве важного элемента своей глобальной системы обороны и неотъемлемого компонента своей внешней политики»⁵⁹.

Передавая лицензии и организуя совместное производство различных видов оружия в самих освобожденных странах, империализм уже превратил около 20 из них в крупных его производителей (Южная Корея, Иран, Пакистан и др.)⁶⁰. Появилась группа стран-экспортеров тех или иных видов оружия (Бразилия, Израиль и др.), доля которых в мировом экспорте оружия составляет примерно 6%⁶¹. Все это привело к значительному росту военных расходов развивающихся стран, которые, по подсчетам ряда исследователей, уже превышают 90 млрд. долл. в год⁶², а доля этих стран в мировых военных затратах достигла 23%.

Вовлечение освобожденных стран в гонку вооружений наносит

огромный вред их экономике, истощая ресурсы и ограничивая их развитие, обрекая тем самым на зависимое от империализма положение и консервируя их отсталость. Нарращивание вооружений и вооруженных сил приводит также к растрате трудовых ресурсов этих стран, в том числе технических кадров. По некоторым подсчетам, военнотружущих в этих странах насчитывается уже 15 млн. ⁶³. Дело не только в том, что эта огромная армия не участвует в материальном производстве, но и в том, что она потребляет стоимость, создаваемую гражданскими лицами — расходы на содержание одного солдата в этих странах (в среднем) равны доле ВВП, производимой примерно 13 лицами гражданского населения. А ведь именно эти страны испытывают особо острую нужду в капиталовложениях. Эксперты ООН подсчитали, что для сокращения хотя бы наполовину (к концу текущего столетия) разрыва, существующего между странами развитого капитализма и развивающимися странами в доходах на душу населения и выражающегося в соотношении 13 : 1, а по некоторым подсчетам 15 : 1, объем капиталовложений в последних должен быть увеличен до 35—40% от их ВВП ⁶⁴. Как правило, военные расходы осуществляются прежде всего за счет сокращения ассигнований на социальные нужды, здравоохранение, образование и просвещение. Уже сейчас военные расходы освободившихся стран почти в два раза превосходят их затраты на указанные выше нужды. Подсчитано, что расходы на содержание одного солдата в странах Южной Азии равны затратам на образование и здравоохранение, выделяемым на 464 человека. В этой связи уместно напомнить, что в странах Южной Азии, например, один врач приходится на 4,5 тыс. человек, а в странах Африки — на 9,6 тыс. человек.

Следовательно, гонка вооружений способствует не только сохранению, но и увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами в доходах на душу населения, консервирует их экономическую отсталость и зависимое от империализма положение, ухудшает условия их торговли, увеличивает их внешнюю задолженность, отвлекает огромные средства и ресурсы из гражданских отраслей экономики, создает дополнительные трудности для борьбы с голодом, неграмотностью и болезнями. В заключительном документе X Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН подчеркивалось, что «экономические и социальные последствия гонки вооружений наносят такой ущерб, что ее продолжение явно несовместимо с установлением нового международного экономического порядка, основанного на справедливости, равенстве и сотрудничестве» ⁶⁵. Гонка вооружений не только мешает международному сотрудничеству, но и создает недоверие, препятствует усилиям, направленным на ослабление международной напряженности, создает конфликтные ситуации между государствами. Как известно, после 1945 г. произошло уже более 150 войн и вооруженных конфликтов, причем большинство из них — в зоне освободившихся стран. Поставки оружия этим странам являются средством втягивания последних в орбиту империалистической политики.

Особенно наглядными примерами в этом отношении могут служить Египет и Пакистан. Следовательно, навязанная империализмом гонка вооружений глубоко враждебна как национальным, так и интернациональным интересам всех стран, и освободившихся в особенности.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что США и в 80-е годы выступают как главный враг освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки. «Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма. Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов, они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление „терроризма“. Они поистине задались целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»⁶⁶, — эта оценка, данная XXVI съездом КПСС милитаристской, неоколониалистской политике империализма, подтверждается всем ходом мирового развития.

Глава V

НЕОКОЛОНИАЛИСТСКАЯ ПОЛИТИКА — ОРУДИЕ АГРЕССИИ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА США

Агрессивный характер современного неокOLONиализма США

Современный неокOLONиализм представляет собой одно из важных направлений империалистической политики, используя которое Запад пытается не только защитить, но и укрепить свои позиции в борьбе против сил мира и прогресса. Можно отметить следующие характерные черты современной международной обстановки, которые прежде всего определяют сущность этого направления империалистической политики.

Во-первых, национально-освободительное движение вышло на новый исторический рубеж. Глубокие прогрессивные преобразования, происходящие наперекор трудностям в этой части мира, — процесс исторической важности, органически связанный с теми революционными изменениями, которые принес миру Великий Октябрь. Закрепить национальную независимость от империализма, добиться экономической самостоятельности, преодолеть вековую отсталость, обеспечить народам пользование реальными плодами национальной свободы, осуществить глубокие социальные преобразования — в этом главное содержание национально-освободительного движения нашего времени. Важную роль в решении проблем преодоления отсталости призвана сыграть ликвидация неравноправных экономических отношений, навязанных империализмом, борьба за создание нового международного экономического порядка. Советский Союз, другие страны социалистического содружества активно выступают за перестройку международных экономических отношений на равноправной, демократической основе, поддерживают справедливые требования развивающихся стран, их стремление к внутренним демократическим реформам.

Все это объясняет, почему современный неокOLONиализм проявляется как наступательная, агрессивная реакция империализма на процесс глубоких преобразований в мире. «Не окрепшим еще странам грозят многочисленные ловушки, расставленные неокOLONизаторами»¹, — отмечал Ю. В. Андропов. В документах КПСС содержится глубокая характеристика классово-экономической сущности такого рода «ловушек», их природы. «Империалистов не устраивает

укрепление независимости освободившихся стран, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. — Тысячами путей и способов они пытаются привязать к себе эти страны, чтобы свободнее распоряжаться их природными богатствами, использовать их территории в своих стратегических замыслах»².

Таким образом, современный неокOLONиализм выступает как реакция империализма на современный этап борьбы противоположных социально-экономических систем.

Во-вторых, мировая система капитализма переживает глубокий кризис. Положение в развивающемся мире — одно из проявлений этого кризиса, наглядно свидетельствующее о неспособности капитализма решать коренные проблемы современного развития.

Никогда ранее созданные капитализмом порядки не приходили в столь вопиющее противоречие с нуждами и чаяниями народов, как сейчас. Из 4,4 млрд. населения земли $\frac{3}{4}$ проживает в развивающихся странах. На их долю приходится лишь $\frac{1}{6}$ мирового валового национального продукта, около $\frac{1}{10}$ мировых затрат на образование, они потребляют лишь $\frac{1}{4}$ энергии, $\frac{1}{3}$ зерна, владеют менее $\frac{1}{10}$ мировой промышленной продукции, $\frac{1}{20}$ технических ресурсов. «Бывшие колонии по-прежнему находятся на положении эксплуатируемой хозяйственной периферии»³, — пишет А. А. Громыко.

Продолжая в значительной мере контролировать природные ресурсы, экономику и внешнюю торговлю развивающихся стран, империалистические державы ежегодно лишают их по различным подсчетам суммы порядка 100—180 млрд. долл. Переводы прибылей иностранными монополиями, манипуляции с закупочными ценами и продажами во внутрифирменной торговле монополий Запада, «ножницы цен», несоразмерные платы за лицензии, транспортные перевозки, потери в результате «утечки умов», обесценивание валютной выручки вследствие галопирующей на Западе инфляции и т. п. — таковы источники этих потерь⁴. Столь огромные вычеты из национального богатства развивающихся стран, существенно тормозящие их экономический рост, привели к тому, что разрыв между ними и промышленно развитыми капиталистическими странами продолжает возрастать. В начале столетия это различие по уровню производства национального дохода на душу населения составляло 1 : 6, в 1930 г. — 1 : 7,5, в 1960 г. — 1 : 10, в 1980 г. — 1 : 13. Если не произойдет коренных изменений в процессе развития, то этот разрыв будет увеличиваться и ситуация к концу века не изменится к лучшему — такой вывод сделала группа экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым в докладе «Будущее мировой экономики»⁵. По мнению американских экспертов, это соотношение может составить 1 : 14,4⁶. Однако по некоторым оценкам, оно может достигнуть 1 : 25. К 2025—2075 гг., по мнению Г. Кана, разрыв составит 1 : 40⁷.

Неуклонно увеличивается внешняя задолженность развивающихся стран. Об этом свидетельствуют следующие данные (млрд. долл.)⁸:

Год		Год	
1955	9	1975	140
1960	17	1980	580
1970	73	1982	625 *
		1990	1200 **

* Оценка ОЭСР.

** Прогноз экспертов МВФ.

Таким образом, современный неокOLONиализм выступает как реакция империализма на кризис современной хозяйственной системы капитализма.

В-третьих, возрастает нестабильность капитализма, обостряется межимпериалистическая борьба. Одним из резервов, за который разворачивается борьба, оказываются развивающиеся страны в качестве рынков сбыта, сфер приложения капитала, менее развитой технологии, «сброса» экономически грязных производств.

В этом соперничестве развивающиеся страны выступают и как сфера приложения сил отдельных империалистических держав, стремящихся укрепить свои позиции за счет народов Азии, Африки, Латинской Америки, и как предмет торга, компромиссов между отдельными монополистическими союзами, а также национальной буржуазией развивающихся стран с целью обеспечения таким путем дополнительных прибылей. Верх в таком соперничестве берут, как правило, те, кто использует наиболее агрессивные методы, попирающие признанные нормы международного общения.

Проблемы, вызванные распадом колониальной системы и усилением национально-освободительной борьбы, кризис капиталистической системы хозяйства вынуждают империалистические страны осуществлять определенные изменения в формах и методах своего воздействия на современное состояние и пути развития того важного участка капиталистического мирового хозяйства, какой составляют многоукладные национальные хозяйства освободившихся стран, постоянно приспосабливаться к новым условиям. Агрессивный характер современного неокOLONиализма возрастает, и он проявляется не только в «привычных» формах внешней и также субсидируемой извне внутренней агрессии, но и в беспрецедентном по своим масштабам попрании империализмом суверенных прав народов развивающихся стран.

Несмотря на перемены, происходящие в формах и методах политики империализма, продолжает сохраняться основная функция неокOLONиализма: удержание развивающихся стран в состоянии зависимости, унаследованной от периода колониализма и систематически воспроизводимой на основе существующей системы мирохозяйственных отношений капитализма. Выполнить эту функцию сдерживания национального развития империализм зачастую может, лишь допуская определенное экономическое и социальное развитие освободившихся стран (или части из них) в рамках своего рода «партнерства» их с империалистическими государствами, ценой определенных материальных затрат со стороны

последних, вынужденных обращаться «к более культурным, более технически высоким приемам капитализма». Как указывал В. И. Ленин, «есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и *народнический* („реалистический, демократический, активности“ полный) капитализм»⁹. Специфика нынешнего этапа борьбы состоит в том, что империализм делает ставку не только на первый, но и на второй тип капитализма, при помощи которого освободившиеся страны призваны ускоренными темпами вращаться в капиталистическое мировое хозяйство, стать его интегрированной, но по-прежнему периферийной, зависимой частью. Возрастают попытки навязать этим странам систему «взаимозависимости» на базе более тесного и широкого включения их в международное капиталистическое разделение труда.

Таково реально существующее противоречие современной эпохи. Если «народнический капитализм» на заре века в определенной степени отвечал интересам политической борьбы рабочего класса в группе развитых капиталистических стран («это нам на руку, это пролетариату на руку», — писал В. И. Ленин), то в настоящее время в условиях социалистической альтернативы он оказывается средством защиты позиций капитализма, методом политики неокOLONИализма в отношении развивающихся стран.

В политическом плане современный неокOLONИализм представляет собой неотъемлемую часть международной системы империализма. В нем находят отражение его агрессивная природа, которая на нынешнем этапе проявляется в следующих чертах:

— рост влияния на внешнюю политику военно-промышленного комплекса, сил милитаризма, крайней реакции и антикоммунизма;

— постоянное наращивание военной мощи НАТО и попытки создания новых военно-политических союзов, направленных против СССР и социалистического содружества, против всех свободлюбивых народов, грубое вмешательство в ход освободительной борьбы и попытки удушить прогрессивные движения в несоциалистическом мире;

— стремление добиться военного превосходства над странами социализма, развертывание новых витков гонки вооружений, торможение и срыв переговоров по разоружению, попытки превратить Западную Европу в стартовую площадку для качественно нового ракетно-ядерного оружия США;

— экспансия и гегемонизм американского империализма, его стремление к мировому господству, насаждение все новых военных объектов и баз за пределами США;

— подготовка мобильных вооруженных сил для выполнения задач мирового жандарма и для вторжения на чужие территории;

— курс на подрыв международной разрядки;

— переход от отдельных идеологических диверсий к организации широкого фронта «психологической войны» с целью возбуждения вражды к советскому народу, идеям социализма, национально-освободительному движению¹⁰.

Антикоммунизм является главным содержанием современного

неоколониализма, который пытается противопоставить развивающиеся страны мировому социалистическому содружеству, выдвигая некую «альтернативу» социалистическому пути развития. Это своего рода империалистический реформизм, для понимания сущности которого важно определение, данное В. И. Лениным в связи с анализом политики русского царизма в период революции 1905 г.: «Бывают исторические ситуации, когда реформы, в особенности же... обещания реформ, преследуют *исключительно* одну цель: приостановить брожение народа, заставить революционный класс прекратить или по крайней мере ослабить борьбу»¹¹.

В экономическом плане современный неоколониализм все более проявляется как механизм многоступенчатого изменения долей участия «партнеров» в распределении и перераспределении национального дохода в системе капитализма и на этой базе — изменение условий воспроизводства капитала:

1. В развивающихся странах повышается роль иностранного капитала в процессе производства, усиливается его классовое воздействие на распределение и перераспределение национального дохода даже при возможном уменьшении его непосредственной доли в этом процессе.

2. На базе роста национального рынка развивающихся стран происходит перераспределение сфер влияния между империалистическими державами в пользу наиболее активных проводников неоколониалистской политики.

3. На мировом капиталистическом рынке действуют тенденции к увеличению доли стран, являющихся наиболее значительными объектами неоколониализма, в ущерб остальным развивающимся странам; в пользу первых происходит перераспределение долей национального дохода, который может быть получен на основе операций мирового рынка.

4. Внутри развивающихся стран более активно используются капиталистические методы и принципы распределения национального дохода и повышается доля буржуазной элиты, в частности предпринимательской, в его перераспределении.

5. В самих империалистических странах политика неоколониалистского «партнерства» способствует ускорению концентрации и централизации капитала, усилению власти монополий, являющихся наиболее активными участниками проведения этой политики, развитию государственно-монополистического капитализма и активизации его наступления на права широких масс трудящихся.

Такого рода эволюция неоколониализма по сравнению с империалистической политикой 50—60-х годов не явилась для коммунистов чем-либо неожиданным, ибо они никогда не предрекали «автоматический крах капитализма» ни в империалистических центрах, ни в колониальной периферии. У капитализма, отмечалось на XXV съезде КПСС, «есть еще немалые резервы»¹². На один из таких резервов указывал В. И. Ленин. «Империализм, — писал он, — вечно *снова* порождает *капитализм* (из натурального хозяйства колоний и отсталых стран), *снова* порождает переходы от

мелкого капитализма к крупному, от слабого товарообмена к развитому и т. д. и т. п.»¹³. Этот резерв активно используется монополиями для обеспечения жизненных интересов государственно-монополистического капитализма, особенно с помощью внешней экспансии капитала. «Однако мобилизация этого резерва, — пишет А. А. Громыко, — становится для капитализма все затруднительнее вследствие роста сил национального освобождения, выбора все большим числом стран пути прогрессивного развития (в том числе социалистической ориентации), укрепления всесторонних связей освободившихся стран с миром социализма»¹⁴.

Изменения в отношениях с развивающимися странами стали для империализма настоящей необходимостью. Приспосабливаясь к современным условиям, он вынужден признать необходимость индустриального развития освободившихся стран, изменения старого международного разделения труда, закономерность использования плановых начал в национальном развитии, обоснованность создания государственного сектора в качестве важного инструмента национального прогресса. Идеологи империализма питают даже надежды отчасти преодолеть действие основной мировой хозяйственной тенденции капитализма и путем развития регионализма внешне уменьшить процесс «поляризации» стран в рамках капиталистической системы мирового хозяйства, а в действительности — просто деформировать его, вывести из-под удара главных виновников отсталости и неравноправного положения развивающихся стран. Такие изменения в политике и декларируемых целях не означают, однако, отказа от старых, традиционных методов, т. е. методов военио-политического диктата, угроз вторжения, применения «санкций» и т. п.

На службу экспансионистской политике государственно-монополистического капитализма поставлен широкий арсенал методов, которыми располагает современное империалистическое государство: прямая государственная финансовая поддержка монополий во внутренних и международных операциях, поддержка корпораций, участвующих в осуществлении экономической и социальной экспансии в развивающиеся страны, подключение к экспансии максимально широких масс капитала и слоев буржуазии в США и в соответствующих развивающихся странах (ставших объектом неоколониалистской экспансии), вовлечение в единое русло неоколониалистской политики капиталистов других империалистических держав, попытки установления союза даже с классово чуждыми монополиям США силами в развивающихся странах, «глобализация» норм различных видов международных экономических отношений капитализма в рамках своего рода «единой стратегии» при решающем влиянии американского монополистического капитала. К этому добавляются разнообразные методы политического воздействия, идеологического давления и военных посягательств. В последнее время этим средствам отводится первостепенная роль.

Неизбежная при проведении такой политики империализма «дипломатическая» окраска усиливается широким использованием

дипломатической службы, применением различных «идеологических мифов», попытками подменить экономические категории техническими, классовые группировки — профессиональными, глубокие социальные различия — различиями «производственных структур» и уровней эффективности капиталовложений¹⁵.

В связи со слабым развитием капиталистических производственных отношений в освободившихся странах соответственно повышается роль социальной экспансии, попыток воздействовать на нормы национальной политики, на национальные программы указанных стран. От создания препятствий национальному планированию современный неокOLONиализм переходит к поддержке введения своего рода «плановых начал» в этих странах, выдвигает «предсказуемость действий» в качестве одного из условий оказания «помощи» — в целях поощрения капиталистического производства. Особое внимание уделяется созданию суррогатных капиталистических институтов, которые должны обеспечить развитие капитализма вширь при отсутствии соответствующей социальной структуры внутри самих освободившихся стран.

Получают распространение совместные предприятия, выполняющие не только экономические, но и серьезные социальные функции, как своего рода «образцовые носители» капиталистических порядков как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Американские компании, например, реализуют на местном рынке капиталов часть своих акций, достигая тем самым большей неузвизимости перед национальной властью. Бывают случаи, когда их «покупателями» становятся даже сами рабочие, которые тем самым выступают в роли «партнера» капитала США. Американское влияние при таком подходе, естественно, по-прежнему остается определяющим¹⁶.

Социальная сфера всегда была важным объектом экспансии монополий США. Однако ее значение никогда не было столь велико, как теперь, в системе неокOLONиалистской «взаимозависимости». Социальная экспансия становится в настоящее время важнейшим средством оказания классового влияния американского капитала на освободившиеся страны. Ни внешних, ни внутренних ресурсов капитала оказывается недостаточно для того, чтобы эти страны автоматически «вросли» в капиталистическую систему мирового хозяйства, стали в классовом и экономическом смысле его органической частью. Соответственным образом подготовленные национальные кадры и необходимые экономические и социальные институты молодых национальных государств призваны выполнить те классовые функции, которые должен был бы стихийно осуществлять капитал. Такие кадры — своего рода менеджеры мирового капиталистического хозяйства в развивающихся странах, их будущее и настоящее зависят от того, какой уровень дохода они в состоянии обеспечить своим зарубежным патронам.

Почти половина подготовляемых при помощи США национальных кадров развивающихся стран являются работникам идеологической сферы, государственными чиновниками, а также учителя-

ми. К этой же категории относятся специалисты в области кооперативного движения, так называемого «свободного труда» и т. п. Именно они призваны обеспечить такое воздействие, особенно через государственные каналы, на процесс развития, которое отвечало бы интересам монополистического капитала США. Например, во время слушания в конгрессе вопроса о подготовке африканских студентов указывалось: «Политические перемены происходят неожиданно, и их последствия дорого нам обойдутся, если не принять основательные и своевременные меры для подготовки квалифицированных и способных руководителей»¹⁷.

Объектами экспансии являются прежде всего страны с прогрессивными режимами. Как отметило международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве (1969), в своем стремлении столкнуть эти страны с избранного ими пути империалисты пытаются «подчинить своему влиянию просветительные и культурные учреждения, средства массовой информации, организуют там свою контрреволюционную агентуру и поддерживают реакционные элементы в государственном аппарате и вооруженных силах»¹⁸.

В странах капиталистической ориентации, а также там, где империалистам США удалось поставить во главе режимов марионеточных деятелей, социальная экспансия оказывается зачастую единственным средством их сохранения у власти, в известной мере заменяя прямое вооруженное вмешательство империализма.

Помимо указанной классовой функции социальная экспансия выполняет также чисто экономические задачи монополистического капитала США: обеспечивает его инвестиции в развивающихся странах необходимыми кадрами специалистов из этих же стран, дает многомиллиардную экономию в результате возрастающего переманивания части национальных специалистов в США и т. д. Неудивительно, что обеспечение проектов создания профессиональной подготовки кадров, а также вообще среднего образования названо в качестве важнейших сфер деятельности Международного банка реконструкции и развития и его филиалов¹⁹. Характерно, что такие инвестиции рассматриваются в качестве важного источника повышения эффективности капиталистического производства и обеспечения нужного монополиям социального климата²⁰.

Не ограничиваясь только экономическим эффектом, социальная экспансия преследует далеко идущие политические цели империализма США. В начале 1983 г. в Вашингтоне была провозглашена «программа демократии и публичной дипломатии». Суть этой программы состоит, как известно, в том, что США пытаются присвоить себе право под предлогом «защиты демократии» осуществлять массированное вмешательство в дела других государств, прежде всего развивающихся, которые они хотели бы привязать к американской политике. С этой целью создан специальный координационный центр, возглавляемый помощником президента, определены конкретные направления и методы подрывной деятельности, выделяются крупные ассигнования,

Правительство США в качестве официальной государственной установки заявило о своем намерении навязывать остальному миру американские порядки как единственно возможные и обязательные. Ставится задача создания в других странах соответствующей «инфраструктуры», иными словами формирования своего рода «пятой колонны», в которую, как об этом прямо говорится, будут включены «люди и институты, связавшие себя обязательством способствовать демократическому развитию» (разумеется, на американский манер).

Это, в частности, предполагается осуществлять с помощью заблаговременной подготовки руководящих кадров для третьих стран, которые затем, придя к власти, могли бы защищать американские интересы. Ассигнуются дополнительные большие суммы на проникновение в политические партии, профсоюзы, деловые круги, религиозные организации, местные органы власти и судебнополицейские институты. Особое внимание уделено активизации подрывной работы ЦРУ и его филиалов.

Попытка подвести псевдондеологическую основу под империалистическую, экспансионистскую политику США по всем направлениям — военно-стратегическому, политическому и экономическому — означает, что объявленный ранее «крестовый поход» против коммунизма мыслится как поход против всех, кто не соглашается с навязываемой Вашингтоном политикой диктата и произвола.

Предпринимается попытка перейти от «экстенсивных» методов в экономической и социальной экспансии к более широкому использованию «интенсивных» методов. Впрочем, в этой политике неокOLONиализма не исключены и вероятны новые повороты, зигзаги, отступления, смена позиций и даже выдвижение очередных «новых рубежей».

Таким образом, современный неокOLONиализм представляет собой концентрированное выражение политики империализма в отношении развивающихся стран. Он отражает, с одной стороны, тактику империализма, вынужденного маневрировать в условиях глубоких преобразований, происходящих в мире под влиянием мировой системы социализма, борьбы народов освободившихся стран за свои жизненные права и насущные интересы, с другой стороны, практика современного неокOLONиализма свидетельствует, что в своих главных целях и методах империализм не изменяет своей антинародной сущности и даже в наиболее «радикальном» реформистском варианте модернизированный неокOLONиализм обеспечивает не столько прогресс, сколько деформацию экономического и социального развития освободившихся стран.

Экономические отношения с развивающимися странами и проблемы государственной экономической политики США

Внешняя политика, в том числе экономическая, всегда является логическим продолжением внутренней политики. Современный

неоколониализм также вытекает из существа внутренней политической монополистического капитала; своими специфическими средствами он предназначен содействовать развитию государственно-монополистического капитализма США, способствовать обогащению американских монополий.

Как показывают подсчеты, американские владельцы прямых инвестиций в развивающихся странах ежегодно получают прибыли, достигающие $\frac{1}{4}$ общей суммы таких инвестиций. Развивающиеся страны не только не получают средства из промышленно развитых капиталистических стран, но выплачивают последним все большую часть своих валютных поступлений. За 15 лет (1966—1980) монополии США вывезли в развивающиеся страны более 12 млрд. долл., а получили прибыли в пять с лишним раз больше — 65 млрд. долл.²¹ В 1981 г. прямые инвестиции США в развивающихся странах выросли на 2,8 млрд. долл. Вывоз же прибылей составил 7,6 млрд. долл.²²

Прибыли от прямых зарубежных инвестиций являются важной статьей поступлений в платежный баланс США. О степени заинтересованности американского империализма в получении доходов от зарубежных инвестиций в развивающихся странах свидетельствует следующее сопоставление. По сравнению с 1950 г. удельный вес этих стран в объеме американских прямых инвестиций уменьшился наполовину — с 48,7% до 24,7%. Доля же развивающихся стран в получаемых из-за границы прибылях составляет в настоящее время почти 50% (по отдельным годам отмечаются колебания от 37% до 55%). Причем норма прибыли выросла за 15 лет наполовину — с 16 до 22%. Не эти ли высокие проценты свидетельствуют, в частности, о подлинном смысле так называемых «жизненных интересов» монополий Соединенных Штатов в развивающихся странах?

Прямые инвестиции США в Латинской Америке обеспечили в 1966—1980 гг. 42% всех прибылей, полученных монополиями США в развивающихся странах. Остальные прибыли поступили из стран Азии и Африки. Основную часть прибылей в Латинской Америке (56%) обеспечили вложения в банковское, страховое, торговое дело и прочие отрасли, в то время как в Азии и Африке 84% прибылей за тот же 15-летний период дали инвестиции в нефтедобычу и нефтепереработку.

Неудивительно, что районы, откуда монополии США извлекали особо значительную прибыль (Латинская Америка, Ближний Восток), являются объектами наиболее интенсивных дипломатических и военных интриг Вашингтона, пытающегося с помощью неоколониалистских методов обеспечить свое «право» и впредь получать такие прибыли. Однако политических и военных средств оказывается недостаточно. Возникает потребность дополнять военно-политические усилия фондами экономической и военной помощи. Использование этого средства, ставшего традиционным для американской экспансии после второй мировой войны, становится необходимым вследствие еще одного обстоятельства, имеющего экон-

помический характер. Дело в том, что прямые инвестиции, равно как и займы, более охотно направляются в страны с более высоким уровнем дохода (к примеру, за 1978—1980 гг., согласно подсчету Центра ООН по ТНК, свыше половины всех прямых инвестиций в развивающихся странах приходилось на те из них, где ВНП на душу населения превышает 1 тыс. долл., и лишь 5% — на страны, где этот показатель был ниже 400 долл.). «География прибыльности» не всегда полностью совпадает с «географией военно-стратегических интересов». Поэтому помощь призвана не только дополнять военно-политические цели, но и отчасти корректировать стихийную деятельность частного бизнеса, который руководствуется лишь интересами извлечения прибыли. Впрочем, первое (военно-политические цели) является главным.

Достаточно обратиться к следующему перечню главных получателей американской экономической и военной помощи в 1981 г., чтобы наглядно убедиться в том, какие международные приоритеты установил для себя в то время американский империализм (млн. долл.)²³.

Экономическая помощь		Военная помощь	
Египет	1189	Израиль	1400
Израиль	785	Египет	551
Индия	244	Турция	252
Турция	200	Греция	177
Бангладеш	155	Южная Корея	161
Индонезия	128	Испания	126
Судан	105	Филиппины	76
Филиппины	92	Португалия	53
Перу	81	Таиланд	51

Помещая ныне капитал за границей с целью систематического присвоения прибавочной стоимости, произведенной трудящимися зарубежных стран, ведущие монополии подвергают при этом эксплуатации трудящихся своих стран, а также в определенной степени заставляют оплачивать условия для расширения экспансии другие слои населения у себя и за рубежом. В области вывоза капитала растет противоречие между верхушкой монополистического бизнеса и остальной частью общества капиталистического мира.

Ведущую роль в такого рода ориентации играют милитаристские круги, видящие залог силы американского империализма в укреплении военной мощи и навязывании другим странам и народам «американской воли» прежде всего силой (или угрозой) оружия. Сторонники такого подхода особенно отчетливо проявляют себя в последние годы. Новое подтверждение эта тенденция получила с приходом к власти правительства Р. Рейгана. Выражая взгляды администрации Р. Рейгана, бывший одно время государственным секретарем А. Хейг заявлял, что «помощь развитию позволяет Соединенным Штатам наряду с другими средствами оказывать влияние на экономические, социальные и политические

процессы за рубежом»²⁴. Он же провозгласил с трибуны ООН, что США «не намерены предоставлять помощь, оказывать моральную поддержку или повышать престиж международных политических платформ тех стран, которые подстрекают международное насилие» (т. е. борются за свободу и независимость)²⁵.

Об этих же тенденциях свидетельствует уменьшение масштабов экономической помощи по отношению к национальному продукту большинства развитых капиталистических стран. Во всяком случае, эти масштабы намного уступают требованиям развивающихся стран. О масштабах экономической помощи развивающимся странам в 1980 г. свидетельствуют следующие данные²⁶:

Страна	Млн. долл.	Процент к национальному продукту стран, оказывающих помощь
США	7091	0,27
Франция	4041	0,62
ФРГ	3513	0,48
Япония	3304	0,32
Англия	1785	0,34
Голландия	1577	0,99
Канада	1036	0,42
Швеция	923	0,76
Италия	678	0,17
Австралия	657	0,48
Бельгия	575	0,48
Норвегия	473	0,82
Дания	464	0,72
Швейцария	246	0,24
Австрия	174	0,23

Наряду с военно-политическими приоритетами в политике неокOLONиализма существует на первый взгляд и другой подход, отражающий непосредственные коммерческие интересы США. Представители этого направления всерьез обеспокоены быстрым ростом стран ЕЭС, расширением их внешнеэкономической экспансии, растущей конкуренцией со стороны Японии и ФРГ. Обращается внимание и на ту роль, которую «динамизация» внешнеэкономических отношений с освободившимися странами может сыграть в государственной политике развития производства.

Политика индустриализации развивающихся стран, создавая дополнительный спрос на продукцию обрабатывающих производств, в известной мере поддерживает экономику развитых капиталистических стран. Это — новый фактор капиталистического цикла, которого не было раньше и который мог бы усиливать спрос на промышленные изделия в развитых капиталистических странах. Сторонники расширения внешнеэкономических позиций хотели бы в максимальной степени поставить себе на службу этот «динамический» фактор. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), торговля с развивающимися странами, осуществляющими индустриализацию своих хозяйств, обеспечивала промышленно развитым капиталистическим странам заня-

тость на 900 тыс. рабочих мест в кризисные 1973—1977 гг.²⁷. Эксперты ЮНИДО отмечают, что поддержание и развитие торговли с развивающимися странами нередко существенно облегчает положение промышленно развитых капиталистических стран. Например, в 1975 г. экспорт стран ЕЭС в США сократился на 17%, экспорт ЕАСТ — на 3,3%. Однако увеличение экспорта в развивающиеся страны на 25 % смягчило трудности, порожденные кризисом и усугубленные протекционизмом США.

Доля развивающихся стран в товарном экспорте и импорте США может показаться довольно существенной (соответственно 37 и 47% в 1980 г.). Однако экономическую базу такой торговли вряд ли можно рассматривать как стабильную. Как известно, торговые отношения в капиталистическом мировом хозяйстве развиваются преимущественно между ведущими империалистическими державами. Значение многих видов сырья и продовольствия в американской экономике заметно уменьшилось. Правда, возросла роль бокситов, меди, железной руды, но их поставки из развивающихся стран не были столь значительны, чтобы перекрыть воздействие неблагоприятной тенденции, вызванной нестабильностью торговли сырьем. Неоколониализм США пытается направить диверсификацию хозяйств в многоукладных странах в сторону создания второстепенных вспомогательных отраслей хозяйства, предприятий неполного производственного цикла, представляющих лишь отдельные изолированные звенья промышленных комплексов, разбросанных в нескольких развивающихся странах. Такое дробление единого производственного цикла имеет не только технико-экономические, но и социально-политические аспекты; оно выражается в передаче в развивающиеся страны наиболее трудоемких циклов обрабатывающего производства, что позволяет монополистам США добиваться снижения издержек производства и укрепления позиций в конкурентной борьбе за счет расхищения местных природных ресурсов и нищенских ставок заработной платы.

Вообще же удельный вес товарооборота с развивающимися странами в американской экономике по сравнению с довоенным периодом уменьшился. Нельзя не заметить, что это устойчивая тенденция. Перелом мог бы наступить, как утверждают, с установлением более глубокой взаимозависимости американской экономики и хозяйств развивающихся стран на базе расширения международного движения капитала, формирования нового разделения труда. Однако в ближайшие годы такой перелом, очевидно, вряд ли произойдет, тем более что в государственно-монополистическом регулировании верх берут «прагматические» начала обеспечения текущих интересов монополий.

Такое замедленное развитие торгового оборота с развивающимися странами, как полагают эксперты, в перспективе может быть чревато для монополий США неблагоприятными экономическими и политическими последствиями, поскольку тем самым у американского капитала ограничиваются возможности оказания экономического воздействия на развивающиеся страны. Современный неоко-

лоннализм призван отчасти тем или иным путем решить эту проблему.

В условиях серьезных кризисных потрясений заметно стремление «удешевить» проведение политики неокOLONиализма, искать решения путем непосредственного политического воздействия, в том числе путем предъявления требований развивающимся странам проводить выгодный монополиям США курс с целью противодействовать мнимой «советской угрозе», «международному терроризму», под которым нередко подразумевается борьба народов этих стран за свое освобождение. Опыт показывает, что, несмотря на многочисленные провалы, империалисты США не прочь, если представляется возможность, прибегнуть и к прямому использованию военной силы против народов ради обеспечения корыстных интересов монополистического капитала.

Такого рода приоритет в пользу политических мер воздействия становится тем более привлекательным для неокOLONизаторов, что по классическим направлениям экономической экспансии возможности для империализма США далеко не адекватны притязаниям монополий.

Вообще, как показывает практика, представители военно-политических и коммерческих приоритетов в политике неокOLONиализма не в такой степени противостоят друг другу, как это может показаться на первый взгляд. Решаются одни и те же главные задачи государственно-монополистического капитализма. Но в первом случае они осуществляются более непосредственно — между государством и соответствующими монополиями, во втором — в систему неокOLONиалистской политики включается внешний рынок, который, как правило, еще требуется развить. В чистом виде ни одно из перечисленных направлений не действует, и в самой динамичной экономической программе неокOLONиалистской экспансии присутствует изрядная доля военно-политического консерватизма. В свою очередь, и сторонники консервативных взглядов не в состоянии игнорировать многомиллиардные доходы, получаемые из развивающихся стран ежегодно в форме прибылей и через неэквивалентный обмен в торговле.

Характерно, что монополии США все чаще обращаются к созданию в развивающихся странах своих филиалов, в которых им принадлежит относительно скромная доля капитала. Доля таких филиалов в общем количестве образованных американскими монополиями дочерних компаний в 60-е годы составляла 22% (т. е. несколько более $\frac{1}{5}$), в 1971—1975 гг. эта доля возросла до 28%, т. е. приблизилась к $\frac{1}{3}$. Хотя участие местного капитала делает функционирование таких филиалов более спокойным и надежным, США пока еще значительно уступают аналогичной практике японского капитала, который предпочитает быть в меньшинстве в 52% японских филиалов в Южной и Восточной Азии, 65% — в Африке. Создание филиалов также является элементом динамизации неокOLONиалистской политики в целях расширения экспансии капитала, развития торговли и т. д.

Большое значение для США и других промышленно развитых капиталистических стран имеют растущие платежи развивающихся стран за покупку технологии. Соединенные Штаты получают из этих стран примерно $\frac{1}{5}$ всех поступлений от продажи технологии, причем $\frac{2}{3}$ этой суммы выплачивают американским монополиям страны Латинской Америки.

Наконец, следует отметить еще одну область отношений США с развивающимися странами: движение «товара особого рода» — рабочей силы, также дающее существенную выгоду американским монополиям. Миграция ее идет в направлении, противоположном движению американского капитала, и принимает в настоящее время форму прилива специалистов, в которых нуждаются Соединенные Штаты (особенно врачей, среднего медицинского персонала, инженеров, научных работников и т. д.). По данным ЮНКТАД, с 1961 по 1980 г. из развивающихся стран в империалистические страны эмигрировало свыше 500 тыс. специалистов, прежде всего в США, Англию, Канаду. На эти страны, по подсчетам экспертов ЮНИДО, приходится 45% всей «утечки умов» из развивающихся стран²⁸. Экономия на «краже умов» дает монополиям США миллиардную прибыль. Например, по оценке экспертов, США в 70-х годах обеспечивали себе 28% роста инженерных кадров за счет переманивания специалистов из развивающихся стран. Общая стоимость такой квалифицированной рабочей силы, полученной указанными тремя развитыми капиталистическими странами, оценивается в 46 млрд. долл. в год, т. е., как пишут эксперты ЮНИДО, «почти равняется всей государственной помощи на цели развития, получаемой из этих стран»²⁹. Но в то же время «кража умов» сужает возможности для приложения капиталов в развивающихся странах, реализации там американских товаров и т. д. Это противоречие между стратегическими целями капитала и непосредственными интересами монополий политика «партнерства» пытается решить с помощью различных мер социальной экспансии, выражающейся в насаждении выгодных для иностранных монополий форм и методов хозяйствования, «воспитании» в развивающихся странах своей «пятой колонны» и т. д.

Государственная поддержка неокOLONиалистской экспансии монополий США стоит в одном ряду с мерами поощрения накопления, в первую очередь за счет усиления эксплуатации трудящихся. Особенность этой формы содействия развитию монополистического капитала состоит в «избирательности» подхода. Налоговые льготы корпорациям внешне имеют тот же эффект, но их воздействие более рассеяно по всему бизнесу, хотя основными получателями выгоды оказываются, конечно, крупные монополии. Поддержка торговли, вывоза капитала и социальной экспансии в развивающиеся страны оказывает помощь в первую очередь ведущим монополиям, потому что только они в состоянии осуществлять широкие операции за границей и играют главную роль в «коллективных» операциях монополистического капитала.

Указанная черта неокOLONиалистской экспансии не является

чем-то принципиально новым в деле государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики. Политика селективного протекционизма стала нормой, обычной практикой, позволяющей защищать интересы отдельных отраслей (или отдельных продуцентов)³⁰.

Внешнеэкономический сектор более важен для национального хозяйства США, чем оперирование относительно небольшой долей товаров, услуг, капиталов, измеряющей степень современного «разделения труда» между США и развивающимися странами. Через преимущества, которые «стихийный» рыночный механизм предоставляет (при помощи государства) ведущим монополиям, внешнеэкономический сектор выступает в качестве одного из рычагов воздействия на процесс воспроизводства капитала.

Таким образом, можно сделать вывод, что развивающиеся страны занимают хотя относительно и подчиненное, но вместе с тем весьма важное и перспективное место во внешнеэкономическом секторе и системе мер государственно-монополистического регулирования экономики США. Это соответственно определяет их положение в комплексе интересов американских монополий. При уменьшении удельного веса ассигнований на «помощь» в валовом национальном продукте роль этой «помощи» для американской экономики возросла. Значение развивающихся стран в экономической политике США существенно увеличивается в связи с теми функциями, которые отводятся им в мероприятиях государственно-монополистического капитализма с целью расширения рынка сбыта.

70-е годы, как известно, ознаменовались значительными сдвигами в системе международных отношений. Настойчивая борьба стран социализма, сил мира и социального прогресса за разрядку международной напряженности заставили империалистические круги пойти на определенные уступки, маневрировать. Вопреки клеветническим утверждениям разного рода псевдореволюционных элементов о том, что разрядка означает якобы сохранение «социального статус-кво» и «мешает» революционной борьбе народов, за последние годы в зоне национально-освободительного движения были одержаны новые значительные победы: потерпела крах военная интервенция империализма в Индокитае; вьетнамский народ добился воссоединения своей страны; образовались Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия. Почти одновременно с победами освободительного движения в Индокитае рухнула португальская колониальная империя в Африке. Затем настала очередь Афганистана, Никарагуа. Пал тиранический шахский режим в Иране. Попытки империализма США, его союзников изменить такого рода развитие международных отношений оказались несостоятельными.

Борьба развивающихся стран за коренную перестройку их экономических взаимоотношений с капиталистическим миром приносит ощутимые плоды, свидетельствует о возросших возможностях антиколониальных сил, об их позитивном влиянии в области реше-

ния ключевых международных проблем. Выдвинута концепция нового международного экономического порядка (НМЭП), включающая ряд важных антиимпериалистических требований.

Экспертные прогнозы указывают на необходимость значительного увеличения доли инвестиций в ВВП: в странах Латинской Америки с 17—20% в 1971 г. до 31—33% к 2000 г., в Африке — с 15 до 20—21, в Азии — с 15 до 21%. Темпы роста ВВП в 4—6% соответствуют доле инвестиций в ВВП в 20%; 7—8% — доле инвестиций в 30%, 10% и более — доле до 40%³⁴. Для того чтобы согласно программе ЮНИДО добиться увеличения доли развивающихся стран в общем выпуске промышленной продукции с 7% в 1975 г. до 25% в 2000 г., необходимо, чтобы инвестиции к концу столетия составили (в долл. 1972 г.) в Африке 123,7 млрд., в Азии — 327,7 млрд., в Латинской Америке — 725,6 млрд., на Ближнем и Среднем Востоке — 171,1 млрд.

Достижение таких экономических рубежей может стать реальным лишь в том случае, если поставить под эффективный контроль иностранные капиталовложения, осуществить прогрессивные внутренние преобразования в интересах трудящихся масс, обуздать развязанную империализмом гонку вооружений и экономленные таким образом средства направить на цели развития и, разумеется, ликвидировать систему международной эксплуатации, на чем настаивают развивающиеся и социалистические страны.

Напуганные таким нежелательным для них направлением развития международных отношений, империалистические державы, прежде всего империализм США, активизируют свою неокOLONIALISTскую политику на основе «взаимозависимости».

Наглядным примером избранной Западом тактики нажима на развивающиеся страны может служить так называемая конференция «Север—Юг», состоявшаяся в Париже вне рамок ООН и без участия социалистических стран с апреля 1975 г. по июнь 1977 г. при участии 27 представителей (7 представителей империалистических стран, 1 — ЕЭС и 19 — развивающихся стран). Итоги конференции оказались весьма скромными: Запад на словах дал принципиальное согласие выделить 1 млрд. долл. для стабилизации цен на сырье. Была несколько увеличена экономическая помощь по государственной линии и по каналам МВФ, МБРР и ряда других международных институтов, находящихся под контролем международного капитала. В рамках МВФ в конце 70-х годов был создан так называемый «фонд Виттевена» в размере 10 млрд. долл. для оказания помощи странам — членам МВФ.

В то время как буржуазная дипломатия официально, в том числе в рамках ООН, держит «линию обороны» и проводит тактику отсрочек, ТНК в контакте с правительственной дипломатией пытаются торпедировать платформу НМЭП как в целом, так и на отдельных участках мировой торговли, одновременно организуя лоббистскую осаду ООН и ее органов. В сырьевой торговле ТНК соглашаются не на «интегрированную программу по сырью», а лишь на отдельные товарные соглашения, причем по тем товарам,

над ценообразованием которых они утратили свой прямой контроль, и на «свободу рынков» там, где этот контроль сохраняется. ТНК оказывают также упорное противодействие в области передачи технологии и расширения переработки сырья на местах добычи. Они настаивают на том, чтобы перемещение предприятий обрабатывающей промышленности в развивающиеся страны осуществлялось не в рамках международных программ, а лишь в порядке их собственных решений, основанных на критериях прибыльности³². ТНК отказываются выносить в развивающиеся страны свою научно-исследовательскую базу, предпочитая вместо этого переманивать их ученых. Обструкционистская позиция Запада, прежде всего США, в полной мере проявляется в вопросе о разработке Кодекса поведения ТНК, который западная дипломатия хотела бы подменить сочетанием кодекса инвестиций и кодекса поведения развивающихся стран в отношении иностранных капиталов³³.

На переговорах о режиме эксплуатации морского дна империалистические страны и ТНК выступают против его международной регламентации и за «доступ технически сильнейших» к односторонней разработке ресурсов. Запад возражает против перестройки международного регулирования морских перевозок, где империалистические монополии по-прежнему контролируют фрахтообразование и наживаются на использовании судов под «удобными флагами».

Развивающиеся страны, поддержанные социалистическими государствами, выступают за проведение «глобальных переговоров» по проблемам сырья, энергетики, торговли, развития валютно-финансовых отношений, рассматривая это как действенное средство разработки и осуществления НМЭП. Однако из-за обструкционистской позиции, занятой США, Великобританией и ФРГ, эта инициатива не реализуется. В то же время Запад через делегацию Бельгии внес проект «Пакта о солидарном развитии», согласно которому все «богатые страны... должны взять на себя обязательство ежегодно отчислять определенную сумму государственной помощи на цели развития». Вместо конструктивного подхода к решению проблем развития в ход пущен таким образом еще один вариант пресловутой теории о «богатых и бедных нациях».

В сфере мирохозяйственных связей идеи «взаимозависимости» используются для «увязывания» интересов национального капитала других государств и монополистического капитала США. Специфика «взаимозависимости» состоит в данном случае в том, что различные формы внешней экспансии более решительно сводятся в рамках этой политики к единому общему знаменателю — облегчению условий для получения прибыли элитой американского империализма, его ведущими монополиями (этой цели, в частности, служит обычная оговорка при реализации многих государственных мер внешней экспансии: «Если это не вредит существующим американским интересам за рубежом»). Ныне эта оговорка дополнена «ссылкой» на «необходимость» защиты «жизненных

интересов США»). Новейшим примером использования торгово-экономических отношений в качестве орудия прямого политического давления и вмешательства во внутренние дела суверенных государств является, как отметил представитель СССР на ЮНКТАД-VI (1983 г.), заявление участников встречи глав империалистических стран в Вильямсберге о намерении руководствоваться пресловутыми «интересами в сфере безопасности» во всех экономических связях Восток — Запад.

Несмотря на определенное уменьшение удельного веса США в международном движении капиталов, почти половину всех прямых частных иностранных инвестиций в развивающихся странах (49,1% в 1978 г.) составляли американские капиталы. Это значительные суммы³⁴. Если учесть, что капиталовложения, поступающие формально из Канады, также в значительной мере являются американскими, то доля США, несомненно, превысит 50%.

Возрастающее значение придается теперь в США торговле на базе формирования «нового» международного разделения труда. Взамен действовавшего ранее принципа «даже при меньшем товарном экспорте больше вывозить» (когда торговля включала в себя элементы «помощи» и дополняла социальные функции вывоза капитала) все большую роль играет вывоз капитала по принципу «даже при меньшем вывозе больше инвестировать».

Действуя в этом направлении, международный капитал стремится поставить под свой контроль процесс индустриализации развивающихся стран, использовать его в своих интересах. Если раньше основная масса иностранных капиталовложений направлялась в горнодобывающую промышленность и производство растительного сырья, то в настоящее время уже более 40% новых инвестиций идет в обрабатывающее производство³⁵. В развивающиеся страны перемещаются подчас экологически «грязные» производства, а также трудо-, энерго- и материалоемкие отрасли промышленности. В ряде развивающихся стран и территорий создаются филиалы ТНК, являющиеся, по существу, отдельными цехами производства. Вся продукция этих «цехов» вывозится в развитые капиталистические страны. Именно так действуют ТНК в Сингапуре, на Тайване, в Южной Корее, Гонконге, Мексике, Бразилии, Тунисе. Подобная индустриализация ведет к новой форме подчинения — «технологической зависимости».

Следующая специфическая черта современной политики неокOLONиализма США, направленной на расширение экспансии американских монополий, также служит цели концентрации этой экспансии. От стран, являющихся объектами неокOLONиалистской политики, требуют в максимальной степени использовать свои собственные ресурсы для обеспечения интересов иностранных монополий. Как заявил А. Хейг с трибуны ООН в сентябре 1981 г., целью США является «стимулирование местных и внешних частных капиталовложений. Мы должны оказывать поддержку и помощь частным инвесторам»³⁶.

Еще одна специфическая черта характеризует «динамизацию»

неоколониалистской политики США. Более дифференцированным становится подход к отдельным объектам этой политики. Выделив узкую группу стран в качестве основных получателей американской «помощи», США стали уделять больше внимания расширению региональной кооперации самих развивающихся стран. Она может предшествовать широкому развитию двусторонних связей США с развивающимися странами (в Африке), но может складываться и на базе уже имеющихся интенсивных связей с американским капиталом (в Центральной Америке). Региональная кооперация может быть союзником американского империализма в разрушении «традиционной» системы мирохозяйственных связей, оставшихся от колониализма (например, в отношении стран-«франкофонов»), а также в борьбе с его новыми конкурентами (например, с Японией в Азии). Фактически речь идет о том, чтобы содействовать формированию систем локального империализма, которые были бы своего рода «периферийными губерниями» империализма США.

Развитие отношений на региональной основе — одно из мирохозяйственных начал неоколониалистского «партнерства». Регионализм в капиталистическом мировом хозяйстве обладает для государственно-монополистического капитала США рядом несомненных преимуществ (благодаря наличию двусторонних контактов). В условиях краха колониальной системы регионализм оказывается наиболее благоприятной формой сохранения и развития старых по своей сути, но новых по организационному оформлению отношений империалистических центров и фактически зависимой периферии. С позиций монополий США, это своего рода империалистическая интеграция, которая реализуется, минуя домонополистическую стадию развития национальных хозяйств. Логическим следствием этого является еще одна существенная для монополий США качественная черта такого пути развития регионализма — передел рынков и сфер влияния на новой основе и в соответствии с сложившимся соотношением сил в капиталистическом мировом хозяйстве.

Наконец, регионализм даст возможность классовым союзникам и младшим партнерам империалистических монополий — национальным капиталам самих развивающихся стран включиться в качестве субъектов в мирохозяйственные связи капитализма, занять «место под солнцем» за счет других развивающихся стран. Регионализм противопоставляет одни развивающиеся страны другим, закрепляет этот раскол. Это своего рода ренессанс, но уже на новой основе локальных рынков прошлого.

Как и другие проявления «взаимозависимости», выгодный для империалистических монополий регионализм имеет в своей основе реально существующие потребности экономического и социального прогресса развивающихся стран. В этом смысле он, по сути дела, не отличается от рассмотренных выше форм торгово-экономической и социальной экспансии. Нужда в источниках накопления в развивающихся странах позволяет империалистическим державам расширять на модифицированных условиях вывоз капитала. По-

требность в технических знаниях еще более облегчает этот процесс, позволяя монополиям экспортировать капитал в красочной упаковке технических нововведений. Острейшая нехватка квалифицированных национальных кадров, способных осуществлять современное производство и соответственно модернизировать общественную жизнь своих стран, служит благоприятным поводом для интервенции в социальную сферу. Целесообразность планомерного и взаимодополняемого развития отдельных секторов национальных хозяйств, максимального исключения распыленности ресурсов находит «прагматический ответ» в форме попыток неоколониалистского «партнерства» империалистических держав, к которому подключается и местный капитал самих развивающихся стран.

Региональной кооперации США стали придавать особое значение с начала 60-х годов. Ее высшей формой является ускоренная интеграция капиталов в странах, служащих объектами экспансии, причем в этой интеграции принимает участие и капитал самих развивающихся стран, включая государственный сектор. Более широко распространенную форму региональной кооперации представляет собой интеграция экономической и социальной политики национальных государств с мирохозяйственной политикой государственно-монополистического капитализма. Основой интеграции выступают вторичные производственные отношения, мировой капиталистический рынок.

Складывающиеся локальные системы мирового капиталистического хозяйства являются фактом. США занимают здесь наиболее экспансионистские и по-своему гибкие позиции. Они проявляют готовность использовать старые формы региональной кооперации, но постоянно подчеркивают стремление к развитию регионализма на новой основе. США сосредоточили свою помощь на ограниченном числе стран, но пытаются найти различные заменители и суррогатные средства, чтобы на региональном и даже мирохозяйственном уровнях это не ослабляло влияния американского капитала на экономическую и социальную жизнь остальных развивающихся стран.

И, наконец, еще одна черта современного неоколониализма США, вытекающая из изложенных выше характеристик. Каждая существующая форма государственного содействия экономической и социальной экспансии имеет в принципе временный характер. Эти формы, несомненно, сохранятся и будут еще долго действовать как орудие межимпериалистической борьбы. Сохранится и потребность в государственных капиталовложениях и субсидиях как средствах поддержки экспансии монополистического капитала. Однако, как только появится возможность отказаться от различных форм субсидийной поддержки частного бизнеса за рубежом и капиталистических норм хозяйствования через систему «вторичных» производственных отношений, от этих обременительных выплат будут, безусловно, отказываться. По оценке ЮНИДО, уже более 85% внешнего финансирования обеспечивается ресурсами, не содержащими элементов субсидий³⁷.

От указанных мер «взаимозависимости» империализм США отказывается и в тех случаях, когда освободительное движение народов приобретает особенно опасный для него характер. Тогда, как показывает опыт, некоторые безрассудные деятели готовы прибегнуть к любой военной аванюре, чтобы попытаться сохранить свои пошатнувшиеся позиции, прикрываясь лозунгами защиты «жизненных интересов».

Глава VI

НЕОКОЛОНИАЛИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН США

Во второй половине XX в. и особенно в конце 70-х — начале 80-х годов в Соединенных Штатах Америки резко активизировались те экспансионистские силы, которые положили неокOLONиализм в основу своей идеологической, дипломатической и военно-политической стратегии. Наступление на международную разрядку, национальный суверенитет и равноправное сотрудничество стран, беспрецедентное усиление милитаризма и открытая ставка на политику силы, острые рецидивы антисоветизма и антикоммунизма, новые притязания на мировое господство — все это свидетельствует о том, что после разгрома фашизма в Европе центр международной экспансии и войн переместился в США.

Превращение США в главную международную силу неокOLONиализма обусловлено объективными историческими факторами и связано с раскрытыми В. И. Лениным характерными свойствами монополистического капитала США, который в XX в. действует на мировой арене как «самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы», и проявляет себя «на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»¹.

Выдвижение США в качестве основной, ударной силы неокOLONиализма во второй половине XX в. непосредственно связано также с необратимым кризисом и развалом старых колониальных империй, утратой ими былой мощи и крахом колониальной системы.

Современный неокOLONиализм в США представляет собой идейно-политическое оружие ультраправых, наиболее агрессивных сил империализма, которые видят в нем средство преодоления глубоких кризисных процессов монополистического капитала в США и достижения имперских целей «мирового господства». Отсюда его милитаристская направленность, авантюризм и реакционный утопизм. Американскому варианту идеологии неокOLONиализма присущи такие характерные особенности, как органическая связь с государственной «политикой силы» и, следовательно, функционирование неокOLONиализма в качестве официальной экспансионистской идеологии; расчеты на антинаучные и реакционные идеи геополитики как «теоретическое обоснование» глобальных притязаний

США, идеологическое обслуживание военно-промышленного комплекса, активное использование антисоветизма и антикоммунизма в качестве важнейших аргументов «прикрытия» политики неокOLONиализма. Различные идеологические концепции неокOLONиализма — «защиты жизненных интересов США», «борьбы против международного терроризма», «модернизации» и «вестернизации» развивающихся стран, экспорта «американизма» — призваны служить борьбе против национально-освободительного движения, оправданию политики американского диктата и экспорта контрреволюции.

Научный анализ неокOLONиализма США, как подчеркнуто в Программе Коммунистической партии Соединенных Штатов, должен основываться на ленинской методологии и теории империализма. В разделе «Империализм США» дается глубокое обобщение самой сущности и главных компонентов неокOLONиализма США, исходя из анализа В. И. Лениным империализма и его специфического выражения в «самой могущественной империалистической державе современного мира»: «Для нашего века наиболее типична форма неокOLONиализма, в которой особенно преуспел империализм Соединенных Штатов благодаря опыту, приобретенному в Латинской Америке... Путем экономического проникновения, военных интервенций, дипломатических интриг и заговоров монополии Соединенных Штатов установили полный экономический и политический контроль в этих странах... Со времени второй мировой войны империализм США усиленно переносит этот опыт на весь „свободный мир“. Основной формой империалистического господства США стал неокOLONиализм, однако США продолжают удерживать ряд колоний — Пуэрто-Рико, Гуам, Виргинские острова, Американское Самоа и др. Они превратили Гавайи в военный авангард и грабят ресурсы Аляски, прибегнув к уловке включения этих территорий в состав Соединенных Штатов в качестве штатов»².

НеокOLONиалистская сущность всех современных внешнеполитических доктрин США независимо от их названий — «нового американизма», «жизненных интересов США», «новой геополитики» и пр. — непосредственно обусловлена экспансионистской природой империализма США, его агрессивной военно-политической стратегией. Об этом убедительно свидетельствует политика неокOLONиализма США, проводимая в Центральной и Латинской Америке, Африке и Азии. Так, Микронезия, включающая три громадных архипелага в западной части Тихого океана — Маршалловы, Каролинские и Марианские острова (всего около 2100 островов), захваченная США на рубеже XIX — XX вв., до сих пор насильственно удерживается как составная часть колониальной империи США. Закономерна поэтому, а отнюдь не случайна тенденция, направленная на теоретическое и идеологическое обоснование внешнеполитической стратегии неокOLONиализма в США, тенденция апологии неокOLONиалистской экспансии в официальных доктринах.

Геополитика как идеологическое обоснование неоколониализма США

Геополитика как антинаучная доктрина, стремящаяся путем извращенного толкования данных экономической, политической и физической географии обосновать притязания США на «мировое господство», стала открыто и активно проповедоваться в США еще в ходе второй мировой войны и после нее. Так, апологет глобальной экспансии США, социолог, историк и географ Н. Спикмен в книгах «Американская стратегия в мировой политике»³ и «География мирового устройства»⁴, социолог и географ Э. Хантингтон в книге «Главные движущие силы цивилизации»⁵, политолог Дж. Киффер в книгах «Реальность мирового могущества»⁶ и «Стратегия выживания»⁷ уже в 40-е—50-е годы обосновывали с помощью геополитического аргумента «жизненного пространства» стратегию глобальной экспансии США и завоевания силой «мирового господства».

В 80-е годы пришедшие к власти в США так называемые неоконсервативные круги — ультраправые и наиболее агрессивные силы империализма — поставили геополитику во главу угла своей официальной идеологии и военной стратегии. Геополитика как идеология и практика экспансии США в XX в., как правило, обосновывалась антинаучными концепциями «американской исключительности» и «мирового лидерства» США. Геополитика активно эксплуатировалась Соединенными Штатами еще в «доктрине Монро», а после второй мировой войны в империалистических доктринах Трумэна, Маршалла, Даллеса, Эйзенхауэра, Джонсона, Никсона, Картера и Рейгана.

Принципы геополитики лежат в основе таких официально провозглашенных в США односторонних концепций, как концепции «сферы жизненных интересов», «силовых вакуумов», «трехсторонней доктрины», положенных в основу деятельности Трехсторонней комиссии. Пропаганда подобных геополитических идей свидетельствует о том, что экспансионистские силы в США фактически выступают в качестве преемников фашистской Германии и империалистической Японии, а также «старых» колониальных империй. Многие американские высшие официальные деятели, военные, идеологи и дипломаты в настоящее время демонстративно отстаивают геополитику Соединенных Штатов как выражение «жизненных государственных интересов». Глава политической администрации США Р. Рейган опубликовал в начале 80-х годов в органе монополистического капитала «Уоллстрит джорнэл» программное заявление, в котором он прямо говорил о геополитических интересах США применительно к Карибскому региону и Пуэрто-Рико: «Пуэрто-Рико следует рассматривать как геополитический бастион США, и американская политика в отношении этой страны должна строиться исходя из геополитических интересов Вашингтона, направленных на сохранение его контроля над Карибским бассейном»⁸.

Исторические факты и современный внешнеполитический курс США подтверждают тождество официально признаваемой Р. Рейганом геополитики США и неоколониализма в действии. Так, Пуэрто-Рико, одна из немногих в настоящее время колоний, была захвачена США в 1898 г. в ходе войны с Испанией; в 1952 г. ей был навязан статус «свободно присоединившегося к США государства». Конгрессу и Верховному суду США принадлежат высшая законодательная и судебная власть в Пуэрто-Рико, народ лишен суверенных прав и права на межгосударственные связи. В Пуэрто-Рико размещены 13 военных баз США с ядерным оружием; неоколонизаторы проводят политику подавления национально-освободительных сил.

С принятием на вооружение «доктрины Монро», как отмечает политолог У. Симпсон, «США взяли на себя роль собственника в отношении всего Западного полушария»⁹. Это подтверждают многочисленные военные интервенции США, начиная с аннексии у Мексики территорий Техаса и Калифорнии, захвата Панамского канала и кончая десятками агрессивных акций и переворотов в последующие годы. В начале XX в. американские геополитические интересы мотивировались, как пишет У. Симпсон, мистическими, мессианскими «доводами»: «Зарубежные страны несправедливо пытались воспрепятствовать выполнению предначертанного нам судьбой долга — занять весь континент»¹⁰. С победой социализма в Советском Союзе, созданием мировой социалистической системы и новым этапом антиколониального движения во всем мире главными «аргументами» геополитики США стали антисоветизм, антикоммунизм и претензии на «мировое руководство». Западные, в том числе американские, исследователи признают, что под прямым воздействием гегемонистской и антикоммунистической идеологии «использование доктрины Трумэна все более расширялось, пока не дошло до логического абсурда», что этот курс правящих кругов США привел к «подчинению всех внутрисполитических нужд интересам холодной войны»¹¹.

Многочисленные исследования в США и за рубежом вскрывают — одни критически, другие апологетически — характерные черты и проявления геополитики США. Видный политолог А. Шлессинджер, например, критически рассматривает тенденцию превращения международной политики США с ее «вседозволенностью средств» в автократическую и тоталитарную стратегию правящих сил — в «имперскую политику» и «имперское президентство»¹². Идеологи и политики государств НАТО, одобряя в целом курс антикоммунизма и неоколониализма, который проводят США, не могут не испытывать серьезную тревогу, как пишет французский идеолог Р. Арон, в связи с превращением США в «державу-гегемона», которая после второй мировой войны проводит исключительно «имперскую политику» и «имперскую дипломатию»¹³. Взаимосвязь геополитической стратегии США с антикоммунизмом и неоколониализмом составляет сущность блока НАТО. В качестве официального идеологического обоснования НАТО США выдвигают

нули «атлантическую идеологию» (или доктрину «атлантизма»), которая призвана решить такую первостепенную задачу, как создание под эгидой США военного союза, проводящего выгодную для них глобальную политику и всеми средствами противодействующего революциям в развивающемся мире, Советскому Союзу и странам социализма¹⁴.

Органическая связь геополитики США с неоколониализмом и антикоммунизмом признается в подготовленном Академией политических наук США труде «Советская угроза. Мифы и действительность», созданном группой дипломатов, военачальников, социологов, экономистов и юристов. В разделе, озаглавленном «Ответ на вызов СССР», в докладе генерала М. Тейлора «Реальность советской угрозы» автор исходит именно из неоколониализма и антисоветизма для обоснования геополитики — стратегии «глобального господства» США¹⁵. М. Тейлор утверждает, что Россия якобы всегда была и остается извечным врагом США в борьбе за «мировое господство», что главная цель обеих держав — «всемирная победа». М. Тейлор обосновывает необходимость достижения геополитических целей США «любыми средствами», включая мировую термоядерную войну. Главным аргументом геополитической стратегии США служит грубая фальсификация ленинизма. М. Тейлор отмечает, что в основе враждебности США к СССР лежит то обстоятельство, что Советский Союз руководствуется ленинским учением, доказывающим неизбежность классовой борьбы и революций, исторически ведущих к падению капитализма; это оценивается Тейлором как якобы «экспансионистские цели» СССР и делается вывод о том, что «отношения между США и Советским Союзом будут нарушаться постоянными конфликтами». Стремясь обосновать агрессивную геополитику США, М. Тейлор заявляет, что Советский Союз имеет достаточную военную силу для нанесения США «непоправимого ущерба» и «достаточно оснований для того, чтобы использовать эту силу, принимая во внимание естественное соперничество между двумя сверхдержавами»¹⁶.

Идеологи и политики США для обоснования своей геополитики в освободившихся странах придают особое значение антикоммунистической «аргументации». В этом случае антикоммунизм используется для оправдания идеологии неоколониализма, для грубого извращения сущности национально-освободительных революций. Директор одного из советологических центров в Совете международных отношений Р. Легвольд заявляет, что «нестабильность в третьем мире блокировала развитие советско-американских отношений. В период от гражданской войны в Анголе в 1975 г. до иранской революции в 1978 г. беспорядок оттеснил на задний план все иные соображения в этих взаимоотношениях, причем следует учитывать и рост советской военной мощи, угрозу которой оно (революционное движение в развивающемся мире.— Авт.) еще более усугубляет»¹⁷.

Борьбу народов против внутренней реакции и сил неоколони-

лизма идеологи и политики в США квалифицируют как «нарушение стабильности» и «беспорядок». Беспорядочная помощь Советского Союза и других социалистических стран национально-освободительному движению трактуется американскими идеологами как «экспорт революции». Этот антикоммунистический миф упорно проповедует ведущий орган антикоммунизма в США журнал «Проблемс оф комьюнизм». Так, руководитель отдела планирования политики центра военно-морских исследований в Арлингтоне Б. Дисмьюкс и политолог Ю. Макконел в своей опубликованной в этом журнале статье «Советская дипломатия силы в третьем мире» выступают с прямыми угрозами в адрес СССР и других социалистических стран, оказывающих помощь освободительной борьбе народов. Авторы расценивают как «вызов» геополитике США то обстоятельство, что Советский Союз создал для обороны могучие вооруженные силы. Они заявляют, что геополитику США может обеспечить лишь полное превосходство их военно-морских сил, что «эра дипломатии канонеров ни в коей мере не завершается» и что имеются все основания предполагать, что конфликты будут множиться в результате присутствия и соперничества двух сверхдержав во всех регионах развивающегося мира¹⁸.

Идеологи американского неокOLONиализма в качестве «платы» за мир требуют, чтобы народы бывших колоний отказались от дальнейшей борьбы за национальное и социальное освобождение, чтобы Советский Союз, другие социалистические страны перестали оказывать помощь этим народам и чтобы все человечество смирилось с геополитическими претензиями США на «мировое руководство». А до тех пор развивающийся мир будут сотрясать все более трагические конфликты, вину и ответственность за которые США пытаются возложить на СССР, страны социализма и революционно-демократические движения. Так, в обзоре «Москва и третий мир: идеология против политики силы» названный выше американский журнал утверждает, что причиной ожесточенной борьбы в развивающемся мире является «политическая поддержка Москвой так называемых революционно-демократических и прочих революционных партий»¹⁹. При этом реакционные проамериканские силы в Африке изображаются как «умеренные», «миролюбивые», «выражающие волю африканцев», а политика США, опирающаяся на эти элементы, как «щедрая и бескорыстная», направленная на противодействие «революционным экстремистам»²⁰.

Закономерное развитие исторических событий во второй половине XX в. в бывших колониальных странах — национально-освободительные революции и поражение империализма, победа в ряде стран прогрессивных революционно-демократических движений и успешное развитие отношений этих стран с Советским Союзом и мировым социалистическим содружеством в целом — страшит идеологов неокOLONиализма и вызывает их классовую ненависть. Национально-освободительная борьба становится непреодолимым барьером для геополитики США. Именно поэтому силы империализма стремятся подорвать революционную демократию. Они ви-

дят «угрозу» для США даже в мирных договорах о дружбе и сотрудничестве этих стран с Советским Союзом. «Невозможно отрицать, что Советский Союз добился за последние годы ряда важных побед, в особенности изгнания Соединенных Штатов из Индокитая, утверждения поддерживающих СССР систем в Анголе, Эфиопии, Афганистане и Южном Йемене, — озабоченно заявляют приверженцы неоколониализма. — Растущая всемирная советская военная и политическая мощь символически выразилась в успешном заключении договоров о дружбе с семью такими крупными странами, как Ангола, Мозамбик и Эфиопия в Африке, Ирак, Афганистан, Индия и Вьетнам в Азии»²¹.

Убедительным подтверждением опасного для миролюбивых стран и народов сочетания неоколониализма и антикоммунизма в геополитике США является подрывная деятельность ЦРУ и иных спецслужб США. В обстоятельном исследовании «Центральное разведывательное управление» финские ученые И. Линдфорс и И. Рнслакки приходят к заключению, что «деятельность ЦРУ невозможно рассматривать в отрыве от глобальных целей внешней политики США»²². Анализ деятельности ЦРУ и десяти других спецслужб США, в которых занято 150 тыс. человек, а годовой бюджет составляет более 11 млрд. долл., свидетельствует о том, что, обосновывая свои подрывные действия необходимостью «защищать американские интересы», в действительности эта «разведывательная империя» служит геополитике монополистического капитала и военно-промышленного комплекса. Авторы подтверждают это на примерах «глобального характера деятельности ЦРУ» в десятках стран (например, в Гватемале, на Кубе, во Вьетнаме, в Конго, Анголе, Гайане, Иране, Доминиканской Республике, Ямайке, Чили), подрывной деятельности ЦРУ против социалистических стран и особенно против СССР.

Связь неоколониализма и антикоммунизма с геополитикой США в концентрированной форме нашла свое проявление в концепции «американизма» и ультраправого «нового американизма». Известный американский идеолог Д. Белл пишет, что «в лучшую пору имперской республики» — период широкой экспансии Соединенных Штатов в мире «мощный американизм как путеводная звезда повел американцев за океаны»²³. И хотя он вынужден констатировать, что в результате революционных преобразований во второй половине XX в. «эта путеводная звезда сегодня оказалась разбитой и американизм обессилел», Д. Белл тем не менее следующим образом формулирует далеко идущие расчеты геополитики США: «В обозримом будущем Соединенные Штаты все еще будут державой высшего порядка, хотя не могут оставаться державой-гегемоном»²⁴.

Дело не в терминологии, а в реакционной сущности «американизма» как шовинистической идеологии, применяемой для оправдания агрессивной геополитики США. Исторический опыт доказывает абсолютную беспочвенность расчетов геополитиков, построенных на мнимом «всемогуществе» США. Прогрессивный амери-

канский ученый У. Помрой делает обоснованное заключение: «Американский неоколониализм, который часто обосновывают могуществом американского производства и американского доллара, в действительности порожден противоречиями американского империализма как внутри США, так и на мировой арене»²⁵. У. Помрой доказывает обреченность и неизбежное поражение геополитики США с помощью таких исторических фактов, как победа народов Вьетнама и других стран в освободительной борьбе против США.

Существенным компонентом геополитических планов США является осуществление стратегии неоколониализма подчиненными им военными блоками и государствами-сателлитами типа Израиля, ЮАР и других. По словам ныне покойного председателя Южно-Африканской Коммунистической партии, Ю. Даду, в этих геополитических планах ЮАР отводится роль главного оплота неоколониализма в Тропической и Южной Африке²⁶.

Геополитика лежит и в основе военно-политической стратегии и дипломатии США в Латинской Америке, что нашло выражение в разработанной администрацией Р. Рейгана «новой межамериканской политике на 80-е годы», получившей известность как «документ Санта-Фе». Этот документ представляет собой как бы квинт-эссенцию неоколониализма США, рассматривающего все Западное полушарие как «особую сферу жизненных интересов» США и отводящего Латинской Америке роль «щита и меча Соединенных Штатов в осуществлении политики мирового господства»²⁷.

Геополитическая стратегия США в данном регионе обосновывается следующей «исторической аргументацией»: «Исторически латиноамериканская политика США составляла часть глобальной стратегии... Именно Латинская Америка и Карибы дали США возможность заложить основу своей сверхмощи для противодействия нежелательным тенденциям в Европе, Азии и Африке»²⁸. В действительности история народов Западного полушария — это история постоянной национально-освободительной борьбы, принявшей особенно острый характер в XX в., против империализма США. Столь же шаткие аргументы геополитики США, изложенные в «документе Санта-Фе» и заимствованные из арсенала идеологии антикоммунизма: глобальная борьба против «мирового коммунизма» — предпосылка сохранения Латинской Америки в орбите США; недопущение превращения Карибского бассейна в «марксистско-ленинское озеро». Факты свидетельствуют о том, что правящие круги США стремятся реализовать эти опасные рекомендации. Их курс по отношению к Латинской Америке подчинен трем основным задачам: борьбе против социалистической Кубы; «всемерной поддержке военно-полицейских диктатур (в Чили, Уругвае, Боливии, Парагвае); стремлению подавить освободительное движение в странах Центральной Америки и Карибского бассейна»²⁹.

Серьезные поражения геополитики США в 70-е — начале 80-х годов в ряде регионов мира вызвали к жизни ее критику «справа» — с позиций неоконсервативных сил — как «близорукой».

В США была начата разработка новой геополитики — геополитики «дальнего прицела», в основу которой положены агрессивный неоколониализм и антикоммунизм в глобальном масштабе, анализ просчетов и поражений старой геополитики. Характерен в этом отношении специальный выпуск официального органа Совета международных отношений США «Форин афферс», озаглавленный «Америка и мир 1980 г.», в котором геополитическая схема строится на таких порочных принципах, как «возврат к холодной войне», «ненужность разрядки в отношениях между США и СССР», «обеспечение победы дипломатии США в Африке»³⁰.

Критика «близорукой» геополитики США и обоснование новой геополитики «дальнего прицела» содержатся в очерке «Размышления о тяжелом годе», написанном политиком и идеологом Дж. Боллом. Рассматривая факты поражения политики США в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и особенно в связи с революциями в Афганистане и Иране, Дж. Болл приходит к заключению, что близорукость стратегии сделала США беспомощными и именно поэтому революции в мире, в частности иранская революция, захватили Америку врасплох³¹. Квалифицируя близорукую стратегию США как «исторический ревизионизм», Дж. Болл иллюстрирует это следующими типичными для приверженцев новой геополитики доводами: «Правительство США несет ответственность за то, что позволило Хомейни захватить власть в Иране»; «правительство США обязано было предвидеть и пресечь революцию, администрация Картера должна была спасти шаха Ирана посредством вооруженной интервенции, помощи и побуждения иранской армии открыть огонь по массам»³².

Характерным для «исторического ревизионизма» близорукой старой геополитики США, по убеждению Дж. Болла, является конструирование бессодержательных утопий на материале уже свершившихся и потому необратимых исторических событий. Для того чтобы вывести США из политического тупика, Дж. Болл предлагает геополитику «дальнего прицела», призванную осуществлять военно-политическую «профилактику» на дальних подступах к неудобным для США событиям, что означает на его языке прежде всего подавление национально-освободительных революций. Автор считает, что основным инструментом новой геополитики должна стать тактика «заполнения вакуума»: «Мало политиков в США хотят по-настоящему выяснить, почему Соединенные Штаты упустили в 1972 г. возможность утвердить свое прямое военное присутствие, чтобы заполнить вакуум в Персидском заливе, созданный в результате ухода Британии, подобно тому, как США успешно сделали это в других регионах мира»³³.

Существенная конкретизация задач неоколониализма в новой геополитике США дана в работе группы идеологов «Национальная безопасность в 1980-е годы», и особенно в очерке политолога Г. Кемпа «Обновление оборонной мощи и геополитика». В 80-е годы Соединенные Штаты должны осуществлять такой курс геополитики

литики, заявляют авторы, чтобы «не упустить возможностей нового десятилетия», прежде всего для достижения «лидирующего положения во всем мире». «Новая администрация должна выдвинуть новаторские цели и выработать впечатляющую стратегию для достижения этих целей»³⁴. В новой геополитике на 80-е годы Г. Кемп выдвигает на первый план две главные задачи: во-первых, «распространение влияния США, характерного для зоны Персидского залива, на весь мир»; во-вторых, «усиление стратегических отношений с Индией»³⁵. Следовательно, новая геополитика США призвана перенести агрессивные колонизаторские методы США, типичные для зоны нефтеносного Персидского залива, на Индию и весь мир.

Общими и определяющими для старой, «близорукой» геополитики и новой геополитики «дальнего прицела» на 80-е годы служат такие черты, как агрессивный неоколониализм и апология глобальной экспансии, имперская политика «мирового лидерства» и экспорта контрреволюции, курс антикоммунизма, милитаризма и войн. Любой вариант имперской геополитики США враждебен национально-освободительным движениям и молодым государствам, направлен против социалистических стран; он объективно противоречит и подлинным интересам самих народов США и стран Запада. Эти факторы обуславливают неизбежный провал экспансионистской геополитики.

«Борьба с международным терроризмом» в роли доктрины неоколониализма США

Доктрина «борьбы с международным терроризмом» была провозглашена ведущими государственными деятелями США в начале 80-х годов в качестве внешнеполитической доктрины, призванной заменить дискредитировавшую себя доктрину «защиты прав человека»³⁶. Сущность этой доктрины состоит в фальсификации характера, целей и задач национально-освободительных и антиимпериалистических революций, без всякого на то основания отождествляемых с террором, в извращении значения интернациональной помощи Советского Союза и других социалистических стран национально-освободительной борьбе, наконец, в обосновании американской политики экспорта контрреволюции, вооруженного неоколониализма — подлинного международного терроризма в действии. Материалы, публикуемые в журнале «Терроризм» (главный редактор Ю. Александер), издаваемом в Нью-Йорке под руководством Центра стратегических и международных исследований США, свидетельствуют о том, что главными принципами «борьбы с международным терроризмом» являются неоколониализм и антикоммунизм. Любые революционные действия квалифицируются в них как акты «международного терроризма».

О полной несостоятельности этой доктрины свидетельствуют цели, которые якобы ставят перед собой США в борьбе против

«международного терроризма», учитывая «американские моральные обязательства перед группой малых стран, перед западными друзьями и союзниками по НАТО». Среди этих целей — предотвращение «угрозы» со стороны «Советов и их сподвижников», устранение всего того, что «провоцирует международные кризисы и широкие политические пожары», грозит «агрессией против стран НАТО в Европе»³⁷. Американские идеологи Ч. Джонсон и Дж. Белл считают необходимым противодействие со стороны США «советизации Ближнего Востока и Африки», пишут о «выгодности» для социалистических стран и Советского Союза «терроризма как удобной замены традиционной войны, которая становится слишком дорогой и опасной»³⁸.

В действительности идеологи и политики США, именуя «терроризмом» национально-освободительные и социалистические революции, добиваются, как признал журнал «Терроризм», того, чтобы все государства НАТО и других блоков подчинялись стратегии неокOLONиализма США — «все возрастающему и усиливающемуся сотрудничеству в борьбе против терроризма»³⁹. Доктрина и политика «борьбы с международным терроризмом» продолжают предшествовавшие доктрины США, начиная с «доктрины Монро». Так, за последние десятилетия неокOLONиализм США в Латинской Америке, как указывает известный революционный деятель Венесуэлы Х. Каррера, проявился в эскалации ряда внешнеполитических доктрин: «Наши народы испытали на себе политику „доброе соседство“, „союза ради прогресса“, „новый диалог“, а потом и кампанию „защиты прав человека“. С приходом в Белый дом Рональда Рейгана Вашингтон переключился на борьбу с международным терроризмом»⁴⁰.

Международный терроризм как государственная политика и идеология США, проводимая во многих частях света, имеет три основных направления: во-первых, борьба против прогрессивных антиимпериалистических сил, выступающих за революционное обновление общественной жизни; во-вторых, военный неокOLONиализм, пограние норм международного общения, действия США, основанные на методах грубого диктата против суверенных государств; в-третьих, пособничество и прямое насаждение ультраправых и фашистских диктатур, используемых в целях неокOLONиализма США.

Несмотря на то, что в ООН общепринятое определение международного терроризма еще не выработано в немалой степени в результате обструкционистских действий США в специальном комитете ООН по терроризму, большинство исследователей понимает под международным терроризмом следующее: «Это — насильственные действия, выражающиеся в убийствах или иных посягательствах на жизнь людей в политических целях и затрагивающие в той или иной мере международные отношения»⁴¹. Даже такое весьма общее и социально «нейтральное» определение показывает необоснованность квалификации социалистических и национально-освободительных революций, а также интернациональной помощи в анти-

колониальной борьбе народов как актов «международного терроризма». С другой стороны, в содержание международного терроризма неизбежно оказываются включенными ряд законов, официальная идеология неокOLONиализма и политическая практика США и идущих в их фарватере режимов военных диктатур, сионизма, апартеида в ЮАР, Израиле, Чили и ряде других государств. «В Соединенных Штатах вот уже три десятилетия подрывная террористическая деятельность против других государств, прежде всего социалистических и развивающихся, освящена законом о так называемом взаимном обеспечении безопасности (принят конгрессом в 1951 г.). Экспорт террора, следовательно, давно выступает здесь как официально утвержденное и регламентированное дело»⁴².

История XX в. знает много преступных и крупномасштабных актов международного терроризма; атомные бомбардировки Японии, санкционированные правительством и президентом США Г. Трумэн; «грязная» и позорно проигранная война США против Вьетнама, Лаоса и Кампучии; неокOLONиалистская политика, направленная против народов Гватемалы, Чили, Никарагуа, Сальвадора, Ирана, Ливана, Палестины, Анголы, Намибии и многих других стран. Ракетно-ядерный терроризм составляет саму сущность внешнеполитической стратегии США. Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл делает следующий обоснованный вывод: «Внешняя политика Белого дома насквозь проникнута стремлением к военно-ядерному превосходству. Она опирается на ядерный терроризм»⁴³.

Политику Советского Союза и социалистических стран, борьбу международного рабочего, коммунистического и национально-освободительного движений принципиально недопустимо отождествлять с любыми формами международного терроризма. Последний прямо противоположен основополагающим принципам марксистско-ленинской науки: решающая роль народных масс в истории, классовая борьба как движущая сила общественного развития, объективная закономерность социальных революций, смены общественно-экономических формаций. Терроризм враждебен и чужд коммунистической морали и политике социалистических государств. «Коммунисты России с самого зарождения большевистской партии категорически, бесповоротно отвергли в отношении между народами терроризм как метод политического действия. Решительно отменяет этот метод и международное коммунистическое движение в целом»⁴⁴.

Отождествление правящими кругами США национально-освободительной борьбы народов с международным терроризмом противоречит международному праву и решениям ООН. США и ряд других капиталистических государств еще в 50-е годы стремились навязать ООН и ввести в международное право тезис, отождествляющий антиколониальные движения с международным терроризмом. Однако Генеральная Ассамблея ООН абсолютным большинством голосов отвергла эту неокOLONиалистскую диверсию и в де-

кабре 1960 г. по инициативе Советского Союза приняла историческую Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Это решение стало одним из главных факторов, ускоривших национально-освободительный процесс в мире, который привел к образованию около 100 молодых государств. Законность борьбы народов против всех форм колониализма и всесторонней помощи им других стран подтвердил в 1977 г. Специальный комитет ООН по международному терроризму. «В отличие от международного терроризма такие действия нацелены не на подрыв международного правопорядка, а на его укрепление»⁴⁵.

Международный терроризм тесно связан с идеологией и политикой неоколониализма США, с тактикой экспорта контрреволюции и массового террора, применяемых ЦРУ и прочими спецслужбами США. Орган монополий США «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт» признает, что только за полтора десятилетия с 1961 по 1976 г. спецслужбы США в своих «глобальных целях» осуществили более «900 крупномасштабных секретных операций против неугодных лидеров и правительств»⁴⁶. В этот преступный список международного терроризма входят акции против таких известных государственных деятелей, как М. Моссадык, П. Лумумба, С. Альеиде, Г. А. Насер, Ф. Кастро. «В своих усилиях остановить ход истории империализм США поднял террор на уровень государственной политики»⁴⁷.

Неоколониалистская доктрина США «борьбы против международного терроризма» встретила решительную и аргументированную критику со стороны прогрессивных ученых и передовых общественных деятелей в освободившихся странах. В работе известного индийского ученого проф. Р. Хана «Насилие и социально-экономическое развитие» убедительно вскрываются порочные идейно-теоретические источники этой доктрины и ее глубинные неоколониалистские корни⁴⁸. Она включила в себя другие буржуазные концепции терроризма и прежде всего концепцию известного американского политолога С. Хантингтона о «террористической природе переходных обществ» в странах Азии, Африки и Латинской Америки. «Во всех этих концепциях, — подчеркивает проф. Р. Хан, — отвергается коренной глобальный процесс — процесс деколонизации, который пронизывает жизнь общества, экономику и политику большинства современных государств и территорий»⁴⁹.

Основные положения концепции С. Хантингтона, активно используемой силами неоколониализма в США, сводятся к следующему: «Модернизация порождает насилие и террор в переходных обществах... Причины насилия и нестабильности в формирующихся странах Азии, Африки и Латинской Америки следует искать в отрыве развития политических институтов от процессов социального и экономического изменения... Общими чертами переходных обществ являются революционные восстания, заговоры, мятежи, партизанские войны, убийства... Стремление стать модернизированными и богатыми порождает насилие и нестабиль-

ность... Эта нестабильность бедных стран порождена не их бедностью, а их попытками стать богатыми. Подлинно традиционное общество должно быть невежественным, бедным и стабильным... Причины насилия коренятся скорее в модернизации (молодых национальных государств. — *Авт.*), чем в отсталости»⁵⁰.

Концепция С. Хантингтона исторически и теоретически несостоятельна, а в социально-экономическом и политическом отношениях призвана оправдать внешнеполитическую стратегию неоколониализма США. Проф. Р. Хан показывает, что, отождествляя вопреки исторической правде национально-освободительные революции с насилием, убийствами и запугивая народы, С. Хантингтон и ряд других идеологов и политиков США и Запада требуют, чтобы народы освободившихся от колониализма стран искали спасение от терроризма в «альтернативе вестернизации», т. е. послушно принимали навязываемый им капиталистический путь развития и покорно выполняли волю США. «Даже модель „модернизации“ или „политического развития“ является стереотипом, скопированным с исторического опыта Запада с второстепенными добавлениями и модификациями, чтобы создать впечатление универсального значения, — подчеркивает проф. Р. Хан. — Цинично используемая доктрина „вестернизации“ в настоящее время дискредитирована. Тщательное исследование доктрины „модернизации“ показывает, что это — старая „вестернизация“, излагаемая на современном жаргоне. Концепция „модернизации“ выдвинута структурными функционалистами, а также бихевиористами и постбихевиористами как альтернатива марксистской теории революции»⁵¹.

Теоретическая и историческая беспочвенность концепции С. Хантингтона о «террористической природе переходных обществ» (так именуются десятки суверенных национальных государств) и органически связанной с ней доктрины о «борьбе с международным терроризмом» определяется умышленным эклектическим смешением социальных революций и народных восстаний с такими качественно отличными от них явлениями, как террор, заговоры, убийства. Идеологи и руководители США в соответствии со своими классовыми позициями не признают коренного отличия объективно прогрессивного и исторически закономерного революционного насилия народных масс над внутренними и внешними врагами от международного терроризма. Грубую фальсификацию истории представляют собой содержащиеся в доктринах С. Хантингтона и Р. Рейгана положения о том, что корни международного терроризма следует искать в стремлениях освободившихся от колониализма народов покончить с отсталостью и бедностью, этими последствиями длительного империалистического ограбления, что «традиционные бедные и невежественные» народы и страны в условиях колониального режима были «стабильными» и не боролись против колониального рабства. Неоколониалистские доктрины Хантингтона и Рейгана призваны затушевать глубинные причины антиимпериалистической борьбы более 75% человечества, объявить незаконным их естественное право бороться за нацио-

нальное и социальное освобождение, за преодоление вековой отсталости — наследия колониализма и неоколониализма.

В действительности международный политический терроризм коренится в самой природе государственно-монополистического капитализма, а его главным распространителем является американский империализм с его внешнеполитической стратегией неоколониализма и антикоммунизма. Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл следующим образом характеризует подлинные причины и цели идеологии и политики терроризма: «Международный терроризм Соединенных Штатов Америки неистовствует по всему миру, преследуя обреченные на провал цели — остановить и отбросить назад движения за национальную независимость и социализм. На мифе о „советской угрозе“, наемных убийствах, контрреволюции, пытках, массовом истреблении людей и терроризме стоит клеймо империализма США. Сегодня мир живет под угрозой чудовищного насилия со стороны капитализма США — угрозой ядерного уничтожения. Насилие становится все более преобладающим в капиталистическом обществе именно вследствие разложения и распада этого общества»⁵².

Международный терроризм может быть преодолен прежде всего посредством изоляции и нанесения поражения имперской стратегии «мирового господства» Соединенных Штатов.

Кризис неоколониализма США — необратимая международная тенденция

Глубинные причины кризиса американских внешнеполитических доктрин обусловлены классовой оппозицией монополистического капитала США к национально-освободительным революциям, несостоятельным отрицанием закономерного характера этих революций как одной из важнейших объективных тенденций современной эпохи. Так, американский дипломат и идеолог П. Гензе в очерке «Коммунизм и Эфиопия» проповедует идею о «случайности» и «чужеродности» революции в Эфиопии и других странах Африки⁵³. Умышленно фальсифицируя причины национально-освободительных революций, П. Гензе сводит их к «случайным» внутренним ошибкам и проискам «внешних» сил — действиям «международного коммунизма». Основную «причину эфиопской революции» П. Гензе видит в том, что монархическая «правящая элита не смогла утвердить свой контроль, и власть ускользнула в руки импровизированного военного комитета»⁵⁴.

Бесплодность и ошибочность такого субъективистского подхода идеологов неоколониализма к революциям в Эфиопии, Алжире, Анголе и десятках других стран определяются неотвратимым характером этих революций. Фактически это вынуждены признать и идеологи США, которые, как и П. Гензе, с ненавистью относятся к тем национально-освободительным революциям, которые ведут к возникновению народно-демократических и революционно-

демократических республик, формированию правящих революционных партий — авангарда прогрессивных сил и созданию предпосылок для построения социализма, именуемого ими «советской моделью»⁵⁵.

Противодействие неоколониализму США вступило в качественно новую фазу, для которой характерны большая политическая зрелость и организованный коллективный отпор экспансии. «Все более рельефно проявляется антиимпериалистическая направленность национально-освободительного движения, — подчеркивал председатель Южно-Африканской компартии Юсуф Даду. — Начинаясь в основном как движение антиколониальное, ставившее целью избавление от конкретного колонизатора, оно теперь нацелено против всей системы империалистического закабаления — как старых, так и новых его форм»⁵⁶.

Важным проявлением кризиса неоколониализма США и других капиталистических государств служат решительный отпор ограблению национальных богатств со стороны освободившихся стран, установление ими контроля над своими природными ресурсами, широкая национализация принадлежащих империалистам нефтяных и других сырьедобывающих компаний уже более чем в 40 развивающихся государствах. Администрация США пытается «погасить» этот кризис путем установления контроля над процессом перестройки международных экономических связей и «обновления» неоколониализма. Активно применяемая США политика «помощи развитию» имеет своекорыстный и неоколониалистский характер. Ее подлинная цель — не «помощь развитию» молодых государств, а извлечение громадных прибылей. О сущности «помощи развитию» как средства неоколониализма наглядно свидетельствует растущая беспрецедентными темпами внешняя задолженность молодых стран империалистическим государствам. Если в 1960 г. она составила 18 млрд. долл., как признает буржуазная статистика, то в 1970 г. — 74 млрд. долл., а в 1980 г. достигла колоссальной суммы — 446 млрд. долл.⁵⁷. За эту катастрофически растущую задолженность молодым государствам приходится платить грабительские проценты. «В 1979 г. в развивающиеся страны поступило 74 млрд. долл. государственных и частных средств, а платежи по погашению долгов составили 72 млрд. долл.»⁵⁸.

Колонизаторский характер доктрины и политики «помощи» США развивающимся странам выявился еще более отчетливо в 80-е годы. С приходом к власти администрации Р. Рейгана стало ясно, как подчеркивают прогрессивные деятели в самих США, что власти «обрубают американское участие в программах ООН, которые обеспечивают финансовую помощь 31 беднейшей стране». Вашингтон намерен впредь оказывать только экономически и политически выгодную США поддержку развивающимся странам и лишь на условиях подчинения глобальному диктату США. Приоритет в финансировании отдается самым реакционным фашистским, милитаристским, коррумпированным правительствам и контрреволюционным группам⁵⁹. Использование помощи как ин-

струмента неокOLONиализма во внешнеполитической стратегии США резко обозначилось на встрече в Канкуне (Мексика, 1981 г.) в рамках «диалога Север—Юг» восьми ведущих капиталистических государств Запада и 14 развивающихся стран. Президент США в ультимативной форме потребовал от молодых государств открыть границы для ввоза иностранного капитала, ориентации в своих международных финансовых делах исключительно на такие организации монополистического капитала, как Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), предоставления США права применять любые меры экономического порядка против партнеров, которые, по мнению американской администрации, нарушают эти условия. «Мы желаем уничтожить все преграды, — заявил Р. Рейган, — препятствующие капиталовложениям и служащие помехой росту этого нашего решающего побудительного мотива»⁶⁰.

Неоколониалистский характер этой внешнеполитической стратегии США определяется тем, что для народов «бедных» стран, где проживает 3,4 млрд. человек, или $\frac{3}{4}$ населения земли, создание собственной промышленной базы отодвигается на задний план, что ТНК, в которых доминирует капитал США, будут и впредь хозяйничать во многих молодых государствах, получая 4—5 долл. прибыли на каждый доллар вложенного капитала, что США доби-ваются сохранения пагубной для народов тенденции долгового закабаления, при которой только за последние десять лет долг освободившихся государств Западу вырос с 80 млрд. до 580 млрд. долл.⁶¹.

Народы молодых национальных государств, прогрессивные общественные деятели и ученые все более решительно отвергают методы неокOLONиализма Соединенных Штатов, в том числе и позицию, занятую президентом Рейганом на встрече «Север—Юг» в Канкуне. «Президент Рейган настаивал на принципе иностранных монополистических капиталовложений как панацее от всех бед развивающихся стран», — пишет индийский ученый Г. Рама Рао в статье «Политическая экономия неокOLONиализма». Он убедительно доказывает, что это — принцип неокOLONиализма. «Это ни на йоту не приближает развивающиеся страны к желаемой цели — новому международному экономическому порядку»⁶².

Закономерный и необратимый характер кризиса неокOLONиализма США отмечается в исследованиях прогрессивных американских ученых, связывающих его с общим кризисом капиталистической системы. Профессор Калифорнийского университета М. Кастельс решительно критикует утверждения реакционных буржуазных идеологов США, подвергающих нападкам молодые государства, особенно нефтепроизводящие страны арабского региона, за то, что они отстаивают свои национальные интересы, и показывает бесплодность поисков «внешних причин» кризиса капитализма. «В действительности кризис капитализма подспудно действовал уже длительное время... Эта политика (неокOLONиализма. — Авт.) хочет найти такую причину кризиса, которая никак не была бы

связана с логикой развития капитализма. Они хотят показать, что в основе этого кризиса лежит историческая случайность. С помощью такого приема капиталистические правительства хотят заставить народы примириться с жесткой политикой неокOLONиализма и не обвинять капиталистическую систему за переживаемые молодыми государствами тяжелые времена»⁶³. Американский ученый приходит к правильному выводу об исключительной опасности для народов и самой системы капитализма США такой внешнеполитической стратегии неокOLONиализма, при которой США «ищут выход» из переживаемого ими кризиса в развязывании агрессий. «Эти социальные потрясения (рецидивы общего кризиса капитализма США. — Авт.) усугубились тем, что произошли во время величайшего за всю его историю поражения империализма: завершающий этап войны в Индокитае привел к освобождению Вьетнама, Лаоса и Кампучии». Он прямо говорит о том, что национально-освободительные революции знаменуют «начальную стадию заката американской империи»⁶⁴.

В ряде исследований отмечается ответственность США за обострение кризиса мирового капитализма, их стремление переложить бремя общего кризиса капитализма на молодые национальные государства. Так, в обстоятельном труде известного либерального ученого из Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк) А. Франка «Кризис в третьем мире» содержится веский вывод, что в Соединенных Штатах и системе капитализма «нарастает глубокий и широко распространившийся экономический, социальный и политический кризис, который порождает новый кризис сверхнакопления капитала на капиталистическом Западе и в дальнейшем оказывает отрицательное воздействие на социалистический Восток и слабо развитый Юг». НеокOLONиализм во внешнеполитической стратегии США — это неоспоримые факты «сверхэксплуатации и репрессий против третьего мира в процессе современного кризиса», это «пути задолженности третьего мира», которые означают, с одной стороны, «задолженность в результате эксплуатации», а с другой стороны, «эксплуатацию с помощью задолженности»⁶⁵.

Прогрессивные силы, противостоящие неокOLONиализму США в Азии, Африке и Латинской Америке, исходят из того решающего фактора, что постоянно и закономерно усиливается перевес сил в пользу национально-освободительного движения. «Кризис системы империалистического господства перешел в ту фазу, когда с точки зрения исторической перспективы важнее не то, что могут делать империалисты, а то, к чему стремятся и что делают наши народы»⁶⁶.

НеокOLONиализм США в современную эпоху — это не только идеология и политика реакции и контрреволюции, но и крайне недальновидные и обреченные на провал идеология и политика, историческое поражение которых неотвратимо.

Глава VII

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБРЕЧЕННОСТЬ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА США В АЗИИ

В ходе второй мировой войны Англия и другие державы, обладавшие колониальными владениями в Азии и Океании, не смогли противостоять агрессии японского милитаризма. В районах от Индии и Бирмы до Филиппин и Индонезии рухнула старая колониальная система и администрация. Разгром Японии в конце войны, решающий вклад в который внес Советский Союз, дал возможность стать победителями в ней не только Соединенным Штатам, но и Англии, Франции и Голландии. Три последние державы попытались восстановить свои позиции, однако натолкнулись на сопротивление народов, поднявшихся на борьбу за национальное освобождение, что и предопределило поражение английского колониализма в Индии, Бирме, Малайе и ряде других стран, французского — в странах Индокитая, голландского — в Индонезии.

На развалинах бывших колониальных империй появились независимые государства — Вьетнам, Индия, Пакистан, Малайзия, Индонезия и др. Вместе с тем США, используя ослабление бывших колониальных держав, военный разгром Японии, а также экономическую, политическую и этническую разобщенность стран и народов Азии, сумели вовлечь в свою орбиту Японию (путем военной оккупации, а затем при помощи военного договора), Австралию, Таиланд, Новую Зеландию и Филиппины (в рамках блока СЕАТО), Турцию, Ирак, а также Иран и Пакистан (в рамках Багдадского пакта, а после его развала — в рамках СЕНТО). Они навязали многим странам Азии и Тихого океана военные соглашения, а также соглашения о «помощи», создали здесь обширную сеть военных баз.

Вся эта военно-стратегическая система обеспечивала экспансию американского капитала в страны региона, захват ключевых позиций в их экономике и финансах, закрепление и охрану всей совокупности политических, военно-стратегических, экономических и внешнеторговых позиций американского империализма. Администрация Рейгана осуществляет курс на дальнейшее усиление военно-стратегических позиций США в этом регионе — только в 1981 г. численность их вооруженных сил увеличилась на 11 тыс. человек и сейчас превышает 135 тыс.; более чем на одну треть выросла численность личного состава 7-го флота США на Тихом океане: расширены и модернизированы их военные базы на терри-

тории ряда стран, увеличены поставки американского оружия, в том числе странам АСЕАН¹.

Поскольку освободившиеся страны Азии и Океании являли собой классический пример отсталых стран, в которых, как подчеркивал В. И. Ленин, «прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевле»², американские монополии, используя «военное присутствие» США, устремились сюда в поисках высоких прибылей.

Одним из важных каналов обеспечения сфер приложения капитала в странах Азии и Океании и захвата их рынков стали американские программы помощи. За период с 1946 г. по 30 сентября 1979 г. общая сумма всех видов американской помощи, включая экспорт частного капитала в страны региона, составила 65 648 млн. долл., в том числе странам Восточной Азии и Дальнего Востока — 12,9 млрд., странам Южной Азии и Ближнего и Среднего Востока — 51,9 млрд. и странам Океании — 848 млн. долл.³. Общая сумма только прямых частных капиталовложений США в странах Южной и Юго-Восточной Азии за 1950—1974 гг. достигла 16 млрд. долл. Полученная чистая прибыль на этот капитал за тот же период составила 12,7 млрд. долл., причем 8,7 млрд. долл. было вывезено в США⁴. Следует отметить, что удельный вес официальной помощи ведущих стран капитализма развивающимся странам постепенно сокращается: так, в 1977 г. он упал до 0,31% их ВВП, в том числе у США он снизился до 0,22, у ФРГ — до 0,27, у Японии — до 0,21%⁵, а поток частного капитала из стран — членов ОЭСР в развивающиеся страны Азии и Океании только за 1971—1977 гг. составил 13,2 млрд. долл. Из этой суммы на долю Индонезии приходилось 32%, Малайзии — 14, Индии — 6%⁶. Ведущая роль в этой экспансии принадлежит транснациональным корпорациям (ТНК). Наряду с ТНК резко усилили свою деятельность в регионе и транснациональные банки (ТНБ) стран ОЭСР, в связи с чем общая сумма займов и кредитов ТНК и ТНБ странам Азии и Океании с 5 млрд. в 1970 г. возросла до 36 млрд. долл. в 1976 г.⁷.

По свидетельству посла США в Японии М. Мэнсфилда, из общей суммы американских капиталовложений за рубежом (на октябрь 1980 г.) 168 млрд. долл. на страны Восточной Азии падало 18 млрд. долл., а товарооборот США с этими странами в 1979 г. составил 93,6 млрд. долл. М. Мэнсфилд подчеркивал, что прибыли на вкладываемый в этих странах капитал также продолжали расти⁸. При этом США уделяют особое внимание странам АСЕАН, богатым сырьем, в том числе и стратегическим: на начало 80-х годов на эти страны приходилось 87% мирового экспорта натурального каучука, 56 — пальмового масла, 70 — олова, 70% — копры; страны АСЕАН обеспечивают 90% американского импорта каучука, 72% — олова, значительное количество импорта нефти, меди, никеля, вольфрама⁹. За 1970—1979 гг. торговый оборот США с этой группой стран возрос в 7,3 раза, а объем их прямых

частных капиталовложений за 1970—1978 гг. увеличился почти втрое. Доля этих стран в общей сумме прямых инвестиций монополий США в районе Азии и Тихого океана к началу 1979 г. достигла почти 20%¹⁰. Более трети всего объема этих инвестиций приходится на Индонезию, около четверти — на Сингапур и около одной пятой — на Филиппины; главная сфера приложения капиталов — добыча и переработка минерального сырья и топлива. Вместе со своим капиталом монополии США экспортируют и капиталистические отношения со всеми вытекающими из этого факта негативными последствиями, включая коррупцию, диктуют этим странам проведение выгодной для США экономической и социальной политики. В страны АСЕАН зачастили посланцы Вашингтона, чтобы подтолкнуть их на путь конфронтации со странами Индокитая — СРВ, НРК и ЛНДР, преследуя все ту же цель — «сдерживать коммунизм» в Азии.

Деятельность монополий усилила неравномерность развития экономики этих стран — низкие темпы роста объема производства по сравнению с темпами роста населения особенно характерны для таких крупных стран Азии, как Индия, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, на долю которых приходится почти 400 млн. голодающих¹¹. В начале 1982 г. президент Рейган подписал законопроект о помощи развивающимся странам на ближайшие два года, назвав ее «средством, способствующим региональной стабильности». В Южной Азии особое место Вашингтон отводит Пакистану, правящие круги которого спровоцировали за последние 17 лет три войны на субконтиненте и активно поддерживают афганскую контрреволюцию.

Помощь США не принесла, однако, стабильности и не ликвидировала нищеты и однобокого развития стран региона: сельское население в таких странах, как Бангладеш, Бирма, Индия, Индонезия, Пакистан, составляет от 73 до 91% общего их населения, а доля сельскохозяйственной продукции в их общем национальном доходе в среднем составляет 43%¹². Несмотря на то, что производство продуктов питания составляет более $\frac{4}{5}$ всего сельскохозяйственного производства, страны — члены ЭСКАТО ежегодно импортируют около 5% их общего производства зерна¹³. Очень низки и показатели дохода на душу населения: так, в 1976 г. они составили в Бангладеш 87 долл., в Индии — 141, в Афганистане — 138, в Бутане — 74, в Бирме — 111, на Мальдивах — 121, в Непале — 106 долл.¹⁴. Только в странах Южной Азии и Дальнего Востока голодает более 300 млн. человек¹⁵.

Как показывает опыт Индии, деятельность ТНК (здесь действуют 23 крупнейших ТНК, общая сумма сбыта каждой из них превышает годовой бюджет страны) не способствовала подъему экономики, не решила проблемы занятости, не улучшила платежный баланс. Наиболее сильные позиции ТНК занимают в таких отраслях, как электротехника, машиностроение, фармацевтическая промышленность, производство автомашин, резины и других товаров. Индийский опыт показывает также, свидетельствует известный

экономист С. Банерджи, что и так называемая «зеленая революция» была направлена прежде всего на обслуживание интересов ТНК в агробизнесе и в промышленности потребительских товаров, поддерживаемых МБРР и Международным валютным фондом. ТНК создают для себя в Индии социальную базу среди богатых крестьян, торговцев, гражданской и военной бюрократии, политиков и промышленников. Голод и обнищание приобрели еще большие масштабы¹⁶. Экономическая и социальная экспансия ТНК в Индии, опирающаяся на содействие МБРР, фондов Форда и Рокфеллера, расширяется. ТНК оказывают давление, добиваются свободного доступа к внутренним накоплениям, направляя и эти накопления в избранные ими отрасли экономики. Все это в целом серьезно тормозит процесс независимого экономического развития Индии¹⁷.

Программы помощи и деятельность ТНК и ТНБ вместе с тем привели к военной, экономической и финансовой зависимости многих стран этого региона от США и других стран развитого капитализма, о чем свидетельствуют данные о внешнем долге, торговом и платежном балансах стран Азии и Океании. Так, внешний долг этих стран к концу 1980 г. превысил 90 млрд. долл.¹⁸. По данным МБРР, размеры выплат только процентов по внешнему долгу освободившимися странами Азии уже в 1970 г. составили 16,8% от их экспортной выручки в том же году¹⁹. В 1976 г. внешняя задолженность, например, Индонезии превысила 10,2 млрд. долл., а внешних займов, полученных ею в 1979—1980 фин. г. (около 2 млрд. долл.), едва хватало на покрытие ее текущей задолженности (свыше 1,8 млрд. долл.)²⁰. Другие страны Юго-Восточной Азии, не имеющие нефти и вынужденные покупать у иностранных монополий нефтепродукты по высоким ценам, тем более не вылезают из внешних долгов, для покрытия которых они вынуждены обращаться за новыми займами. В результате, например, в 1978 г. дефицит платежного баланса стран Юго-Восточной Азии — импортеров нефти достиг 12,5 млрд. долл.²¹.

Вынужденные платить более справедливые цены за нефть освободившихся стран, США впервые оказались в положении страны, имеющей дефицит торгового баланса²². Америкаиские монополии и правительство ищут поэтому пути возмещения средств, расходованных на закупки нефти. Одним из таких путей является создание спекулятивных рынков нефтепродуктов, что обеспечивает рост прибылей американских нефтяных ТНК. Такой спекулятивный рынок создан, например, в Сингапуре. Под угрозой прекращения поставок техники и технологии монополии вынуждают страны Юго-Восточной Азии покупать у них нефтепродукты по взвинченным ценам, что приводит к резкому росту внешнего долга этих стран. Другим путем возвращения этих средств является сбыт в широких масштабах американского оружия и вовлечение освободившихся стран в гоику вооружений. Это, в свою очередь, приводит к росту их военных бюджетов, отвлекая финансовые и другие материальные средства от решения социально-экономических проблем этих

стран. Так, военные бюджеты в 1976 г. некоторых стран Азии достигли значительных размеров: Ирана — 10,5 млрд. долл. (15,38% ВВП), Пакистана — 886 млн. (6,62%). По данным швейцарской газеты «Тагесанцайгер», все освободившиеся страны за 1971—1975 гг. затратили на закупки оружия и военного снаряжения почти 100 млрд. долл. Один только Иран закупил в США в 1977 г. военных товаров более чем на 6 млрд. долл. Сингапур приобрел 68 истребителей и 6 танковых десантных судов²³.

Эти и другие меры, а также все усиливающаяся политика протекционизма со стороны США и стран «Общего рынка» привели к дальнейшему ухудшению условий торговли для стран Южной и Юго-Восточной Азии. Так, в течение 1980 г. США ввели новые пошлины на импорт ряда товаров из Индии, Пакистана, Южной Кореи, а страны «Общего рынка» в том же году ввели дополнительные тарифы или ограничительные квоты более чем на 100 товаров этих стран²⁴. Все это обусловило рост пассива торгового баланса стран Азии и Океании, который в 1980 г. составил 17,8 млрд. долл.²⁵ По мнению президента Филиппин Ф. Маркоса, по мере усиления движения за экономическую независимость в странах Африки и Латинской Америки ТНК будут расширять свою деятельность в зоне АСЕАН, подчиняя эти страны своим интересам. И если не будут приняты «защитные меры», подчеркивает президент, то правительства этих стран могут утратить контроль над своей внутренней и внешней политикой²⁶.

Американским неокOLONIZаторам удалось в свое время вовлечь Англию, Канаду, а также некоторые зависимые от США страны Азии в агрессивную войну против корейского народа и даже прикрыть ее флагом ООН²⁷. Основной целью этой авантюры США было создание буфера «между тремя соседями-гигантами — Россией, Китаем и Японией»²⁸, или, иначе говоря, установление заслона против социализма в Азии. Той же цели служила и «грязная война» США во Вьетнаме. Ее же они преследуют и сейчас, сконцентрировав военно-морские силы в западной части Индийского океана и в районе Персидского залива, угрожая Ирану, вмешиваясь во внутренние дела Афганистана, вовлекая в эти акции Пакистан и пытаясь вовлечь в них ряд других стран Персидского залива, Ближнего Востока и Африки. Функции по охране экономических, политических и военно-стратегических позиций США выполняют крупные американские вооруженные силы, в том числе 6-й и 7-й флоты США, а также подразделения армии и ВВС, находящиеся на военных базах на территории стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока²⁹.

Задаче «остановить коммунизм» в Азии служат и империалистические доктрины, концепции и планы, имеющие и откровенно неокOLONIZалистский характер. Так, «доктрина Трумэна» 1947 г. была возведена в ранг глобальной идеологической войны против коммунизма. «Доктрина Эйзенхауэра» 1957 г. провозгласила «готовность» США применить вооруженные силы и оказать военную помощь странам Ближнего Востока, которые якобы могли оказать

ся под угрозой международного коммунизма. «Доктрина Никсона» 1969 г. предусматривала использование «региональных сил», с тем чтобы «преградить путь коммунизму» и «защитить интересы» США. Затем появилась «доктрина Картера», гласившая, что «любая попытка внешних сил установить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов», что США готовы применить для их защиты «любые необходимые средства, включая военную силу», а администрация Рейгана выдвинула доктрину «глобального наступления на коммунизм». Все эти доктрины направлены против социализма и национально-освободительного движения, и все они терпели провал и обречены на неудачу. Это вынуждены признавать иногда и в самих США. Так, видный американский политический деятель Дж. Макговерн отмечал, что, «как показали Вьетнам и Иран, вся беда заключается в том, что успех или провал грандиозных геополитических или идеологических доктрин зачастую зависит от чисто местных обстоятельств». Указав далее на ряд просчетов Картера, Макговерн предсказал неминуемый провал и его доктрины, отметив вместе с тем и ее пагубные последствия для самих США³⁰.

Начало крушению этих доктрин и планов было положено разгромом японской армии в Маньчжурии советскими войсками и помощью СССР народам Китая, Кореи, Вьетнама, Лаоса и Кампучии, что во многом обеспечило создание реальных условий для победы народных революций в этих странах. Выступая в Кремле 3 июля 1980 г., Ле Зуан подчеркнул, что народ Вьетнама «будет вечно помнить о величественном подвиге Советского Союза в войне с фашизмом, в результате чего были созданы благоприятные условия для победы Августовской революции 1945 г., приведшей к образованию Демократической Республики Вьетнам»³¹. Все это, в свою очередь, оказало огромное воздействие на углубление национально-освободительного движения в других странах Азии. Важной исторической вехой, ознаменовавшей провал планов США по «обузданию коммунизма» и национально-освободительных революций в Азии, явилась победа героического вьетнамского народа в его борьбе против американской агрессии. А ведь на эту «грязную войну» США затратили сумму, во много раз превышающую расходы, связанные с их экономической помощью всем странам Азии и Тихого океана за весь послевоенный период. Попытки США сохранить угодные им режимы в Южном Вьетнаме, Лаосе и Кампучии потерпели полную неудачу. Английская газета «Обсервер» отмечала, что 30-летнее вмешательство в дела Вьетнама (французское, а затем американское) не достигло цели, подчеркнув, что «Вьетнам давно был стал коммунистическим, если бы не это вмешательство извне»³².

Кризис политики неокOLONиализма привел к падению роли военных инструментов этой политики в Азии. Так, блок СЕАТО начал давать трещины уже в 1967 г., а в июне 1977 г. он был официально распущен; в 1979 г. окончательно распался и блок

СЕНТО. Попытки США превратить АСЕАН в «оборонительный союз» пока также не увенчались успехом. Даже такие государства этого региона, как Таиланд и Филиппины, которые в течение ряда лет как бы соревновались между собой «в проамериканской политике в Юго-Восточной Азии»³³, начали постепенно отходить от безоговорочного следования этой политике. Так, Филиппины в 1970 г. потребовали пересмотра соглашения с США об американских военных базах на своей территории³⁴, а в 1976 г. установили полные дипломатические отношения с СССР и СРВ. «Прежде наши окна были открыты только для Америки, — заявил в этой связи министр иностранных дел Филиппин К. Ромуло. — Теперь мы открыли их для всего остального мира, независимо от того, какой идеологии придерживается та или иная страна. Мы торгуем сейчас с Советским Союзом, восточноевропейскими и другими коммунистическими странами, мы диверсифицировали наши рынки, и в поисках их нам не надо больше обращать свои взоры к Японии и к Америке»³⁵. Постепенно руководители Филиппин включают и в борьбу за экономическое освобождение от империализма. Так, президент Маркос в своей книге «Юго-Восточная Азия в 2000 году» призывает правительства стран — членов АСЕАН вести эту борьбу по следующим направлениям: закрытие для иностранного капитала ведущих отраслей своей промышленности; создание порядка, при котором основная доля инвестиций в смешанных предприятиях принадлежала бы национальному или региональному капиталу; строгое регулирование правительствами основных операций ТНК на территории их стран. Будущее Филиппин, подчеркивает Ф. Маркос, должно быть связано с Азией, с АСЕАН, с общим движением развивающихся стран за экономическое освобождение, с борьбой народов против «западного колониализма» и за преодоление пережитков колониального прошлого, за устранение неравноправия в международных экономических отношениях³⁶.

Американскому империализму не удалось «остановить коммунизм» в этом районе. Не принесли результатов и его попытки остановить здесь и национально-освободительное движение. Свою независимость страны Азии и Океании завоевали в упорной борьбе против японского, французского, английского, голландского и американского империализма. Под влиянием этой борьбы дает трещины и «невидимая» неоколониальная империя в Азии и на Тихом океане. Теперь уже многим становится ясно, что «массированное американское вмешательство в дела Восточной Азии, длившееся почти на протяжении жизни целого поколения, привело к тяжелым, отрицательным для США последствиям, и не только во Вьетнаме», что «американская эра в Азии кончилась»³⁷, что влияние США здесь упало и продолжает падать³⁸. Оценивая эти перемены, журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» вынужден был признать, что США уже в 1975 г. столкнулись с необходимостью пересмотра своей политики в Азии. Перед ними встал тогда вопрос: «Должны ли Соединенные Штаты вообще оставаться в Азии?»³⁹. Касаясь начавшегося пересмотра военной стратегии, журнал писал о том,

что Пентагон приступил к планированию так называемой «островной стратегии», означавшей военный уход США с материка Азии (кроме Южной Кореи) и концентрацию стратегии «охраны американских интересов» по линии Япония — Филиппины — Индонезия»⁴⁰.

Правительство Картера, несмотря на урок, полученный в Индокитае, объявило сферой жизненных интересов США районы, расположенные вдоль «стратегической дуги», проходящей от Ближнего и Среднего Востока до Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, стремясь обеспечить военное присутствие США на новых рубежах. С еще большим упорством этот курс продолжает администрация Рейгана. Однако многие уже полагают, что и эту стратегию в конечном счете ждет провал. Оценивая нынешнюю политику США в Азии, газета «Балтимор сан» писала: «Идея новой американской империи не встречает особенно восторженного отношения, в частности среди наших друзей... Некоторые страны, на которые мы рассчитываем, просто не склонны поддерживать подчеркнuto антисоветский курс, к которому в принципе сводится внешняя политика Рейгана»⁴¹. То, что ныне принято называть «доктриной Рейгана», сводится к попытке Вашингтона создать под своей эгидой антисоветскую коалицию в составе Японии, стран АСЕАН и Южной Кореи, подкрепив ее своими крупными военноморскими силами в Индийском и Тихом океанах. Одно время к этой коалиции США рассчитывали привлечь и КНР.

На пути осуществления «доктрины Рейгана» в этом регионе стоят и все усиливающиеся межимпериалистические противоречия. Последние три десятилетия явились свидетелями заметного изменения в соотношении сил в мире капитала, явившегося результатом действия открытого В. И. Лениным закона о неравномерности развития капиталистических стран в эпоху империализма. Если в 50-е годы на долю США приходилось 40% мирового ВВП, то сейчас лишь 20%. Их доля в промышленном производстве стран развитого капитализма за 1950—1980 гг. сократилась с 50% до 34%, в то время как доля стран ЕЭС и Японии возросла с 32% до 40%. За указанный период промышленное производство США увеличилось в 2,7 раза, стран ЕЭС — в 3,9, а Японии — в 23 раза. Если еще в 1970 г. США производили больше товаров и услуг, чем страны ЕЭС и Япония, вместе взятые, то в 1980 г. только страны ЕЭС превзошли США по этому показателю. Уровень инфляции в США ныне выше среднего уровня в Западной Европе⁴². Наглядной иллюстрацией действия ленинского закона являются снижение за тот же период доли США в мировом экспорте товаров и рост доли ЕЭС и Японии: так, если в 1950 г. доля США составляла 18%, стран ЕЭС и Японии — 30%, то в 1980 г. она снизилась до 12%, а доля ЕЭС и Японии достигла 43%⁴³. Упала конкурентоспособность американских товаров: доля США в экспорте готовых изделий 15 стран развитого капитализма снизилась с 30% в 50-х годах до 17% в 1979 г.⁴⁴. Дефицит торгового баланса США в 1979 г. составил 37,1 млрд. долл. и в 1980 г. — 34,3 млрд. долл.,

в том числе в торговле с Японией — 18 млрд. долл. От постепенной утраты позиций Соединенные Штаты не спасают ни их огромные военные расходы, особенно за рубежом (на содержание огромного военного персонала и военных баз, на деятельность военных блоков и союзов), ни военная помощь реакционным режимам, ни тайные и явные операции ЦРУ и других служб и организаций, ни, наконец, военные авантюры, акты агрессии и «локальные войны». Не спасает американский империализм от ослабления и экспансия американского частного капитала. Усиление конкуренции со стороны монополий и банков других стран развитого капитализма ускоряет этот процесс. В арену ожесточенной борьбы между ними превратились и страны Азии и Тихого океана. Здесь основными конкурентами США выступают Япония и ФРГ. Все это свидетельствует о том, что пик американского индустриального господства остался позади.

Наиболее серьезным конкурентом является Япония, которая в 70-е годы стала второй после США державой капиталистического мира. Располагая всего 0,25% территории планеты и 2,7% ее населения, Япония производит 13,6% ВВП не социалистического мира⁴⁵ и 10% ВВП всего мира⁴⁶. Восстановив к началу 50-х годов свою экономику, Япония не только освободилась от американской оккупации (1951 г.), но и начала экономическую экспансию, прежде всего в страны Азии. Если в 1953 г. японский экспорт в эти страны оценивался в 300 млн. долл., то уже в 1969 г. он достиг 4,4 млрд. долл. и продолжал расти. По мере того как Япония наращивала экономическую мощь, ее зависимость от США ослабевала. США вынуждены были сокращать число своих военных баз на территории Японии, формально вернуть ей о-в Окинаву, пересмотреть японо-американский военный договор и другие соглашения⁴⁷, хотя в провозглашенной в 1975 г. «новой тихоокеанской доктрине» США основной упор делался на союз с Японией и на сохранение гибкой сбалансированной позиции силы во всем районе Тихого океана⁴⁸.

Поражение США в Индокитае вынудило их начать рассматривать Японию уже как равноправного партнера⁴⁹, а опыт последующих лет показал, что Япония, продолжая играть роль «партнера» США, постепенно превращается в их серьезного конкурента. На Западе открыто заговорили о «кризисе доверия» между США и Японией, об их экономическом «соревновании», о возможности того, что 1975—2075 гг. станут «тихоокеанским (т. е. японским. — Авт.) веком»⁵⁰. Падает доля США и в общей сумме прямых заграничных инвестиций: с 1960 г. по 1976 г. она снизилась с 55,1% до 47,7%, в то время как доля Японии за тот же период возросла с 0,5% до 6,8%⁵¹. Заметно сократилась доля США в золотовалютных резервах капиталистического мира (с 50,1% в 1952 г. до 5,9% в 1980 г.), в то время как доля Японии за тот же период возросла (с 2,2% до 9,2%). Это свидетельствует о том, что наступает конец экономической, торговой и валютной гегемонии США. Япония, наоборот, все эти годы продолжала набирать силу. По

оценке участников Европейского форума по проблемам управления, разрыв между Японией и США, измеряемый 240 критериями конкурентоспособности, из года в год расширяется в пользу Японии⁵².

Юго-Восточная Азия особенно важна для Японии: во-первых, потому, что страны этого региона представляют собой крупный рынок для японских товаров; во-вторых, здесь проходит коммерческий путь через Малаккский пролив, по которому в Японию поступает 40% всего ее импорта и 80% импортируемой нефти. Около половины внешней торговли Японии с освободившимися странами приходится на Юго-Восточную Азию, экспорт Японии в которую за 1979 г. вырос на 10% и составил 19,8 млрд. долл., а в 1980 г. ее экспорт достиг 25 млрд. долл., превывсив экспорт США в эти страны (21,5 млрд. долл.) почти на 4%⁵³. К 1981 г. более половины японского импорта также поступало из стран Азии⁵⁴. Особое внимание Япония уделяет странам АСЕАН, которые Токио рассматривает как важную сферу своих интересов. На долю этих стран приходится более 13% всего японского экспорта — в 1981 г. объем торговли Японии со странами АСЕАН превысил объем торговли с ними всех стран ЕЭС. В экономику стран АСЕАН вложено более 20% всех японских инвестиций за рубежом, а общая сумма кредитов Японии этим странам к началу 1980 г. достигла 14,3 млрд. долл.⁵⁵.

Активность Японии в утверждении своей «особой» роли в регионе выявилась уже в 60-е годы. В августе 1977 г. Япония провозгласила «доктрину Фукуды» (о «равноправном» сотрудничестве со странами АСЕАН), которая явилась прямой заявкой Японии не только на экономическую, но и на ведущую политическую роль в районе. Эта заявка нашла дальнейшее развитие в концепции «тихоокеанского сообщества»⁵⁶, которую выдвинул тогдашний японский премьер М. Охира. В состав сообщества предполагается включить пять стран — членов АСЕАН: Южную Корею, Таиланд и Филиппины, а также промышленно развитые страны — Японию, Австралию, Новую Зеландию, Канаду и США. Выдвигая этот план, Япония рассчитывает на расширение торговли, а также на возможность более безопасно и выгодно вкладывать свои капиталы в странах региона, особенно в отрасли промышленности, жизненно важные для японской экономики⁵⁷. В начале 1981 г. страны АСЕАН посетил тогдашний японский премьер Судзуки. Его заявление о том, что мир и безопасность Японии «тесно связаны с миром и развитием этого региона», означало дальнейшее возрастание роли Японии в Азии⁵⁸. В июне 1982 г. он призвал к «новым формам сотрудничества между государствами тихоокеанского бассейна». США, как представляется, поддерживают идею «тихоокеанского сообщества» и активность Японии в деле его создания, преследуя при этом собственные цели: ослабить натиск японских товаров на американский рынок и запрячь в одну упряжку тихоокеанских союзников, сомкнуть в общую цепь блоки НАТО, АНЗЮС и двусторонние военные соглашения Вашингтона с Токио

и Сеулом, стремясь вместе с тем сделать соучастниками осуществления своих планов и страны АСЕАН⁵⁹. Не случайно, как отмечал журнал «Фар Истерн экономик ревью», в странах АСЕАН укрепляется убеждение в том, что создание «тихоокеанского сообщества» приведет к еще большей региональной зависимости этих стран от США, Японии и Австралии и подорвет значение Ассоциации⁶⁰.

Для удовлетворения своих хозяйственных нужд Япония импортирует 100% урана, бокситов, никеля, сырой нефти, хлопка, железной руды и натурального каучука, 92% меди и 85% коксующегося угля. Она поглощает почти 25% мирового экспорта⁶¹. Страны АСЕАН поставляют Японии 98% природного каучука, 96% олова, 43% древесины и более 30% меди и бокситов; на долю Индонезии приходится 47% нефти, импортируемой Японией из этих стран. Все это побуждает Японию проводить здесь более гибкую политику, учитывая, конечно, и конкуренцию со стороны других стран развитого капитализма.

Тем же целям служат и японские программы помощи освободившимся странам, общий объем которой уже в 1973 г. достиг 2 189,9 млн. долл.⁶², причем на страны Азии приходилось 68% этой суммы, а в 1975 г. только странам Юго-Восточной Азии было предоставлено 2890 млн. долл. В 1980 г. объем помощи Японии развивающимся странам достиг 3,3 млрд. долл., из которых на страны Азии приходилось 70%. К 1985 г., по некоторым прогнозам, он достигнет 6 млрд. долл. Эти программы создают «благоприятный климат» для японских инвестиций в освободившихся странах (в 1973 г., например, 3 654,3 млн. долл.)⁶³, а балансовая стоимость только прямых японских капиталовложений в этих странах к концу того же года превысила 10 млрд. долл., из которых на страны Азии приходилось 29%⁶⁴. В течение 70-х годов японские ТНК заняли лидирующее положение в области прямых капиталовложений в Азии, и в Восточной и Юго-Восточной Азии в особенности, доля которых составляет 29% всех их прямых инвестиций в развивающихся странах. Основные сферы приложения японского капитала — энергоресурсы, сырье и предприятия, использующие значительные количества рабочих и работающие в основном на экспорт⁶⁵. Общая сумма заграничных капиталовложений Японии составляет около 33 млрд. долл., из которых на долю стран Азии приходится не менее 22%. Только за 70-е годы Япония вывезла капитала на сумму в 13,1 млрд. долл.⁶⁶ И в этой сфере особое внимание уделяется странам АСЕАН: на их долю в 1976 г., например, приходилась почти половина всех займов, предоставленных за 1966—1976 гг. через Азиатский банк развития, в котором Япония является ведущим кредитором. Растут и японские инвестиции в этих странах: так, к концу 1977 г. их общая сумма составила 4,6 млрд. долл. Согласно данным министерства финансов Японии, к 1981 г. общая сумма японских капиталовложений в странах Азии и Океании составляла 11,56 млрд. долл., в странах Ближнего Востока — 2,26 млрд., в странах Африки — 1,44 млрд. и в странах Западной Европы — 4,47 млрд. долл.⁶⁷.

Японским монополиям удалось потеснить американские в ряде стран Азии. Так, в Таиланде японские инвестиции уже в 1969 г. составили около 50% всех иностранных капиталовложений (доля США составляла 10%, ФРГ и Англии — по 6%)⁶⁸. Успешно конкурирует Япония с США в этой области в Индонезии, Бирме, на Филиппинах, в Гонконге, Сингапуре. Так, уже к концу 1973 г. в Сингапуре было зарегистрировано 139 смешанных японо-сингапурских предприятий; около 400 японских фирм вели свои операции в Гонконге. Только за период с 1975 по 1979 г. японцы довели объем своих капиталовложений в Индонезии почти до 3 млрд. долл. По сумме кредитов в рамках Межправительственной группы по Индонезии (МГГИ), в которую входит 11 ведущих стран развитого капитализма, Япония вышла на первое место: за 1968—1978 гг. займы Японии в рамках этого консорциума составили 3,7 млрд. долл., т. е. одну треть общей суммы займов, предоставленных Индонезии всеми членами МГГИ⁶⁹. В 1981 г. Япония возглавляла список иностранных вкладчиков капитала в Индонезии, общая сумма ее инвестиций составила 3,59 млрд. долл. На второе место вышел Гонконг. США оказались на третьем месте. Заметно усновились и торговые связи с этой страной: около 56% всего экспорта Индонезии, а по некоторым позициям (например, в экспорте сжиженного газа) — даже 100% падает на Японию. Истощение запасов природного газа в Северной Америке вызвало усиление конкурентной борьбы между США и Японией за поставки газа из стран Юго-Восточной Азии⁷⁰.

По оценке многих наблюдателей, сейчас, когда «Япония уже взяла на себя международную роль великой державы»⁷¹, стала крупной экономической и финансовой силой⁷², для ее конкурентной борьбы с США, особенно в странах Азии, «характерны все признаки конфликта»⁷³. Еще в конце 1974 г. «Уолл стрит джорнэл» предсказывала, что, «несмотря на добрые намерения обеих сторон, американско-японские отношения... скоро вступят в новую эру, которая поставит под угрозу узы дружбы, укрепившиеся за последние двадцать лет»⁷⁴. Последующие события подтвердили этот прогноз. «Японское правительство становится все более агрессивным, — констатировал журнал „ЮС ньюс энд Уорлд рипорт“ в 1980 г., — и будущим администрациям в Вашингтоне уже не придется рассчитывать на то, что Токио будет уступать всякий раз, когда возникают торговые споры. Экономическая мощь Японии очевидна»⁷⁵. Как подчеркнул посол США в Японии Мэнсфилд, «существует опасность превращения экономических трудностей в политические проблемы»⁷⁶. Американская печать отмечала, что «американско-японская ссора из-за торговли накаляет страсти по обе стороны Тихого океана»⁷⁷. Усиливаются торгово-экономические трения и раздоры в пределах всего капиталистического треугольника: США — Западная Европа — Япония⁷⁸.

Как и Япония, наращивают свою экономическую и финансовую мощь страны ЕЭС. Так, например, уже в 1979 г. девять стран — членов ЕЭС обогнали США по совокупному ВВП (2380 млрд.

долл. против 2 340 млрд. долл.⁷⁹⁾, а также по темпам его прироста (3,5% и 3,2% соответственно)⁸⁰. Приближается Западная Европа к уровню США и по заграничным прямым инвестициям (в 1976 г. ее доля составила 37,7%, доля США — 47,7%). Доля стран ЕЭС в мировом капиталистическом экспорте в 1980 г. более чем в три раза превысила долю США, а доли США и ФРГ почти сравнялись (11,0% и 9,7% соответственно)⁸¹.

По прогнозам советских экономистов, тенденция неравномерности развития ведущих стран капитализма и борьбы между ними к 2000 г. обозначится еще более рельефно: по промышленному производству Западная Европа выйдет на уровень примерно 120% от нынешнего уровня США, Япония достигнет примерно половины этого уровня⁸².

Расширяет «Общий рынок» и зону своей неокOLONиалистской деятельности. Так, в 1974—1976 гг. им были заключены соглашения о торговле и сотрудничестве с Бангладеш, Индией, Пакистаном, Шри Ланкой. Западноевропейские монополии, особенно монополии ФРГ, обращают свои взоры и на страны АСЕАН. Именно ФРГ настояла на заключении соглашения между ЕЭС и странами АСЕАН. Прелюдией к этому стала вторая конференция по развитию промышленного сотрудничества (Джакарта, февраль 1979). Соглашение сроком на 5 лет было подписано в марте 1980 г. На конец 1979 г. на страны ЕЭС приходилось 27% экспорта и 31% импорта крупнейшей страны Азии — Индии⁸³.

Ведущим конкурентом США в Азии из стран — членов ЕЭС выступает ФРГ, причем «присутствие» западногерманского капитала в Южной и Юго-Восточной Азии не ограничивается деятельностью филиалов крупнейших западногерманских фирм. Так, пять из шести заграничных сборочных заводов «Даймлер Бенц» размещены в странах — членах АСЕАН⁸⁴. С целью обеспечения прочных позиций для частного капитала правительство ФРГ осуществляет свои программы помощи — уже к концу 1973 г. на ее долю падало около 30% всей помощи, оказываемой странами Западной Европы странам Южной и Юго-Восточной Азии. Общая сумма помощи, предоставленной ФРГ всем освободившимся странам за 1950—1979 гг., оценивалась примерно в 150 млрд. марок, из которых свыше 65 млрд. составляла государственная помощь⁸⁵.

Поощряя экспорт частного капитала в освободившиеся страны, правительство ФРГ берет на себя расходы по страхованию инвестиций от возможных потерь на случай экспроприации, войны, запрета на перевод прибылей и т. д., выдавая монополиям соответствующие гарантии⁸⁶. Уже к концу 1973 г. общая сумма только их прямых частных инвестиций в странах Азии и Тихого океана достигла 1 341,4 млн. марок (около 20% всех заграничных капиталовложений)⁸⁷. На конец 1979 г. общая их сумма превысила 66 млрд. марок, из которых 23% приходилось на освободившиеся страны. Что касается стран Азии, то большая их часть идет в Индонезию, Индию, Сингапур, Гонконг, Южную Корею, на Филиппины. Так, за 1976—1979 гг. инвестиции ФРГ на Филиппинах

увеличились в пять раз. В Индии доля западногерманских частных инвестиций уже в 1970 г. составила 5,2% общей суммы иностранных частных инвестиций. Прямые инвестиции монополий ФРГ в странах АСЕАН в 1981 г. составили 850 млн. марок (рост по сравнению с 1980 г. на 27,8%). Хотя монополии ФРГ «еще не открыли Индонезию», в последние годы заметна их активизация и в этой стране. Из 32 крупных проектов, намеченных правительством Индонезии, в 80-е годы 5 будут осуществляться при участии западногерманских фирм. Доля частных инвестиций ФРГ в развивающихся странах сейчас превышает 30% от общей суммы ее заграничных инвестиций, а их приток в страны Юго-Восточной Азии за 1966—1977 гг. увеличился в 5,8 раза⁸⁸. Усиливается и торговая экспансия ФРГ: объем ее экспорта в страны этого региона за 1966—1977 гг. увеличился в 4,2 раза⁸⁹. Объем торговли ФРГ со странами Южной и Юго-Восточной Азии, причем с активным сальдо торгового баланса в пользу последней, продолжал расти в 1978—1979 гг.⁹⁰ Монополии и банки ФРГ — активные участники «клубов помощи» Индии и Индонезии, а также ряда проектов, осуществляемых в странах Азии по линии МБРР и его филиалов, Программы развития ООН (ПРООН) и других программ.

Определенную конкуренцию в Азии и в Океании для американского капитала создают и другие страны — члены ЕЭС (Англия, Франция, Голландия), а также Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Набирают темпы своей экспансии в странах Азии и Океании и канадские корпорации и банки.

Все вышесказанное еще не означает, что монополии США сдают свои позиции в области экспорта капитала в страны Азии без боя. Так, только прямые частные капиталовложения США в страны региона в 1979 г. составили 7,7 млрд. долл. (в 1960 г. — 2 млрд.), в том числе на Филиппинах они возросли до 1,3 млрд., в Индонезии — до 1 млрд. долл., в Малайзии — примерно до 430 млн. долл. Потеряв свои позиции в нефтяной промышленности ряда стран ОПЕК, нефтяные монополии США стремятся компенсировать эти потери в странах Юго-Восточной Азии.

* * *

Самым серьезным препятствием на пути осуществления неоколониалистской политики США в Азии является активная политика поддержки национально-освободительного движения, дружбы и равноправного сотрудничества СССР и других стран социалистического содружества. Они выступают за всеобъемлющее и справедливое урегулирование на Ближнем Востоке, за превращение Юго-Восточной Азии в район прочного мира и стабильности, а Индийского океана — в зону мира без иностранных военных баз. Советский Союз оказывает помощь и поддержку народам и странам в ограждении их суверенитета, отражении агрессивных акций империализма. Победа народов Индокитая в борьбе за свою неза-

висимость, за выход на дорогу мирного развития по пути социализма, равно как и ликвидация очагов войны в Азии, были обеспечены прежде всего благодаря помощи жертвам агрессии со стороны СССР⁹⁰. Оказание помощи Афганистану — еще одна наглядная тому иллюстрация. Советский Союз вместе с тем прилагает большие усилия для политического урегулирования положения, сложившегося вокруг Афганистана, на базе программы, выдвинутой правительством ДРА 14 мая 1980 г.

Как отмечается в резолюции конференции министров иностранных дел трех стран Индокитая, состоявшейся во Вьентьяне 17—18 июля 1980 г., СРВ, ЛНДР и НРК решительно выступают на стороне народов развивающихся стран и поддерживают их борьбу «против всех форм колониалистской и неоколониалистской эксплуатации». В феврале 1982 г. во Вьентьяне состоялась очередная конференция министров иностранных дел трех стран, которые призвали государства региона и АСЕАН объединить свои усилия с целью нормализации обстановки, обеспечения безопасности и стабильности в Индокитае и Юго-Восточной Азии. На очередной конференции в Пномпене в апреле 1983 г. министры вновь подтвердили стремление ЛНДР, СРВ и НРК к диалогу со странами АСЕАН. Они обратились с призывом к другим странам не препятствовать диалогу в ЮВА, а содействовать ему, вновь предложили в целях обеспечения мира на кампучийско-тайландской границе создать по обе ее стороны зоны безопасности, выразили готовность рассмотреть другие предложения по этому вопросу. Демонстрируя свою добрую волю и миролюбие и руководствуясь решением указанной конференции, СРВ по договоренности с НРК в мае 1983 г. вывела очередной контингент вьетнамских добровольческих войск из Кампучии в составе корпуса, включающего пехотную дивизию, 6 бригад и полков непосредственного подчинения⁹².

Советский Союз оказывает существенную помощь странам Индокитая в восстановлении и дальнейшем развитии их экономики. В качестве наблюдателей в работе органов СЭВ принимают участие представители ЛНДР⁹³.

«Активная и решительная борьба Советского Союза за ликвидацию колониализма, неизменная поддержка дела освобождения и равноправия народов облегчают им путь к свободе и прогрессу, — заявил Ю. В. Андропов в докладе о 60-летию СССР. — Об этом хорошо знают народы Азии и Африки, Арабского Востока и Латинской Америки»⁹⁴. Политика стран социалистического содружества находит все большее понимание и поддержку стран Азии, большинство которых стало на путь сотрудничества со странами социализма. Многие страны Азии признали правительства СРВ, ЛНДР и НРК, установили с ними нормальные отношения на базе принципов мирного сосуществования. Состоявшаяся в Багдаде 24—26 февраля 1975 г. Международная конференция миролюбивых сил стран Азии приняла Декларацию за мир и безопасность в Азии.

Один из пунктов внешнеполитической программы, принятой XXV съездом КПСС, гласит: «Вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента»⁹⁵.

Важную роль в укреплении мира в Азии играет Индия. Выступая за мирное урегулирование международных проблем, она тем самым создает благоприятные условия и для решения своих внутренних проблем. Эффективным рычагом укрепления мира в Азии является Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией 1971 г., благотворное воздействие которого на всю обстановку в Азии очевидно. Взаимодействие с миролюбивой и независимой Индией остается одним из важных направлений советской внешней политики. Обе страны заявили о своей готовности сотрудничать в деле скорейшего претворения в жизнь Декларации ООН об объявлении Индийского океана зоной мира, выразив поддержку решению Генеральной Ассамблеи ООН о проведении конференции по этому вопросу, вновь выступили за ликвидацию иностранных военных баз, осудив попытки наращивания иностранного военного присутствия в Индийском океане⁹⁶. На XXVI съезде КПСС было заявлено о готовности Советского Союза провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами⁹⁷.

Важную инициативу проявила Монгольская Народная Республика. В ответ на обращение Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира» от 23 июня 1981 г. Великий Народный хурал МНР 29 июня 1981 г. принял обращение к парламентам стран Азии и Тихого океана, в котором привлекается внимание к выдвинутому правительством МНР предложению о заключении конвенции о ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами этого региона. Инициатива МНР приобретает особое значение в свете наличия очагов напряженности и конфронтации, особенно в районах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Индийского океана и Персидского залива, усиления открытого вмешательства во внутренние дела государств Азии со стороны Вашингтона, попыток США вовлечь страны Азии в орбиту своей агрессивной политики⁹⁸.

Осуществляя равноправие и взаимовыгодное сотрудничество со странами Азии, страны СЭВ руководствуются указанием В. И. Ленина о том, что коммунисты «создают совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета»⁹⁹. Укрепление экономики, развитие современных производительных сил, подготовка национальных кадров — в этих основных сферах проходит фронт борьбы с неокOLONИализмом, и в этой борьбе освободившиеся страны Азии опираются на помощь и поддержку стран социализма, которая все возрастает. К 1980 г. СССР и другие страны — члены СЭВ оказывали экономическое содействие 27 освободившимся странам Азии, способствуя укреплению их экономической самостоятельности.

Необходимо отметить возрастающую экономическую роль самих освободившихся стран Азии и Океании, что также является одним из важных факторов их усиливающейся борьбы против неоколониалистской политики империализма в этом регионе. Они располагают значительными природными, в том числе энергетическими ресурсами. Кроме нефти (Индонезия) страны региона располагают крупными запасами природного газа (здесь ежегодно добывается 16 млрд. м³, во всем мире — 68 млрд. м³), 293 млрд. т разведанных запасов угля; на их долю приходится около 30% общемирового гидроэнергетического потенциала¹⁰⁰. В настоящее время кроме ОПЕК действует ряд других объединений освободившихся стран — экспортеров сырья, металлов, продуктов сельского хозяйства, используемых последними в совместной борьбе за улучшение условий торговли со странами развитого капитализма. В их числе Ассоциация стран — производителей натурального каучука в составе Индии, Индонезии, Малайзии, Папуа-Новой Гвинеи, Сингапура, Шри Ланки¹⁰¹, на долю которой приходится 93% экспорта натурального каучука неосоциалистического мира, Организация стран — экспортеров джута в составе Индии, Бангладеш, Непала и Таиланда, доля которой составляет 92% экспорта джута неосоциалистического мира, и другие. Ежегодный экспорт освободившихся стран Азии в 1978 г. оценивался в 96,4 млрд. долл. (14,3% мирового экспорта), в том числе стран — членов АСЕАН — 36,7 млрд. долл.¹⁰²

Таким образом, империализм США и их союзников и его новая экономическая сила — транснациональные корпорации — уже не могут чувствовать себя спокойно в освободившихся странах Азии. Как отмечал американский экономист Р. Вернон, «основная проблема состоит в том, изберут ли они (освободившиеся страны. — Авт.) социалистическую экономическую систему, которая сильно уменьшит роль транснациональных предприятий. Какая бы идеологическая тенденция ни возобладала в развивающихся странах, иностранные инвесторы все равно не будут чувствовать себя уверенно»¹⁰³.

XXVI съезд КПСС вновь подтвердил, что «КПСС и впредь будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения»¹⁰⁴. Этот курс, разумеется, полностью распространяется и на освободившиеся страны Азии.

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА
В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ (50—70-е ГОДЫ)**

Глава VIII

**НЕОКОЛОНИАЛИЗМ — ОРУДИЕ ДУХОВНОГО ПОРАБОЩЕНИЯ
ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА**

Антикоммунизм — орудие колониализма во Вьетнаме

Появление «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, ставшего идейным знаменем и политической программой революционных сил мира, положило начало процессу распространения идей научного социализма в массах. Несмотря на то что империализм затрачивает колоссальные средства на «священную антикоммунистическую войну», несмотря на то что буржуазные идеологи рассматривают борьбу против марксизма как первоочередную задачу, ничто не в состоянии остановить победного шествия в мире идеалов коммунизма. Выдвигая в свое время лозунг: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!», В. И. Ленин и документы Коммунистического Интернационала отмечали, что в условиях империализма у колониальных и зависимых народов имеется только один надежный путь к освобождению — превращение национально-освободительной революции в органическую часть мировой пролетарской революции.

Вьетнамский народ в лице своего выдающегося представителя Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) увидел в марксизме реальный путь к освобождению родины. В результате напряженных интеллектуальных поисков и практической деятельности он пришел к выводу, имевшему неопределимое значение для судеб вьетнамской нации: «Только освободив пролетариат, можно добиться освобождения нации. Оба этих освободительных процесса должны быть делом коммунизма и мировой революции»¹. «Только социализм, только коммунизм могут освободить от рабства и угнетения народы и трудящихся всего мира»².

Реакцией на распространение во Вьетнаме идей марксизма-ленинизма стало утверждение при колониальном режиме идеологии и практики антикоммунизма. Колонизаторы и местные реакционеры рассматривали его не только как политико-идеологическое ору-

дие в борьбе с марксизмом, но и как идеологическую доктрину, призванную внушить массам ненависть к коммунистическим и рабочим партиям.

Французские колонизаторы начали борьбу против коммунизма сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда вьетнамский рабочий класс еще не сформировался как самостоятельная политическая сила, а влияние идей марксизма-ленинизма было еще весьма незначительным. Опасаясь воздействия Октябрьской революции, тогдашний генерал-губернатор Индокитая А. Сарро начал кампанию борьбы против «русского коммунизма» как некоего «нового фермента», способного подточить здание колониализма. Он писал: «Русский коммунизм с необыкновенным искусством сообразует и применяет свое революционное учение к азиатским условиям, приспособлявая его к чаяниям местных националистов с целью втянуть их в совместную священную войну против империализма и западного капитализма. Он стремится представить себя в глазах мусульманских масс в Азии не только как разрушителя капитализма, но и как защитника угнетенных Европой народов»³. Говоря о возникновении антикоммунизма во Вьетнаме, Хо Ши Мин точно охарактеризовал классовую природу этого явления. Выступая на Турском съезде Французской Коммунистической партии (1920 г.) в качестве делегата Индокитая, он подчеркивал: «Любой туземец, придерживающийся социалистических идей, может быть арестован и даже убит без суда и следствия»⁴.

Антикоммунизм был призван воспрепятствовать вьетнамским революционерам воспринять идеалы Октябрьской революции, марксистско-ленинскую теорию. Именно поэтому антикоммунизм насаждался преимущественно в политико-идеологической форме. Однако уже через десять лет возможность, которой боялся А. Сарро, стала действительностью. Прогрессивно мыслящие вьетнамские революционеры, преодолев ограниченность мировоззрения интеллигентов, находившихся под влиянием конфуцианства и буржуазного национализма, пришли к мнению, что «для спасения Родины и освобождения нации нет иного пути, кроме пролетарской революции»⁵. 3 февраля 1930 г. во Вьетнаме была создана партия рабочего класса.

Сразу же после создания компартии французский генерал-губернатор П. Паскье заявил: «Борьба против партии вьетнамских коммунистов будет бескомпромиссной и прекратится лишь тогда, когда мы ее полностью искореним»⁶. Таким образом, объявлялся «крестовый поход» против политической партии, взявшей на себя руководство революционным движением в стране. С этого момента антикоммунизм во Вьетнаме полностью обнажил свою антинациональную, контрреволюционную сущность. Наряду с политико-идеологической формой его типичными проявлениями стали террор и военно-полицейские репрессии.

Французские колонизаторы не ошибались, рассматривая коммунистическую партию как своего опаснейшего врага. Однако они

стремились представить свои преступления против вьетнамского народа как «цивилизаторскую миссию», выдавая беспощадный террор в отношении патриотического движения, руководимого коммунистами, за борьбу «традиционного национализма» (под флагом которого выступали предатели) против «гибельной угрозы коммунизма». Каждое патриотическое движение, каждое требование демократических свобод отныне квалифицировались как «бунтарские акции, вдохновляемые коммунистами». А с 1941 г. слова «Фронт Вьетминь»⁷ и «коммунисты» стали для французских колонизаторов синонимами. Они уже не могли не замечать того, что идеи коммунизма пустили глубокие корни в патриотическом движении вьетнамского народа, но тем ожесточеннее они продолжали под лозунгом антикоммунизма подавлять его справедливую борьбу за национальную независимость и демократию.

В результате победоносной Августовской революции родилась Демократическая Республика Вьетнам. Несмотря на то что французские империалисты бросили против нее войска, они не смогли восстановить свое колониальное господство. Это объяснялось тем, что «борьба против коммунизма» (а именно под этим лозунгом вел наступление французский империализм) в данных условиях означала, по существу, борьбу против всего вьетнамского народа.

Таким образом, можно сделать вывод, что антикоммунизм впервые появился во Вьетнаме не в 50-х или 60-х годах XX в., а намного раньше.

Интервенция под лозунгом антикоммунизма

Как и французские колонизаторы, американские империалисты стремились дополнить свою вооруженную агрессию в политическое закабаление вьетнамского народа его идейным, духовным порабощением. Но в отличие от них они осуществляли свою политику более методично, без передышек или отступлений. Для покорения Вьетнама империалисты США мобилизовали весь свой военный потенциал. «Эскалация» войны была доведена ими до максимальных пределов, которые допускает «локальная война»⁸. Американский империализм прибегнул к вооруженному насилию в расчете на то, что ему удастся, обладая превосходством в технических средствах ведения войны, подавить сопротивление вьетнамского народа.

Осуществляя агрессию, американский империализм в то же время усиленно проводил стратегию «мирных перемен», используя с этой целью различные экономические, культурные и идеологические приемы. «Психологическая война», направленная на то, чтобы «завоевать умы и сердца», была возведена им в ранг государственной политики и осуществлялась при помощи крупных финансовых ассигнований под непосредственным руководством Белого дома.

Генерал американской разведки Э. Дж. Лэндсдейл, один из

опытных экспертов ЦРУ, бывший советником марионеточных правительств, следующим образом обобщал опыт своей деятельности: «Уроки, полученные нами на Филиппинах и во Вьетнаме, подчеркивают значение народной стратегии, применяемой в борьбе коммунистами. Народ — это главный фактор на поле боя, избранном коммунистами, и борьба на этом поле боя является борьбой между коммунистами и властями за поддержку народа. Тот, на чьей стороне будет народ, завоюет государство и победит противника»⁹. Далее он подчеркивал: «Я хотел бы, чтобы мы не забывали о политическом характере такого рода войн и не возлагали слишком много неоправданных надежд на военные, полицейские и экономические акции, понимая, что все они являются лишь средством для реализации политических замыслов»¹⁰. Упомянем в этой связи, что еще в феврале 1954 г. президент США Д. Эйзенхауэр в своем заявлении по вопросу об Индокитае отмечал: «Сердца и души народа стали поистине важнейшим фактором побед или поражений»¹¹.

Точку зрения Вашингтона разделяли все проамериканские администрации в Сайгоне. Нго Динь Зьем, первый марионеточный «президент», заявлял: «Данная война затрагивает не только военнослужащих. Война, которую мы ведем с противником, — это война идеалов против идеалов»¹². Более того, саму агрессивную войну, которую вели США в Южном Вьетнаме, Зьем, а затем и его преемники именовали «войной идеологий»: «Война, идущая ныне во Вьетнаме, — говорил Нго Динь Зьем, — по своей природе является скорее войной идеологий, нежели вооруженной агрессией. Поэтому политической войне придается больше значения, чем любому другому виду противоборства»¹³.

Приведенные выше высказывания свидетельствуют о том, что задача идейного, культурного воздействия на население Южного Вьетнама занимала весьма важное место в планах американского империализма. И Вашингтон проводил «культурную агрессию» настойчиво и последовательно. Антикоммунизм использовался в качестве прикрытия интервенции и агрессии; антикоммунистическая и националистическая фразеология составляли политическую основу планов идейно-культурного подчинения южновьетнамского населения. Наряду с использованием религиозных идей американцы способствовали распространению в Южном Вьетнаме культурных и философских течений, имевших хождение на Западе, а также поощряли возрождение некоторых древних учений Востока, создавая тем самым пеструю мешанину идей и культур, в которой каждый индивид мог найти все, отвечающее его вкусу, за исключением, разумеется, научного социализма. Такая культурная ориентация в сочетании с различными формами навязывания народу реакционной идеологии свидетельствовала о стремлении империалистов осуществить духовное порабощение вьетнамского народа.

Кроме того, Соединенные Штаты проводили и свою особую «политику покорения душ». В отличие от французских колонизаторов американцы делали ставку не только на интеллигенцию как

на связующее звено между ними и широкими слоями населения; они стремились привлечь к себе симпатии низших слоев населения. Не ограничиваясь непрерывным наращиванием своих вооруженных сил, неоколоинзаторы развертывали в Южном Вьетнаме «другую войну». Речь идет о так называемом плане «кондиционирования» (или «манипулирования»), базирующемся на представлении, что сущность человека определяется непосредственными материальными условиями его существования и, стало быть, можно лепить и формировать человека, не только прививая ему идеологию господствующих классов, но и ставя его в такие материальные условия, которые постепенно изменяли бы его сознание в направлении, отвечающем намерениям США. Целью американского империализма в этой войне был не только геноцид, но и этноцид, т. е. уничтожение коренных духовных ценностей вьетнамского народа, превращение вьетнамцев в добровольных рабов.

Американцы стремились воспитать в Южном Вьетнаме такого человека, который бы «не видел родную страну и соотечественников, не видел войну, угнетение и нищету, смерть, не видел ничего, кроме ежемесячной зарплаты и того, что можно купить на эти деньги, и сам превратился бы в позолоченный винтик в машине агрессии»¹⁴.

Антикоммунизм как идеология «локальной войны»

Неоколониалистский режим, прикрывавшийся флагом национализма, прежде всего возвел антикоммунизм в ранг государственной политики. Нго Динь Зьем приказал включить следующую формулировку в первую «конституцию» 1956 г. (ст. 7): все действия, преследующие прямым или косвенным образом, в любой форме цель распространения коммунизма, противоречат принципам данной конституции¹⁵. В том же году Зьем издал декрет № 6, предусматривавший создание концлагерей для лиц, «представляющих опасность для обороны», и декрет № 13 об ограничении свободы слова. Согласно этим декретам, коммунистами объявлялись «все бойцы и партизаны, воевавшие в рядах Вьетминя до 1954 г., как члены партии, так и беспартийные, все административные кадры районов, контролировавшихся Вьетмином, люди свободных профессий, в той или иной мере участвовавшие в войне Сопrotивления»¹⁶. Если к этому прибавить еще участников движения за мир в Сайгоне—Шолоне в 1954 г.¹⁷, то в категорию «коммунист» включались все, кто действительно любил Родину и выступал за ее мирное воссоединение в соответствии с Женевскими соглашениями. Зьем поставил всех патриотов вне закона; издавались специальные законы о карательных мерах в отношении патриотов.

Сменившие Зьема администрации продолжали проводить антикоммунистическую политику. Декреты от 1 февраля 1964 г. и 17 мая 1965 г. объявляли «коммунистов» и «пацифистов-нейтралов» вне закона. Конституция режима Нгуен Ван Тхиеу, принятая

1 апреля 1967 г. (ст. 1, § 4), провозглашала: «Вьетнамская республика выступает против коммунизма во всех его формах. Все действия, имеющие целью распространение или осуществление коммунизма, категорически запрещаются»¹⁸.

На первых порах Зьем полагал, что коммунизм можно «вырвать с корнем». В марте 1955 г. он создал специальный орган при канцелярии президента, который составил костяк Совета по уничтожению коммунизма, возглавляемого им самим. В этот орган входили все члены кабинета министров. Совет образовал Центральную комиссию по разоблачению коммунистов, которая руководила работой аналогичных комиссий в министерствах, ведомствах и на местах. Высшим советником Зьема по этим вопросам был упоминавшийся выше Э. Дж. Лэндсдейл, имевший в своем подчинении 100 американских и филиппинских советников. Под руководством комиссий работали 100 групп специалистов общей численностью 3968 человек, в помощь которым привлекались еще 20 тыс. человек. Активное участие в проведении антикоммунистической кампании принимали управление «психологической войны» и министерство информации, созданные 25 сентября 1956 г., Главное управление «политической войны», созданное 9 февраля 1957 г. (со штатом в 1 тыс. человек в 1957 г. и в 21 309 человек в 1974 г.), и полицейский аппарат (16 тыс. человек в 1957 г. и 120 тыс. человек в 1974 г.)¹⁹. Опираясь на антикоммунистические законодательные акты и организации, американско-вьетнамские власти решили не ограничиваться прежними «кустарными» способами расправы с инакомыслящими (преследованиями отдельных лиц), заменив их массовыми арестами и казнями, в ходе которых американская техника террора и пыток дополнялась азиатскими средневековыми формами истязания людей.

Первой формой массовых репрессий явились так называемые «военно-политические кампании», которые продолжались в течение многих месяцев и в которых принимали участие десятки тысяч солдат, полицейских, гражданских чиновников, агентов по ведению «психологической войны». Эти кампании проводились в бывших освобожденных районах сразу же после ухода из них сил Сопротивления одновременно с подавлением движения за мир в городах. Таким образом, придя к власти, Зьем неизменно развязывал «одностороннюю войну» против своего народа. Это свидетельствовало и о крайней реакционности, и о слабости зьемовского режима, ненавидимого всем народом.

Второй формой массовых репрессий явилось «движение по разоблачению и искоренению коммунизма», провозглашенное Зьемом 20 июля 1955 г., сразу же после 300-дневного периода перегруппировки участвовавших в войне войск. Это была вторая волна жесточайшего террора против сельского населения, особенно против семей участников Сопротивления. Тех, кого американско-вьетнамские власти объявляли «опасными для национальной обороны и общественного порядка», или казнили на гильотинах, развозимых по всей стране, или подвергали жестоким пыткам.

Эти две формы организационного разгрома и физического уничтожения патриотов дополнялись идеологическими акциями, имевшими целью опорочить и политически дискредитировать революционеров, лишить их народной поддержки, морально сломить и растлить.

Проводниками антикоммунистической политики, «специалистами» по борьбе с «коммунистической опасностью» стали предатели, дошедшие до крайних пределов жестокости в своей ненависти к революции, к народу. Они возродили самые варварские методы пыток и убийств, какие только применялись в наиболее мрачные дни истории. Людям рубили головы и вспарывали животы, сжигали и закапывали их заживо (такой мученической смертью погибло за неполные шесть лет 90 тыс. патриотов), истязали, гноили в тюрьмах (800 тыс. человек за те же годы). Зъемовская администрация заявляла: «В прежние времена, когда у государства появлялось много врагов, власти применяли против них суровые меры: преступников бросали в котлы с кипящей смолой, привязывали к раскаленным бронзовым колоннам, бросали на съеденные тиграм. Если мы не решимся на подобные меры, коммунисты завладеют всей сельской местностью»²⁰. Более того, варварские методы убийства объявлялись соответствующими принципам морали, их оправдывали не менее варварскими аргументами типа: «лучше перерезать невинных, чем недорезать виновных», «коммунист — не человек».

Однако кампания по «разоблачению и искоренению коммунизма» провалилась. Тогда наряду с «особой» войной Зьем применил другую «государственную политику» — политику создания «стратегических поселений». По плану все сельское население страны должно было быть согнано в 17 тыс. концлагерей. Все территории, лежавшие за пределами этих лагерей, объявлялись «зоной свободных военных действий»: здесь обстреливали, бомбили, поливали напалмом все живое. Но и эта «государственная политика» потерпела фиаско. Зьему удалось создать только 3 тыс. стратегических деревень, но и они были ликвидированы патриотами в ходе освободительной войны.

Летом 1965 г. президент США Л. Джонсон решил бросить в Южный Вьетнам американские экспедиционные войска, чтобы «сломить становой хребет Вьетконгу». С этого дня до ухода последнего американского солдата из Южного Вьетнама американские империалисты «искореняли коммунизм» при помощи «горячей» войны, в которой в 1968 г., в кульминационный момент агрессии, участвовали 537 тыс. солдат и офицеров американской армии, 998 тыс. военнослужащих марионеточного режима и 66 тыс. солдат стран — союзников США. С 1965 по 1970 г. американская авиация сбросила на вьетнамскую землю 5 155 700 т бомб²¹. Против патриотов было применено химическое и бактериологическое оружие.

Наряду с операциями по «поиску и уничтожению» врага агрессоры вели «другую войну» — войну на «умиротворение», которая

рассматривалась как «новое средство» в борьбе с национально-освободительным движением. По словам американского генерала Уэстморленда, до 1965 г. «у крестьянина было три возможных выбора: он мог либо остаться в своей деревне, жить на своей земле, вблизи могил предков; либо перебраться в зону, контролируемую правительством; либо пойти за Вьетконгом»²². Теперь американцы решили при помощи бомб, бульдозеров, химических отравляющих веществ и других средств стереть с лица земли деревни и поля и тем самым оставить крестьянам только один выход — перебраться в зону, контролируемую США и марионеточными властями.

По свидетельству Р. Комера (главного американского советника по делам «умиротворения» в Южном Вьетнаме), к августу 1965 г. в Южном Вьетнаме «насчитывалось 1 361 288 беженцев. Это уменьшало возможность пополнения рядов Вьетконга, а также сокращало численность рисоводов»²³. По данным, опубликованным 27 января 1974 г. группой экспертов при Юридической комиссии американского сената, с 1965 г. «более половины населения Вьетнама (Южного Вьетнама. — Авт.), почти 10 млн. человек, было вынуждено неоднократно менять место жительства, т. е. становиться беженцами. Это приводило к тому, что в Южном Вьетнаме, стране по преимуществу аграрной, были времена, когда в городах проживало 65% населения». В том же докладе отмечалось, что политика «спасения» населения от коммунизма посредством его «принудительной урбанизации», превращения сельских районов в «зону пустыни» привела к тому, что помимо других трагических социальных итогов в Южном Вьетнаме насчитывалось 800 тыс. детей-сирот, 650 тыс. женщин-вдов и 181 тыс. инвалидов²⁴.

По свидетельству американского советника Р. Томпсона, «революционная война имеет мало шансов на успех в богатой, густонаселенной стране или, наоборот, в стране, где люди живут распыленно и в ужасных условиях»²⁵. Видный американский ученый Н. Хомский, характеризуя войну, которую вели США в Южном Вьетнаме, писал: «Необходимо понять, что массовое уничтожение сельского населения и изгнание его с родной земли — не случайные явления в войне. Это содержание американской стратегии»²⁶. Другой американский публицист вынужден был отметить: «Чрезвычайно больно констатировать, что правительство США прибегло к геноциду и показало себя готовым обречь на смерть миллионы людей»²⁷. Однако «антиповстанческая борьба» также потерпела крах.

Антикоммунизм под флагом национализма

Еще в годы первой индокитайской войны США оправдывали свою помощь французским колонизаторам желанием содействовать борьбе против коммунизма. После изгнания Чан Кайши из

континентального Китая Вашингтон стал особенно опасаться влияния революционного движения в Азии. 30 декабря 1950 г. Трумэн одобрил вывод Совета национальной безопасности США о том, что «теперь Соединенные Штаты по своей инициативе должны тщательно следить за развитием событий, имея в виду опасность прямой или косвенной агрессии коммунизма, и должны быть готовы в пределах имеющихся возможностей содействовать борьбе с этой опасностью путем предоставления политической, экономической, военной помощи и военных советов там, где в этом возникает необходимость», причем «необходимо уделять особое внимание французскому Индокитаю»²⁸.

За все годы агрессии в Южном Вьетнаме американские империалисты так и не нашли других аргументов для обоснования своих действий, кроме ссылок на «происки коммунизма». Л. Джонсон, подготавливая общественное мнение США и других стран к объявлению открытой войны вьетнамскому народу, писал в своем послании от 26 ноября 1963 г.: «Главная цель Соединенных Штатов в Южном Вьетнаме — помочь народу и правительству этой страны добиться победы в их борьбе против происков коммунистов, руководимых и направляемых извне»²⁹. Империалисты США выбрали Южный Вьетнам для испытания методов и средств подавления национально-освободительного движения. Антикоммунизм использовался и для оправдания агрессивных устремлений против ДРВ, якобы «вмешивающейся в дела Южного Вьетнама».

Примечательно, что лозунг антикоммунизма использовался Соединенными Штатами на протяжении пяти президентских правлений. Обвиняя в «агрессии» тех, кто сопротивлялся неокOLONиалистскому порабощению, Вашингтон пытался представить дело так, будто он не виновник, а жертва войны во Вьетнаме, будто американская агрессия есть следствие, а не причина этой войны. Преступления американского империализма представлялись поэтому как исполнение «морального долга», реализация «обязательства» помочь своему союзнику — марионеточному режиму в Сайгоне — противостоять агрессии Вьетконга и коммунистического Северного Вьетнама. Само слово «Вьетконг» (вьетнамский коммунизм), введенное американцами в употребление взамен старого «Вьетминь» и обозначавшее всех патриотов Южного Вьетнама, имело глубокий психологический смысл. Как отмечал Бертран Рассел, американцы, исходя из опыта борьбы с коммунизмом у себя в стране, надеялись, что в результате «психологической войны» это слово будет вызывать у жителей Южного Вьетнама представление о чем-то скверном, отвратительном. Но в Южном Вьетнаме для обозначения всего этого имелось только одно слово — «Ми» (Америка)³⁰.

Стремясь «извлечь урок» из поражения французских колонизаторов, американские империалисты создали в Южном Вьетнаме новый режим, который, будучи полностью зависим от США в политическом, военном, экономическом отношениях, внешне сохранял видимость независимости и имел административный аппарат, со-

стоявший из вьетнамцев. Главную социальную базу этого режима составлял уже не класс феодалов-капитулянтов, как это было при французах, а класс буржуа-компрадоров (в который входили многие офицеры и политические деятели). Последний, разбогатев на американской агрессии, был множеством нитей связан с неоколониалистским режимом, с его административным аппаратом и армией. Он контролировал почти все ключевые отрасли южновьетнамской экономики, распоряжался источниками государственных доходов, осуществлял распределение американской помощи, владел монополией внешней торговли. Буржуа-компрадоры наживались также путем подкупа властей, расхищения национальных богатств. Они занимались также контрабандой драгоценностей и наркотиков. Словом, этот класс делал погоду в экономической жизни. Это была также крайне реакционная сила, которая торговала кровью и наживала на этом миллионы³¹.

Опираясь на подобную социально-политическую базу, Соединенные Штаты решили пойти дальше французов в эксплуатации «националистических» лозунгов. Как уже отмечалось, с первых дней существования Коммунистической партии Вьетнама французские колонизаторы пытались сколотить в противовес ей некое «националистическое» движение. Шумная агитация за «национализм» велась среди тех групп населения, которые в колониальный период заняли привилегированное положение в экономической (буржуазия и помещики), культурной (интеллигенция) и политической (чиновничество) сферах общества. Иными словами, «национализм», за который ратовали французские колонизаторы, был «законным» национализмом в рамках колониального режима; «патриотизм» сливался в нем с «любовью к метрополии» и к классовым привилегиям, которые давали французские колонизаторы.

Однако при колониальном господстве французов националистические призывы почти не возымели действия. Когда французы вернулись в конце 1945 г., они попытались прибегнуть к неоколониалистским методам: используя свою марионетку Бао Дая, они призывали вьетнамскую молодежь «сохранить верность идеям, выразителем которых является император Бао Дай». Но предательская сущность Бао Дая была вполне очевидной, и это «националистическое» движение не получило никакой общественной поддержки.

Марионеточный режим Зьема в период американской агрессии пытался превратить «национализм» из абстрактного лозунга, каким он был при французах, в реальную «ценность», по крайней мере для определенных социальных групп, и на этой основе увлечь как можно больше вьетнамцев на путь борьбы против своего народа.

По сути дела, как писал ярый антикоммунист Нгуен Мань Кон, в Сайгоне хорошо понимали, что «слово „национализм“ обозначает прежде всего антикоммунистическую политическую платформу... Иногда в пропагандистских целях пишут о „национальной

доктрине», как будто у националистов тоже имеются своя теория, политическая линия, установки и планы действия, как у коммунистов. Повторяем, национализм — это прежде всего обозначение для совершенно определенной, чисто антикоммунистической по своему характеру практической платформы»³².

С другой стороны, сами идеологи неокOLONиализма в Южном Вьетнаме хорошо понимали, как трудно внушить народным массам веру в истинность «национализма», провозглашаемого в противовес коммунизму, ибо всем было известно, что именно коммунисты были душой всенародной войны Сопrotивления, в то время как «националисты» поддерживали захватчиков, что коммунисты являлись символом негибимой воли к борьбе и героического самопожертвования во имя Родины, а «националисты» — символом капитулянтства, коррупции и морального падения. Идеологи неокOLONиализма старались облечь свои псевдонациональные устремления в пышные словесные одежды. Так, Нго Динь Зьем говорил о «национальной революции», о «подлинной независимости и свободе», «социальной справедливости», «прогрессе трудящихся масс», «наделении пролетариата имуществом» и т. п. Зьем и его преемники изображали себя последовательными «борцами» за эти цели, стремясь представить дело таким образом, будто они ведут борьбу с коммунистами в интересах всей нации. Более того, они стали эксплуатировать в антикоммунистических, т. е. антипатриотических, целях имена национальных героев. Так, братья Нгуен Няк, Нгуен Хюэ и Нгуен Лы, вожди крестьянского восстания Тэйшонов, объявлялись «священными предками» современной морской пехоты, а легендарный Фу Донг — предком «воздушной кавалерии» и т. д. В одном ряду с истинными героями нации превозносились предатели и изменники Зя Лонг, Тон Тхо Тьонг, Хоанг Као Кхай³³. Говорили о многовековой истории борьбы народа против чужеземных захватчиков, но при этом не касались девяти лет антифранцузской войны Сопrotивления.

Характерно еще одно отличие старого колониализма от нового. Раньше французы открыто выступали против коммунистического движения, ссылаясь при этом на интересы Франции. Так, французский генерал-губернатор Катру, объявляя 26 сентября 1939 г. о роспуске КПИК, признался: «Мы осуществили многосторонний и молниеносный удар по коммунистическим организациям. Это ежедневная схватка, в ходе которой мы должны сокрушить коммунизм; только тогда Индокитай станет спокойным и сохранит верность Франции»³⁴. Готовясь к подавлению восстания в Намки, генерал-губернатор Деку заявил: «Коммунизм вредит интересам Франции и Индокитая, поэтому мы вправе безжалостно уничтожать всех, кто сеет ненависть к французам и подрывает общественный порядок»³⁵. Американцы же, осуществляя против патриотов террор и репрессии в гораздо более широких масштабах и при помощи более жестоких средств, уже не оправдывали свои действия «интересами Соединенных Штатов», а изображали их как «борьбу национализма с коммунизмом».

Коммунизм как атеистическое мировоззрение изображался в качестве угрозы для религии, особенно христианской. Известно, что история распространения христианства во Вьетнаме была тесно связана с агрессивными замыслами французских колонизаторов: именно они умышленно разжигали противоречия между буддистами и католиками с целью расколоть вьетнамскую нацию, превратить католиков в силу, борющуюся против интересов Родины. Стремясь сохранить свои привилегии, многие католические священнослужители своими проповедями толкали паству на путь «смерти во имя веры», утверждая, что — «лучше потерять Отечество, чем утратить Бога»; они увлекали часть верующих на путь борьбы с патриотическим движением, руководимым коммунистами.

Уже сам по себе факт, что агентура империализма после 1954 г. вынудила сотни тысяч католиков-северян перебраться на Юг, свидетельствовал о далеко идущих замыслах новых хозяев Южного Вьетнама. Как и в свое время французские колонизаторы, империалисты США понимали, что «если религия будет изъята из сферы политической деятельности в Южном Вьетнаме, то невозможно будет бороться с коммунизмом. Соединенным Штатам было необходимо поощрять религию в антикоммунистических целях»³⁶.

Нго Динь Зьем в свое время вынашивал замысел превратить Южный Вьетнам в «христианское государство», идеологической базой которого служили бы «национализм» и «спиритуалистический персонализм», несовместимые с «коммунистическим атеизмом». Сила и влияние католической церкви в Южном Вьетнаме при этом рассматривались не только в чисто политическом аспекте — принималась во внимание численность верующих, строгая организация церкви, большие материальные средства, которыми она располагала, с учетом существования системы учебных заведений и учреждений культуры, деятельность которых прямо или косвенно направляла церковь.

Когда американские экспедиционные войска были посланы во Вьетнам для ведения «локальной войны», с ними прибыл кардинал Нью-Йорка Спеллман, в свое время взявший под свое покровительство Нго Динь Зьема. Он заявил, что «американские солдаты — это солдаты божьи» и их послали сюда для того, чтобы помочь друзьям и союзникам США предотвратить коммунистическую опасность. В Сайгоне часть духовенства была настолько проникнута ненавистью к революции, что поддержала выступление американского кардинала, призывая свою паству «любой ценой воздать Америке за оказанное благодеяние»³⁷. Католическая церковь, пользовавшаяся большим влиянием в Южном Вьетнаме, наряду с марионеточной армией составляла главную опору сайгонского режима.

Американские империалисты пытались использовать в своих целях и другие религии. Так, еще в то время, когда Нго Динь Зьем жестоко подавлял буддийское движение, ЦРУ исподволь

искало для себя агентуру среди антикоммунистически настроенных представителей буддийского духовенства. Однако притязания этих лиц оказались непомерно велики сравнительно с их возможностями и не соответствовали той роли, которая отводилась им Соединенными Штатами. Они хотели превратить южновьетнамский буддизм в мощную политическую силу со строгой организационной иерархией и, используя борьбу верующих буддистов, вынудить США создать в Южном Вьетнаме правительство, контролируемое буддийской церковью. Но неокolonизаторы отвели последней гораздо более скромную роль «легальной оппозиции», которая наряду с другими социальными элементами должна была создать видимость демократии в Сайгоне. Все более углублявшееся расхождение в руководящих кругах южновьетнамской буддийской общины, приведшее к затяжному кризису, свидетельствовало о том, что заповеди Будды не смогли отвратить многих его служителей от соблазнов власти и богатства. Ради этих вполне светских интересов они сознательно встали на путь антикоммунизма, публично провозгласив, что «буддисты не в состоянии одни бороться с коммунистами. Чтобы победить коммунизм, нужна армия, нужен политический аппарат в сочетании с религией»³⁸. Естественно, им пришлось маскировать политические замыслы религиозной фразеологией, например тезисами о «великой доброте» и «великой скорби» как «сущности» буддийского учения, о «национальном характере» вьетнамского буддизма. Преувеличивая роль и влияние буддизма во Вьетнаме, реакционные буддийские идеологи пытались доказать, что вьетнамская культура синонимична буддийской культуре и, следовательно, только буддизм имеет глубокие корни в народе, а католицизм и коммунизм — глубоко чужды вьетнамской нации. Они утверждали, что лишь католицизм и коммунизм повинны в затяжной братоубийственной войне, а буддизму сама история уготовила роль всеобщего примирителя, призванного возратить враждующие стороны в лоно вьетнамской матери-Родины. Причинами войны эти идеологи считали «взаимную ненависть» и «слепую веру в абсолютную правоту своего учения», стремление к насилию как средству решения спора. Спасение они усматривали в утверждении «всеобщей любви». Именем учения Будды, отождествляемого с «душой вьетнамской нации», осуждались обе воюющие стороны.

Писания буддийских публицистов имели особенно большой общественный резонанс в 1966—1967 гг. Напомним основные события тех лет: массированный ввод американских войск в Южный Вьетнам для ведения «локальной войны» и наряду с этим широко-вещательные призывы Л. Джонсона к «немедленному прекращению огня», «перемирию без всяких предварительных условий», имевшие целью обмануть мировую общественность. На фоне этих событий в полной мере раскрывается лицемерие и вред рассуждений буддийских лидеров о всеобщем «примирении» и «любви». Вьетнамским коммунистам ставили в пример таких «открытых» марксистов, как Р. Гароди и Э. Фишер, их призывали к диалогу

на манер того, который вели между собой в Западной Европе коммунисты и католики, однако при посреднической и регулирующей роли буддистов.

Таким образом, борьба против неокOLONиализма, за независимость, свободу и подлинный мир подменялась «идеологической независимостью» от всего чужеземного, и решение проблемы выдилось в том, чтобы буддийская церковь в качестве высшего арбитра осуществила всеобщее примирение и согласие борющихся во имя реализации «общей программы человеческого и демократического строительства»³⁹. «Перед лицом истинного учения нет войн справедливых или несправедливых», — утверждали некоторые буддийские авторы и предлагали два выхода из положения: «возвращение к истокам» (ве нгуон) и «преображение и слияние» (хоа зай). «Возвращение к истокам» означало в их толковании отказ от выдвинутых «чужеземцами» идеологических лозунгов, затемняющих и искажающих смысл бытия и осознание святых изначальных чаяний нации: независимости и единства. Под «преображением и слиянием» понимались стирание взаимных различий, отмена причин спора, что постепенно привело бы к исчезновению самого спора. Речь идет, таким образом, о все том же замысле представить войну во Вьетнаме как «войну идеологий», приравнять агрессора к жертве агрессии, стереть границы между законностью и беззаконием, что отвечало целям неокOLONиалистского порабощения вьетнамского народа.

Психологическая антикоммунистическая война

Правящие круги США отдавали себе полный отчет в том, что «Республика Вьетнам» и ее «правительство» существуют лишь благодаря их поддержке. Так называемая «государственная антикоммунистическая политика» была, по существу, не чем иным, как средством утверждения неокOLONиалистского господства США. При этом с самого начала американской интервенции во Вьетнаме президент Эйзенхауэр неоднократно напоминал, что поражение французов и Бао Дая объяснялось тем, что их не поддержал народ. Дж. Кеннеди, придя к власти, также утверждал: «Война во Вьетнаме может увенчаться победой только в том случае, если она станет делом самих вьетнамцев. Если она превратится в войну против белых, мы проиграем ее так же, как раньше ее проиграли французы»⁴⁰. Поэтому США и марионеточные администрации в Сайгоне придавали большое значение «психологической войне», направленной на «завоевание умов и сердец». Вашингтон выделял на эти цели большие финансовые средства. Нгуен Мань Кон писал: «Прежде чем прибегнуть к оружию, к политическим методам, в борьбе с коммунизмом всегда использовались методы психологической войны»⁴¹.

«Психологическая война», которую вели неокOLONизаторы в Южном Вьетнаме, характеризовалась крайним цинизмом, нераз-

борчивостью в средствах и базировалась на технике психологического принуждения масс. В ее основе лежали бесстыдная ложь и клевета в адрес противника, систематический обман и одурманивание населения, имевшие целью в конечном счете полностью овладеть сознанием людей или по крайней мере привить им «иммунитет» против революции и коммунизма. Характерным для этой «психологической войны» являлось ее сочетание с широким комплексом других мер: систематическими бомбардировками, насаждением потребительского образа жизни, пропагандой порнографии и разврата и пр. Все это воздействовало на «тела и души» населения, помогало формировать особую социальную и индивидуальную психологию, развращало людей, уводило их в сторону от реальных политических проблем, что отвечало целям американского неокOLONиализма.

В «психологической войне» использовался ряд пропагандистских лозунгов, прежде всего клеветническое обвинение коммунистов в «агрессии», единственное спасение от которой — это, разумеется, «рука дружбы и помощи» «великого союзника» — США. Коммунисты, под которыми подразумевались все бойцы Армии освобождения, «нагло вторглись на Юг, убивают ни в чем неповинных соотечественников, самыми варварскими способами терроризируют население Южного Вьетнама якобы с целью изгнания американской армии, а на деле, чтобы сделать „красным“ весь Вьетнам»⁴². Наряду с вымышленными картинками «коммунистической агрессии» в самых черных красках рисовался образ коммуниста — «недочеловека», «безумно жестокого диктатора», «жадины» и «злобного завистника»⁴³, который «не знает уважения к человеческим ценностям, не останавливается перед любыми жестокостью и вероломством ради достижения своих целей»⁴⁴. Вследствие этого, как утверждала сайгонская пропаганда, «само слово „коммунист“ наводит на многих людей ужас»⁴⁵.

Коммунистов изображали «приспешниками русских и китайцев». Сайгонские лакеи США утверждали, что коммунисты — это «фанатики, умеющие только повторять марксистские догмы в китайской интерпретации»⁴⁶, что «методы китайских коммунистов поспешно применялись во Вьетнаме без всякого осознания различий двух обществ»⁴⁷. Подобные наветы должны были посеять в сердцах населения Южного Вьетнама опасение, что «идейная зависимость приведет к зависимости политической и экономической и перед лицом Китая будущее независимого Вьетнама ничем не гарантировано»⁴⁸. Ставился демагогический вопрос: «Почему коммунизм должен быть непременно русский или китайский, а не вьетнамский?»⁴⁹. На все лады повторялись избитые измышления о том, что «вьетнамские коммунисты — орудие международного коммунизма», что «коммунисты — космополиты в национальной одежде» и для них «государство, нация — лишь преходящий этап» и т. д.⁵⁰.

В противовес этому всячески пропагандировался образ «националиста», который представлялся как защитник интересов Родины,

«Американский союзник» олицетворял собой богатство, материальное благополучие, демократию и свободу. Когда уже нельзя было больше восхвалять американский империализм, замятнанный себя чудовищными преступлениями против вьетнамского народа, сайгонская пропаганда продолжала утверждать, что необходимо «согласиться с присутствием США как насущной потребностью для существования южновьетнамского режима, по крайней мере на данном этапе»⁵¹. Цинично предлагалось: «Рассматривайте США как „необходимое зло“, считайте, что „лучше быть рабами Америки, чем рабами коммунистов“»⁵².

Неоколониалистская пропаганда стремилась оправдать злодеяния агрессоров, более того, она пыталась истолковывать объективные последствия этих злодеяний в выгодном для США направлении. Так, американские бомбардировки в сайгонской печати оправдывались тем, что в тот или иной район, город «проникли коммунисты». Людям внушали, что между бомбами и революционерами существует прямая связь: не хочешь умирать — беги подальше от «коммунистической заразы». Страх перед революцией, который неоколониалистам долго не удавалось внушить южновьетнамскому населению методами клеветы, стал прививаться с помощью тротила, напалма, ядохимикатов.

Вместе с тем, как полагали неоколониалисты, в стране, разрушенной и истощенной войной, обилие зарубежных потребительских товаров, обеспеченная жизнь должны были обладать особой притягательной силой, поэтому они всячески старались отождествить в глазах населения присутствие США с «американским образом жизни»: «где американцы, там легко жить, там полно товаров и развлечений». Американская помощь должна была сделать для людей привычной мысль о необходимости сохранения американского господства, хотя можно было втихомолку ненавидеть янки и обвинять их в недостатке культуры, недостатке цивилизованности — то ли дело прежние, французские хозяева! — и даже в агрессии и геноциде. Таким образом, то, что не достигалось прямой пропагандой американской «свободы и демократии», реализовывалось путем материальных подачек. С помощью такой двойной политики — неограниченного применения военной силы и одновременно щедрых «долларовых инъекций» — американские агрессоры рассчитывали представить незаконные как справедливость, захватчиков как союзников и заступников, патриотов как агрессоров, сайгонский марионеточный режим как «рай свободы и потребительства», а освобожденную зону и социалистический Северный Вьетнам как царство нищеты и смерти.

В результате многих лет ведения «психологической войны» противнику удалось внушить части населения, проживавшего в Южном Вьетнаме, страх перед революцией, перед коммунистами, хотя среди этих людей было немало и таких, кто тайно помогал силам Освобождения, чьи дети или родственники находились в рядах патриотов.

Агрессоры стремились использовать в своих интересах страх

людей перед насильственной смертью, но люди преодолевали этот страх, когда они осознавали высшую цель своей жизни — спасение Родины, освобождение народа. Агрессоры рассчитывали на парализующее действие природных инстинктов, но свет революционных идеалов помогал людям избавляться от власти этих инстинктов. Именно поэтому победа вьетнамского народа весной 1975 г. помимо прочего означала и победу разума и справедливости над духовной темнотой и ложью.

Использование феодально-буржуазной идеологии в антикоммунистических целях

Американский генерал Э. Дж. Лэндсдейл неоднократно подчеркивал роль идеологии в войне во Вьетнаме: «Невозможно ликвидировать революционные убеждения, распространяемые коммунистами в Южном Вьетнаме, путем их отрицания или бомбардировок... Надо коммунистической идеологии противопоставить иную идеологию»⁵³. С этой целью наряду с использованием религии в Южный Вьетнам стал усиленно импортироваться ряд идеологических концепций, распространенных на Западе, возрождались и переосмысливались древние идеалистические философские учения.

Первое такое течение, о котором следует упомянуть, — это «спиритуалистический персонализм», возведенный в годы зьемовского правления в ранг «государственной идеологии». Спиритуализм, о котором в данном случае идет речь, не имеет никакого отношения к философскому течению французского спиритуализма, связанному с именем В. Кузена и обанкротившемуся еще до второй мировой войны. Зьемовский «спиритуализм» представлял собой, по существу, чистейшую теологию, которой придали вид официальной философской доктрины, санкционировавшей антикоммунизм именем бога и способствовавшей обращению людей в католичество, в первую очередь военных и гражданских служащих. Что касается персонализма, то речь в данном случае идет не об учении Э. Мунье, приспособленном к условиям Вьетнама, а об одном из орудий «психологической войны», использовавшемся зьемовским режимом. «Спиритуалистический персонализм» под фальшивыми лозунгами «блага человека», «развития личности» оправдывал борьбу с коммунизмом, истребление патриотов, сгон мирного населения в концлагеря.

«Спиритуалистический персонализм» умер вместе с Зьемом. Многие католические священнослужители и интеллигенты впоследствии были вынуждены признать: «Нью (младший брат диктатора. — Авт.) рассматривал персонализм только как дымовую завесу, прикрывавшую гнилую действительность зьемовского режима: феодализм, семейственность, диктатуру»⁵⁴.

Экзистенциализм был завезен в Южный Вьетнам в 1957 г. К тому времени «спиритуалистический персонализм» занял господствующее положение в официальной идеологии. Все другие рели-

гиозные учения должны были приспособляться к воинственному антикоммунистическому тезису этой официальной идеологии. Поэтому экзистенциализм на первых порах популяризировался в прессе преимущественно в форме философских или литературно-критических эссе и по содержанию представлял собой «христианский экзистенциализм». Постепенно его преподавание было введено в университетах. Но только после смерти Зьема это идеологическое течение обрело для себя в Сайгоне социальную почву и расцвело пышным цветом в обеих своих — атенстической и религиозной — разновидностях. Жадно усваивались и «пессимизм» немецкого, и «социальная ангажированность» французского экзистенциализма. Расширение военных действий, распад социальных связей, настроения пессимизма и отчаяния способствовали довольно широкому распространению в Южном Вьетнаме многих ущербных по своему содержанию идеологических течений, среди которых экзистенциализм играл ведущую роль, по крайней мере в период между 1963 и 1968 гг.

Экзистенциализм не был, однако, продуктом самостоятельного осмысления сайгонской интеллигенцией уроков национальной истории, он был привнесен извне и соответственно приспособлен к условиям момента и к требованиям потребителей этой духовной пищи. При этом перенималась не столько экзистенциалистская философия, сколько экзистенциалистские темы и мотивы, которые в Южном Вьетнаме перерабатывались для выражения различных социально-политических взглядов и умонастроений. Одиночество, буит, ощущение абсурдности жизни, бегство от действительности и стоическое ее принятие — все эти характерные для экзистенциализма темы и сюжеты легли в основу многих произведений художественной и философской литературы, издававшейся в те годы в Сайгоне.

В те же 1964—1965 гг. в духовной жизни сайгонской интеллигенции большую популярность приобрела идея «некоммунистической социальной революции». Гнилость неоколониалистского режима лишила многих националистически настроенных людей последних иллюзий относительно возможностей его усовершенствования. Они пришли к выводу, что для исцеления тяжелых социальных недугов и пороков, для утверждения общественной справедливости и согласия необходимо совершить социальную революцию. Пока такая революция не будет осуществлена, у коммунистов будет оставаться социальная почва для распространения своей идеологии, мобилизации народа на борьбу. Вот почему «истинных националистов», которых еще не развратил современный режим, призывали объединиться для проведения социальной революции, которая должна была привести к установлению в Южном Вьетнаме общественного строя, «ни буржуазного, ни коммунистического по своему характеру». Такая революция рассматривалась как наилучшее средство борьбы с коммунизмом, «изживания его изнутри».

По сути дела, в данном случае речь идет о повторении тезисов

о «третьем пути», распространенных во многих развивающихся странах. Однако люди, придерживавшиеся таких взглядов, забывали, что основная и неотложная проблема, стоявшая перед Южным Вьетнамом, заключалась в то время в завоевании национальной независимости, ликвидации неокOLONиалистского господства США. И пока в Сайгоне значительная часть интеллигенции убаюкивала себя разговорами о «некоммунистической социальной революции», американские агрессоры готовили новые шаги с целью окончательного подавления революционного движения во Вьетнаме.

Наступление патриотических сил, предпринятое в дни Тэта (1968 г.), явилось переломным моментом в войне — поражение американских агрессоров стало неизбежным. Революция приближалась к окрестностям Сайгона. Сужалась общественная база для распространения идей «некоммунистической социальной революции». Американцы были вынуждены искать иные идеологические и культурные средства для сохранения своего неокOLONиалистского режима. Таким подспорьем стали не те или иные философские теории и догмы, а новая, «безымянная идеология». Средством ее утверждения являлись уже не идеи, а потребительские товары. Другими словами, наряду с навязыванием жителям Южного Вьетнама своей идеологии американцы стали «преобразовывать» их путем насаждения своего образа жизни. В Сайгон, как из рога изобилия, хлынул поток дешевых американских потребительских товаров. По американским данным, Соединенные Штаты за 21 год предоставили сайгонскому режиму помощь в размере 29 млрд. долл., в том числе 18 млрд. на нужды обороны, 7 млрд. на нужды экономики и 4 млрд. для обмена на южновьетнамские пластины и покрытия тем самым расходов местных американских военных и гражданских учреждений⁵⁵. Американская помощь стала приманкой падких на материальные блага людей, средством подрыва национального сознания и общественной морали, унижения человеческого достоинства южновьетнамцев с целью их примирения с неокOLONиалистским режимом.

Если в планах американских империалистов массированные бомбардировки имели целью запугать людей, поставить их на колени, внушить им постоянный страх перед США, то насаждение в Южном Вьетнаме американского образа жизни посредством финансовой помощи и массового ввоза предметов потребления было призвано органически включить, «интегрировать» человека в систему неокOLONиалистских отношений, воспитать психологию предпочтения всего американского, преклонения перед Америкой.

Обе эти формы неокOLONиалистской политики осуществлялись не раздельно, а в сочетании: бомбежки, террор ставили людей на грань смерти, ввергали их в пучину бед и страданий, а доллары и современные материальные удобства открывали перед ними дверь в мир наслаждений и как бы предоставляли каждому человеку возможности полностью удовлетворить свои потребности. На самом же деле людей толкали на путь потакания своим изменен-

ным инстинктам, забвения и измены лучшим человеческим идеалам, отказа от подлинных моральных и культурных ценностей.

Если ранее французские колонизаторы, предоставляя определенные привилегии, могли подкупить лишь сравнительно узкие круги населения, то экономический потенциал США обеспечивал неокolonизаторам возможность распространять американский образ жизни в широких масштабах, среди всех слоев населения, в городе и в деревне. Разумеется, при этом особые привилегии предоставлялись определенным социальным группам. В распространении американского образа жизни немаловажную роль играло и присутствие в Южном Вьетнаме полумиллионной американской экспедиционной армии.

«Доллары не пахнут», «на доллары можно все купить», «будут доллары — все будет», «где живет хорошо, там и родина» — такие мировоззренческие принципы, такое отношение к жизни американские империалисты и стремились привить всем жителям Южного Вьетнама. Преследовалась цель создать «желтокожих янки», отщепенцев, презирающих подлинные национальные и общечеловеческие ценности и готовых всю жизнь нести золотые цепи рабства. Человек, проникнутый подобным мировоззрением, не приемлет идей революции, идей самоотверженного служения интересам народа, отечества.

Таким образом, наряду с войной на геноцид американские империалисты осуществляли в Южном Вьетнаме и подлинный этноцид, крупномасштабную культурную агрессию, происходило столкновение двух культур, двух образов жизни. Поражение США в Южном Вьетнаме поэтому было не только военным поражением; оно было также поражением американской буржуазной культуры, американского образа жизни перед лицом вьетнамской культуры, имеющей многовековые традиции и обогащенной новым революционным содержанием.

Как отмечалось выше, наряду с «импортом» философских течений современного Запада в Южном Вьетнаме имело место и такое явление, как возрождение и переосмысление идеологических систем древнего Востока. Нго Динь Зьем неоднократно заявлял: «Мы не должны забывать об оружии истины, лежащем в каждой религии. Использование этого оружия является одной из целей антикоммунистического союза в Азии»⁵⁶. Нго Динь Нью трактовал это как «обогащение азиатских ценностей идеями персонализма и наоборот»⁵⁷. «Министерство культуры» сайгонского режима финансировало создание ассоциации азиатских культур, общества по изучению конфуцианства. Эти организации выпускали книги и журналы, в которых пропагандировались идеологические религиозные концепции древнего Вьетнама. Необходимо отметить, что установка на использование конфуцианства для борьбы с марксизмом и коммунистами родилась еще в годы французского господства. Коммунистическая идеология изображалась как «весьма слабое контрдвижение» по сравнению с «мощным потоком четырехтысячелетнего усвоения заветов Конфуция» в Азии. Считалось, что «пре-

красные конфуцианские традиции» должны быть продолжены и сегодня. Однако пропаганда конфуцианства не вызвала большого общественного резонанса. Конфуцианские периодические издания находили лишь очень узкий круг читателей, большей частью среди людей старшего поколения, знавших китайский язык.

В отличие от конфуцианства буддийские догматы распространились более широко и легко. После свержения Зьема, в котором приняла участие и буддийская церковь (напомним о самосожжении известного бонзы Тхить Куанг Дыка)⁵⁸, буддизм приобрел значительный престиж среди населения и стал важной политической силой. Основная масса исповедующего буддизм населения, в том числе и священнослужители, в отличие от католиков всегда стояла на стороне борющегося народа, и привлечь ее на свою сторону американские неоколониалисты не смогли. Тогда они сделали ставку на лидеров буддийского движения, претендовавших на исключительную роль в судьбах нации. Широко пропагандировались политические выступления антикоммунистически настроенных представителей высшего буддийского духовенства, имеющие целью опорочить и дискредитировать национально-освободительное движение, руководимое Коммунистической партией.

* * *

Американский империализм всячески стремился использовать опыт ведения «психологической войны» с тем, чтобы воздействовать на сознание людей, направить их чувства и мысли в выгодном для себя направлении. Но во Вьетнаме американцы столкнулись с народом, у которого самоотверженная борьба за независимость и свободу стала прочнейшей традицией. Терпеливая и настойчивая работа коммунистов среди народных масс привела к тому, что осознание интересов и высоких целей борьбы за свободу Родины побуждало людей пересмотреть ложные ценности, утверждавшиеся агрессорами, предубеждения в отношении революции, коммунизма. Начинаются выступления не только против преступлений американских агрессоров и их пособников, но и против действий лидеров религиозных общин, которые в своих узкокорыстных интересах упорно шли по пути антикоммунизма. Требования свободы и демократии, служения подлинным национальным интересам с каждым днем все более настойчиво раздавались в городах. В массах верующего населения, в среде интеллигенции постепенно сформировались прогрессивные, патриотические силы. В политической борьбе, охватившей города Южного Вьетнама, особой активностью отличались выступления учащейся молодежи. Именно этой молодежи неоколониалисты и реакционеры систематически прививали ненависть к коммунизму и революции, пытались оторвать ее от национальных традиций, превратить в духовных отщепенцев, в чужестранцев в своем отечестве. Но молодежь сумела преодолеть политическую инфантильность и включиться в поток всенародной борьбы. В совместной борьбе против неоколониализма все более широкие круги интеллигенции, студенчества,

вьетнамских эмигрантов становились под антиамериканские, патриотические знамена. Каждый шаг в этой борьбе был одновременно и новой ступенью их идейно-политического роста.

Путь, приведший интеллигенцию и молодежь южновьетнамских городов к участию в справедливой борьбе народа, был нелегок и непрост. Под руководством партийных организаций, действовавших в подполье, с августа 1954 г. в городах Южного Вьетнама начались первые выступления народных масс за неукоснительное выполнение Женевских соглашений, против «государственной политики антикоммунизма», против мракобесия.

Но в тот период революционное движение масс не было еще достаточно сильным. К тому же и неокOLONиалистский режим еще полностью не обнажил свою неприглядную сущность. Поэтому у части интеллигенции сохранялись иллюзии по отношению к США как союзнику Вьетнама и марионеточному режиму как «республиканскому», «свободному» строю. Даже когда группировка Зьем—Ню по приказу Кеннеди была убрана со сцены, многие рассматривали это как поражение отдельных личностей, а не как крах всей «национальной доктрины». Некоторые интеллигенты с позиций «левого» радикализма — разновидности западного буржуазного либерализма — предлагали осуществить в Южном Вьетнаме «некоммунистическую социальную революцию», которая якобы могла оздоровить общество и воплотить в жизнь «истинный национализм» и поставить неодолимую преграду распространению коммунизма. Таким образом, эта часть интеллигенции тогда еще не понимала сущности южновьетнамского режима как неокOLONиалистского режима, не понимала насущной задачи патриотического движения на Юге страны — борьбы за национальный суверенитет — и продолжала рассматривать антагонистические отношения между вьетнамским народом и американским империализмом как отношения «последователей и противников коммунизма внутри вьетнамской нации».

Победы армии и народа Южного Вьетнама в 1964—1965 гг. вынудили Вашингтон перейти к стратегии «локальной войны», переброске в Южный Вьетнам все новых контингентов экспедиционных войск. Американские солдаты не только совершали кровавые злодеяния против вьетнамского народа, но и грубо попирали его культурные традиции. Это не могло не оскорблять национальные чувства вьетнамцев. В городах Юга возникало движение защиты национальной культуры, «возвращения к национальным истокам», получившее особо большой размах после военных побед весной 1968 г. Переход с «леворадикалистских» позиций, с позиций «некоммунистической социальной революции» на путь «возвращения в лоно нации» был знаменателен. Сайгонский публицист Ли Тянь Чунг в то время писал: «Сейчас, когда все мы носимся в океане бытия, как утлые челны, не знающие, к какой гавани пристать, за что схватиться, самое надежное, на что можно опереться, это — вьетнамская нация... если и стоит о чем говорить, так это о нации... когда я ишу для себя место, реальную форму

существования как человека во вселенной, то такое существование может быть лишь бытием вьетнамца, живущего на земле Вьетнама»⁵⁹.

Наряду с ростом национального самосознания, патриотизма постепенно формировалось осознание насущных проблем социальной действительности. В конкретных условиях Южного Вьетнама вопрос о социальной революции, естественно, был вторичным по отношению к вопросу о завоевании им национального суверенитета.

Осознавалось значение неразрывной связи между национальным суверенитетом и демократией: постепенно становилось ясным, что самой важной и насущной является задача борьбы против агрессии США, против геноцида, за мир. Широкие круги населения Южного Вьетнама начали понимать, что революция, призванная в корне изменить состояние южновьетнамского общества, должна иметь в качестве своей важнейшей предпосылки свержение неоколониалистского режима.

Пробуждение национального сознания помогало распознавать подлинное лицо американского империализма. Если раньше бытовало мнение, будто «колониализму во Вьетнаме пришел конец», что «благодаря Америке Южный Вьетнам не попал в руки коммунистов», то теперь становилось ясно, что американское владычество, прикрываемое лживым государственным суверенитетом, является во многих отношениях более опасным, чем «классический» колониализм, ибо оно «может убить саму душу нации». Отношения между американскими хозяевами и их сайгонской агентурой определялись следующим образом: «В данном лагере связи весьма просты и соответствуют главному принципу капитализма: кто дает деньги, тот решает все... В Южном Вьетнаме американцы финансируют все, стало быть, они определяют, быть ли войне или миру. Сколько бы вилл и особняков, чинов и орденов нам ни раздавали, невозможно скрыть горькую истину, состоящую в том, что от лидеров и до простых граждан — все ждут решений, поступающих из-за океана...»⁶⁰.

Новый подход к национальному вопросу, правильное понимание сущности американского империализма и неоколониалистского режима, установленного им в Южном Вьетнаме, побудило многих людей изменить свое отношение к идеологическим установкам неокolonизаторов и их сайгонских ставленников. Характерно, что их новые представления о коммунизме, о вьетнамских коммунистах резко контрастировали с прежними.

Прогрессивность марксизма и реакционность идеологических течений, насаждавшихся в Южном Вьетнаме при колониалистском и неоколониалистском режимах, отождествлялись на данном этапе борьбы (часто на уровне обыденного сознания, отражавшего тем не менее верный, прогрессивный взгляд на действительность) с силами — носителями той или иной идеологии. Марксизм, хотя он и был привнесён с Запада, связывался с патриотическим движением и его лидерами, такими, как Хо Ши Мин. Возрождение же

древних религий, насаждение христианства отождествлялось с иностранными миссионерами, колонизаторами, которые стремились поработить вьетнамский народ: «Конфуцианство, даосизм, буддизм, христианство принесли во Вьетнам иностранные миссионеры, — писал один из авторов, — в то время как марксизм распространяли сами вьетнамцы. Именно в поисках путей к национальному освобождению такие патриоты, как Нгуен Ай Куок, перенесли марксизм на вьетнамскую почву... Можно сказать, что марксизм приобрел вьетнамский характер сразу же после того, как он проник во Вьетнам, с тем чтобы развить жизненную силу нации». По определению другого автора, коммунизм во Вьетнаме возник в условиях колониальной страны, в основном следовавшей культурным и религиозным традициям, чуждым Западу, т. е. речь шла о коммунизме, насыщенном идеями национальной и социальной борьбы. Первые вьетнамцы, ставшие последователями коммунистической идеологии, понимали это учение в большей степени как теорию национального освобождения, теорию социальной революции, нежели как философскую систему (идеализм и материализм, теизм и атеизм). Вьетнамские коммунисты делали упор не на атеизм или теизм, а на мир, национальную независимость и социальную революцию. Целью их устремлений был человек, человек в реальном обществе. Авторитет марксизма, авторитет коммунистической партии в сознании южновьетнамских патриотов связывался на этом этапе не только и не столько с верностью и прогрессивностью марксистско-ленинского учения, но главным образом с действиями коммунистов, с их руководством национально-освободительным движением. Поэтому идти с коммунистами или выступать против них не означало в то время принимать или отвергать определенную теорию, а означало идти с истинными патриотами или бороться против них. И если вслед за иными приверженцами революции неслось «красный священник», «сторонник коммунистов», они в ответ мужественно заявляли, что они «сторонники нации», «сторонники народа», сторонники тех, кто защищает истинные интересы вьетнамской нации.

Охарактеризованные выше перемены в убеждениях приводили честных представителей интеллигенции к выводу о том, что «нынешняя война — это не война идеологий, а война Сопrotивления всей вьетнамской нации агрессии США». Росло понимание того, что «Соединенные Штаты пустили в ход термин „война идеологий“, чтобы ввести людей в заблуждение и иметь возможность безнаказанно истреблять вьетнамский народ, стирать с лица земли деревни и села», и что «именно американцы сочинили мифы о коммунистах, чтобы скомпрометировать освободительное движение в Южном Вьетнаме». Отсюда следовал закономерный вывод, что поддерживать политику США, бороться против коммунистов — значит никогда не избавиться от американского владычества. Следовать политике американцев и убивать коммунистов — значит убивать собственный народ и самого себя. Люди, осознавшие эти истины, постепенно в той или иной форме присоединились к об-

щей борьбе народа против американских агрессоров и их ставленников.

Разумеется, идейная эволюция южновьетнамской интеллигенции была и остается весьма сложной. Однако основная масса ее прочно встала на сторону революции, обеспечившей стране национальную независимость, и проявила при этом истинный патриотизм.

Глава IX

«ТРАДИЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ» НА СЛУЖБЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Вся идеологическая деятельность американских империалистов и их союзников в Южном Вьетнаме была направлена на то, чтобы внушить его населению представление, что социализм якобы не отвечает условиям Вьетнама, чужд самому духу вьетнамской нации. Существенным звеном этой пропагандистской кампании было использование «традиционных идей».

«Традиционные идеи» и неоколониализм США

Стремление использовать в своих интересах традиции феодального общества являлось одним из самых коварных приемов империалистов в тех странах, которые они превращали в колонии. Установив свое господство во Вьетнаме, французы сохранили почти в неизменном виде старый государственный аппарат, который теперь стал выполнять распоряжения колониальных властей, представлявших правительство Франции. Феодальный гнет, ложившийся тяжелым бременем на миллионы крестьян, усугублялся колониальным гнетом. Королевский двор и класс феодалов заключили союз с колонизаторами для обеспечения своих интересов, а те, в свою очередь, опирались на класс феодалов для сохранения своего господства. Важная роль в этом отводилась «традиционным идеям».

Еще в начале XX в. последние систематически пропагандировались на страницах журнала «Нам фонг», финансировавшегося колониальными властями и издававшегося группой их прислужников во главе с Фам Куинем и Нгуен Ба Чаком¹¹. Фам Куинь и его сторонники выдавали себя за хранителей и защитников национальных традиций, превозносили все, что, по их мнению, было отмечено печатью «национального духа», «национальной мудрости». На деле это были лишь демагогические ухищрения, рассчитанные на то, чтобы «умиротворить» патристически настроенную конфуцианскую интеллигенцию, поддерживавшую освободительное движение конца XIX — начала XX в. Стремясь обелить колониализм, его апологеты из местной знати пропагандировали идею, что французы-де пришли во Вьетнам, чтобы «принести прогресс нашей на-

ции», а не с целью ее уничтожения. Именно благодаря им были якобы сохранены «национальный дух и национальная мудрость».

Французские колонизаторы всемерно поощряли подобные «традиционные идеи», не только не представлявшие для них никакой опасности, но прямо или косвенно способствовавшие делу колониального «освоения» Вьетнама. Тогдашний генерал-губернатор Индокитая А. Сарро, превознося «традиционную культуру» Вьетнама, нашедшую, по его мнению, наилучшее воплощение в императорских гробницах в Хюэ, в следующих выражениях раскрыл подлинные мотивы французского колониализма во Вьетнаме: «Вьетнамцы в своем большинстве трудолюбивы, послушны, могут поставлять много квалифицированной, дешевой, любознательной рабочей силы, умеющей обращаться с современными машинами. С начала войны они уже направили во Францию десятки тысяч рабочих. Это неисчерпаемое, бесценное богатство данного края»². В то же время Сарро недвусмысленно характеризовал традиционную вьетнамскую культуру как феодальную. Он писал: «Цивилизация Южной страны (т. е. Вьетнама.— Авт.) создана китайским конфуцианством»³.

Пришедшие на смену французским колонизаторам американские империалисты не только продолжили использование «традиционных идей», но и стали еще более активно содействовать их распространению, так как ореол защитника национальных ценностей, «традиционности» весьма импонировал режиму, кичившемуся своей мнимой политической независимостью. Под покровительством США в конце 50-х годов в Южном Вьетнаме возник ряд учреждений, специализировавшихся на изучении традиционной культуры (например, Ассоциация азиатских культур, Общество по изучению конфуцианства)⁴.

Когда речь идет об использовании идеологами неоколониализма «традиционных идей», то следует отметить, что первоначально выдвигался лозунг «единства трех вероучений» (конфуцианства, буддизма и даосизма), причем важная роль отводилась конфуцианству. Как известно, апология конфуцианства, утверждение главенствующего положения этой идеологии осуществлялись во Вьетнаме на протяжении многих столетий и преследовали цель сохранить феодальные порядки.

Пропаганда конфуцианских идей приобрела особо широкий размах в годы правления в Южном Вьетнаме Нго Динь Зьема. Общество по изучению конфуцианства и Ассоциация азиатских культур (последняя имела широкие зарубежные связи, в том числе с исследовательскими центрами США) ежегодно торжественно отмечали день рождения Конфуция с участием высокопоставленных чиновников марионеточного режима. Множество издательств специализировалось на публикации статей, восхвалявших конфуцианство.

После свержения Нго Динь Зьема конфуцианство уступило первенствующую роль буддизму, который стал выступать как ведущая «традиционная идея». Это объяснялось безнадежным ана-

хронизмом конфуцианских догм и неспособностью класса феодалов обслуживать интересы неокOLONиализма, а также возросшим влиянием буддизма на массы. НеокOLONизаторы сочли целесообразным взять на вооружение буддийскую идею милосердия и ненасилия, противопоставив ее революционной борьбе южновьетнамского народа, которую они характеризовали как «коммунистический террор»⁵.

«Традиционные идеи» в трактовке идеологов неокOLONиализма имели одну главную особенность: они основывались на противопоставлении Востока и Запада, причем под первым понимались экономически отсталые страны, а под вторым — капиталистические государства. Сторонники такого разделения полагали, что в силу принадлежности к разным географическим зонам восточные и западные нации имеют совершенно разные характеры, взгляды на жизнь, духовные наклонности. Известно, что на Западе подобную идею в художественной форме высказывал Р. Киплинг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись». Противопоставление Востока и Запада получило живое выражение в романах П. Бак, в которых утверждалась «несоединимость» китайской и американской «души»⁶. Оно нашло также тонкое аналитическое истолкование в эссе китайского писателя Линь Юйтана, особенно в его книге «Искусство жить»⁷.

Многие западные буржуазные ученые полагают, что главное различие между Западом и Востоком заключается якобы в том, что человек Востока более ценит духовную, а человек Запада — материальную жизнь. Апология «духовного Востока» получила активную поддержку со стороны многих представителей западной интеллигенции в середине XX в., когда отчетливо обнаружилось отрицательное воздействие капитализма на человеческую личность. Разуверившись в возможностях капиталистического общества и не видя реального пути к спасению, многие интеллигенты обратили свои взоры к Востоку, надеясь отыскать в его культуре факторы, способные возродить к новой жизни клонившуюся к упадку западную буржуазную цивилизацию.

Идея о преимуществах «духовного Востока» усиленно муссировалась в годы американского господства в Южном Вьетнаме. Главная цель ее пропаганды состояла в том, чтобы воздвигнуть барьер на пути распространения марксистской идеологии. Один из столпов Ассоциации азиатских культур, Нгуен Данг Тхук, к примеру, писал: «Мы не можем победить коммунизм лишь руганью. Нам нужны глубокие жизненные представления, более определенные и точные, чем представления коммунистов, полностью отвечающие и лучше удовлетворяющие основные чаяния индивида, науки и человечества, с помощью которых можно отразить влияние коммунизма на нашу душу. Для создания такой действительной теории нельзя не обратиться к источнику нашей культуры, т. е. к культуре Азии»⁸. Культура Азии интерпретировалась в данном случае, как ориентированная сугубо на внутреннюю жизнь личности, удовлетворение духовных потребностей, перед ко-

торами отступают на второй план материальные проблемы и лишения. Подлинное духовное развитие личности возможно лишь при достижении гармонии человека с природой, с обществом. Гармония же, уверяли приверженцы неокOLONиализма, предполагает «порядок», социальную стабильность; гармония противопоставлялась революционной борьбе, «дух Востока» — социализму как «пагубному продукту западной цивилизации», импортированному во Вьетнам коммунистами с целью подорвать существовавшие тысячелетиями «национальные ценности». Нгуен Данг Тхук писал, например: «Не сознавая того, что дух умерших ложится тяжелым грузом на сознание живущих, коммунизм, сменивший колониализм, пытается насильственно порвать с традициями, с прошлым, воображает, что можно машинным способом создавать совершенно новые души, новые как в плане жизненного поведения, так и в плане духовно-идеологическом»⁹.

Коммунистов как сторонников революционного насилия обвиняли в том, что они проводят линию, противоречащую национальным традициям, «обращают внимание только на материальные интересы, забывая о духовном факторе», «постоянно стремятся только к удовлетворению материальных потребностей, а потому постоянно разжигают классовую борьбу», «именно это и порождает насильственные акции, толкающие нацию на путь раскола и взаимной борьбы, на путь самоуничтожения». В одной из статей утверждалось: «Человек Востока считает душу сущностью, человек Запада полагает свою сущность в теле. В этом причина терпора, жестокой борьбы, эгонизма»¹⁰.

Массам внушалась мысль, что коммунисты являются сторонниками удовлетворения материальных потребностей и именно поэтому они призывают народные массы к «бунту» против существующего порядка. Такая позиция коммунистов противоречит «традициям», ибо, как писал Нгуен Данг Тхук: «Конфуций защищает разумный общественный порядок, основанный на семье как основе социальной организации... Конфуцианское учение ратует за общественный строй, основанный на этической добродетели, и приходит к политическому решению, которое основывается на духовном содержании, заключенном в самом человеке»¹¹. Таким образом, апелляцией к «традиционным идеям», по существу, оправдывался отказ от национальной и классовой борьбы. Публицист Фам Кханг писал, обращаясь к широким кругам читателей: «Мэн-цзы говорил, что все на свете совершенно, если мы умеем честно относиться к самим себе. Это означает, что радости и счастье не приходят к человеку извне, а зависят от его внутренней духовной деятельности. И человек Востока может создать для себя гармоничное, спокойно развивающееся, жизнеспособное общество»¹².

Антикоммунисты, выступавшие за утверждение «традиционных идей», противопоставляли духовные потребности материальным, национальное сознание классовому. «Доказано, — утверждали они, — что национальное сознание в большей степени утоляет глубокую жажду человеческой души, чем классовое...»; «Испокон

веков люди стремились к священной, мистической, свободной, идеальной жизни (и жертвовали собой ради нее) гораздо больше, чем к жизни обыденной, складывающейся из реальных потребностей... И тем не менее в нынешний век науки коммунизм стремится ограничить смысл жизни лишь экономическими целями. Разве это совместимо с путем прогресса человечества?»¹³.

Ревнителю «традиционных идей» утверждали, что во Вьетнаме благодаря объединению трех течений азиатской теоретической мысли — конфуцианства, буддизма и даосизма все социальные проблемы решались мирно, спокойно, без бурных потрясений, свойственных истории Запада.

Распространение подобной фальсифицированной версии вьетнамской истории дополнялось обвинением коммунистов в «бесчеловечности», якобы резко контрастирующей с «гуманизмом Востока»¹⁴. С другой стороны, чтобы воспрепятствовать распространению влияния коммунизма, всячески восхвалялась «традиционная идея всеобщей гармонии». Нго Динь Нью, один из наиболее активных идеологов антикоммунизма, еще в 1959 г. утверждал: «Культурное возрождение Азии сегодня определенно ориентируется на персонализм и на присущие нам традиционные ценности»¹⁵.

Человек в «персоналистском» учении Нго Динь Нью, разумеется, имел весьма мало общего с человеком в учениях буржуазных гуманистов Запада. Скорее это человек, каким он представляется в средневековых западных и восточных феодально-религиозных системах. Отметим, что некоторые идеологи сайгонского режима характеризовали «традиционные идеи» не как персонализм, а как «восточный гуманизм», который интерпретировался ими следующим образом: «Эта простая идея, ставящая человека в центр всех учений о жизни и космосе, и была основной идеей азиатского мыслителя Конфуция, проповедовавшего, что гуманизм есть возвеличение человека. Потому что, как бы широки и глубоки ни были те или иные теории, учения, проблема познания человека остается самой трудной и ответственной проблемой человечества с глубокой древности и до наших дней, с тех пор, как начались поиски счастья для людей»¹⁶. Подобные утверждения, на наш взгляд, неверны, так как конфуцианство отнюдь не идентично гуманизму, как это ошибочно полагают некоторые западные ученые, выводами которых воспользовались их последователи в Сайгоне.

Общеизвестно, что конфуцианство на протяжении тысячелетий представляло собой идеологический фундамент феодального строя в ряде стран Азии. В силу специфических социальных условий во Вьетнаме, как в Китае и в некоторых других азиатских странах, сложилось централизованное бюрократическое феодальное государство, характерное для общества с «азиатским способом производства», по выражению Маркса. В таком обществе и сложилось конфуцианство, отражавшее интересы господствующего класса. Это учение, служившее идеологическим орудием для укрепления и увековечения феодального режима, никак нельзя назвать гуманизмом. Разница между ним и теориями, защищавшими феодаль-

ные порядки в Европе, состояла в том, что оно непосредственно связывало человека не с богом, а с обществом. Конфуцианство предлагало модель такого общества, в котором все люди могут жить в гармонии с природой и обществом, если каждый человек будет неукоснительно выполнять свой долг, т. е. обязанности перед обществом. Подобно тому как западная средневековая теология именем Христа утверждала земную власть, конфуцианство привязывало человека к его рабской доле в этом мире. «Боги и духи — дело далекое от нас, будем говорить только о делах человеческих», — учил Конфуций¹⁷.

Апологеты неокolonиализма истолковывали эти слова как выражение гуманизма. Однако гуманизм определяется соответствующим пониманием роли, ценности, прав человека. Если взять за основу эти критерии, то следует сделать вывод, что конфуцианство нельзя интерпретировать как гуманистическое учение, так как главное внимание в нем уделялось не развитию индивида как самоценного существа, а приспособлению человека к существующей сословно-бюрократической системе. С целью укрепления этой системы Конфуций жестко регламентировал функции и обязанности каждой категории людей на основе им же провозглашенных принципов «жэнь» (человечность), «и» (справедливость), «ли» (ритуал), «чжи» (разумность). Эти принципы были превращены последователями Конфуция в систему категорий феодальной морали, в нормы поведения для всех членов общества. Это, в частности, относится и к такой центральной категории конфуцианской этики, как «жэнь». Ее неправильная интерпретация давала и дает повод для ошибочного представления о конфуцианстве как гуманистическом учении. Известно, что Конфуций не разъяснял специально содержание этой категории, он говорил о ней по разным поводам. Некоторые ученые истолковывали «жэнь» как человеколюбие, альтруизм. Однако в действительности конфуцианство родилось не из заботы о самом человеке. Его основной императив — человек должен наилучшим образом служить феодальному режиму. Дело в том, что, хотя Конфуций и говорил о том, что «жэнь» означает «любовь к человеку», главным для него являлось понятие «ли», которое означало принципы феодального правопорядка¹⁸.

В конфуцианском учении индивид абсолютно лишен творческой инициативы, он представляет собой лишь инструмент в руках власти имущих. Идеал человека в этом учении сводится к осуществлению следующей программы: самовоспитание, управление семьей, управление государством, иными словами, человек должен сначала научиться следовать нормам, принятым в феодальном обществе, затем уметь устанавливать порядок в своей семье, а потом и во всем обществе. Мэн-цзы говорил: «Благородный муж воспитывает себя и тем самым приносит покой всем людям»¹⁹. Конфуций так разъяснял смысл самовоспитания: «Древние говорили, что для того, чтобы свет нравственности распространялся во всей Поднебесной, надо уметь управлять государством, для хорошего

же управления государством нужно установить порядок в своей семье, для установления порядка в семье нужно уметь воспитывать себя, самовоспитание же есть приведение своей души в соответствие с принципами»²⁰.

Из изложенного следует, что в учении Конфуция предназначение человека — служить укреплению феодальных отношений. В условиях Южного Вьетнама апологеты неокolonизма апеллировали к этому древнему императиву в политических целях. Нго Динь Нью отмечал: «Посредством социального порядка люди способствуют поддержанию космического порядка. А социальный порядок поддерживается с помощью самовоспитания человека»²¹.

Подобно тому как конфуцианство, ложно истолковываемое как гуманистическая доктрина²², противопоставлялось марксизму-ленинизму, широко рекламировавшаяся «традиционная идея» «великого единения» («датун») противопоставлялась стремлениям народных масс к справедливому, счастливому обществу. Эта идея являлась составной частью конфуцианской модели общества, в котором все люди живут в добром согласии друг с другом. Это утопическое представление отражало мечту людей, страдавших под гнетом феодализма, о возвращении к первобытнообщинному, доклассовому обществу. Известно, что в некоторых странах Востока даже после установления феодализма еще долгое время сохранялись пережитки первобытнообщинного строя (наиболее наглядным их выражением было общинное землевладение в деревнях). Их сохранение тормозило развитие общества и в то же время питало мечту угнетенных масс о возвращении «золотого века». Однако спекуляция современных вьетнамских конфуцианцев на идее «великого единения» имела реакционную социальную окраску. Призывая вернуться к прошлому, они одновременно утверждали, что борьба коммунистов за общественный прогресс невозможна и нереальна, так как насилие, при помощи которого коммунисты рассчитывают достигнуть этой цели, отнюдь не соответствует «традициям». В условиях, когда южновьетнамский народ вел борьбу за национальное освобождение, пропаганда идеи «великого единения», по существу, была направлена на то, чтобы воспрепятствовать победе революционных сил.

Реакционный смысл идеи «возвращение к истокам»

После падения режима Нго Динь Зьема американские империалисты поняли, что феодальный режим, на который они хотели опираться, потерпел крах. Поэтому они стали искать для себя новую социальную опору в лице формировавшейся компрадорской буржуазии. Одновременно они пытались придать Южному Вьетнаму «современный» облик, т. е. американизировать жизнь населения, что на деле обернулось невиданным расцветом гангстеризма, проституции и других отрицательных явлений, свойственных современному капиталистическому обществу. В этих условиях не-

которые представители интеллигенции, такие, как Тхить Мин Тяу, Туэ Ши, Нгуен Данг Тхук, сотрудники университета «Вань хань» в Сайгоне, стали издавать журнал «Ты тыонг» («Мысль», главный редактор — доктор теологии Тхить Мин Тяу). Не понимая того, что для искоренения последствий американского образа жизни необходимо прежде всего покончить с неокOLONиализмом, и к тому же находясь под влиянием антикоммунистической пропаганды, они провозгласили лозунг «возвращение к истокам».

В одной из статей журнала, «К истокам», утверждалось: «Коммунистический центр говорит нам: раз ты пролетарий, ты попадешь в рай, коммунисты говорят — через путь классовой борьбы. Национальный фронт Южного Вьетнама говорит нам: ты угнетенный и эксплуатируемый — ты свергнешь несправедливость и откроешь путь к счастью через вооруженное насилие, через путь насилия... Как ни грустно, но все это занесено извне... Обратитесь к матери-земле и найдете у нее свой источник, в котором скрыта ваша действительная сущность»²³. Правящие круги в Сайгоне быстро поняли, какую пользу они могут извлечь для себя из этого лозунга, и приняли его на вооружение. Идея «возвращения к национальным истокам» стала использоваться не для борьбы с неокOLONиалистской культурой, а для борьбы с идеями коммунизма, подавления освободительного движения.

Следует отметить, что в период американского господства национальная культура Вьетнама находилась под серьезной угрозой. Это не могло не тревожить всех мыслящих и озабоченных судьбою своей нации людей в Южном Вьетнаме. Особенно остро воспринимала эту проблему интеллигенция, однако вопрос состоял в том, как ее разрешить. Некоторые люди, воспитанные в духе феодального общества, полагали, что для сохранения национальной самобытности необходимо возродить традиционную культуру, жизненность которой доказана самим фактом ее многовекового существования. «Вода близ источника чиста, человек, возвратившийся к своим началам, обретает творческую мощь, нация, возвратившаяся к своим истокам, не теряет своей самобытности»²⁴, — заявляли такие представители интеллигенции, которые не различали в старой культуре ценное и вредное, то, что может жить, и безнадежно устаревшее. Вьетнамскую культуру они рассматривали как нечто неделимое и неизменное. Они, в частности, утверждали: «Вьетнамский народ за почти два тысячелетия своей истории создал большое национальное духовное богатство, и мы должны вернуться к нему, освоить и оживить его и лишь тогда обретем творческую мощь. Мы живем там, где встречаются три самобытных и главных в мире национальных духа: социальный дух Китая, спиритуалистический дух Индии и естественнонаучный дух Европы и Америки. В прошлом наша нация уже умела соединить китайский дух с индийским в идее единства трех вероучений. Сегодня та же проблема стоит перед нами в отношении естественнонаучного духа Европы и Америки. Здесь, в слиянии религиозной мудрости Востока с наукой Запада, таятся большие творческие

возможности»²⁵. В основе национальной, восточной «мудрости», которую пропагандировали представители этой части интеллигенции, лежало типично феодальное мировоззрение, выражающее себя в таких идеях и представлениях, как «единая субстанция мира», «чувство всеобщности», «небо — отец, земля — мать человека».

Нгуен Данг Тхук, например, писал: «Между телом и душой имеется сопряжение для познания, субъективное и объективное находятся во взаимном соотношении, все вещи находятся в соотношении... Человек, человечество есть дух вселенной. Вселенная, все вещи обращаются к духу... это и есть принцип единства всех вещей... в триединстве»²⁶. Проникшись идеей о том, что «все вещи в мире имеют одну сверхсвященную сущность», человек переставал замечать социальные противоречия и революционные перемены в мире, и перед ним открывалась картина «всеобщего мира и покоя», которые на деле были «миром и покоем» азиатского феодального общества и достигались за счет крайней нищеты и обездоленности крестьянских масс.

Другие философы, как, например, Тху Зянг Нгуен Зуй Каи, профессор Сайгонского университета, автор нашумевшей книги «Цивилизации Востока и Запада», изданной в 1957 г. и пользовавшейся популярностью в последующие годы, рассматривали вьетнамскую культуру как нечто неизменное, видели своеобразие национальной души в так называемом «восточном типе личности». Они разделяли восточную и западную культуру не по географическому признаку, а по типу личности. Они проповедовали дихотомию — интровертное и экстравертное видение мира. По их мнению, восточный человек ориентируется «вовнутрь», а западный — «вовне». Человек, «ориентирующийся вовнутрь», любит созерцание и размышление, ценит все нравственное, а человек, «ориентирующийся вовне», любит действия, любит самопроявление и насилие, ценит успех, как бы ни был он предосудителен в моральном отношении²⁷. Образцом ориентирующегося „вовнутрь“ человека эти философы считали Гуан У, одного из главных героев китайской исторической эпопеи Троецарствия, типичного выразителя феодальной морали. Исходя из тех же представлений, Цао Цао, современника Гуан У, рассматривали как «невосточную личность», хотя именно этот исторический деятель осуществлял прогрессивные для того времени преобразования, способствовавшие развитию производительных сил. Таким образом, восхвалявшаяся этими идеологами «восточная личность» на деле оказывалась не чем иным, как феодальной личностью.

Идея «возвращения к истокам» вообще была характерна для обществ, прошедших длительный феодальный этап развития, в свое время создавших блестящие цивилизации, но в последние века отставших от других, стремительно меняющихся стран. Столкнувшись с нивелирующим влиянием буржуазной культуры, определенная часть интеллигенции думала найти спасение для национальной культуры в восстановлении старых, уже исчезающих традиций

и ценностей. Идея возвращения к национальным культурным истокам в Южном Вьетнаме внешне являлась выражением национализма, а по существу, служила целям неокolonизма, так как вместо борьбы с империалистическими агрессорами предлагала бороться против коммунистов, защищающих подлинные интересы нации.

Конечно, сторонники «возвращения к истокам национальной культуры» не могли отрицать взаимовлияния культур, не могли не видеть, как «вековечная», «традиционная» культура разрушалась под воздействием западной империалистической культуры. Но вместо того чтобы бороться за подлинно прогрессивную, революционную национальную культуру, идущую в ногу с развитием современного мира, эти идеологи искали пути синтеза вьетнамской феодальной культуры с буржуазной культурой Запада. Такой синтез рассматривался ими как «разумное» сохранение восточной культуры при одновременном использовании западной науки для подъема материальной жизни. Распространялась иллюзия, что подобный синтез способен наделить Запад «душой» и в то же время открыть Востоку путь к удовлетворению всех материальных потребностей людей.

Требования возвращения к «истокам культуры», возвращения к «духовному Востоку» не остались, однако, только иллюзией, а превратились в действенный инструмент неокolonизма, ибо они сочетались с антикоммунистической пропагандой, с противопоставлением национальной независимости социализму, национальных традиций марксизму-ленинизму.

«Осовременивание традиций» — новая форма пропаганды «традиционных идей»

В целях борьбы с коммунизмом был также провозглашен лозунг «осовременивания традиций», т. е. сочетания традиционной культуры и идеологии с современными буржуазными философскими течениями. Использование буддизма придало этому сочетанию новую окраску. Если раньше под «традиционными идеями» понимались принципы конфуцианства, то теперь под ними понимались уже постулаты буддизма. Если ранее духовное бытие Востока предлагалось дополнить материальным благосостоянием Запада, то теперь считали целесообразным сочетать «душу Востока» с идеями современной буржуазной философии. Речь шла о конвергенции восточной феодальной идеологии с западной буржуазной путем их непосредственного сочетания либо сопоставления, причем последнее при всей своей внешней объективности призвано было служить целям той же конвергенции.

Внутренняя противоречивость данной концепции свидетельствовала об ее искусственном характере. Прежде всего бросалось в глаза назойливое сближение западного экзистенциализма с положениями буддизма. Учение Будды интерпретировалось с помощью экзистенциалистских категорий, более того, утверждалось, что

экзистенциализм отворил перед человечеством ворота в царство Будды. В статье «О смерти в идеях Хайдеггера» Тьен Хань, например, писал: «Здесь мы наблюдаем глубокое совпадение процесса мышления у Хайдеггера и буддизма. После того как человеку дано понять опасность мирской жизни, понять, что весь мир находится в вечном сжигании, в огне смерти, печали и отчаяния, буддизм открывает перед каждым возможность активного принятия смерти и готовность к ней, превращает смерть в форму избавления от всех бедствий»²⁸.

Преувеличивая роль буддизма в духовной жизни людей, его отождествляли с западным буржуазным гуманизмом, с философией сострадания, якобы одинаково присущей Востоку и Западу. С помощью этой «извечной» философии от людей пытались скрыть причины их страданий в современном мире, в данном случае — причины страданий и жертв вьетнамского народа. Например, Тхить Нят Хань, претендовавший на роль теоретика буддизма, следующим образом характеризовал духовное состояние человека в современном (точнее буржуазном) мире: «Общество — это человек, образ общества — образ человека, каков человек, таково и общество. Человек нового общества подвержен ужаснейшим психическим потрясениям и кризисам. Он утратил душевный покой, это прослеживается во всех областях современной культуры и искусства»²⁹. Поэтому следует вывод: «Миссия буддизма состоит в том, чтобы спасти человека, ныне находящегося на краю гибели»³⁰.

Тхить Нят Хань всячески преувеличивал роль буддизма в разрешении «трагедии», переживаемой Южным Вьетнамом. В своей книге «Цветок лотоса в море огня» и ряде статей он, извращая действительное положение, изображал борьбу против американских агрессоров как «войну двух идеологий». Исходя из этого, Тхить Нят Хань требовал «прекращения огня обеими сторонами». На деле это означало, что вьетнамский народ должен был сложить оружие. Если бы вьетнамский народ стал «молиться о появлении белого голубя», как советовал буддийский бонза, то, очевидно, его уделом стало бы новое рабство.

Говоря о буддийском «сострадании», адепты неокolonизма стремились придать ему современную окраску. Они утверждали, что «война идеологий», сжигающая вьетнамцев своим огнем, — это «абсурд», от которого южновьетнамской интеллигенции нет спасения. Это наглядно свидетельствует о том, в какой мере буддийское «сострадание» в истолковании сайгонских приспешников Вашингтона противоречило подлинным чаяниям вьетнамского народа, отстаивавшего свою независимость и свободу, оно противоречило к тому же и духу самого буддийского вероучения. Истинные последователи Будды поняли это: «Вопрос не в том, жалеть или не жалеть наших соотечественников, страдающих от несправедливости, эксплуатации, войны, а в том, как положить конец их страданиям и принести им счастье, т. е. как осуществить завет добра и милосердия»³¹.

Другие идеологи рассматривали вопрос об «осовременивании традиций» в более скромных рамках. Они не претендовали на синтез культур Востока и Запада, а считали необходимым лишь «диалог», сопоставление восточной и западной культур. Однако при таком «диалоге» культурные явления отрывались от породивших их исторических условий и сближались, как правило, весьма искусственно и произвольно. Следуя за К. Ясперсом, эти «теоретики» сопоставляли учения четырех крупнейших философов восточного и западного мира: Иисуса Христа, Сократа, Будды и Конфуция. Современным философам предъявлялось требование — стать выше своих систем и слиться в единый «источник подлинной экзистенции»³². Еще более абсурдным было сравнение «бессознательного» в учении современного психоаналитика Э. Фромма с «непредставимым» в философии буддийской школы чжан (или дзэн по-японски). Известно, что психоаналитик Фромм через познание сферы бессознательного ищет для человека путей приспособления к социальной обстановке, чтобы избежать неврозов, а в дзэн-буддизме человек через «непредставимое» познает «истинное».

Как уже отмечалось, стремление к конвергенции идей традиционной культуры и современной буржуазной идеологии служило той же цели — сохранению неоколониалистского режима. Однако это делалось весьма поспешно и грубо и не могло, разумеется, принести желаемых результатов. Тем более что сами буржуазные учения трансплантировались в Южный Вьетнам в тот момент, когда у себя на родине они уже переставали пользоваться влиянием. Следует отметить, что подобные концепции все же оказали некоторое влияние на определенные круги южновьетнамской городской интеллигенции, не связанной с революционным движением.

Борьба с «традиционными идеями», которую в годы марионеточного режима вели коммунисты, представители прогрессивной интеллигенции Южного Вьетнама, была направлена на то, чтобы разоблачить их реакционную, антинациональную сущность. В ходе этой борьбы были сохранены подлинные ценности вьетнамской культуры.

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Спиритуалистический персонализм— официальная философия режима Нго Динь Зьема.

Сразу же после установления режима Нго Динь Зьема спиритуалистический персонализм был провозглашен его официальной идеологией. «Только легкомысленные люди могут полагать, что коммунистов можно победить силой оружия, не прибегая к помощи каких-либо учений. Чтобы победить коммунистов, надо помимо оружия обладать и идеологией. Одного лишь национализма для этого недостаточно. Необходимо иметь общее учение о человеческом бытии, космосе и обществе, которое послужило бы фундаментом для националистического идеала»¹. Это высказывание антикоммунистически настроенного священника Чан Хью Тханя объясняет, почему при неокOLONиалистском режиме спиритуализм и персонализм выступают в качестве его официальной идеологии.

Действительно, в послании марионеточному конгрессу от 17 апреля 1956 г. Нго Динь Зьем предложил ввести в «конституцию» сайгонского режима положение о его теоретической «основе», которой, по его убеждению, может быть только спиритуализм, понимаемый как «последовательный персонализм»². В январе 1957 г. Нго Динь Ню, выступая на фестивале культуры в Сайгоне, уже характеризовал спиритуалистический персонализм как государственную идеологию Южного Вьетнама. Чтобы построить процветающее, могущественное государство, уверял он, не следует стремиться к овладению секретами экономической и военной мощи Западной Европы; «таким секретом, — говорил Ню, — является не современная техника, а дух, созидающий все, в том числе и технику»³. Основу этого всемогущественного духа сторонники Нго Динь Зьема видели не в рационализме и материализме гуманистов Возрождения и энциклопедистов XVIII в., а в религии, не в человеческом разуме, а в вере в бога. По мнению Ню, «западно-европейская культура развивалась лишь благодаря религиозному духу, который европейцы рассматривали как мерило человеческого достоинства..., особенностью западной культуры является вера человека в бога и в абсолютную ценность божества»⁴. Отсюда идеолог сайгонского режима делает вывод: «Сущностью нацио-

нальной культуры, к которой мы стремимся, является не что иное, как личность в сообществе»⁵.

Характеризуя содержание южновьетнамского «спиритуалистического персонализма», необходимо сразу же отметить, что «спиритуализм» зьемовского типа представлял собой, по существу, теологическую доктрину, под знаменем религии выступавшую против коммунизма.

Утверждение о существовании Бога — этой «высшей реальности», способной обеспечить «высшее спасение», — в качестве предпосылки для любой теоретической и практической деятельности имело весьма важное значение для антинародного режима. Официальный орган южновьетнамских католиков писал: «Только под руководством Всевышнего католики утверждают в вечной вражде к коммунизму... Чем более мы сливаемся с Христом, проникаемся его духом, тем наш антикоммунизм последовательнее, полнее, тверже и непреклоннее»⁶. Сторонники зьемовского режима всячески стремились осуществить эту задачу: призвать Бога на помощь в борьбе с коммунизмом. Наиболее откровенно подобную идею проводили священники из доминиканского ордена. Один из них, Чан Мук Дить, в курсе лекций, прочитанном для чиновников в Центре по персоналистскому воспитанию в Виньлонге, говорил: «Что касается борьбы с коммунизмом и его атеистическими ересями, то нет ничего более эффективного, нежели доказательство необходимости религии, Творца»⁷. По его мнению, спиритуализм есть не что иное, как «признание бога-творца» и бессмертия души; «вопрос о духовности — самый важный для судьбы человека... Отрицать божественную сущность человека значит отрицать священную нравственность, отрицать добро и зло... Именно поэтому основа человеческой личности заключается в ее духовности»⁸.

При таком понимании спиритуализм это по существу другое название теизма, и это вынужден был признать сам Чан Мук Дить: «Если коммунисты ведут агитацию и пропаганду, основываясь на атеизме, то персонализм должен взять за основу своего учения теизм»⁹. Суть этого теизма, как можно заключить из рассуждений его проповедников, заключается в следующем: материя — это всего лишь неопределенная и пассивная потенция, однако только благодаря форме, которую ей сообщает Бог, она становится действительностью. Бог понимается в данном случае в средневековом теологическом смысле как трансцендентная субстанция, начало мистической цепи причин и следствий, творец мира и человека. Бог — принцип и цель любого движения — и природного и социального.

О феодальном характере идеологии Нго Динь Зьема можно судить по таким его заявлениям, как: «Политический строй во Вьетнаме испокон веков зиждется на принципе ведения государственных дел не представителями народа, а монархами, которым помогали мудрые премьер-министры»¹⁰ и «демократия — это не материальное благоденствие и не господство большинства»¹¹. Нет

поэтому ничего удивительного в том, что такой правитель стремился возродить средневековое богословие, превратив его в идеологическую основу своего диктаторского режима. Здесь обнаруживается важная причинно-следственная связь: антикоммунизм постоянно порождает диктатуру, а личная диктатура возрождает религиозную веру.

В то же время необходимо отметить, что борьба против коммунизма под знаменем религии в Южном Вьетнаме имела прежде всего политический характер. Зьем боролся с коммунизмом не потому, что тот угрожал религии, а потому, что коммунисты вели борьбу против антинародного зьемовского режима и американского порабощения. Но это означало, что «защита» бога Зьемом и его приспешниками была не самоцелью, они нуждались в нем как в «священном гаранте» колониального режима, с тем чтобы сломить дух добывающегося изменений своей участи народа. Этот «теологический диктат» был идеологическим отражением жестокого угнетения Вашингтоном и его ставленниками южновьетнамского народа во всех сферах его общественной и личной жизни. Вот что писал, например, один из поборников «свободы», тот же Чан Мук Дить: «Человек, слишком уверенный в своем разуме, отказывающийся от света любой религии, опасен для общества... В политическом отношении такие люди будут считать Конституцию обузой и оковами свободы и непременно будут стремиться к политическому перевороту»¹².

Таким образом, бога использовали для защиты неоколониалистского режима, а религиозная мораль эксплуатировалась с целью порабощения многомиллионного народа. Именем бога католиков призывали пожертвовать собой ради религии; на деле же во имя интересов США оправдывали жестокие преступления против народа, объявляя их «священным походом против коммунистов».

Объявляя спиритуалистический персонализм официальной философией Южного Вьетнама и используя его для борьбы с коммунизмом, идеологи зьемовского режима вместе с тем широко обращались к понятию личности. Но их «личностная философия», по существу, не имела ни малейшего отношения к французскому левокатолическому персонализму Э. Мунье и его единомышленников, хотя и пользовалась той же самой терминологией. Французский журналист Ж. Шаффар писал по этому поводу: «Последователи Мунье не ощущали присутствия своего учения во всем том, что творилось при зьемовском режиме, и полагали, что его сторонники пытались с помощью слов: персонализм, личность, сообщество — оправдать свои преступления, такие, например, как „концентрация населения“»¹³. Аналогичное мнение высказывали сами южновьетнамские католики: «Персонализм Мунье совсем не то, что у Нго Динь Нью и архиепископа Нго Динь Тхука»¹⁴. Ж.-М. Доменак, руководивший в то время журналом «Эспри», неоднократно выступал против фальсификаций и маскировок, имевших место в «персоналистской философии» Южного Вьетнама.

Приверженец фанатичного средневекового вероучения, Зьем не представлял себе человека иначе, как отягченным «первородным грехом». Выходец из феодальной семьи и сам бывший сановник, он считал народ толпой, стадом, нуждающимся в пастырях, в поставленных над ним блюстителях порядка. Однако для сохранения своего господства Зьем прибегал к демагогии: «Наши сердца принадлежат тем, кто наиболее обездолен,—трудящимся массам»,—заявлял он¹⁵. Священники, проповедовавшие персонализм по заданию Зьема, также лицемерно твердили: «Уважение к личности предполагает уважение к трудящимся, а ими в нашей стране являются крестьяне»¹⁶. Зьем и его сторонники на словах выступали за «возвышение личности». Директор Центра по персоналистскому воспитанию в Виньлонге Нгуен Ван Тат дал этому тезису следующее разъяснение: «Чтобы иметь представление о человеке, необходимо признать два основных формирующих начала: душу и тело»¹⁷. В его представлении вечное и священное из двух начал — это душа, восходящая к богу, и лишь благодаря тому, что бог вложил душу в тело, последнее становится человеком. Таким образом, понятие «человек» наполняется мистическим содержанием. Человек в зьемовском персонализме абстрактен, внеисторичен, внесоциален. Когда Зьем говорил о «возвышении личности», он имел в виду «божье творение», «воплощенную душу», а не реального человека. Апология этой иллюзорной личности на деле означала принижение и как следствие этого отрицание реального человека, простых людей с их земными чаяниями и интересами.

В том же духе следует понимать и зьемовский тезис об «уважении личности». Сама личность, согласно воззрениям Зьема и священников из центра в Виньлонге, имеет мистическое, божественное происхождение: «Мы можем твердо заключить, что существует невидимая субстанция, отличная от видимой, одушевленная и подвижная, нечто вроде первородного духа, созидающего ту живую монаду, какую мы называем человеком... Этот первородный дух должен быть единичной субстанцией, наделенной разумом, свободной, самостоятельной и некоммуникабельной. Первородная, невидимая, но обладающая множеством качеств субстанция и есть личность»¹⁸. При таком понимании личности ее истоки следует искать в боге.

Вместе с тем Зьем, Нью и реализовывавшие их установки священники утверждали, что человек всегда выступает в двух аспектах: как телесный индивид, как биологическая особь он зависит от определенного социального строя; как личность же «человек есть психическая действительность, вырывающаяся за рамки пространства и времени и устремляющаяся к всеобщему и абсолютному»¹⁹. Зьем, Нью и их единомышленники, не приводя никаких обоснований, уверяли, что католическое персоналистское сообщество является «наилучшим» социальным организмом, и противопоставляли его как капитализму, критикуя последний за индивидуализм и эгоцентризм, так и социализму, отождествляя его с диктаторским строем. Они заявляли, что «индивидуализм обрекает

человека на одиночество, диктатура — на рабское служение государству, нации. Католицизм же, по их мнению, ставит человека выше любой действительности и признает его зависимым только от бога»²⁰. Нгуен Ван Тат, например, писал: «Искать правду — значит искать Бога, а это самое прекрасное, самое высокое занятие для человека»²¹.

Таким образом, говоря об «уважении личности», Зьем имел в виду навязывание человеку в качестве идеала мистического, иллюзорного абсолюта. Возвеличение этого абсолюта служило ширмой, под прикрытием которой уничтожались демократические права и осуществлялись террор и репрессии, направленные против реального «телесного» человека; последний же был обязан подчиниться существующим порядкам. Вот почему именно тогда, когда Зьем особенно много рассуждал об «уважении личности», в Южном Вьетнаме был введен в действие закон 10/59, санкционировавший беспощадное физическое истребление патриотов.

Однако антинародная политика, проводившаяся Зьемом под прикрытием спиритуализма и персонализма, не смогла остановить революционную борьбу народа. Вашингтону пришлось срочно спасти зьемовский режим, прибегнув к «особой» войне, в которой созданию «стратегических поселений» отводилась исключительно важная роль. Персонализм был сразу использован для «обоснования» этой меры. Теперь подчеркивался «общинный» аспект данного учения, а на Партию труда и персонализма (Данг кан лао нян вн)²² была возложена миссия всеобъединяющей силы. Нго Динь Ню так разъяснял проводимый им совместно с братом новый курс: «Персоналистское учение, которое я проповедую, представляет собой демократию в борьбе, демократию, в которой свобода есть не подарок Деда Мороза, а результат мужественной и непрерывной борьбы... Именно такое понятие о свободе служит компасом для всенародного движения по созданию стратегических поселений и меняет всю структуру современного строя... Персонализм мобилизует все сельское население (т. е. 85% населения всей страны) на бой за новую жизнь»²³. Так персонализм из ширмы, скрывавшей уничтожение патриотов, был превращен в дымовую завесу, под прикрытием которой зьемовский режим намеревался заключить в тюрьму весь южновьетнамский народ.

Таким образом, персонализм Зьема и Ню был специфическим продуктом неокOLONIALИСТСКОГО РЕЖИМА, идеологическим инструментом, предназначенным для осуществления политических задач и вытекающих из них конкретных мероприятий. Но несмотря на то, что этот персонализм имел опору в лице кровавого диктаторского режима и реакционных элементов церковной иерархии, он практически не оказал серьезного влияния на население Южного Вьетнама. Напротив, зачастую он наталкивался на явную или скрытую оппозицию даже среди католиков, ставших объектом «персоналистского воспитания». Так, одна из них вспоминала: «Каково содержание этой учебы? Это нечто вроде школьной философии, разбавленной жидкой теорией „общинного персонализ-

ма "... После лекций мы должны были штудировать учебники, отпечатанные на ротаторе, вечера отводились публичной самокритике, которая быстро принимала форму „народного суда“»²⁴.

Со смертью Зьема сошел со сцены и спиритуалистический персонализм. Даже некоторые антикоммунистически настроенные священники убедились в его фальшивой «теологической» природе: «Излагая это учение, профессора из персоналистского центра в Виньлонге использовали для его обоснования католическую богословскую теорию, причем в схоластической форме. Естественно, такая прямолинейность привела к отождествлению спиритуалистического персонализма с учением католицизма о божественном творце и бессмертии души; требуя, чтобы все учились персонализму, тем самым заставляли принимать догматы католической церкви»²⁵. Для многих интеллигентов была очевидна и политическая сущность зьемовского персонализма: «Ню рассматривал персонализм только как ширму, как вывеску, предназначенную для того, чтобы скрыть всю гнилость зьемовского режима, его феодальную, семейственную и диктаторскую природу»²⁶. При режиме Зьема уважение к личности «означало попрание личности»²⁷.

Противники зьемовского спиритуалистического персонализма выступали за восстановление подлинного характера «личностной философии», принимая ту ее трактовку, которая свойственна западноевропейскому (в частности, французскому) персонализму²⁸. Истинный персонализм, по их утверждению, это учение о человеке как личности, обладающей наряду со сверхъестественной интуицией самобытным, индивидуальным существованием и самостоятельным разумом, не подлежащим ни уничтожению, ни растворению в какой бы то ни было общности²⁹.

Однако во всех этих и подобных им рассуждениях человек по-прежнему оставался мистическим существом, лишенным конкретного общественно-исторического содержания. Личность предстает здесь как неизменная духовная реальность, существующая вне и независимо от материального мира и человеческого общества. Персонализм как философия личности в таком случае учит абстрактной добродетели и уводит людей от осмысления источника реального зла, т. е. американско-зьемовского режима и капитализма вообще. Вопреки субъективным желаниям его теоретиков такой персонализм оказывается неспособным воодушевить людей на борьбу против существующего насилия. Более того, выступая, по существу, против реальных запросов людей и земных ценностей и идеалов, подменяя их абстрактными, трансцендентными понятиями, этот персонализм объективно оказывал поддержку реакционному неоколониалистскому режиму.

Экзистенциализм в Южном Вьетнаме

В конце 50-х годов некоторые представители католической интеллигенции Южного Вьетнама начали пропагандировать экзи-

стенциализм. Вначале его популяризировали на страницах журналов «Шанг гар» («Творчество»), «Дай хок» («Высшая школа»), «Бать Кхоа» («Энциклопедия») в форме философских или литературно-критических эссе, проникнутых духом «христианского экзистенциализма». Этот религиозный вариант экзистенциализма по своему содержанию был близок к спиритуалистическому персонализму. В 1960—1961 гг. экзистенциализм начинают систематически излагать в журнале «Бать Кхоа» и в курсах по истории философии в высших учебных заведениях. Но только после гибели Зьема (в 1964 г.) это философское течение получило благоприятные условия для широкого распространения в сайгонском обществе (причем как в теистической, так и в атеистической формах).

В духовной жизни южновьетнамских городов господствующее положение тогда занимала не одна религия или идеологическое течение, а имело хождение множество религий и доктрин. Почему же именно экзистенциализм, а не какое-нибудь другое течение получил особенно широкое распространение?

Первую причину этого можно усмотреть в том, что США в своей войне против Южного Вьетнама осуществляли подлинный геноцид. Естественно, это вызывало ответную патриотическую реакцию у вьетнамского народа. Однако было немало людей, не веривших в возможность победы над американской военной машиной, они ощущали смятение и растерянность перед лицом непрерывных убийств и разрушений; бедствия войны представлялись им не какой-то нелепой случайностью, а проявлением рока. Пессимизм и отчаяние, овладевшие частью южновьетнамского населения, явились благоприятной почвой для распространения идей экзистенциализма.

Второй причиной данного явления можно считать неуклонный процесс разложения южновьетнамского общества. Открытая агрессия США сорвала с марионеточного режима маску защиты «национальных» интересов, вызвала глубокие социальные и политические потрясения в сайгонском обществе. Провал «особой», а затем и «локальной» войны вел к еще большему распаду этого режима, одновременно демонстрируя варварскую, бесчеловечную сущность агрессоров и делая жизнь в оккупированных городах все более невыносимой. В этих условиях у многих людей отвращение к действительности сопровождалось утратой веры в идеалы, ощущением духовного тупика. Именно на такой почве окрепли настроения безысходности, толкавшие людей на поиски личного спасения любой ценой — будь то бегство от действительности в мир иллюзий либо слепой, разрушительный бунт против нее.

Для некоторых католических священников и интеллигентов христианский экзистенциализм был удобной формой для рассуждений о боге. Так, священник Чан Тхай Динь писал: «Философия экзистенциализма предполагает и утверждает нашу зависимость от бога»³⁰. В ней признается не только то, что бог есть причина существования личности и основа ее свободы, но также и то, что «жить в свободе значит жить под водительством бога»³¹. Ссылаясь

на К. Ясперса, Чан Тхай Динь говорил об ограниченности человека и отсюда выводил для него необходимость «жить под богом». При этом он считал христианский экзистенциализм Ясперса подлинным гуманизмом, отвергая нерелигиозные концепции человека (особенно марксизм и атеистический экзистенциализм) как нигилистические; он призывал философов-атеистов принять учение о «подлинном существовании», где человек, будучи существом ограниченным, сопряжен с бытием сверхъестественным³².

Христианский экзистенциализм широко использовался для борьбы против материализма и атеизма. Так как большинство профессоров и преподавателей философии в учебных заведениях были католиками, то занятия по этой дисциплине, в особенности при режиме Зьема, превращались в средство насаждения религии и пропаганды антикоммунистических идей среди учащихся.

Некоторые буддийские монахи пытались связать экзистенциалистскую философию с догматами буддизма. Один из высших чинбв буддийской иерархии, Тхить Дык Ньюан, трактовал идеи крупнейших философов-экзистенциалистов как своего рода «подступы» к буддийскому учению. Он писал, что состояние «тошноты перед жизнью» и осознание человеком своей ничтожности, о которых говорит Сартр, может привести к буддизму, а не обязательно к отчаянию и нигилизму³³. Он как бы осовременивал буддизм, придавал ему экзистенциалистскую окраску. Другой буддист, Туэ Ши, изображал Будду чуть ли не стопроцентным экзистенциалистом³⁴. Тьон Хань, проанализировав понятие «страдание» у Ясперса и у Будды, приходит к выводу, что «страдание» у Ясперса по своему содержанию весьма напоминает то, о чем нам говорил «Просветленный»³⁵.

Некоторые буддийские деятели использовали экзистенциализм не только для укрепления позиций своей религии, но и для того, чтобы культивировать в обществе настроения нигилизма, одиночества и отчаяния, смирения и терпения. Людей убеждали повернуться спиной к действительности, уйти в свой внутренний мир и найти в нем спасение от всех зол, которые несет неокOLONIALИСТСКИЙ режим. Более того, во «внутреннем совершенствовании» человека видели надежное средство для того, чтобы покончить с американской агрессией в Южном Вьетнаме. Проповедники этого «спасительного» пути считали себя самыми верными «патриотами». Так, бонза Тхить Минь Тяу писал: «Когда сознание и вся психика человека переменятся, перестанут существовать противоречия как внутреннего мира, так и внешнего, социального, и, стало быть, исчезнут причины войн... Религия — это и есть путь к спасению... Спасение может быть только всеобщим, потому что частичное спасение — это не спасение... Только религиозное, т. е. духовное, спасение является всеобщим и окончательным. Поэтому само слово религия уже включает в себя все содержание пути спасения для Вьетнама и всего мира»³⁶.

Ряд известных публицистов, писателей, поэтов также способствовали пропаганде экзистенциализма своими переводами и по-

пуляризаторскими статьями; этой же цели служили работы по изучению традиций вьетнамской национальной культуры, авторы которых в своих исследованиях опирались на феноменологическо-экзистенциалистскую методологию. Так, Нгуен Ван Чуинг³⁷ рассматривал под экзистенциалистским углом зрения ряд философских и политических проблем (преступное сознание, ложная вера, самоидентичность, дух и плоть, война и мир, коммунизм и т. д.). Цитируя известное высказывание Сартра «Ад — это Другие», он хотел подчеркнуть тем самым мысль о невыносимости сосуществования людей в обществе. Некоторые литераторы вводили в свои произведения экзистенциалистские мотивы и темы³⁸. Ву Кхак Кхоанг, например, сочинил вполне «экзистенциалистскую» пьесу о Чингис хане, проникнутую антикоммунистическими идеями³⁹. Писатели, служившие в марionеточной армии, с позиций экзистенциализма разрабатывали темы смерти, абсурдности бытия, нигилистического неверия.

* * *

Известно, что философия проникает в сознание масс, входит в их духовную жизнь не в виде системы отвлеченных категорий и понятий, а в виде определенных тем и идей. Экзистенциализм как собственно философское учение интересовал довольно ограниченный круг специалистов, но через вдохновенную его идеями литературу это философское течение оказало большое влияние на широкие круги населения южновьетнамских городов. В этой литературе можно выделить следующие темы:

а) *Бунт*. «Бунт разгневанных» — распространенное выражение в кругах сайгонской молодежи, которым обозначались присущие ей настроения всеобщего недовольства — недовольства школой, правительством, жизнью. Но этот «бунт» не был бунтом против американских агрессоров и прогнившего неокOLONиалистского режима; он был «метафизическим бунтом», бунтом против собственной судьбы.

В подобных настроениях таилось негативное отношение к существующему порядку, но разделявшие их люди, как правило, еще не поднимались до осознания реальных социальных противоречий и ограничивались лишь нигилистическим отрицанием общества. Это объяснялось тем, что они стремились уйти от действительности, «стать выше обстоятельств дня, ситуаций месяца, истории года», соглашались с тем, что экзистенциализм называл «универсальной и вечной правдой», — «с трагической участью человека на земле»⁴⁰. Здесь снова перед нами намерение истолковать конкретную социальную действительность как извечную реальность человеческого бытия. Тем самым господство существовавшего тогда жестокого неокOLONиалистского режима объяснялось действием фатума, а все бедствия, переживаемые нацией по вине вполне определенных сил, связывались с «человеческим уделом» как таковым, социальные болезни и язвы превращались в болезни и яз-

вы сознания, а последние признавались неизлечимыми. «Ни один из нас не в состоянии спасти другого, нам не дано ничего иного, как только оставаться наедине со своей тоской и отчаянием», — писала, например, Нгуен Тхи Хоанг⁴¹. «Нет другого выбора, кроме отчаяния», «смысл жизни в том, чтобы твоя смерть стала только твоим личным делом», — утверждала она⁴².

Такой взгляд на жизнь, естественно, вел к отказу от всякой политической позиции, от всякой ответственности перед обществом. Человеку, усвоившему его, оставалось только сожалеть о человеческом уделе вообще, забыть об участии и долге гражданина колониальной страны, бежать от общества в свое «постоянное и вечное» одиночество. Этот одинокий человек не только поворачивается спиной к настоящему, но отвергает прошлое и отказывается от будущего. Он полагается на судьбу, уподобляясь былинке, несомой бурным и лишенным разума историческим потоком.

Под влиянием таких, имеющих экзистенциалистскую окраску воззрений в художественной литературе, кино и театре создавались образы людей, лишенных социальной и национальной почвы, живущих, как «блуждающие тени», как воплощения «несчастливого сознания», терзаемые безотчетными страданиями, томимые «тоской по небытию».

Неудивительно, что в самом Сайгоне раздавались голоса, протестовавшие против такого характера литературы и искусства. «Все эти переживания, заимствованные из судеб и обстоятельств других людей, не имеют никакого отношения к реальной жизни человека-раба азиатской колонии», — подчеркивалось в одной из статей⁴³. «Проблемы, поднимавшиеся в этих произведениях, — утверждали те же критики, — это наваждения и укоры совести книжных людей, а не реального вьетнамского человека в данный момент»⁴⁴. Раздавались и такие голоса: «Литература и философия подобного направления явно имеют целью ублажать людей и превратить их в эскапистов. Позиция их творцов — это позиция дезертиров и эскапистов, стремящихся выдать себя за озабоченных судьбой человека мыслителей»⁴⁵.

К позиции «метафизического бунта» примыкала концепция «внеисторического бунта». В ее основе лежало не осознание объективных противоречий, а утверждение о существовании некоей «неприятной ситуации как таковой». Согласно этой концепции, нет нужды отличать прогрессивное от реакционного и проводить в жизнь какие бы то ни было реальные преобразования. Под данной формой бунта понимался чисто индивидуальный акт протеста. Как утверждал писатель Тю Ты, «нам нравится революция, потому что она — авантюра; нам по душе тонуть и всплывать в бурном потоке революционного действия»⁴⁶. Такой бунт, преследующий цель возвеличить собственное «я», есть не что иное, как крайний индивидуализм, слепой и абсурдный, проповедующий борьбу ради борьбы, разрушение ради разрушения.

Обе эти формы бунта, абстрагирующиеся и от конкретных врагов, и от реальных социальных условий, изображались как самые

привлекательные и «возвышенные». Но это были, по существу, лишь «бури» в стакане воды, вызванные одинокими индивидуумами, которые мыслили себя лишенными социального содержания «экзистенциями», метафизическими субстанциями. Их «свобода» также была лишь бессодержательной абстракцией, не имевшей никакого отношения к борьбе вьетнамского народа за действительную свободу, против американской агрессии.

Следует, разумеется, учитывать, что в данном случае речь идет о неокOLONиалистском обществе, уже находившемся в процессе распада. Вышеуказанные формы бунта существовали только на страницах книг и в головах некоторых интеллигентов. Иногда это было всего-навсего искусное притворство, за которым скрывалось весьма неприглядное личное и общественное поведение. Герой одного из экзистенциалистских романов говорил: «Я хочу бунтовать, то есть хочу гулять, разрушать, танцевать, есть и пить, говорить и смеяться до полной потери рассудка, чтобы вдруг забыться и не знать более, что я живу, то есть неумолимо шествую к смерти»⁴⁷. Иногда в декларациях о «бунте», о «тошноте перед жизнью» выражалось не что иное, как пресыщение теми материальными благами, которыми наделил часть людей неокOLONиалистский режим, и, конечно, подобные «бунт» и «тошнота» не представляли реальной опасности для хозяев этого режима.

Бунт «для себя, против всех» во многих случаях выливался в бродяжничество. Как писал Зуен Ань, «я стал бродягой, потому что меня воротит от общества»⁴⁸. Бродяжничество нередко оказывалось подготовительной ступенью к службе в марионеточной армии. «Армия — самое идеальное место, где можно переделать жизнь», — заявлял тот же автор⁴⁹.

Южновьетнамские экзистенциал-«бунтовщики» стремились трансформировать существовавшие в среде городского населения антиамериканские настроения, поставить их на службу проамериканскому неокOLONиалистскому режиму. В таком случае мнимый «бунт против общества» превращался, по существу, в бунт против собственного народа.

б) «Притие». Иногда аргументы французского философа-экзистенциалиста А. Камю использовались сторонниками американского образа жизни для оправдания своего отношения к неокOLONиалистскому режиму в Южном Вьетнаме. Подражая Камю, они говорили о «чуме», свирепствующей в южновьетнамском обществе. Но если у Камю, по крайней мере на первых этапах его творческого пути, метафора «чума» имела историческое содержание — фашизм с его методами массового физического и морального уничтожения людей, — то южновьетнамские последователи Камю под «чумой» подразумевали вовсе не американских агрессоров, а абсурд человеческого существования вообще, безличное зло, равно подавляющее всех и каждого. В этом царстве «чумы» есть только жертвы, но нет виновников.

Одни всячески стремились обелить агрессоров и их прислужников; другие изображали народное Сопротивление как «Сизифов

труд» (опять заимствование у Камю!). Причем рассуждения о «бесполезности» освободительной борьбы базировались не на оценке перспектив этой борьбы, а на камюзианском положении, согласно которому у революции, как и у агрессии, тоже есть свои жертвы, революция тоже использует «государственный аппарат подавления». Следовательно, делали вывод сторонники подобной точки зрения, «чума» исходит из обоих лагерей, и против нее нет никакого средства. Таким образом, предпринималась попытка отождествить действия, отвечающие закономерностям исторического развития, и действия, противоречащие им. Но главное — не эти софистические рассуждения, а то, какие цели они преследовали. Эти цели состояли в следующем: убедить людей, что поскольку зло в равной мере исходит от обеих борющихся сторон, то не следует примыкать ни к одной из них, «пусть другие делают историю», а честным людям, мол, важнее всего «сохранить свои руки чистыми».

При этом, правда, признавалось, что удержаться на такой позиции трудно, потому что, даже не участвуя в истории, человек подвержен ее влиянию. Так, в одном из журналов утверждалось в связи с этим: «Как мы можем остаться добрыми, с чистыми руками, когда мы принадлежим к обществу, где царят голод, хаос и преступность»⁵⁰. Поэтому некоторые «интеллектуалы», подражая Камю, уподобляли себя «невольным пассажирам», «очувтившимся на корабле эпохи» или «высаженным на берег», т. е. в южновьетнамское общество. И так как зло в этой жизни нестремимо и «все абсурдно, а истинна только смерть», поскольку любой выбор одинаково бессмыслен, то, стало быть, лучший выход — это принять тот «берег», куда тебя высадили помимо твоего желания, т. е. принять марионеточный режим, каким бы неприглядным он ни был.

Этим духом «приятия» южновьетнамской действительности пронизаны многие расхожие сентенции, заимствованные у того же Камю: «В жизни нет ничего стоящего, ничто не имеет такой цены, как сама жизнь», «тюрьма — это родина», и т. п. Литератор — антикоммунист Тхэ Уен писал: «Я наклоняю голову и вижу колючие цинковые круги, капли крови на асфальте, слезоточивые гранаты. Я наклоняю голову, чтобы утвердиться в пути, который выбрал. Да, я вьетнамец и должен нести свой крест»⁵¹. Другой реакционный писатель, уже упоминавшийся нами, Тю Ты, увещевал читателей: «Не будьте слишком своевольными, надо уметь примириться со своей долей, примириться с самим собой, со своими близкими и с окружающим обществом. Снисходительность — первое условие исправления мира... В этом — искусство жить»⁵².

Сторонники позиции «приятия» действительности много сделали для того, чтобы посеять в душе людей чувство растерянности и бессилия перед жизнью, нежелания подняться на борьбу с реальным злом.

в) «Торопитесь жить». Если две рассмотренные выше «экси-

стенциальные» темы имели социально-политический характер, то третья — «торопитесь жить» — имела непосредственное отношение к обыденному, повседневному существованию людей. Именно она получила наиболее широкое распространение, поэтому когда речь шла об экзистенциализме, то скорее имели в виду не философскую систему, а прежде всего определенный образ жизни.

Экзистенциалистская философия отвергала все существующие философские системы, рассматривая их как абстрактные, и требовала возврата к конкретному, живому человеку. Экзистенциалистская литература, в свою очередь, отказалась от традиций социально-психологического реализма для того, чтобы заняться изображением «трагедии разума, брошенного в историю», «извечной трагической участи человека». В реальной действительности все это, однако, обернулось ориентацией на вульгарное и циничное поведение и соответствующий ему образ жизни, быстро усвоенными многими представителями городской молодежи, видевшей смысл своего существования в том, чтобы шокировать общественность вызывающим пренебрежением традиционными нормами морали. В частности, в противоположность «вчерашней любви» провозглашалась «сегодняшняя любовь», которая не только отвергала все представления о любви, основанные на законах религии, но и высмеивала всякую романтику в любви как безнадежно устаревшее наследие прошлого. «Сегодняшняя любовь» — это физиология, и только. Как утверждала Нгуен Тхи Хоанг, «сегодня иметь идеал любви, быть сдержанным в любви, хранить верность и постоянство — значит быть деревенщиной, быть растением, а не человеком»⁵³.

Многие литераторы приукрашивали эту «современную» любовь пышными фразами, заимствованными из словаря экзистенциализма. Хотя всячески превозносилось одиночество «экзистенциалистских» личностей, на деле «одиноких» юношей и девушек разделяла лишь «иллюзорная стена» традиционных обычаев и морали, преступить которую не составляло никакого труда. Два одиночества «машинально соединяются» в «акте любви» и так же беспричинно и бессмысленно расходятся, ни о чем не сожалея. «Соединение» — краткий миг, одиночество и пустота — постоянны, и уйти от них можно, лишь предавшись разврату. «В юности каждый — это одинокая вселенная, саморазрушающаяся рядом с другими одинокими вселенными»⁵⁴, и «эти люди с увлечением чего-то ищут в ночи, как черные дикие кошки, лазят и бродят по крышам от дома к дому. То, чего они ищут, это не что иное, как их собственное мяуканье»⁵⁵, — писала та же Нгуен Тхи Хоанг.

Одновременно преувеличивалась и свобода экзистенциалистских личностей. Свобода выступала как синоним произвола. «Часть моего „я“ умерла. Оставшаяся часть полностью свободна, свободна и одинока; она живет без контроля сознания и рассудка, она бросается в жизнь с безоглядной решимостью»⁵⁶, — рассуждал герой одного экзистенциалистского романа. Содержание подобной свободы таково: «Обладание женской плотью. Вино и

опьянение. Автомобиль и бешеные скорости. Ночь и беспробудный сон»⁵⁷.

При этом современная «свобода» поведения превозносилась как «смелость жить подлинной жизнью», «быть самим собой». Романисты рисовали образы людей, «опьяненных страстью», «вождедеющих до боли», «неутолимых в страсти», преступающих через все нравственные запреты и делающих это не с сознанием греха или преступности, а совершенно бездумно.

Для чего создавались персонажи с такой моралью? Их творцы полагали, что это не аморальные, а лишь имморальные существа, пренебрегающие нормами морали, сознавая, что жизнь бессмысленна, а понятия «зло» и «добро» бессодержательны. Таким образом, умышленная имморальность объявлялась верностью самому себе и одновременно высшим проявлением подлинного человеколюбия.

Но в Сайгоне были люди, которые правильно оценивали истинную сущность такого «завоевания человека». Так, публицист Нгуен Чонг Ван писал: «Когда политический, экономический, военный и правительственный суверенитет утрачен, тогда люди набрасываются на литературу и отдают себя во власть инстинкта наслаждения. Это не идеал, не борьба за человека, а превращение его в животное»⁵⁸.

Генеральное наступление освободительной армии весной 1968 г. кардинально изменило ситуацию. Вашингтон, потерпев тяжелые поражения, был вынужден начать отвод своих войск. Революция подступила к окраинам Сайгона. Социальная база распространения экзистенциализма постепенно сужалась. США должны были искать новые идеологические и культурные средства, чтобы укрепить свой неокOLONIALISTСКИЙ режим. И они были найдены в «американском образе жизни».

Движение «левых» и «ангажированность» личности. «Некоммунистическая социальная революция»

Наряду с распространением экзистенциалистских идей в философии, литературе и в обыденной жизни получила распространение (особенно в 1964—1965 гг.) идея так называемой «некоммунистической социальной революции». Первоначально ее пропагандировали те, кто называл себя «левой интеллигенцией» и входил в различные группы, как, например, «Лап чыонг»⁵⁹, ядро которой составляли буддисты, «Хань чинь»⁶⁰ — объединение католиков, «Тхай до»⁶¹, основателем которой был один из высших чинов сайгонской армии.

Лозунг «некоммунистическая социальная революция» означал третий путь общественного развития — не капиталистический, но и не социалистический, антикапиталистический и вместе с тем антикоммунистический. Считалось, что этот путь синтезирует в себе все положительное, что свойственно как капитализму, так и со-

циализму. В конкретной обстановке 1964—1965 гг. это означало борьбу и против американских империалистических агрессоров и их приспешников, и в то же время против социалистического Северного Вьетнама и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, за такой социальный строй, который был бы независим и от США и от ДРВ, выступал бы против и США и ДРВ. О «некоммунистической социальной революции» стали усиленно говорить в эти годы прежде всего потому, что в то время революционное движение уже охватило сельские районы, но еще не имело твердой базы в городах. Марионеточная администрация переживала хронический кризис; Вашингтон же готовился к открытой агрессии, однако начал ее только во второй половине 1965 г. Средние слои сайгонского общества, особенно интеллигенция, испытывали «кризис доверия» в отношении США, но вместе с тем они опасались коммунизма. Стремясь найти «третий» путь для Южного Вьетнама, они обратились за духовной помощью к Западу, главным образом к движению «новых левых», выступали за синтез капитализма и социализма, бедных и богатых стран, но отрицали руководящую роль рабочего класса в революционной борьбе, возлагая надежды только на интеллигенцию и студенчество.

Анализируя практическое проявление этих тенденций, можно заметить, например, что в деятельности групп «Лап чыонг» и «Тхай до» отражались противоречия между различными антикоммунистическими силами. Ненавидя коммунизм, положительно относясь к американской агрессии в Южном Вьетнаме и к бомбардировкам Северного Вьетнама, эти силы расходились лишь в понимании эффективности методов борьбы с коммунизмом. Поэтому они в сущности не предлагали никакого третьего пути. Так называемая «некоммунистическая социальная революция» под лозунгом «третьего пути» объективно служила тому же неокOLONIALИЗМУ и антикоммунизму.

Что касается довольно многочисленной группы «Хань чинь», объединявшей людей, придерживавшихся различных политических ориентаций, то в общем данная группировка отражала стремление определенной части сайгонской крупной и мелкой буржуазии к укреплению своих позиций в условиях резко обострившейся борьбы между агрессивными силами империализма и народным революционным движением. На страницах издаваемого этими кругами общественно-политического журнала предпринимались поиски такой «политической позиции», таких истин, которые были бы способны «принести свет» людям действия, помочь им найти «наивернейший выход» из той катастрофы, в которую был ввергнут Южный Вьетнам.

Многие участники группы «Хань чинь» остро критиковали американский империализм, отмечая, что американский неокOLONIALИЗМ опаснее старого колониализма, а американская «помощь» — это завуалированная форма обмана. Они выступали против американской культурной экспансии, против превращения вьетнам-

цев в «желтокожих американцев», еще более бесправных, чем «американцы чернокожие». Некоторые из них обращали свой взор к движению Сопротивления, полагая, что «самая прекрасная дорога во Вьетнаме — это не улица Свободы (в Сайгоне), а тропа Сопротивления». Но антиамериканизм этих людей был весьма ограничен. Хотя они выступали против американской агрессии, они были не против использовать помощь США, чтобы не дать Южному Вьетнаму «попасть в руки коммунистов». Как писал Нгуен Ван Чунг, «Южный Вьетнам еще не оказался в руках коммунистов потому, что есть армия. А источник существования армии — американская помощь. До сегодняшнего дня наш Юг волей или неволей, остается в американском блоке. Если этот блок не отвергнет его, то он не попадет ни в чьи другие руки»⁶². Понимая, что американская помощь представляет собой форму порабощения, эти люди все же полагали, что без нее невозможно развивать экономику Южного Вьетнама.

Изменение в политике американцев по отношению к группе «Хань чинь» и повлекло за собой изменение ее политико-идеологических позиций. Открытый антикоммунизм сменился лозунгами «неприятия коммунизма» и «без коммунизма». Приверженцы этой группы признавали, что марксизм во Вьетнаме сыграл важную роль в национальной и социальной борьбе и что в авангарде этой борьбы шли коммунисты; но, расточая похвалы коммунистам и отмечая их заслуги перед Родиной, сторонники «Хань чинь» все же не принимали коммунизм, считая, что, «хотя цели коммунистов и благородны, их революционные методы аморальны»⁶³. Поэтому они говорили о необходимости «третьего пути», не капиталистического, но и не коммунистического.

Выдвигались следующие аргументы в пользу «некоммунистической социальной революции».

Первый из них заключался в том, что Южному Вьетнаму трудно выбрать один из двух официальных путей — либо марионеточный режим, либо Национальный фронт освобождения, — поскольку за декларациями обеих сторон скрывалось много неприемлемого. Если же рассматривать проблему в международном масштабе, то также не следует становиться на сторону ни одного из двух борющихся миров, ибо потерпевший поражение не смирится и будет продолжать борьбу. Следовательно, надо «находиться между двумя блоками»⁶⁴.

По сравнению с другими странами Вьетнам является маленькой, слабой страной, поэтому он не должен избирать ни одну из социальных систем, ибо и капитализм и социализм не терпят друг друга. Вместе с тем нечего и думать об уничтожении одной из них. Поэтому лучше занимать промежуточное положение между ними. Нгуен Ван Чунг, например, писал: «Мы подвергаемся натиску коммунизма и одновременно давлению экономического империализма. Наше дело — найти свой путь для Вьетнама»⁶⁵.

Второй аргумент: коммунизм — это лишь один из путей социального развития. Можно выступать против коммунизма, т. е.

против осуществления социальной революции методами коммунистов, но это не означает отказа от революции. «Социальная несправедливость — это факт; марксизм, коммунизм — это один из способов устранить этот факт. Можно отрицать тот или иной способ решения проблемы, но нельзя отрицать существования самой проблемы. Несправедливый, упадочнический, разложившийся режим может силой оружия уничтожить всех до одного коммунистов, но этим не уничтожишь коммунизм, как таковой, потому что последний коренится в самой социальной системе как ее закономерное порождение»⁶⁶. Отсюда вывод: вместо «коммунистической социальной революции» необходимо совершить «некоммунистическую социальную революцию», «революцию бедных для бедных». Побудительные мотивы такой революции — не жалость и сострадание к бедным, а стремление ликвидировать коммунизм изнутри, уничтожить условия, порождающие коммунизм.

Третий аргумент: Женевские соглашения 1954 г. создали благоприятные возможности для утверждения некоммунистического режима во Вьетнаме. Правящим кругам Южного Вьетнама следовало бы уже тогда провести ряд общественно-политических мероприятий, которые коммунисты обещали южновьетнамскому населению (раздача земли крестьянам, осуществление «социальной справедливости», расширение демократических свобод и т. д.), и тем самым устранить саму возможность «ожидания» и «приглашения» коммунистов трудящимися массами. Но, руководствуясь своими узкокорыстными классовыми интересами, правящие круги Южного Вьетнама этого не сделали. Сейчас же, как полагали деятели из группы «Хань чинь», благодаря американскому «военному зонту» некоммунистические элементы в Южном Вьетнаме имеют возможность решить эти задачи, и им надо возможно скорее сделать это, прежде чем «сесть за стол переговоров с коммунистами».

Идеологи группы «Хань чинь» считали, что если по вопросу о восстановлении национального суверенитета некоммунисты объединятся и не будут апеллировать к иностранной помощи, у империалистов не будет повода для вмешательства.

На какие же силы хотела опереться группа «Хань чинь» для того, чтобы совершить «некоммунистическую социальную революцию»? По ее мнению, в ней не должны участвовать политики, которые лишь «на словах борются с коммунизмом», «пораженцы, отсиживающиеся в городах и готовые к капитуляции или бегству», а также «пострадавшие от войны, недовольные жизнью из-за своей нищеты, погрязшие в разврате и взяточничестве», «все те, которые в духовном отношении подкуплены коммунистами»⁶⁷. «Только интеллигенция, только молодые эксперты могут взять на себя эту историческую роль»⁶⁸.

Говоря о себе как о людях, «занятых исключительно размышлениями, не выдвигающих никаких конкретных программ», не имеющих ничего, кроме «доброй воли», деятели группы «Хань чинь» провозглашали довольно туманные цели, такие, как «вер-

нуть национальный суверенитет», «обеспечить гражданам их человеческое достоинство, справедливость, демократию».

Идея «некоммунистической социальной революции» на первых порах оказала определенное влияние на интеллигенцию и студенчество. К негативным сторонам этой тенденции следует, в частности, отнести и то, что она обогащала арсенал средств антикоммунистической пропаганды, способствовала усилению страха перед революцией, питала иллюзии на счет возможности существования патриотизма, противоположного коммунизму, что объективно содействовало утверждению реформистского национализма, отвечающего интересам неокOLONIALISTОВ. Вместе с тем в условиях кровавого антикоммунистического террора, проводившегося тогда сайгонскими властями, платформа группы «Хань чинь» в какой-то степени способствовала созданию условий для восстановления социальной базы революции в городах, для укрепления ее позиций. Вступая в контакт с патриотическими слоями населения, некоторые деятели этой группы постепенно осознавали правоту народной революции и становились на ее сторону.

К 1966 г. вооруженная агрессия США против обеих частей Вьетнама наглядно продемонстрировала истинный облик и неокOLONIALISTОВ, и их местной агентуры. Антиамериканское движение развернулось по всей стране, в том числе и в городах. В этих условиях несостоятельность позиции «Не с американцами, но и не с коммунистами» была подтверждена самой историей. Национальной интеллигенции пришлось отказаться от идеи «некоммунистической социальной революции», чтобы найти путь к воссоединению с нацией. И фактором, содействовавшим ей в этом процессе, были не идеи группы «Хань чинь», а политическая линия Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и непосредственное участие в революционной борьбе.

Глава XI

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ ФЕОДАЛЬНЫХ И БУРЖУАЗНЫХ УЧЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

Два средства для достижения одной цели

Широко известно, что в своей агрессивной войне во Вьетнаме империалисты США использовали самые разнообразные средства. Неоколонизаторы прибегали к самым жестоким приемам физического уничтожения вьетнамцев — от истребления сотен тысяч людей в результате бомбардировок и военных действий до медленного умерщвления десятков тысяч людей в лагерях и тюрьмах. Одновременно империалисты обращались и к другому средству — к предложенной С. Хантингтоном, одним из ближайших сотрудников Киссинджера, политике так называемой «принудительной модернизации и урбанизации» сельского населения¹. Хантингтон полагал, что «принудительная модернизация и урбанизация», или по-просту сгон населения в города, может «изолировать Вьетконг». Это был весьма коварный замысел. Известный американский лингвист Н. Хомский справедливо заметил, что логика Хантингтона состояла в «ликвидации народной войны путем ликвидации самого народа»². В самом деле, в результате реализации плана Хантингтона миллионы людей лишились крова, привычных средств к существованию, ибо их дома, сады и поля были сожжены напалмом или сровнены бульдозерами, и очутились в городах, где им не оставалось ничего другого, как становиться бродягами, гангстерами, проститутками или поступать на службу в марионеточную армию.

Американский неоколониализм утверждал себя в Южном Вьетнаме путем тотального уничтожения людей. Этот крайний антигуманизм агрессоров вызвал героический отпор вьетнамского народа и мощный протест мировой общественности, в том числе и народа США, что привело, как известно, эту страну к самому крупному поражению в ее истории.

Ирония истории состояла в том, что агрессоры выдавали себя при этом за «защитников человека». Американские империалисты отдавали себе отчет в притягательной силе идей марксизма-ленинизма. Они понимали, что для того, чтобы сломить сопротивление, необходимо ослабить, а еще лучше свести на нет влияние этих идей в массах или, иными словами, идейно обезоружить бо-

ющийся народ Вьетнама. Они надели маску «защитников человека» от «коммунистического рабства», от «диктатуры» коммунистов. В течение всех лет господства неокOLONиализма в Южном Вьетнаме огромный пропагандистский аппарат использовался для того, чтобы систематически извращать положение дел в Северном Вьетнаме, в Советском Союзе и других социалистических странах. Образ коммуниста и положение человека в коммунистическом обществе изображались в самых черных красках. Одновременно для достижения поставленных политических целей использовались самые различные учения о человеке в феодальной и современной буржуазной философии.

Неоколонизаторы поняли, что для достижения победы в войне одних бомб и снарядов недостаточно, надо «завоевывать сердца и умы вьетнамцев».

Неоколонизаторы и сайгонская реакция исходили из того, что для привлечения на свою сторону народных масс необходимо было внушить им антипатию к коммунизму, к марксизму. Сайгонская пропаганда с момента прихода к власти Нго Динь Зьема до дня падения Нгуен Ван Тхиеу видела свою основную задачу в том, чтобы клеветать на социалистический строй, всячески чернить коммунистов, изображая их людьми, преследующими исключительно материальные выгоды и забывающими о человеческой душе. Под пером прислужников неокOLONиализма коммунисты представляли людьми жестокими, хладнокровными, готовыми для достижения своих целей на все, даже на самые аморальные поступки³. В Сайгоне огромными тиражами издавались произведения писателей, известных своей ненавистью к социализму. Разумеется, речь шла не только о переводной литературе, доморощенные сайгонские антикоммунисты также систематически наводняли книжный рынок своими творениями.

Коммунистов обвиняли прежде всего в «элементарном» и «нелепом» материализме. Нгуен Нам Тяу, профессор философии университета в Хюэ, откровенный сторонник американского неокOLONиализма, писал: «Если несправедливость и эксплуатация порождены духом материализма, то каким образом коммунисты, проникшиеся тем же духом, могут спасти мир?»⁴. Фальсификация коммунистического мировоззрения становилась постепенно все более утонченной. Особое внимание уделялось извращению марксистского учения о человеке. Коммунизм изображался как такой строй, после победы которого интересы личности будут принесены в жертву коллективу, обществу и, таким образом, «это уничтожит человека»⁵.

Коммунистам противопоставлялся иной, «положительный» тип людей — «националисты». Провозглашался лозунг: «Юноши должны быть героями, девушки — самоотверженными». Интерпретировался этот лозунг в том духе, что юноши должны проникнуться непримиримой ненавистью к коммунизму и быть готовы пасть в борьбе за «национальный идеал», а девушкам и женщинам надлежит активно участвовать в антикоммунистических кампаниях, во-

одушевлять своих мужей, братьев, возлюбленных на бой с коммунистами. Однако такая «модель человека» не оказала большого влияния на массы, не завоевала симпатий народа, который с каждым днем все глубже осознавал правоту коммунистических идеалов и активно включался в революционную борьбу. Поэтому прислужники неокolonизма пытались найти в феодальных и буржуазных философских учениях другие модели человека, с тем чтобы противопоставить их образу коммуниста.

«Духовный человек» Востока как антипод «материалиста-коммуниста»

Одной из широко пропагандировавшихся неокolonизмами «моделей человека» была модель «духовного человека». Идеологи, конструировавшие эту модель, утверждали, что в ходе многовековой истории во Вьетнаме сложился совершенно своеобразный тип личности — «духовный человек», резко отличающийся от «материалистического человека» коммунистической идеологии и в то же время непохожий на «идеалистического человека» западной философии. Это именно — «духовный человек» Востока.

Приверженцы концепции «восточного духовного человека» полагали, что и западный идеализм, и «марксистский материализм» не способны правильно решить проблему человека. По мнению Ким Диня, профессора философии в Сайгонском университете, западной философии за всю свою историю не удалось выработать общий взгляд на проблему человека, ибо сама философия строилась на рационалистической или религиозной основе. Для того чтобы выработать всестороннее философское учение о человеке, необходимо опираться на восточную философию. Повторяя мысли К. Ясперса о недостатках западной философии, Ким Динь утверждал, что эти недостатки могут быть восполнены именно восточной философской мыслью. Интерпретируя высказанное К. Ясперсом в его книге «Смысл и происхождение истории» положение о том, что у людей Запада часть их существа постоянно пребывает в подавленном, угнетенном состоянии и поэтому они не понимают себя, сайгонский философ писал: «Думаем, что та часть, которую К. Ясперс считает „угнетенной“, это и есть психика, душа. Душа — это отдельное и высокое начало в человеке, или, другими словами, его судьба, его разумная воля. Это — тема дискуссий между восточными и западными философами»⁶.

Сторонники концепции «духовного человека» Востока намеренно искажали историю всемирной философской мысли, затушевывая борьбу материалистических и идеалистических тенденций и на Западе, и на Востоке. Они утверждали, что если на Западе философская мысль была тесно связана в различные периоды с религией и естественными науками, то на Востоке философия с самого начала ориентировалась на человека. Ким Динь, в частности, делит историю западной философии на два периода: первый, свя-

занный с мифологией, он называл периодом «небесного начала», второй — периодом «земного начала», когда мифология утрачивает былое значение и вместо нее возникают философские учения, основанные на естественных науках. Это — период появления «рационалистического человека», который, по мнению Ким Диня, принес с собой много бед человечеству. «Не говоря уже об учении коммунистов, утверждающем, что базис определяет идеологическую надстройку, и тем самым обрекающем человека на заточение в мире вещей, подобных теорий на Западе сколько угодно», — писал он. «В литературе главные роли отведены вещам, человек как тень движется в мире вещей... все это признаки бессилия человека восстановить свои человеческие права»⁷.

Оставим в стороне вопрос, сознательно или по неосведомленности совершал подмену понятий сайгонский философ, однако по этому поводу нельзя не заметить, что марксистское понятие «экономический базис» отнюдь не идентично понятию окружающего человека мира вещей, даже если под последним понимать экономику, материально-технические ресурсы общества. Марксистское понятие «базис» обозначает совокупность производственных отношений, составляющих экономическую структуру данного общества, другими словами, характерную для данного общества систему «материальных отношений», т. е. отношений, возникающих между людьми по поводу вещей, как, например, отношения собственности. Экономический базис общества — это система общественных отношений, а не совокупность «вещей».

Указав на пороки философских учений, опирающихся на «небесное» или «земное» начало, Ким Динь пришел к выводу, что для создания подлинной философии нужно исходить из «человеческого начала».

Свою концепцию «человеческого начала» Ким Динь пытался обосновать ссылкой на миф о Пань Гу, весьма популярный в Китае⁸. Этот миф, полагал он, выражает суть всей восточной философии.

Пань Гу, первый человек, родился одновременно с космосом, он — начало всего земного. На первый взгляд концепция «человеческого начала» возвеличивала человека, делала его равным небу и земле. Однако при ближайшем рассмотрении нетрудно увидеть в ней модернизированный вариант конфуцианской философской традиции, лежащей в основе так называемого «восточного гуманизма» и опирающейся в конечном счете на сверхъестественное «небесное начало». Правда, сайгонский философ заявлял, что «небесное начало» присутствует в самой человеческой природе.

Другие сторонники концепции «духовного человека» Востока подчеркивали ее преемственную связь с буддизмом. Профессор истории философии Сайгонского университета Нгуен Данг Тхук писал: «Самое главное, чем буддизм дополнил конфуцианство — это метафизический аспект, универсализм человечности. Благодаря ему гуманистическая система китайского конфуцианства от

сунской до минской эпохи получила глубокое, широкое, всестороннее развитие»⁹.

Из сказанного ясно, что концепция «духовного человека» Востока, в сущности, возрождала образ традиционного «восточного человека», хорошо приспособленного к условиям азиатского феодализма, где сохраняются многие пережитки общинного строя. Этот образ часто встречается в старой вьетнамской поэзии. Его можно встретить и в литературе других стран, близких к Вьетнаму по условиям своего социально-исторического развития. Это концепция абстрактного «естественного человека», истоки которой восходят к Лао-цзы: «Человек следует [законам] земли. Земля следует [законом] неба, небо следует [законам] дао, а дао следует самому себе»¹⁰.

Абстрактный «естественный человек» хорошо вписывается в цивилизацию Востока, его бытие столь же ритмично и подчиняется такому же вечному круговороту, как движение небесных светил, как смена времен года. Концепцию «естественного человека» дополняет конфуцианская идея абстрактной человечности, выраженная в знаменитом изречении Мэн-цзы: «Человек — по своей природе добр»¹¹. В течение многих столетий эта идея использовалась для примирения человека с феодальной действительностью.

Пропагандисты «духовного человека» Востока, повторяя утверждение известного китайского писателя и философа гоминьдановского периода Линь Юйтана, писавшего: «Восточная гуманистическая точка зрения — центристская, она в равной степени противостоит и внеземной точке зрения религии, и материалистическому видению современного мира»¹², мнили себя стоящими над «схваткой между идеализмом и материализмом».

Отвергая материализм, идеологи сайгонского режима вели борьбу прежде всего против научного, марксистско-ленинского мировоззрения. Они вульгаризировали материализм, интерпретируя его как учение о превосходстве материальных ценностей над духовными. «Если следовать материализму, — писал Нгуен Данг Тхук, — то подавляются естественные (небесные) принципы и человеческие устремления становятся беспредельны»¹³.

Утверждая, что «духовный человек» Востока принципиально чужд насилию и человекоубийству, прислужники неокOLONИализма всю ответственность за войну и кровопролитие возлагали на марксистов, якобы рабски перенявших у Запада теорию и методы насилия. Таким образом, свои практические цели теоретики неокOLONИализма маскировали завесой концепции «духовного человека».

«Религиозный человек» как антипод «коммуниста-атеиста»

История всех религий изобилует примерами использования религиозных учений и религиозной веры народных масс в реакционных целях. Французские и американские колонизаторы во Вьетнаме вписали в эту «летопись» новую страницу.

Уже французские колонизаторы поставили религию на службу борьбе с национально-освободительным движением. Усиленно насаждая католицизм, они стремились разобщить вьетнамский народ, ослабить его сопротивление иноземному владычеству. Американские империалисты использовали оставленное французами «католическое наследие» в своих неокOLONиалистских целях. Они инспирировали переселение сотен тысяч вьетнамцев, в основном католиков, с Севера на Юг. Прибегая к подкупу и обману, они толкнули многих католиков на путь борьбы против революции, против отечества под флагом защиты религии.

Однако в новый исторический период неокOLONизаторам казалось уже недостаточным использовать старые религиозные традиции, представлялось необходимым разработать концепцию, которая могла бы с успехом противостоять притягательной силе коммунистических идеалов. Эту функцию, по замыслу идеологов неокOLONиализма, должно было выполнить имевшее откровенно реакционный, антикоммунистический характер философское учение о человеке, противопоставлявшее человека верующего, «спиритуалиста и персоналиста» — коммунисту, безбожнику и атеисту.

Теоретической основой модели «спиритуалиста и персоналиста» служило средневековое теологическое учение, приправленное современной терминологией. То, что католики, верующие в бессмертные души, не могут жить под одним небом с коммунистами, отрицающими существование души и бога, — это внушали народным массам и старые колонизаторы. НеокOLONизаторы облекли старое содержание в новую «философскую» одежду. В одной из публикаций подчеркивалось, что только признавая руководство всевышнего, можно утвердиться в «вечном», не изменяющемся ни в пространстве, ни во времени неприятии коммунизма¹⁴. Ле Тхань Чи в своей книге «Социальное учение спиритуалистического персонализма» риторически вопрошал: «Если нет бога, нет всевидящего свидетеля наших поступков, то чем определять наше человеческое достоинство?»¹⁵.

Чтобы придать религиозному фанатизму современный вид, сайгонские служители неокOLONиализма охотно апеллировали к именам западных философов и писателей, в творчестве которых подчас встречались религиозные мотивы. Так, Нгуен Нам Тяу, рисуя образ современного идеалиста-спиритуалиста, цитировал слова Сент-Экзюпери из книги «Военный летчик»: «Люди были братьями в боге, этот отблеск бога сообщал каждому человеку неотъемлемое достоинство. Отношение человека к богу ясно определяло долг каждого перед самим собой и перед другими людьми»¹⁶.

Отметим сразу же, что обращение Нгуен Нам Тяу к имени Сент-Экзюпери имело явно спекулятивный характер. Религиозные мотивы сочетались у французского писателя с утверждением гуманистических идеалов, попранных фашистами. В той же повести «Военный летчик» он решительно выступал против оккупации своей родины гитлеровской Германией. Неудивительно поэтому, что его книга была запрещена к изданию в оккупированной Франции.

Что же касается Нгуен Нам Тяу, то его религиозность прикрывала коллаборационизм; кроме того, если Сент-Экзюпери был участником антифашистской борьбы, то его южновьетнамский «последователь» занимал отрицательную позицию по отношению к национально-освободительному движению.

Таким образом, с одной стороны, «коммунистическому атеизму» противопоставлялся спиритуализм, с другой — в противовес «обесчеловеченному коммунизму» выдвигался персонализм. Упоминание о персонализме может вызвать ассоциацию с именами таких известных европейских философов, как Мунье и Лакруа. Однако между их концепциями и сайгонским персонализмом нет почти ничего общего. Доктрины французских персоналистов при всем своем идеализме представляли собой определенный шаг вперед по сравнению с предшествующими христианскими доктринами, привлекая внимание общества к нуждам и требованиям личности; сайгонский же персонализм при Зьеме ставил своей целью только борьбу с коммунизмом. Южновьетнамские идеологи неокOLONиализма изображали коммунистов как людей, жаждущих лишь удовлетворения своих материальных потребностей и забывающих при этом о собственной душе. Персонализм же, согласно сайгонским интерпретациям этого учения, предполагает веру в бессмертие души, следовательно, он так же враждебен материализму и атеизму, как спиритуализм.

После падения режима Нго Динь Зьема, когда возросло влияние буддизма, приверженцы неокOLONиализма сконструировали и начали широко пропагандировать новую модель человека — современного буддиста. До 60-х годов XX в. в Южном Вьетнаме буддисты проповедовали отречение от мирской суеты и посвящение всего себя служению Будде. Сторонники «модернизированного буддизма» осуждали такой образ жизни и потребовали от буддистов активного отношения к социальным проблемам. Подобные взгляды развивал, например, Тхить Няч Хань. В книге «Модернизированный буддизм» он, в частности, писал: «Модернизация буддизма требует, с одной стороны, совершенствования личности, а с другой — изучения реального состояния жизни для того, чтобы облегчить внедрение религии в жизнь»¹⁷.

Для чего же нужно было «внедрять религию в жизнь»? Прежде всего для того, чтобы создать буддизму условия для участия в политической жизни, обеспечить ему активную роль в неокOLONиалистском обществе. Буддистам предписывалось, в каких областях социальной жизни — в политике, экономике, культуре — они могут и должны принимать участие. Утверждалась даже необходимость для буддиста нести службу... в марионеточной армии. Тот же Тхить Няч Хань писал: «В прежние времена монах должен был сторониться всякого воинства. Но сегодня общество нуждается в том, чтобы монах присутствовал в армии в качестве проповедника»¹⁸. В этом, в частности, нашла свое выражение «модернизация буддизма», та всячески восхваляемая «ангажированность» современного буддиста, которая на деле оказалась не чем

ным, как служением интересам неокOLONиализма, правда, не в столь неприкрытой форме, как антикоммунизм католика — «спиритуалиста и персоналиста».

Теоретики и пропагандисты «модернизированного буддизма» усиленно эксплуатировали в антипатриотических целях одну из важнейших категорий буддийской этики — «добро и милосердие». Подчеркивалось, что современный буддист должен выступать против фанатизма. На первый взгляд, весьма гуманное требование, если вспомнить о религиозных войнах в средневековой Европе или о кровавых столкновениях между мусульманами и индусами несколько десятилетий назад. Но в действительности под «фанатиками» в данном случае подразумевались коммунисты, патриоты, а под «фанатизмом» — освободительная народная война против агрессии США.

Противопоставляя «фанатикам-коммунистам» образ современного буддиста, Тхить Няч Хань писал: «Будучи постоянно активными искателями истины, буддисты не впадут в самодовольство, самовлюбленность, мелочную придирчивость и фанатизм. Наше общество понесло слишком много потерь из-за столкновения различных систем взглядов, различных партий, борющихся друг с другом не на жизнь, а на смерть»¹⁹. При этом он возлагал ответственность за столкновение взглядов различных партий и групп на марксистов и коммунистов.

«Экзистенциальный человек» как антипод революционера

Падение режима Нго Динь Зьема повлекло за собой крушение имевшихся у части южновьетнамской интеллигенции иллюзий относительно перспектив существования так называемого «национального государства». Духовная растерянность этих людей в последующие годы еще более углубилась в результате насаждения в южновьетнамском обществе американского образа жизни. Разочаровавшись в Соединенных Штатах и их ставленниках и в то же время продолжая испытывать на себе влияние антикоммунистических идей, они впали в отчаяние и нигилизм. Из подобных умонастроений поспешили извлечь выгоду неокOLONизаторы. В сайгонском обществе постепенно растущей популярностью стала пользоваться новая модель человека — «экзистенциальный человек».

Объективный реакционный смысл этой новой модели состоял в том, чтобы воспрепятствовать начавшемуся в 60-е годы натиску революционного движения. Каким же образом идеи экзистенциализма использовались в борьбе с революцией? В тот момент, когда сложившаяся в стране революционная обстановка требовала от каждого вьетнамца трезвой оценки происходящих событий, веры в торжество правого дела народа, решимости в борьбе с врагом, идеи экзистенциалистского толка мешали выработке необходимых для революционера и патриота качеств, пропагандируя со-

вершенно иную концепцию человека. Рассматривая страдания как «человеческий удел» вообще, пропагандисты модели «экзистенциального человека» стремились затушевать конкретную причину страданий вьетнамского народа — американский неокOLONиализм. Повторяя положения западного экзистенциализма, сайгонские экзистенциалисты изображали себя «брошенными» в трагическую ситуацию без права выбора, «брошенными» в действительность страны, где из года в год продолжается жестокая война, несущая смерть и разрушения. Оценивая события с точки зрения абстрактной человечности, сайгонские экзистенциалисты в одинаковой мере сочувствовали и солдату в бункере, умирающему с верой в душе, и тем, кто прожигает жизнь, стремясь избавиться от тоски одиночества и духовной опустошенности.

Пропагандисты экзистенциалистской модели человека утверждали, что война вьетнамского народа с американскими империалистами основана на «недоразумении», подобном тому, какое описывал в своей одноименной пьесе А. Камю. Стоит лишь устранить это «недоразумение», и кровопролитию будет положен конец. Нгуен Ван Чунг писал: «Трагично сознание человека в нынешней войне, но, в сущности, как легко сбросить маску, трезво взглянуть на действительность и поступать друг с другом так, как велит твоя идентичная сущность. Тогда можно убедиться, что обе стороны согласны друг с другом во многих главных пунктах, и если идет война и имеет место насилие, то это лишь по недоразумению»²⁰.

Южновьетнамские экзистенциалисты под предлогом защиты права личности на свободу и сомнение обвиняли революционеров в слепом догматизме и нетерпимости — что, по их мнению, и привело к войне. Нгуен Ван Чунг утверждал, например, что Южный Вьетнам оказался в состоянии войны потому, что люди позволили превратить себя в орудия идеологий, позволили «отчуждать себя подобно тому, как, будучи творцами языка, люди дали языку возможность властвовать над ними». Он писал: «Все оказались вовлеченными, втянутыми в круговорот различных учений, систем, в которых коmaidную, руководящую роль играют слова. Слова влекут за собой людей как рабов и одновременно как виновников насилия»²¹. Не следует обольщаться по поводу мнимого объективизма южновьетнамских экзистенциалистов. Хотя на первый взгляд они осуждали и марксистов и адептов империалистической идеологии, в действительности острее их критики было направлено против марксизма, об этом убедительно свидетельствовали их социально-политические симпатии — приверженность идеалам буржуазного общества.

Осуждая всякую теорию, Нгуен Ван Чунг выступал от имени «конкретного» человека. «Люди втягиваются в объективное, абстрактное противоборство теорий, как в стремительно вращающийся механизм, в котором я, вы, другие индивидуумы оказываются лишь колесами, давящими неизвестных противников. Когда я подчиняюсь какому-нибудь учению, системе, я убиваю своего идейно-

го противника, не считаясь с тем, кем он является, — может быть, это мой знакомый, близкий или по крайней мере человек с понятными мне чувствами, переживаниями, но все равно я смотрю на него только как на врага и убиваю его как идею. Я убиваю своего врага не как человека, в нем я убиваю враждебное мне учение»²².

Односторонние, противостоящие друг другу теории сами по себе мертвы, но лишь до тех пор, пока от них имени не выступают живые люди. Тогда рождается насилие. «Теория, — писал Нгуен Ван Чунг, — приводит к насилию только тогда, когда ей удается свести всестороннего человека к какой-нибудь одной грани, одному образу»²³. Революционной теории приписывалась, таким образом, роль матери насилия.

Разумеется, все это — не что иное, как клевета на революционеров, патриотов, которые боролись и жертвовали своими жизнями отнюдь не за отвлеченные идеи. Это были именно конкретные люди, борющиеся с конкретными врагами для блага своих конкретных соотечественников, которых убивали тысячами, тысячами держали в «тигровых клетках», в тюрьмах и концлагерях.

В переломный момент истории, когда судьбу страны решали единство воли и непоклонная вера народа в правоту своего дела, сайгонские экзистенциалисты выступили с концепцией, стирающей грань между правильным и ошибочным и обосновывающей право на свободу личной позиции, независимой от объективных обстоятельств. Экзистенциалистская философия в сущности была призвана оправдать бездействие определенной части южновьетнамской интеллигенции.

Вместо того чтобы участвовать в борьбе с чужеземными поработителями, сайгонские экзистенциалисты, подобно Рокантену Ж. П. Сартра, только тем и занимались, что вопрошали себя о смысле жизни и чувствовали «тошноту»²⁴. В условиях, когда большинство патриотически настроенной интеллигенции уже встало в ряды борцов, руководимых Коммунистической партией, такое отношение к жизни представляло собой не просто анахронизм, а преступление.

Южновьетнамские экзистенциалисты, подражая европейским, называли себя «изгнанными в свое отечество». Они стремились отделить судьбу личности от судьбы коллектива, судеб сражающегося народа. Страдания личности, как они утверждали, имеют метафизический характер и никак не связаны с реальной ситуацией. Жизнь абсурдна, бессмысленна, и человек должен просто принять ее как данность, вне которой нет другой. Нгуен Ван Чунг писал: «Мы думаем, что можно принять переживание абсурда Камю. Абсурд не объясним и не доказуем. Его не обсуждают, его только чувствуют или не чувствуют, вот и все»²⁵.

Против абсурдного мира «экзистенциальный человек» располагает только одним средством — метафизическим «бунтом». При этом экзистенциалисты утверждали, что насилие, борьба, как и вообще всякие человеческие усилия, тщетны, представляют собой

«Сизифов труд». Идеи А. Камю, изложенные им в книге «Миф о Сизифе», всячески пропагандировались в Южном Вьетнаме в целях дискредитации революционного движения. Метафизический «бунт» противопоставлялся революции как подлинное проявление человеческого начала в человеке. Но слепой, разрушительный «бунт» одиночек в конце концов всегда завершается принятием существующей социальной действительности.

Экзистенциалистская модель человека, пропагандировавшаяся приспешникам неокolonизма, оказала довольно глубокое влияние на определенную часть южновьетнамской молодежи, особенно в городах. Ее пережитки сохранялись и после освобождения, затрудняя на первых порах процесс строительства новой культуры, новой жизни.

Человек-потребитель как антипод социально активной личности

Одним из наиболее действенных способов борьбы с революцией американские неокolonизаторы считали моральное воздействие на человека, изменение духовного склада личности. Для того чтобы побудить человека предать забвению высокие идеалы народа, освободительной борьбы, его пытались увлечь на путь удовлетворения одних только материальных потребностей, соблазнить «вещизмом». Пытаясь спасти обреченный на уничтожение неокolonизалистский режим, прислужники Вашингтона всеми средствами насаждали в народе американский образ жизни, внушали простым вьетнамцам рабское отношение к материальному могуществу Америки. Осуществление плана «принудительной урбанизации и модернизации» сельского населения привело к тому, что миллионы южновьетнамцев стали отвыкать от простой трудовой жизни и приобщаться к потребительскому образу жизни. У владельцев телевизоров, холодильников, мотоциклов появлялись иллюзии, что они живут в «современном мире». Они стали забывать о рабской доле своей нации и склоняться к признанию неокolonизалистских порядков. Этот коварный замысел в известной мере удался агрессорам, породил ряд трудностей для революционного движения, неизжитых до конца и после полного освобождения Юга.

Апеллируя к присущему каждому человеку стремлению к повышению материального уровня жизни, в Сайгоне широко популяризовали модель «человека-потребителя». На первый взгляд эта модель резко противоречила модели человека «спиритуалиста и персоналиста». Однако в одновременном провозглашении двух столь противоположных «идеалов» прослеживалась своя логика: неокolonизаторы хотели подчинить своему культурно-идеологическому влиянию людей, принадлежащих к различным социальным слоям с неодинаковыми вкусами и запросами.

Ряд публицистов подвергли резкой критике конфуцианство и христианство за их одностороннее внимание к духовной стороне

человека и игнорирование материальной. В своей книге «Восхваление тела» Нгуен Ван Чунг осудил христианское монашеское отношение к плоти как источнику всего греховного. По его мнению, если что и греховно, то это именно дух, повелевающий телом, а не само тело. «Поистине абсурдно и обидно для плоти, — писал он, — что существует мораль, основанная на презрении к ней, на дуалистическом представлении о человеке, мораль, противопоставляющая душу и тело, дух и плоть. Если плоть есть только сумма клеток, физиологический аппарат, инструмент духа, то зачем возлагать на нее ответственность и заставлять ее переносить наказания?»²⁶.

Разумеется, полное игнорирование материально-телесной жизни человека абсурдно. Однако «защита плоти», сопровождавшаяся насаждением американского образа жизни и пропагандой фрейдизма, превращалась в свою противоположность: плоть вытесняла дух, удовлетворение материальных потребностей достигалось за счет утраты духовных запросов, забвения идеалов, измены самой природе человека как существа общественного.

В самом деле, «человек-потребитель» — это эгоистический индивид, отдающий всего себя во власть инстинктов, не нуждающийся ни в разуме, ни в нравственных ценностях. Люди подобного склада принесли много вреда революционной борьбе народа, и с пережитками такого потребительского отношения к жизни придется бороться на Юге страны еще и сегодня.

Творцы модели «человека-потребителя» умело эксплуатировали настроения определенных кругов городского населения, уставших от длительной войны, от страданий и лишений, подвергавшихся воздействию ежедневной пропаганды американского «рая». И хотя многие из поддавшихся соблазнам материального комфорта в глубине души испытывали угрызения совести перед лицом героической, самоотверженной борьбы народа, надо признать, что в этой области неокOLONиализму удалось добиться определенных результатов: он вовлек значительную часть городского населения в погоню за наслаждениями, в охоту за вещами, отдалив их от революции, от идеалов национальной независимости и социализма.

* * *

Использование различных философских феодальных и современных буржуазных учений о человеке с целью идейной дезориентации вьетнамского народа представляло собой один из изощренных приемов неокOLONиализма. Но его усилия потерпели провал. Крушение неокOLONиалистского режима в Южном Вьетнаме создало все необходимые условия для ликвидации его идейного влияния и формирования нового человека — человека марксистско-ленинского мировоззрения, активно участвующего в революционной практике.

Глава XII

АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ИНСТРУМЕНТ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Американский образ жизни и стратегия неоколониализма

Экспорт «американского образа жизни» в Южный Вьетнам был составной частью неоколониалистской политики правящих кругов США. Президент Л. Джонсон отмечал: «Результатом совещания в Гонолулу (1968) явилось то, что вьетнамское правительство, возглавляемое Тхиеу и Ки, обязалось приложить всесторонние усилия к тому, чтобы завоевать победу в „другой войне“ на его земле. Мы же обязались помочь ему в этой войне»¹. «Другая война», о которой договорился Джонсон с Тхиеу и Ки и которая была широко разрекламирована как «война против бедности, болезней и невежества», должна была служить дополнением к геноциду, который Соединенные Штаты вели с помощью бомб и снарядов. Одновременно они щедро раздавали доллары и другую материальную помощь с целью не только подкупить клику предателей, поддержать существование марионеточной армии, привязать южновьетнамскую экономику к американской экономике, но и привить в Южном Вьетнаме иную, чуждую вьетнамцам, идеологию, иной образ жизни, осуществить этноцид, понимаемый не в абсолютном смысле, т. е. не как физическое истребление всех вьетнамцев, а как моральное уничтожение целой нации, как превращение вьетнамцев в послушных рабов США.

Другими словами, массированный ввод американских войск в Южный Вьетнам означал не только изменение военной стратегии. Он положил начало новой — культурно-идеологической — войне, осуществляемой не путем диктата, как это было при французах или при Зьеме, а посредством «кондиционирования культуры»². Средствами ведения этой войны служили уже не только печатное слово, но и потребительские товары, не только те или иные философские доктрины, но и безымянная идеология, содержащаяся в самих предметах потребления и в связанном с ними образе жизни. Такая война подрывала основополагающие духовные ценности вьетнамской нации, вьетнамского человека даже более эффективно, чем старые, классические методы культурно-идеологического порабощения.

Американцы действовали в Южном Вьетнаме иначе, чем фран-

дузы, которые ориентировались на создание небольшой прослойки местной интеллигенции. Они делали ставку на широкие массы. Поскольку на человека влияют матеральные условия жизни, образ его жизни, склад его мышления определяются культурными стандартами, а повседневный быт — привычками, то, следовательно, рассуждали неокolonизаторы, можно «лепить» и формировать человека в нужном направлении, не только прививая ему идеологию господствующего класса, но и создавая для него совершенно другие жизненные условия и тем самым изменяя его сознание. Реальное сознание (consciousness real) подлежало замене возможным (consciousness possible), т. е. соответствующим желаниям американских неокolonизаторов. Американский образ жизни и был наиболее подходящим средством для осуществления этого замысла.

Согласно официальным данным сайгонского режима, в 1973 г. в зоне его контроля находилось 19 582 тыс. человек, из них 43%, т. е. 8420 тыс. человек, проживали в городах³. 1100 тыс. военнослужащих, 300 тыс. гражданских чиновников, 110 тыс. полицейских с семьями жили за счет помощи США⁴ и испытывали на себе прямое влияние американского образа жизни. Бюрократическая, милитаристская и буржуазная прослойки (всего около 45 тыс. семей)⁵, державшие в своих руках почти всю внешнюю и внутреннюю торговлю, играли самую деятельную роль в насаждении американского образа жизни. Примерно 400 тыс. человек, работавшие в высокоприбыльной сфере услуг⁶, также были заинтересованы в удобствах и развлечениях, предоставлявшихся Соединенными Штатами.

Отдавая себе отчет в важной социальной роли крестьянства в Южном Вьетнаме, американские стратеги уделяли особое внимание его «нейтрализации». Генерал Уэстморленд решил оставить вьетнамским крестьянам лишь один выход — переехать на жительство в зону, контролируемую сайгонской администрацией. С этой целью с помощью современных средств — бомб, снарядов, бульдозеров, ядохимикатов, дефолиантов и др. — крестьян выгоняли из их естественной среды обитания — родных деревень, родных полей, вырывали из объединявших их многовековых родственных и общинных связей и сгоняли во временные лагеря или в перенаселенные города⁷. Разрушение деревень не было естественным следствием войны, а представляло собой часть американской стратегии, предусматривавшей создание «вакуума» там, где каждый житель мог стать бойцом, а каждая деревня — бастионом.

Крестьян таким образом подвергали принудительной урбанизации. Затем на новом месте их жительства их держали под контролем с помощью многочисленного полицейского аппарата и соблазняли приманкой американского, потребительского образа жизни. «Кондиционировать» миллионы людей, гнать их из ада ежедневных бомбежек в ад обездоленности и отчаяния, затем указать им единственный выход — жить так, как того хотели неокolonизаторы, — вот что на языке неокolonизаторов называлось

«кособым умиротворением», осуществляемым с помощью бомб, снарядов и потребительских товаров.

Социально-экономическое содержание американского образа жизни в Южном Вьетнаме

В насаждавшемся в Южном Вьетнаме американском образе жизни главный акцент делался на уровне потребления населения. Причем под последним подразумевалось не удовлетворение материальных и культурных потребностей общества, имеющее целью создание условий для развития физических и духовных возможностей человека. Речь шла лишь об индивидуальном потреблении, о потреблении ряда материальных вещей, подчас совсем не очень нужных, но разрекламированных как показатели современной жизни, поскольку нужно было побольше распродать этих вещей с тем, чтобы у марионеточной администрации было больше денег для различных расходов. Потребительский образ жизни, получивший воплощение в формуле «три К» (car, camera, colour television), которая в условиях Южного Вьетнама в предвыборных обещаниях Тхиену свелась к «мотоциклу „Хонда“ + телевизору», пропагандировался и насаждался в полном отрыве от материальных, социальных, политических, экономических предпосылок, существовавших в Южном Вьетнаме.

Наряду с бомбами и снарядами Соединенные Штаты израсходовали в Южном Вьетнаме огромный объем материальных средств. Помимо 126 млрд. долл., истраченных за несколько лет прямой агрессии (а если учитывать и долговременные последствия войны, то данная цифра возрастет до 300 млрд. долл.), США за 20 лет предоставили в виде помощи сайгонскому режиму примерно 29 млрд. долл., из которых 18 млрд. долл. составляла военная помощь, 7 млрд. — экономическая помощь, а 4 млрд. долл. — обмен свободной валюты на сайгонские пиастры для покрытия расходов американских военных и гражданских учреждений в Южном Вьетнаме⁸. Эта помощь превышала объем материальных благ, которые Южный Вьетнам мог произвести за данные годы. Она давала возможность южновьетнамскому обществу, в котором производство не покрывало потребление, импортировать, например, в 1972 г. горючее на сумму 57 997 тыс. долл., тогда как весь его экспорт составлял всего лишь 15 618 тыс. долл.⁹

Американская помощь помимо того, что ею кормилась антикоммунистическая, по выражению Тхиену, «плоть и кровь»¹⁰, имела своим следствием и то, что в Южный Вьетнам из США широким потоком хлынули потребительские товары, а с ними и американский потребительский образ жизни. Присутствие полумиллионной американской армии и специальных магазинов, ее обслуживавших, процветавшие на этой почве воровство и контрабанда способствовали тому, что южновьетнамский рынок наводнялся това-

рамя, цены на которые были значительно дешевле, чем в других странах. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало об экономическом порабощении Южного Вьетнама, порабощении, по определению журнала «Бать Кхоа», «ничуть не замаскированном, ибо южновьетнамская экономика ничего не производит, зато потребляет одни предметы роскоши, причем из числа наиболее модных»¹¹. Стоило лишь этому «великому потоку» приостановиться, как мнимое процветание оборачивалось нищетой.

Рациональное потребление призвано служить всестороннему и гармоническому развитию человека, способствовать повышению его социальной активности. Американский же образ жизни, насаждавшийся в Южном Вьетнаме, не только гипертрофировал аспекты материального потребления, но и превращал материальные удобства из средств, служащих человеку, в конечные идеалы общественного и личного развития, которых человек должен был достичь любой ценой. Человек становился рабом вещей, которые ему полагалось иметь, к каким бы средствам, правым или неправым, ему для этого ни пришлось прибегать.

Уровень потребления, наличие тех или иных материальных благ рассматривались как неперенные знаки личного успеха. Человек не только отчуждался вещами, но и оценивался с помощью вещей. Обладание материальными удобствами становилось мерилom человеческого достоинства, а деньги являлись, таким образом, абсолютной ценностью, заменявшей все другие. Сайгонские нувориши не только переняли американские прагматические критерии оценок, но и прониклись психологией американских мультимиллионеров, верящих во всеислие доллара, в то, что с его помощью можно купить как человеческую совесть и достоинство, так и суверенитет народов. Не взаимоотношения людей в труде и быту, не этические традиции и нравственные ценности, а материальное потребление, количество автомобилей и телевизоров становились критериями определения преимуществ того или иного социального строя. Переворот в моральных нормах оправдывал и резкие перемены в социальном положении некоторых групп людей, потому что в Сайгоне наряду с властью имущими имели много денег именно те, «кого осуждало общественное мнение, но поощрял желудок»: спекулянты, аферисты различных мастей.

Более того, потребности в материальных благах и их удовлетворение обособлялись от человека, становились чем-то, имеющим собственную жизнь. Люди приобретали вещи зачастую не потому, что действительно нуждались в них, а движимые какими-то психологическими побуждениями, подталкиваемые подсознательными импульсами. Потребности приобретали социально-психологический характер. Их удовлетворение экономически значимо для продавца, но может не быть экономически значимо для покупателя, поскольку сами потребности мнимы, зато рынок всегда действителен. Чем человек глубже втягивается в потребительский образ жизни, тем прочнее он оказывается привязан к американской помощи, глубже проникается культом американского образа

жизни. Такой человек теряет индивидуальность и личную независимость, поддается нивелирующему воздействию аппарата пропаганды и рекламы, утрачивает свое лицо и сливается с другими людьми в одну безликую массу, оставаясь в то же время одиноким. Ему не угрожает смерть от голода, пока существует американская помощь, но его человеческая природа и национальная душа обречены на гибель в цепях нового рабства, которое хотя и не подавляет человека тяжелым физическим трудом и телесными наказаниями, но превращает его в инструмент и вещь.

Вашингтон не мог сделать этот потребительский образ жизни достоянием всех жителей Южного Вьетнама. Но он мог щедро оплачивать труд тех, кто были готовы продать ему свою рабочую силу, красоту или стать его наемными солдатами. Наряду с террором и пауперизацией неокOLONиалисты пустили в ход соблазны «материальной цивилизации», которые действовали особенно неотразимо на подвергшихся «принудительной урбанизации» вчерашних крестьян, сталкивавшихся в своей прежней жизни лицом к лицу со смертью и нищетой. Сайгонский литератор Фан Зу описал этот процесс отчуждения на примере одной знакомой ему крестьянской семьи, которая из-за американских бомбежек была вынуждена перебраться в город. Там глава этой семьи нанялся на службу в американское учреждение. Бывший простой земледелец превратился теперь в «солидного, упитанного господина с обвисшими щеками, жирной, круглой, как у кабана, шеей, с толстым животом. Двигался он медленно, с трудом, во всем его облике ощущалась усталость, вялость; все его речи и манеры были проникнуты высокомерием и говорили о том, что перед нами человек, уважающий только богатство, ценящий в жизни только деньги»¹².

Еще более разительную метаморфозу претерпела жена крестьянина, некогда робкая и простодушная селянка. Теперь это «налившаяся соком, с белоснежной кожей дама, нарядная как манекен в витрине, в кокетливой темно-желтой рубашке и в джинсах цвета бордо, с косматыми волосами, искусственно пышной грудью и манерами гризетки»¹³. И автор сокрушено заключал: «Появилась еще одна могила. Вчерашняя девочка умерла. Умерла в этом жирном, бесстыдно выставленном напоказ теле, в котором каждая черта как бы призвана возбудить похоть самца-иностранца. Умерла в этих экстравагантных, бесцеремонных, цинично наглых манерах, свойственных определенному кругу женщин, которые научились свысока относиться к жизни, пристрастились к материальным удовольствиям и деньгам и весьма искушены в торговле собственным телом»¹⁴.

Чем более жестокой становилась война, тем в большей степени потребление материальных благ, погоня за наслаждениями становились высшей целью в оккупированном Сайгоне. Потеряли ценность такие понятия, как долг перед родиной, перед народом, верность в дружбе и любви, взаимные обязанности родных и близких. Сайгон превращался в общество, где доверие к людям квалифицировалось как непростительная глупость, чистота — как по-

рок, а обман, ложь, зверство — как норма человеческого поведения. Антикоммунистически настроенные правители режима выступали в роли купцов, торгующих золотом и наркотиками, избирательными бюллетенями и природными богатствами страны, могилами отцов и дедов и кровью молодежи. Человеческое достоинство девальвировалось, росла преступность, проституция и разврат становились повсеместными.

Таким образом, американский потребительский образ жизни экспортировался в Южный Вьетнам вместе с помощью США. Будучи средством, «компенсирующим» чужеземное порабощение, материальной приманкой для миллионов людей, переживших «принудительную урбанизацию», он служил в то же время инструментом для разрушения национального сознания, подрыва общественной морали и человеческого достоинства южновьетнамского населения и его «приобщения» к неокOLONиалистскому строю. Как выразился один сайгонский публицист, «уже многие годы телевизоры, мотоциклы, холодильники и другие удобства оттесняют все глубже во мрак марксистско-ленинские догмы. Оказывается, под любым небом идеология становится ненужной болтовней, когда у трудящихся классов — обеспеченная материальная жизнь. Перспектива того, что коммунисты поднимут голодных крестьян на осаду города, чтобы добиться земли и хлеба, становится с каждым днем все туманнее»¹⁵.

Некоторые элементы «контркультуры» в американском образе жизни в Южном Вьетнаме

Однако даже в оккупированной зоне вьетнамцы испытывали на себе воздействие патриотических и социалистических идей. Оказалось, что один лишь чистоган, один лишь потребительский образ жизни при всей их привлекательности были не в состоянии покорить сердца и умы народа. НеокOLONизаторы и их ставленники прибегали и к другим средствам воздействия: «политической войне», массовой дезинформации, религии и т. д. Следует особо отметить влияние «контркультуры», лишаящей человека разума и оставляющей ему только инстинкты, превращающей его в вещь и агрессивное животное. Если американский образ жизни был неотделим от обильного притока потребительских товаров, то «контркультура» неотделима от деятельности средств массовой информации. Эти средства являются в руках монополий поистине влиятельной силой, формирующей сознание людей, управляющей внутренней жизнью миллионов членов общества. Анализ структуры средств массовой информации показывает, что наряду с письменным словом в них огромную роль играют звук и зрительный образ. Ранее письменное слово было почти единственным «мостом», по которому культура входила в жизнь. Издавалось огромное количество книг, однако вне зоны их влияния по-прежнему оставались миллионы людей, которые передавали друг другу свой

жизненный опыт изустно. Ныне вместе с кинематографом, телевидением, радио, магнитной записью родился целый мир — мир, воспринимаемый зрением и слухом, более облегченный, нежели мир чтения, а потому более доступный широким массам.

В неокOLONиалистском обществе Южного Вьетнама мир письменного слова по-прежнему занимал весьма важное место. Бывали моменты, когда там издавалось до 200 газет и журналов, в том числе десятки ежедневных газет, в которых работали тысячи журналистов. В одном лишь Сайгоне имелось более 100 больших и малых издательств, выпускавших произведения почти тысячи вьетнамских авторов и сотни книг зарубежных авторов в переводе на вьетнамский язык. Мир зримого и слышимого тоже был внушителен. Телевидение Сайгона — Кантхо¹⁶, например, обслуживало миллион телевизоров (в то время как в Ханое в 1975—1976 гг. насчитывалось всего 8 тыс. таких аппаратов). Радиоприемников и магнитофонов различных типов имелось до 5 млн. штук, их продавали на каждом углу. Ежегодно Сайгон импортировал более 500 иностранных фильмов и сам выпускал по несколько десятков. Эти данные свидетельствуют о том, какими мощными средствами массовой информации снабдили сайгонский режим американские неокOLONизаторы. Это побудило некоторых буржуазных идеологов говорить наряду с «революцией в потреблении» о революции в области досуга. По их мнению, современный трудящийся уже не просто посвящает свой досуг еде, сну, развлечениям или же труду в целях увеличения заработков. Теперь он имеет возможность регулярно читать прессу, слушать музыку, смотреть картины и т. д. Таким образом, трудящийся получил доступ к культуре, в том числе к той культуре, которая раньше предназначалась лишь для привилегированных слоев населения.

Действительно, средства массовой информации могут дать массам определенные культурные познания, которые, однако, играют лишь роль подготовительной ступени к подлинной культуре. Но в условиях сайгонского неокOLONиалистского режима они служили инструментами «культурной агрессии» — вспомогательного средства к вооруженной агрессии и политическому порабощению. Одним из ее объектов были те, кто стал жертвой «принудительной урбанизации» и познал соблазны американского образа жизни.

В одном из сайгонских журналов они характеризовались следующим образом: «Категория новых читателей (речь идет о бывших жителях деревень. — Авт.) — многочисленна, особо настроена в психологическом отношении, отлична от старомодных горожан, интеллигентов и студентов. Эта категория легко поддается рекламе, гоняется за модой, страшится показаться деревенщиной. Они очень легко усваивают плохие привычки людей, забывающих о своем происхождении, гоняющихся за формами, которые они считают новшеством»¹⁷.

Необходимой предварительной мерой для осуществления «культурной агрессии» неокOLONиализма было насаждение с помощью средств массовой информации недоверия к национальной

культуре, чувства национальной неполноценности. Стоило кому-нибудь заговорить о четырех тысячелетиях вьетнамской культуры, как его сразу засыпали вопросами: «С какого времени начинается отсчет? Назовите нам, какие достижения этой культуры сохраняют свое значение и в настоящее время, помогают нашей нации утвердить свое место в нынешней мировой схватке?»¹⁸. Культивирование чувства национальной неполноценности имело далеко идущие политические цели. Поскольку вьетнамцы — люди «слабой желтой расы», а иностранное господство определено для Вьетнама роком, то национальная вьетнамская культура «лишена реальной ценности», «второсортна». Поэтому нужно широко распахнуть двери для внешних культурных влияний, ибо «у культуры нет родины». Одностороннее подчеркивание универсальности культуры и игнорирование ее национальной специфики имели целью закамуфлировать действительное положение вещей, суть которого заключалась в том, что зарубежные — в данном случае США и других капиталистических стран Запада — культурные ценности распространялись в Южном Вьетнаме в форме «культурной агрессии». (При этом следует иметь в виду, что в Южный Вьетнам поступала преимущественно эрзац-культура.) Апологеты неокolonизма стремились принизить значение национальной культуры. А презрение к национальной культуре, низкопоклонство перед чужеземной цивилизацией облегчали переход к сознательному служению иностранным захватчикам и их культурной экспансии.

Говоря о конкретном облике «контркультуры», насаждавшейся в Южном Вьетнаме прежде всего с помощью средств массовой информации, журнал «Бать Кхоа» делал следующее характерное признание: «На словах говорилось о необходимости освоения чужих культур, а на деле импортировался без всякого разбора культурный хлам (секс, стриптиз, порнография, возбуждающая музыка, «экзистенциалистская» культура), что вело общество от робости к бесстыдству, от длинного закрытого платья к мини-юбке, от индивидуальных удовольствий к массовым праздникам оголения, от изнасилований к „групповой любви“. Был сделан большой шаг на пути моральной деградации, и этому активно способствовала культурная деятельность»¹⁹.

Сайгонская «контркультура» обладала всеми чертами, присущими любой «контркультуре». Прежде всего она девальвировала прогрессивные ценности, лишала культуру ее подлинного содержания. Однако как ни консервативны и реакционны были господствующие в обществе группировки, какую бы эрзац-культуру они ни пытались создать, все же им не удавалось до конца истребить рационалистическую мысль, культуру чувства и мыслей, автономность сознания мыслящей личности. Все это продолжало жить в тех людях, которые, находясь под влиянием буржуазной идеологии и культуры, тем не менее сознательно отрицали мир бизнеса, опирающийся на холодный расчет и преследующий узкую выгоду, выступали против превращения культуры в товар, не отвечающий

потребностям, желаниям и требованиям развития человеческой личности.

Находясь в оппозиции к буржуазному порядку, эти люди могли искать для себя убежища лишь в области культуры и искусства, единственной области, где, как им казалось, они имели возможность реализовать до конца свою творческую инициативу и проявить свою человеческую личность. И все, что было создано ими в этой области, было отмечено печатью «несчастливого сознания» расколотого мира, несбывшихся надежд, невыполненных обещаний, таило в себе протест против буржуазной действительности, грубо растаптывавшей высокие человеческие мечты.

Посредством могущественных средств массовой информации буржуазия в широких масштабах популяризирует эту культуру, размножает ее продукцию и в огромных количествах вывозит в колонии нового типа. Но в условиях буржуазного строя вообще и неокOLONиалистского режима в частности наблюдалось отрицание качественных различий между прогрессивным и реакционным, позитивным и негативным, уравнивание в правах и в ценности всего того, что до сих пор считалось несовместимым друг с другом. На сайгонских тротуарах продавались одновременно произведения Арагона и А. Кестлера, Шолохова и Солженицына. Хотя прогрессивные ценности еще пропагандировались, они постепенно утрачивали свою роль в обществе. Даже современные «маргинальные» персонажи с присущим им особым характером (например, если они любят, то это любовь гомосексуалистов, если дружат, то это дружба на преступной почве, если они храбры, то эта храбрость проявляется в убийстве, и т. д.) не играют более той оппозиционной роли, как раньше. Наркоман, хиппи, наемный убийца, как верио заметил Г. Маркузе, не являются больше персонажами, представляющими другой образ жизни, но являются вариантами того же самого образа жизни. К ним прибегают теперь не для того, чтобы выразить отрицание этого статус-кво, а для того, чтобы утвердить этот статус-кво²⁰.

С помощью прослойки интеллигенции, получившей образование в США и державшей в своих руках ключевые посты в сферах культуры, просвещения, высшего образования, американские империалисты всячески старались распространить в Южном Вьетнаме утвердившиеся в США технократические воззрения, культ науки как высшей силы современной эпохи, вытесняющей из жизни человечества ставшие ненужными философию и искусство. Безоговорочный культ естественных наук сопровождается изменением отношения к общественным наукам, достижения которых используются в ограниченных целях и на которые отнюдь не возлагается задача познать противоречия и закономерности развития человеческого общества. Что же касается культуры, то она оказывается растворенной в так называемом «новом синтезе», в котором науке отводится роль господствующей и универсальной силы.

Односторонний культ науки приводит к узкой специализации людей, которые формируются лишь как специалисты своего дела

и ценятся постольку, поскольку они являются таковыми. При этом культурный человек приносится в жертву человеку специализированному. Последний сознает свое отличие от других людей и свою ценность именно потому, что живет и работает в рамках системы капиталистического «планирования», отдает государству или частному хозяину свой труд специалиста и получает за это материальное вознаграждение. Другое отношение к жизни ему неизвестно. Ему неизвестны стремление к демократии и свободе, к революции и социальным преобразованиям. Многие сайгонские интеллигенты, в том числе и получившие образование в США, такие, как, например, Нгуен Тхай Бинь²⁴, выступали против заокеанских агрессоров не только потому, что они агрессоры, но и потому, что они насаждали в Южном Вьетнаме технократические представления, замыслили превратить интеллигенцию в мыслящий придаток неокOLONИАЛИСТСКОГО РЕЖИМА, в сущности, озабоченные только работой и потреблением, равнодушные к судьбам нации, к войне и миру, к нищете или благоденствию своего народа.

Сказанное выше имеет еще одно общее следствие: отсутствие человека в творениях человеческого духа. Для этого есть и объективные причины. С переходом капитализма от этапа свободной конкуренции к этапу монополий личное — отражение в сфере сознания социальной роли индивида-предпринимателя — постепенно утрачивает свое экономическое и политическое значение. Государственно-монополистический капитализм осуществляет диктат во всех областях жизни — от производства, потребления до различных форм досуга и даже социального протеста. Он уже не считает нужным говорить о личности, субъекте, свободе. Теперь превозносятся бессознательные структуры, безличные, трактуемые как определяющие начало человеческой жизни. Объективно это сужает психический и духовный мир человека. В реальной жизни человек трансформируется в потребляющее существо, в орудие и вещь, как уже отмечалось выше. Эти тенденции ярко проявляются в философии и культуре. Структурализм подчеркивает постоянство сверхличных структур, принижая автономность человека, формирует положения о «смерти человека».

В Южном Вьетнаме до освобождения в литературе встречались многочисленные неуклюжие подражания психоанализу, структурализму, «новому роману». В книгах, как и в реальной жизни, встречались отчужденные личности, «кичливые рабы», «счастливые роботы».

В конце 60-х — начале 70-х годов южновьетнамское общество переживало серьезнейший кризис. Обострилась национальная и классовая борьба, проамериканский режим Тхьеу стремительно клонился к упадку. Все это подрывало у людей веру в стабильность существующего строя, общественный кризис преобразовывался в кризис сознания индивидуумов, который проявлялся в массовом недовольстве жизнью, в духовном беспокойстве и идейном тупике. НеокOLONИАЛИСТСКАЯ ПРОПАГАНДИСТСКАЯ МАШИНА стремилась посеять иллюзии о наличии «выходов из положения». Эти «выхо-

ды» в основном лежали в русле «контркультуры». В Сайгоне усиленно популяризировались «философия абсурда» и мистицизм, восточный эмпиризм и учение дэи как спиритуалистический выход из тупика «механической цивилизации», хиромантия и астрология как вернейшие способы овладеть своей судьбой, «сексуальная революция» и наркомания как кратчайшие пути «в царство скорби и блаженства». Чем более режим Тхиеу близился к часу своего падения, тем более пышным цветом расцветали в Сайгоне всевозможные суеверия, пророчества и гадания в сочетании с поистине бешеной погоней за наслаждениями, с массовыми ночными оргиями, «фестивалями молодежной музыки» и «конкурсамн красоты».

«Контркультура», как отмечалось выше, эксплуатирует человеческие ощущения, прежде всего зрение и слух. В самом деле, мир письменного слова воспринимается с помощью сознания. А мир звуков и зрительных образов, назойливо надвигающийся на человека, способен оглушить и заморозить его на время, лишить его способности рассуждать, отличать зло от добра, ложь и обман от истины. Комиксы, смакующие разврат и насилие, иллюстрированные журналы, напичканные порнографией, изо дня в день формировали вкусы и пристрастия городского обывателя, особенно из числа вчерашних крестьян. Молодежная музыка, особенно так называемая «психоделическая», исполняемая на электронных инструментах, способна взвинтить человеческие чувства, подавить рассудок и интеллект, смутить внутренний мир личности. Эта музыка в сочетании с вольностью одежды, распушенностью отношений между полами, пристрастием к наркотикам, возбуждала дремлющие в подсознании инстинкты и желания, переводила эстетические удовольствия в физиологические, подменяла душевные бури сексуальными.

Существуют, как известно, два способа освоения культуры. Один способ приглашает к размышлению и действию; другой ищет в культуре развлечение, средство забыться. «Контркультура» апеллирует ко второму способу, превращает восприятие культуры в праздное занятие, в средство «убить время». Бульварные романы Ким Зунга, романы о любви Куинь Зао²², ковбойские фильмы Голливуда, полицейские фильмы Гонконга и Тайваня — вся эта низкопробная культурная продукция была призвана доставлять утомленному жизнью потребителю минутное развлечение и забытье, если не преследовала более злокозненную цель — нравственное растрепывание людей. Эрзац-культура не только закрывала доступ к подлинной культуре, но и усыпляла трудящихся, держала их в узком мире субъективных переживаний, мешала им увидеть опасность американской агрессии и порабощения, а также вопиющие пороки существующего режима, перспективы иного жизнеустройства, к которому надо стремиться. Эрзац-культура опутывала человека неокOLONиалистского общества, превращая его тело в инструмент потребления, а дух — в послушного пленника идеологической пропаганды.

Чаще всего это «воспитание» эрзац-культурой велось не прямо, а посредством популяризации культурных кумиров — кинозвезд, молодых певцов и певиц (как, например, певиц Кхань Ли и Бак Туэт)²³, подражая которым люди одновременно усваивали американские нормы морали, перенимали американский образ жизни. Американизация социальной психологии масс осуществлялась через американизацию кино, музыки, телевидения. Этими средствами буржуазная пропаганда добивалась наибольших эффектов заражения. Например, юноши и девушки, избравшие предметом культа какую-нибудь кинозвезду, старались одеваться и причесываться, как и она, пользоваться теми же духами и губными помадами, что и их кумир, и даже перенимали ее «милые дурные привычки» (например, флиртывали с военнослужащими, фотографировались в костюме Адама и Евы «из любви к искусству» и т. д.). Некоторые из этих кумиров вступали в «службу психологической войны», навещали марионеточных солдат на фронте в качестве «активисток тыла», наряжались в одежды с антикоммунистическими надписями, расписывались на бомбах, которые сбрасывались на Северный Вьетнам... Менялась мода, менялись и иногда с головокружительной быстротой кумиры, взятые с Востока и с Запада, из современности и из древности, но характер духовной пищи оставался неизменным — это была эрзац-культура на службе империалистической агрессии, неоколониалистского режима.

Таким образом, «контркультура» активно содействовала геноциду и этноциду. Ее тлетворное влияние было более глубоким, чем влияние классической колониальной пропаганды, потому что она присутствовала в самих предметах массового потребления, в прививавшемся везде и всюду образе жизни, в быту каждого человека, каждой семьи. Она была призвана упразднить взыскательное отношение к жизни, превратить людей в бездушных потребителей и конформистов, живущих в «добром согласии» с неоколониалистским обществом.

Апология секса в системе американского образа жизни в Южном Вьетнаме

Духовное закабаление южновьетнамца осуществлялось не только посредством насаждения потребительского образа жизни и потребительской культуры. Чтобы задушить в нем человеческое начало, его призывали «позаботиться о нижней части своего тела и забыть о верхней». Для того чтобы побудить юношей и девушек отречься от национальных задач, от высоких идеалов, им настойчиво внушалось представление о том, что в жизни ценность имеет только один «секс», всемерно поощрялись разврат и порнография. Журнал «Бать Кхоа» писал: «В чем, в чем, а в отношении гедонизма и разврата мы шагаем в ногу с Западом. В 1955—1960 гг.

на Западе процветал экзистенциализм — и в Сайгоне бредили экзистенциализмом. Два-три года назад в Америке появились хиппи — и мы сделали не меньшими хиппи»²⁴.

Порнография, разврат представляли собой существенные компоненты содержания американского образа жизни. За этими двумя словами скрывался специфический мир сотен дансингов, ночных клубов, кабаре, публичных бань, «гротов увеселения» в переполненном наркоманами и проститутками Сайгоне, мир танцев, стриптизов, возбуждающей музыки, порнографических фильмов, фотографий, календарей, журналов, книг, продававшихся на каждом углу в столице южновьетнамского государства.

Но порнография и разврат в условиях неоколониализма уже не назывались своими именами, а преподносились как «сексуальная революция», как «бунт инстинктов». Сама эта словесная «сублимация» в немалой степени способствовала распространению разврата и его превращению в род бизнеса. Секс теперь эксплуатировался наравне с живым трудом.

Таким образом, в контексте американского образа жизни, насаждавшегося в Южном Вьетнаме, на человека-потребителя насаждался человек как субъект сексуальных влечений. Предпочтение отдавалось не таким формам отношений как брак и семья, а чисто субъективным влечениям индивида. Именно в последних видели настоящее возрождение человечности. Самым модным проявлением сексуальности считался эротизм, который определялся как человеческое развитие животного сексуального начала, как развязывание животных влечений в их человеческой форме, которые, однако, теперь понимались как самоцель, как нечто внеположенное сексуальным целям.

Защитники концепции сексуальности в Сайгоне утверждали, что секс в современную эпоху обслуживается наукой, которая изучает пути и способы возбуждения удовольствий, искусство утончать и увеличивать эти удовольствия посредством эстетического анализа и культивирования телесной красоты. Они видели в сексе «бунт инстинктов».

Супружеские отношения — скучная обуза, брак — тюрьма для такого сексуального человека, зато кровосмешительство, осужденное всей историей человечества, ими не отвергалось. Что касается предмета вожделений, то здесь современный сексуальный человек предпочитает качеству количество. Чем больше сексуальных партнеров, тем лучше. Это говорит о том, что человек не только возвращается к первобытному нарциссизму, рассматривающему другого человека как средство удовлетворения сиюминутных желаний, но еще и опускается до состояния зоологического индивидуализма.

Но это еще не все. Современный разврат требует для половых сношений зрителей. Присутствие третьего или третьих лиц — реальное или воображаемое — считается необходимым для получения подлинного наслаждения. Это представление породило «групповую любовь» в среде американских и сайгонских хиппи.

Освобождение секса, трактуемое как «сексуальная революция»,

обусловлено целым рядом социальных факторов в современном буржуазном обществе. Сегодня именно освобождение, а не сдерживание секса служит увеличению прибылей и сохранению буржуазных порядков. Рассматривая «сексуальную революцию» как «бунт» против общества, буржуазные идеологи умышленно вводят в заблуждение общественность, подменяют понятия с целью перевести протесты из социальной-политической области в область быта, с помощью секса лишить выступления молодежи их подлинно революционного содержания. Те же цели объясняют энергию и настойчивость, с какими американские неокolonизаторы экспортировали «сексуальную революцию» в Сайгон.

Односторонняя апология телесной жизни преподносилась как некое «открытие тела», открытие того, благодаря чему человек «присутствует в жизни», но о чем до сих пор забывали вследствие погруженности человека в борьбу за существование с природой и обществом. По той же причине, мол, астрономия, география, физика, социология родились раньше физиологии и анатомии. Более того, апология тела рассматривалась еще как реакция против религии и цивилизации вообще, которые всегда третируют матерью, «подавляют» тело, ценя только дух и духовное²⁵.

Превознося секс в отрыве от целей существования человеческого общества, культуры человечества, принцип удовольствия в ущерб принципу реальности адепты неокolonизализма на деле ратовали за освобождение животного начала в человеке, за обезчеловечивание человека с тем, чтобы было легче им овладеть, за всестороннее разложение общества, чтобы было легче держать его в повиновении.

В современном буржуазном обществе чрезвычайно велико недовольство народных масс и оно зачастую выливается в самые причудливые формы. Например, длинные волосы и неряшливость молодежи в одежде субъективно символизируют разрушение связывающих формул, преодоление условностей смертельно надоевшего общества. Одинаковые формы одежды и манеры держаться, принятые мужчинами и женщинами, призваны выражать протест против политического и социального неравенства полов и т. д. И некоторые, как, например, Г. Маркузе, пытались направить эти протесты в русло секса, подменить социальную революцию сексуальной, особенно в среде студенчества. Г. Маркузе связывал революцию и секс, революционность и эротику. Но под «революцией» здесь подразумевается не социальная борьба, не свержение буржуазных порядков, а только «маргинальные движения», такие, как, например, движения хиппи и т. п. Эти протесты могут порой принимать разрушительный характер, но по содержанию всегда остаются негативными, выражаясь чаще всего в различных формах бегства от действительности (наркомания, богема и др.).

Секс превращается здесь в отдушину для недовольных жизнью, в средство увода человека от истинной социальной революции, имеющей целью освобождение трудящихся от власти капитализма и колониализма.

Сайгонская пресса систематически сообщала о последствиях раскрепощения секса в Южном Вьетнаме: сотни тысяч проституток, десятки тысяч хиппи и бродяг, тысячи детей-метисов, рождающихся ежегодно. Но даже эти цифры не могут дать представления о подлинных размерах того вреда, который причинило вьетнамской нации это социальное явление.

Здесь наблюдается любопытный парадокс. Особенно глубоко погрязли в болоте разврата и морального растления дети нуворишей, наживших богатство на службе империалистической агрессии. Они не должны были думать о хлебе насущном, о солдатской службе и других повинностях. С материнским молоком усвоив культ всего американского, эти молодые люди старательно подражали образу жизни американской «золотой молодежи», видели цель своей жизни в погоне за все новыми и новыми наслаждениями, в удовлетворении всех своих, подчас самых извращенных плотских желаний. Вместе с тем насаждение американского образа жизни породило мощный общественный протест, истоки которого кроются в многовековых традициях вьетнамской культуры, в революционном пробуждении вьетнамского народа. Протест исподволь назревал в сознании самих жертв американского образа жизни. Прежде всего это относится к сотням тысяч женщин, чьи тела были превращены в товар, в средство удовлетворения похоти американской солдатни и иных «прожигателей жизни», чье человеческое достоинство было втоптанно в грязь. Это относится ко всей южновьетнамской молодежи в целом, душа и жизнь которой находились под угрозой. Для нее американский образ жизни был не чем иным, как своеобразным наркотиком, дающим возможность забыть о рабском существовании всей нации под пятой неоконизаторов. Они были знакомы с американской культурой по фильмам, поэтому идолами, которым они поклонялись, были «некоторые вьетнамские певцы, кривляющиеся на американский манер»²⁶, «некоторые кокетливые актрисы» или хиппи, для которых бунт равен удовлетворению потребностей. Эти деградировавшие типы, покрытые толстым слоем жира и почитающие США как идола, писал Ли Тянь Чунг, являются зеркалом, верно отражающим общественную надстройку Сайгона²⁷. Тех, кто служил в марионеточной армии, тот же наркотик на время освобождал от животного страха смерти, давал им эфемерное ощущение вознаграждения за опасности войны и тем самым еще крепче привязывал их к машине неоконизаторской агрессии.

Что касается южновьетнамского населения в целом, радикально настроенной интеллигенции в частности, то они решительно выступали против американского образа жизни, против «сексуальной революции», хорошо понимая, что этим они защищают не только себя, свои семьи и своих детей, но культуру своей страны, честь и достоинство нации.

Южный Вьетнам всегда был отсталой, аграрной страной, где царил жестокий социальный гнет; в течение длительного периода на его территории велись военные действия. Поэтому здесь существовала благоприятная почва для распространения религиозных настроений. Этот фактор использовали в своих интересах силы империализма, старого и нового колониализма, действовавшие то непосредственно, то прибегая к помощи служивших им политических партий и элементов. В Южном Вьетнаме в некоторые периоды насчитывалось свыше ста различных религиозных вероучений; у некоторых из них были лишь по нескольку тысяч и даже сотен последователей, однако в общей сложности религиозные общины охватывали до половины населения Юга.

Империалисты США прежде всего стремились поставить под свой контроль пять крупнейших религиозных организаций: католицизм, буддизм, каодай¹, хоахао², протестантизм³. Эти религии благодаря широкому влиянию в народе, мощной организации и международным связям уже давно стали главными духовно-политическими силами в Южном Вьетнаме. Их роль и значение были тем более важны, что слабая и зависимая южновьетнамская компрадорская буржуазия не смогла создать ни одной действенной политической организации, хотя сайгонское министерство внутренних дел временами регистрировало до 123 политических партий. Этим объясняется, почему Вашингтон уделял больше внимания религиозным объединениям, нежели политическим организациям в Южном Вьетнаме.

Соединенные Штаты оказывали помощь религиозным общинам в различных формах: деньгами, ценными подарками, стройматериалами и т. д. Высокопоставленные американские чиновники У. Колби, а затем У. Якобсон и П. Гарр⁴ руководили сложным механизмом контроля за деятельностью различных религиозных объединений в Южном Вьетнаме. Священник Чан Там Тинь писал в связи с этим: «Сколько священнослужителей, преклонив колени, смиренно просили помощи в американских учреждениях во Вьетнаме или в США. Если бы мы подсчитали, сколько церквей и соборов мы построили с момента американского вмешательства в дела Вьетнама, мы бы не удивились тому огромному соблазняю-

щему воздействию, какое оказывают доллары на многих священнослужителей»⁵.

После массированного ввода экспедиционных войск США во Вьетнам наиболее эффективной формой контактов с религиозными общинами стала «гуманитарная помощь». Американцы уже давно обратили внимание на деятельность благотворительных организаций. Последние, располагая небольшим аппаратом и скудным фондом, первоначально существовали как частные организации, долгое время ограничиваясь оказанием единовременной помощи инвалидам, сиротам и престарелым, жертвам стихийных бедствий и уличных происшествий и т. п. С 1965 г. США стали превращать их в составную часть военной машины, в один из факторов «войны без выстрелов», имеющей цель «умиротворение» населения.

В Южном Вьетнаме насчитывалось более 60 благотворительных обществ, действовавших легально и сотрудничавших с сайгонскими властями. Из них американцам принадлежало 32, или почти половина. Какие бы названия, вьетнамские или американские, ни носили эти общества, они не ограничивались благотворительными функциями, а деятельно служили осуществлению таких программ сайгонских властей, как сгон населения в «стратегические поселения», вывоз детей за границу и др. Представительная делегация американского Совета благотворительных обществ, прибывшая в Сайгон в октябре 1965 г., имела все основания заключить, что, «несмотря на различие программ, роль этих обществ одинакова — это содействие планам правительства (марионеточного. — Авт.)»⁶.

Сказанное можно проиллюстрировать несколькими примерами. Так, «кампания братской помощи», проводившаяся в 1954—1955 гг., тесно координировалась с «охотой за коммунистами», преследовавшей цель разгрома социальной базы революции, особенно в сельской местности. После того, как страна стала объектом неокOLONиалистских планов США, помощь начали предоставлять в соответствующей идеологической упаковке в прямом и переносном смысле. Мешки с рисом, ящики с даровым товаром, развозимые по всему Южному Вьетнаму, были снабжены одинаковыми этикетками: две слившиеся в тесном рукопожатии руки под американским флагом, что по замыслу организаторов программы «продовольствие во имя мира» должно было способствовать «покорению умов и сердец» южновьетнамского народа. С 1970 г., когда американский конгресс начал ограничивать прямую военно-экономическую помощь сайгонскому режиму, «гуманитарная помощь» стала удобным каналом для долларовых инъекций марионеточным властям. По этой же причине всячески раздувались проблемы сирот, инвалидов, беспризорных детей, для того чтобы привлечь внимание зарубежной общественности. В результате американский конгресс утвердил программу «Детям — счастливое детство» на сумму 7 млн. долл. в 1973—1974 фин. г., программу «Усыновление миром», предусматривавшую вывоз 1160 южновьет-

намских детей в США и 1435 детей — в Канаду⁷. В дни агонии сайгонского режима, пытаясь сыграть на чувствах мировой ответственности, американцы спешно вывезли в США еще 1400 детей⁸.

Фам Куанг Дан, вице-премьер и министр по социальным проблемам в сайгонском «правительстве», в письме «премьер-министру» Чан Тхиен Кхиему прямо указывал, что целью этой операции является переориентация общественного мнения в пользу Республики Вьетнам: «Эти увозимые в США сироты станут объектом внимания американских радио- и телевизионных компаний, газет и журналов, что не может не оказать большого воздействия»⁹.

Когда американцы были вынуждены эвакуировать свои войска из Южного Вьетнама и переложить всю тяжесть войны на плечи «правительства Сайгона», что получило название «вьетнамизации войны», они стали уделять еще больше внимания роли благотворительных обществ в осуществлении политических и военных целей США.

Прежде всего прилагались все усилия к тому, чтобы материальные средства, предоставляемые как пожертвования, не попадали в руки населения освобожденных районов. Доу Хостеттер, один из руководителей благотворительных обществ протестантской церкви США, действующих во Вьетнаме, отмечал в своем интервью, опубликованном одним американским журналом: «Программы благотворительных обществ CARE, CRS, World Vision¹⁰ заметно расширяются... В районах, где идут бои, ни службы американской помощи, ни сайгонская армия не вступают в прямые контакты с гражданским населением. Они поручают всю работу благотворительным обществам, которые довольны тем, что отныне получают доллары непосредственно от американцев»¹¹. И дальше: «Сотрудничество с этими обществами особенно важно для американцев в военное время. Контроль за населением, ранее осуществлявшийся сайгонской армией, в настоящее время может поддерживаться только церковными организациями и их благотворительными обществами. Когда же „военная война“ трансформируется в войну политическую, то „завоевание сердец“ этими благотворительными обществами становится легальным делом, за которое не может наказывать никакой трибунал»¹².

Эффективным инструментом при осуществлении операций по умиротворению и установлению влияния на территории, которая была занята сайгонской армией, была также организация COREV¹³. Этот факт признавали и некоторые католические деятели: «Осуществляемая под американским покровительством и при поддержке правительства Тхиену... программа COREV, прикрываемая маской „гуманности и отеческого участия“, является антикоммунистической тактикой, направленной на овладение землей и людьми, на подстрекательство населения к бегству из освобожденных зон и следованию за сайгонскими войсками»¹⁴.

Католицизм на службе неокOLONиалистского режима

Католицизм стал проникать во Вьетнам через посредство миссионеров в XVII в. В период почти векового господства Франции в Индокитае он служил идеологическим инструментом колониального режима.

Придя на смену французским колонизаторам, американцы использовали католическую церковь в Южном Вьетнаме в своих интересах. Католическое духовенство в своем большинстве также ориентировалось на нового, более могущественного заокеанского патрона, стремясь осуществить свой давний замысел — превратить католицизм в государственную религию в Южном Вьетнаме, в крупнейшую церковь во всей Азии.

В течение 20 с лишним лет неокOLONиалистского режима католицизм оставался сильнейшей религиозной общиной в Южном Вьетнаме. По данным католической газеты, в Южном Вьетнаме до освобождения (т. е. до мая 1975 г.) насчитывалось 1,9 млн. католиков, 3 тыс. священников, 1200 монахов, 6 тыс. монахинь, 870 приходов, объединявшихся в 15 епархий¹⁵.

Приход к власти Нго Динь Зьема означал «торжество» католицизма. 7 декабря 1955 г. Ватикан издал энциклику об официальном признании правительства Республики Вьетнам, т. е. зьемовской администрации. По инициативе Ватикана американский кардинал Ф. Дж. Спеллмен, архиепископ Нью-Йорка и покровитель Зьема еще со времен пребывания последнего в монастыре Мэри Нолл¹⁶, дважды посетил Южный Вьетнам, первый раз в январе 1955 г., второй — в январе 1956 г. В начале 1959 г. папа Иоанн XXIII направил в Южный Вьетнам кардинала Агоджианиана для участия в празднике святой богородицы, состоявшемся с 16 по 18 февраля 1959 г. Первый день праздника проходил под девизом «Пресвятая дева с безмолвствующей церковью» (т. е. с католической церковью Северного Вьетнама, еще в 1956 г. занесенной в список «безмолвствующих церквей»)¹⁷. В конце 1959 г. Ватикан присвоил Сайгонскому кафедральному собору название «Храм — дворец божий», а 8 декабря 1960 г. Иоанн XXIII учредил иерархию церковных рангов во Вьетнаме, что положило конец 300-летнему периоду миссионерства и превратило вьетнамский католицизм в национальную церковь при сохранении, впрочем, поста ватиканского резидента.

Введение иерархии отвечало интересам возвышения католицизма, начавшегося с 1954 г. при непосредственной поддержке США и Зьема. «Торжество» католической религии получило политическую окраску. Активно действовал, в частности, Нго Динь Тхук, старший брат Зьема, архиепископ Хюэ и одновременно шеф тайной полиции, неофициальный посол по особым поручениям¹⁸. Зьем проводил политику трех Д¹⁹, существо которой заключалось в подборе и выдвижении кадров по принципам вероисповедания, партийной принадлежности и места рождения. На руководящие должности в государственном аппарате назначались пре-

имущественно католики, члены зьемовской партии труда и персонализма, как правило земляки Зьема.

Католицизм при Зьеме имел средневековый характер. Его девизами были: «Бог превыше всего», «Царство божье выше государства»; отсюда закономерно следовало, что «Бог выше Отечества». «Государство — не абсолютная цель, хотя оно и является необходимой организацией. Почему? Потому что государство может менять форму, как любая организация; человеческая же сущность пребывает неизменной во веки веков. Потому что государство может перестать существовать, созданное им может уничтожиться, но человек не исчезнет, ибо его цель — это вечность»²⁰. «Всевышний» в южновьетнамском католицизме был теократическим богом, источником всякой земной власти и гарантом любых земных порядков. «Католицизм усматривает источник власти в бже», — писал журнал вьетнамских католиков²¹.

Средневековый характер южновьетнамского католицизма имели глубокие причины. Его распространение было начато иезуитами в 1615 г. в соответствии с постановлениями Тридентского вселенского собора (1545—1563 гг.). В 1665 г. распространением католицизма стали заниматься священники из Парижского миссионерского общества. Последние владели только азами теологии, знали латынь лишь в объеме, необходимом для отправления богослужений, были совершенно несведущи в науке и технике и, разумеется, не имели никакого представления об истории, культуре, традициях и верованиях вьетнамцев. Они заставляли вьетнамских католиков не только зубрить догматы, но и слепо перенимать ритуалы и обычаи европейской церкви. Орган международного католицизма следующим образом характеризовал состояние вьетнамской католической церкви через три с половиной столетия после начала его распространения: «Такая церковь, как вьетнамская, не настолько молода, чтобы не нести определенное бремя миссионерских традиций, и не настолько стара, то есть самоуверенна, чтобы позволить себе пересмотреть эти традиции. В этом плане показательно, что средний возраст вьетнамских епископов (56 лет и 2 месяца) намного превышает аналогичный показатель у африканцев»²². К тому же все эти епископы прошли подготовку в Риме до 1945 г. и не были информированы о новых веяниях в мировом католицизме. Многие из них восприняли постановление Второго ватиканского собора «со старых позиций», полагая, что «Европа и Америка идут на новшества, чтобы вновь привлечь к религии огромные массы отпавших и отказавшихся от нее. Во Вьетнаме это не нужно и не рационально»²³. В этом же духе воспитывались священники и монахи. С десятилетнего возраста их принимали в монастыри, где приучали к неукоснительному соблюдению догматов веры. Лучшим священнослужителем считался тот, кто знал наизусть соответствующие цитаты из Ветхого и Нового заветов и беспрекословно подчинялся вышестоящим духовным властям.

В том же году, когда была утверждена церковная иерархия, состоялось собрание южновьетнамских епископов. В нем приняли

участие шесть местных и четыре иностранных (давно проживавших во Вьетнаме) епископа. Собрание обратилось к пастве с посланием в связи с Великим постом. По существу, оно повторяло содержание общего послания, принятого на собрании индокитайского епископата еще в ноябре 1951 г., в котором содержалось следующее предостережение верующим: «Остерегайтесь коммунистического материализма, самой серьезной опасности в современную эпоху!»²⁴. В послании в связи с Великим постом содержалось еще больше клеветнических измышлений в адрес коммунистов, чем в общем послании, и повторялась угроза отлучить от церкви всех, кто в какой бы ни было форме помогает коммунистам в захвате власти²⁵.

Общее послание 1951 г. и послание в связи с Великим постом 1960 г. представляли собой, по существу, антикоммунистические манифесты южновьетнамской католической церкви. Они оказали отрицательное воздействие на судьбу подавляющего большинства священнослужителей и рядовых католиков. Эти люди «сочли антикоммунизм своей священной обязанностью и с этой целью готовы были вступить в союз с иностранной державой для борьбы с собственной нацией»²⁶.

Католическая церковь активно поддерживала Нго Динь Зьема. Она восхваляла его как «выдающегося главу государства», а его брата Нго Динь Нью характеризовала как «политического деятеля высшего класса». Из 14 министров в правительстве Зьема только двое были католиками, но это была лишь внешняя сторона, на самом деле вся власть находилась в руках Зьема и Нью. Нго Динь Зьем уделял большое внимание созданию прослойки верующих католиков в офицерском корпусе, численность которого за годы его правления выросла с 6400 человек в 1954 г. до 12 513 — в 1960 г. и 22 823 человек в 1964 г. Из них 21% офицеров в звании от майора до полковника, 15% капитанов и 12% лейтенантов были католиками. Из 10 дивизий и одной войсковой группы парашютистов общей численностью 223 тыс. человек, созданных к 1960 г., следует отметить особо любимую Зьемом 7-ю дивизию, которой тогда командовал Нгуен Ван Тхиеу. Она на девять десятых состояла из католиков, переехавших с Севера на Юг. В 1-й и 2-й дивизиях католики составляли от 60 до 70% общей численности. В общем, почти 30% солдат и офицеров зьемовской армии были католиками²⁷. Преподавание догматов католической веры отнимало 1/4 учебного времени в Далатской офицерской школе и 1/10 — в других учебных заведениях, причем весь учебный материал курса теологии был проникнут духом антикоммунизма²⁸.

7 июля 1956 г. Зьем подписал декрет о создании пропагандистской службы в армии; был образован католический пропагандистский центр, возглавляемый епископом, в его работе принимало участие 40 священников. Все они прошли соответствующую подготовку в офицерских школах. Для армии было специально построено 30 церквей. 9 февраля 1957 г. Нго Динь Зьем распорядился создать в армии службу «психологической войны»; в 1960 г.

она состояла из 1000 служащих, а в 1961 г. уже из 2000, которые в подавляющем своем большинстве также были католиками.

Опорой режима Зьема служили также такие, состоявшие преимущественно из католиков, политические партии и организации, как «Тап доан конг зан» (Объединение граждан), «Фонг чао чань тху ты зо» (Движение за свободу), «Фонг чао как манг куок зиа» (Движение национальной революции)²⁹. Почти вся католическая интеллигенция находилась на государственной службе или тем или иным путем служила марионеточным властям.

Со смертью Зьема южновьетнамская католическая церковь понесла тяжелый урон: снизился ее авторитет, распались политические организации, ядром которых были католики. Однако антикоммунистические элементы среди католиков не оставили замыслы руководить марионеточным режимом, направлять всю его деятельность. «В военной и послевоенной обстановке католики должны не только присутствовать в обществе, но принять на себя ответственность авангарда и руководителя»³⁰, — писал в 1968 г. католический журнал.

Благодаря поддержке США католической церкви удалось постепенно восстановить утраченные политические позиции. После нескольких лет «перетрясок» Вашингтон снова вручил власть в Сайгоне католику — Нгуен Ван Тхиеу. В его администрации многие министры и генералы были католиками, большинство губернаторов провинций находились под влиянием местного духовенства. 30% солдат и офицеров сайгонской регулярной армии составляли католики и «забота об их душе» возлагалась на армейских священников. В 1967—1971 гг. католики занимали 40 из 60 мест в сайгонском сенате и 40 из 135 мест в палате представителей, после 1972 г. они составляли уже большинство в обеих палатах. Самые «доверительные» функции в американском аппарате войны (переводчики, разведчики и т. д.) также выполняли католики.

В общественной жизни появились такие связанные с католической церковью политические организации, как «Дык льонг дай доан кет» (Силы великого сплочения), «Мат чан нян зан теиг конг сам ланг» (Народный фронт против коммунистической агрессии)³¹. Нгуен Ван Тхиеу основал и сам возглавил Демократическую партию (Данг Зан Тю)³². Католическая церковь по-прежнему контролировала Смешанный совет по помощи, защите и восстановлению родины³³, она ввела своих людей также в ряд других политических организаций. В своем письме папе Павлу VI видные католики отмечали: «Сайгонский режим сегодня имеет еще более католический характер, чем при Нго Динь Зьеме... Христианская церковь — единственная опора этого режима, потому что поддержка со стороны американцев, какой бы ценной и эффективной она ни была, все же в значительной степени зависит от того, какую позицию занимает вьетнамская церковь»³⁴.

Одновременно с восстановлением политического престижа католическая церковь укрепила свою материальную базу. С 1963 до 1975 гг. было создано пять новых епархий (Дананг, Буоимет-

хуот, Суанлок, Фукыонг, Фантхьет), которые вместе с 10 существовавшими ранее входили в состав двух католических областей — Хюэ и Сайгон. По данным 1973 г., католическая община насчитывала 2 архиепископа, 18 епископов, 2036 священников (вдвое больше, чем в 1955 г.), более 4 тыс. монахов и монахинь, состоявших в 15 мужских и 20 женских орденах, и 1 849 252 верующих³⁵. Католическая интеллигенция была весьма активна в политической, культурной, социальной областях. Что касается католического населения, то оно объединялось в 16 ассоциаций, руководимых 4 комитетами.

Католической общиной было построено 1400 костелов, в том числе 30 костелов первого разряда (стоимостью по 50 млн. сайгонских пиастров), 150 — второго разряда (10 млн. пиастров), 125 монастырей (в том числе 25 монастырей первого разряда), четыре больницы и множество благотворительных заведений, две духовные академии — одна в Сайгоне, другая в Далате, с 4 тыс. слушателей католиков и не католиков. Две трети частных начальных и средних школ находилось в ведении католиков, в них обучалась почти половина южновьетнамских школьников³⁶. Католическая церковь владела обширными плантационными хозяйствами. Сайгонская епархия распорядилась отелом «Каравелла» и банком «Дай нам». Таким образом, при режиме Нгуен Ван Тхиеу католицизм хотя и не достигал такого «величия», как при Зьеме, но существенно укрепил свои позиции.

При Тхиеу четверо епископов и примерно пятая часть священников продолжали увлекать паству на путь антикоммунизма, выступали за продолжение американской агрессии и за сохранение неоколониалистского режима³⁷. Эти четверо епископов хотя и составляли меньшинство, но занимали главенствующее положение в Совете епископов. Антикоммунистически настроенные священники вели активную деятельность в различных политических и общественных организациях. Они держали в своем подчинении католиков-переселенцев (составлявших треть, причем наиболее деятельную, всего католического населения) и большинство информационных и просветительных католических учреждений. Эти проамерикански настроенные элементы следующим образом излагали свою политическую платформу: «Мы готовы сотрудничать с американской армией, искренне помогать американцам в осуществлении их стратегии»³⁸. Подобное сотрудничество обосновывалось общностью идейно-политических целей: «Католики одобряют вмешательство американцев, помогающих Вьетнаму бороться с коммунизмом... Католики одобряют присутствие на земле Вьетнама американских войск, желающих помочь нам в борьбе с коммунистами»³⁹.

Фанатизм, усиленный предоставленными США привилегиями, побуждал эти слои выступать с позиций крайнего антикоммунизма, в поддержку агрессивной войны, направленной на осуществление геноцида в отношении собственной нации. В своем проамериканском усердии реакционные элементы среди католиков доходили до

прямого пресмыкательства: «Мы благодарны американцам и готовы перевоплотиться даже в буйволов и лошадей, лишь бы отдать должное за их благодеяние»⁴⁰. Как явствует из «Письма вьетнамских католиков папе Павлу VI», антикоммунистические элементы католической церкви оправдывали свой союз с империалистами с помощью теологических софизмов, вроде того, что необходимо защищать всякий режим, поддерживающий католицизм, каким бы прогнившим он ни был. Это вызывало недовольство даже среди католиков. Один из них писал: «Католическая церковь во Вьетнаме серьезно ошибалась, полагая, что можно совершить экспансию с помощью соответствующей материальной базы, светских средств, политических сил или самой превратившись в инструмент в руках политических партий и групп, прежде всего для реализации политических замыслов империализма. Религия становилась таким образом просто вывеской, маскирующей откровенное грубое стяжательство»⁴¹. Таким образом, антикоммунистически настроенные католики становились на сторону американских агентов не из-за опасения за судьбу своего вероучения, а из боязни утратить привилегии, предоставленные им США. Приверженность к материальным интересам и составляла экономическую подоплеку той открыто проамериканской позиции, которую занимала часть католиков. Что касается США, то, в свою очередь, они были готовы придать своему неоколониалистскому господству религиозную оболочку и использовать религию в своих интересах. Между американским посольством и представителем Ватикана в Сайгоне существовала прямая телефонная связь. Американский священник Дж. Хэрметт, директор Службы помощи католикам (американское благотворительное общество), постоянно находился при папском нунции. Таким образом, сговор Вашингтона с антикоммунистически настроенными католиками в Южном Вьетнаме имел и политико-религиозный и политико-экономический характер и предполагал обоюдную выгоду.

Вторя американской пропаганде, южновьетнамские католики-антикоммунисты обвиняли вьетнамских коммунистов в «агрессии» против собственной страны. Вопреки духу «приспособления к эпохе» (*Aggiornamento*), провозглашенному Вторым ватиканским собором, епископ Нгуен Кхак Нгы потребовал включить в резолюцию Конференции епископов Азии, состоявшейся в ноябре 1970 г., положение о «борьбе с коммунистическим атеизмом»⁴². Чан Зу выразил несогласие с призывом папы Павла VI к восстановлению мира во Вьетнаме⁴³. Сразу же после начала четырехстороннего совещания по Вьетнаму в Париже антикоммунистически настроенные католики попытались развернуть движение за переселение в Австралию и Южную Америку. Таким образом, экстремистские позиции этих элементов заставляли их порой даже действовать вразрез с официальным курсом, провозглашенным Ватиканом.

Однако в самой католической общине все больше людей осознавали, какую опасность для церкви и для них самих представ-

ляла политика крайнего антикоммунизма, привязывавшая вьетнамский католицизм к судьбам неоколониалистского режима. Чем более тяжелые поражения терпели США и их ставленники, тем более усиливались эти настроения.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. Южновьетнамская католическая церковь являлась частью мировой католической церкви. Поэтому она не могла — по крайней мере открыто — выступать против решений Второго ватиканского собора, о которых ее проинформировал специальный уполномоченный Ватикана кардинал Р. Пингнодоли. В декабре 1973 г. другой уполномоченный римской курии, Пьеро Гнездо, писал в секретной докладной записке: «Легко понять и предвидеть, что конфликт во Вьетнаме должен получить политическое решение вместо военного. К сожалению, католики ничего не делают для того, чтобы подготовить такое разрешение. Многие из них высказывают сомнения и продолжают поддерживать президента Тхиеу. По-моему, это самоубийственная тактика»⁴⁴.

Все это объясняет, почему в южновьетнамской католической церкви постепенно сложилась тенденция умеренного антикоммунизма. Приверженцы этой линии избегали вступать в открытый союз с США и режимом Тхиеу, чтобы иметь возможность заявить о себе как о силе, не дающей связать себя в политическом отношении. Они призывали к миру вообще, к переговорам и взаимным уступкам, к «справедливым действиям в целях мира». Другие священнослужители стремились превратить католическую церковь в «церковь для бедных», «церковь будущего», «церковь молодых».

Попытки создать «новое лицо» католической церкви объяснялись кризисом доверия к ней рядовых верующих-католиков, южновьетнамцев других вероисповеданий. Один из католических деятелей, антикоммунистически настроенный профессор из Сайгона Та Чи Дай Чыонг, писал: «Вот уже более ста лет облик вьетнамского католицизма ассоциируется с иностранными бомбами и снарядами. Учреждение иерархии теперь, как кажется, дает возможность придать ей иной облик, более мирный, помогающий католикам удерживать власть, сопровождаемую приобретением большого имущества благодаря иностранной помощи, не деля при этом своего авторитета в глазах населения с какой-либо оппозиционной силой, находящейся внутри или вне церкви»⁴⁵.

Отдельные представители духовенства не могли не сознавать, что в условиях растущего влияния марксистских идей, роста популярности Национального фронта освобождения необходимы новые, смелые шаги и инициативы, ибо только они могли бы восстановить и укрепить сильно пошатнувшийся авторитет католической церкви. С другой стороны, как подчеркивал орган католической церкви: «Хотя обстановка сегодня и смягчилась, но виды на завтра крайне мрачны. Нам не миновать решительной политической борьбы с коммунистической организацией. Поэтому все жаждут решения, стимула от иерархии, для того чтобы лучше организо-

ваться, подготовить кадры и массы. Не можем же мы допустить, чтобы нас застали врасплох»⁴⁶.

Исходя из этого, южновьетнамские епископы в марте 1974 г. в своем общем послании впервые упомянули о коррупции, разъедавшей режим Тхиеу. 18 июня того же года 300 священников выступили с манифестом, в котором содержалось резкое осуждение этого социального порока. Позднее было создано Народное движение против коррупции, за мир. Его руководитель священник Чан Хыу Тхань признал, что он «боролся против коммунистов с 1945 г.» и «уже тридцать лет выступает с антикоммунистических позиций»⁴⁷. Однако он полагал, что после заключения Парижского соглашения «борьба с коммунизмом уже не означает борьбу до последнего снаряда, как раньше», а означает «согласие на мирное сосуществование коммунистов с националистами для того, чтобы перейти к политической борьбе»⁴⁸. Чтобы победить коммунистов в политической борьбе, считал Чан Хыу Тхань, необходимо «бороться против прогнившего руководства страны, против коррупции», ибо последняя «ослабляет потенциал нации, подрывает веру народа»⁴⁹.

Таким образом, к борьбе с коррупцией руководителей этого движения побуждало не Евангелие, а тот же антикоммунизм, но уже приспособленный к новым условиям. С помощью борьбы с коррупцией рассчитывали добиться вполне конкретных целей: «умиротворить» массы, навести глянец на южновьетнамский католицизм, скомпрометировавший себя союзом с властью предрержащими, пожертвовать Тхиеу, чтобы спасти режим. Подобные цели определяли и методы действия Народного движения против коррупции, за мир. Они были исключительно ненасильственными, не выходящими за рамки молений и просьб; если и допускались демонстрации, то их следовало рассматривать как «подготовку масс к борьбе с коммунизмом, а не как столкновения с полицией нынешнего националистического режима»⁵⁰.

Выступая с критикой режима Тхиеу, «умеренные» представители католического духовенства руководствовались отнюдь не «благими побуждениями», а вполне прагматическими целями — стремлением адаптироваться к постоянно меняющейся социально-политической ситуации. Данное обстоятельство учитывали некоторые представители самой католической общины, южновьетнамской католической интеллигенции. Сайгонский журнал «Чон», например, писал: «В современном обществе миссия бедных, церковь бедных — это новые, весьма модные выражения, лишённые, однако, какого бы то ни было реального содержания»⁵¹. В журнале вьетнамских эмигрантов «Тхе хе», выходившем в Канаде, указывалось, что претензии южновьетнамских католиков стоят вне политики «и ошибочны и невозможны»⁵².

Хотя «умеренные» составляли большинство в католическом клире, однако по ряду причин в конкретных вопросах брала верх точка зрения экстремистского меньшинства.

Социально-политическая ситуация менялась очень быстро, пре-

вращая в анахронизмы даже самые смелые замыслы католического духовенства. Перед лицом неминуемой победы революции сайгонский архиепископ Нгуен Ван Бинь был вынужден заявить: «Мы уживались с националистическим режимом. Если когда-нибудь он сменится другим, то мы уживемся и с новым режимом»⁵³.

Разумеется, не следует оценивать подобные заявления только как следствие изменившейся обстановки. В условиях кризиса неокOLONИАЛИСТСКОГО РЕЖИМА, опасаясь утратить свой авторитет и влияние в обществе, высшая католическая иерархия не могла в определенной степени не учитывать требований рядовых католиков, которые, как и другие трудящиеся слои населения, страдали под гнетом неокOLONИАЛИСТСКОГО РЕЖИМА: их облагали тяжелыми налогами, их сыновья погибали на войне за чужие интересы или становились изуверами, их дочерям грозила участь проституток. Жестокая действительность пробуждала у рядовых католиков чувство протеста и волю к борьбе против марионеточного режима и тех духовных пастырей, которые состояли в сговоре с этим режимом.

Если у трудящихся католиков этот протест выливался в стихийные действия, то у радикально настроенной католической интеллигенции он выражался в поисках новой веры, в стремлении принять активное участие в политической и культурной жизни страны. Выдвигалась задача поиска новой теологии, «теологии освобождения», возвращения к истокам нации, истокам Евангелия, ликвидации яда антикоммунизма, которым так широко пользовались империалисты, манипулируя сознанием католиков. Эти идеи были популярны среди католиков — в большинстве своем выходцев из городов, тогда как до этого священнослужители католической церкви обычно рекрутировались из уроженцев сельской местности. Многие из них были семинаристами, молодыми интеллигентами, получившими образование в стране или за границей и имевшими возможность следить за новыми веяниями в мировом католицизме. Некоторые из них высказывали свои мнения на коллоквиумах, проводившихся в 1962—1963 гг. (январь 1962 г. — Сайгон, февраль—март 1963 г. — Далат), или на страницах таких изданий, как Шонг дао («Жизнь в вере»), Дой зиеп («Противостояние»), Чон («Выбор»), Конг зао ва зан ток («Католицизм и нация»), Тхе хе («Поколение») и др.⁵⁴. Эти элементы составляли меньшинство в католической общине и почти никак не влияли на практику южновьетнамской церкви. Однако в условиях, когда духовенство продолжало следовать проамериканскому антикоммунистическому курсу, диалог, развернувшийся в рамках самой церкви, оказывал определенное воздействие, особенно на молодых священнослужителей и католиков-мирян.

Буддизм в социально-политической структуре неокOLONИАЛИСТСКОГО РЕЖИМА

Точные данные о начале распространения буддизма во Вьетнаме отсутствуют. По мнению многих ученых, он появился в стра-

не уже в конце II в. н. э. из Цейлона и Индии как «побочный результат» морской торговли. Архитектура храмов и содержание культа дают основания полагать, что этот буддизм претерпел определенные изменения. В IV в. н. э. буддизм начинает распространяться во Вьетнаме с Севера — из Китая. Это был буддизм «Тхиен — то нга», для которого характерны проповедь покоя, поиски счастья в собственной душе посредством самосозерцания (обращения к собственному «я»), а не с помощью молитвы.

В IX в. буддийские храмы сооружаются уже по всему Вьетнаму. При этом каждый храм, в сущности, представлял целое феодальное хозяйство: ему принадлежали земли, на которых возделывались сельскохозяйственные культуры, и зависимые от них крестьяне.

Сама специфика буддийского вероучения делала его близким феодалам и крестьянам. Буддисты обычно принимали участие в борьбе за национальную независимость, за сохранение государственного суверенитета, в результате чего буддизм играл весьма важную роль во вьетнамской национальной культуре и образе жизни. В архитектурном убранстве буддийских храмов отражена борьба против агрессии северного соседа Вьетнама.

После воцарения династии Нго (X в.), восстановившей вьетнамскую государственность, буддизм получает новое развитие. Хотя в это время наряду с ним существовали конфуцианство и даосизм, он фактически играл главную роль, являясь религией большинства народных масс. Среди буддистов были чиновники феодальной администрации, король и его окружение. Королевская власть использовала буддизм и при проведении внутренней политики, и в дипломатических отношениях с другими государствами. Дело в том, что буддийское вероучение придавало представителям власти, королю, происходившим главным образом из военачальников, ореол добродетели и гуманности. Многие буддийские монахи были авторитетными государственными чиновниками, военными деятелями, полководцами, советниками при королевском дворе.

При следующих династиях Ли и Чан буддизм продолжает процветать; он становится официальной государственной религией, многие бонзы занимают важные посты в общественно-политической структуре страны. Буддизм представлен в этот период двумя направлениями — «Тхао Дыонг» во главе с Ли Тхай-тонгом и «Чук Лам» во главе с Чан Нян-тонгом. К концу правления династии Чан социальный авторитет буддийской церкви начинает клониться к упадку, вместе с тем возрастает влияние конфуцианства, которое постепенно становится действенным инструментом феодального монархического режима. Конфуцианские ортодоксы начинают подвергать буддийское вероучение критике. Во время правления династии Ле конфуцианство занимает господствующее положение в социально-политической жизни страны, однако большинство рядовых вьетнамцев остается верным буддизму. В нем появляются заимствования из других религий, в частности из кон-

фуцианства. При династии Нгуенов (XIX в.) положение буддизма в жизни вьетнамского общества остается прежним. Хотя внешне Нгуены ограничивали деятельность буддийских бонз, на деле они проявляли внимание к условиям их жизни, к строительству новых храмов.

В период господства французских колонизаторов в различных слоях общества проявляется интерес к идеям буддизма. Это объясняется рядом факторов: общей ситуацией в стране, неспособностью конфуцианства стать идеологической основой борьбы за национальную независимость, возрождением авторитета буддийского вероучения в соседних странах — Китае и Японии, где возникает много буддийских центров.

В 30-е годы французские колонизаторы, до этого делавшие ставку на католицизм, начинают обращать внимание и на буддизм, рассчитывая использовать его в целях духовного порабощения вьетнамского народа; в различных частях страны появляются общества буддистов: в 1932 г. — в Южном Вьетнаме; в 1933 г. — в Центральном; в 1934 г. — в Северном. Их создание было инспирировано французской колониальной администрацией. Буддийская сангха получает широкие возможности для пропаганды своего вероучения; создаются центры для подготовки бонз. Вьетнамский буддизм начинает приспосабливаться к современным условиям, политическое кредо буддийской сангхи в этот период — преобразование общественных структур в ограниченных рамках.

Когда место французов заняли американцы, положение буддийской сангхи стало меняться: при зьемовском режиме она подвергалась дискриминации, поскольку приоритет отдавался католицизму. Однако, несмотря на это, буддизм продолжал оказывать сильное влияние на массы. Зьем требовал от жителей Южного Вьетнама обязательной принадлежности к одной из религий и большинство населения признало себя буддистами. У южновьетнамского буддизма вдруг «де-юре» оказалось 4 млн. верующих, что вдвое превышало действительную цифру. В конце 1963 г. в результате благоприятных политических условий, в частности участия буддистов в борьбе против диктаторского режима Нго Динь Зьема, сложилась единая вьетнамская буддийская организация с централизованной структурой. Высшими ее органами являлись Институт руководства сангхой (Вьен танг тхонг) и Институт распространения учения (Вьен хоа дао)⁵⁵; на местах было образовано 8 буддийских округов, внутри которых существовали провинциальные, уездные и волостные объединения. Каждое из них возглавлялось специальными комиссиями. Что касается простых верующих, то они объединялись в различные ассоциации по родовому либо профессиональному признаку. Буддийское духовенство состояло из 28 тыс. бонз-мужчин и 2 тыс. бонз-женщин. Только в Сайгоне насчитывалось 3 тыс. бонз, руководивших 300 тыс. верующих. Среди этих священнослужителей 200 человек имели высшее духовное образование, 50 человек защитили докторские диссертации за границей. Буддийские бонзы были настоятелями в

4766 больших и малых храмах⁵⁶. Были созданы восемь специальных учебных заведений, готовивших духовных лиц и преподавателей, а также сеть частных начальных и средних школ, где преподавались основы буддизма. Одновременно буддийская интеллигенция получала в них подготовку к общественной и культурной деятельности. В специальном учебном заведении обучались кадры пропагандистов буддизма для сельских районов страны⁵⁷.

Буддийская церковь создала также сеть благотворительных заведений: приюты для сирот, детдома, лечебницы, дома призрения; были основаны издательства «Ла бой» и «Ван хань», выпускались еженедельники «Хай чиеу ам» («Шум прибой»), «Тхиенми» («Добрая красота»), «Дуок тье» («Свет разума»), Дай ты би» («Великое милосердие»), ежесечасники «Ван хань» (имя монаха X—XI вв.), «Ты тыонг («Мысль»), «Зы тхо кие ме» («Сохраним стихи о родине»), «Льен хоа» («Лотос») и др., ежесечасные газеты «Тянь дао» («Истинный путь»), «Дат то» («Земля предков»). Буддисты регулярно вели передачи по сайгонскому радио и телевидению; была начата и подготовка проповедников для марionеточной армии⁵⁸. Словом, буддизм из гонимой религии превратился в одну из мощных политико-религиозных сил, действовавших в рамках неоконилистского режима.

Именно участие гонимой религии — к этому присоединялось и сознание национального гнета — побуждала подавляющую часть буддийских священнослужителей и рядовых верующих оказывать поддержку национально-освободительному движению. Свержение Зьема предоставило руководителям буддийской сангхи редкую возможность попытаться осуществить заветную мечту — превратить буддизм в «государственную религию»⁵⁹, а сайгонскую администрацию — в администрацию, контролируемую буддистами.

В попытках обосновать свои политические претензии буддийская верхушка обратилась к национальному прошлому и там нашла нужные ей примеры: в эпоху Ли-Чан, одну из самых блистательных эпох вьетнамской истории, указывала она, многие буддийские бонзы занимали важные посты при дворе и своею деятельностью способствовали расцвету вьетнамского национального государства. Обращаясь к истории, буддийская верхушка при этом неизменно преувеличивала роль и значение буддизма для судеб вьетнамской нации. Вслед за этим буддийские идеологи начали отождествлять традиции буддийской религии с традициями вьетнамской нации, вьетнамской культуры, видеть в буддизме «душу» Вьетнама, «нетленное учение»⁶⁰.

В то же время руководители буддийской сангхи всячески превозносили так называемое «единство трех религий», существовавшее в прошлом благодаря «открытости», «гибкости» буддизма. По их мнению, в период, когда Вьетнам стал объектом «давления двух сил — коммунистов и США», местом «встречи и столкновения противоборствующих международных идеологий», только буддизм с присущим ему духом единения, милосердия и просветления способен стать всепримиряющей и всеогласующей силой, только буд-

дисты могут помочь «националистам» и «коммунистам» найти общий язык в интересах всей вьетнамской нации⁶¹.

Однако эти попытки не встретили поддержки со стороны Вашингтона, который отдавал себе отчет в том, что, какая бы часть буддийского духовенства ни склонилась на его сторону, невозможно превратить вьетнамский буддизм в послушное орудие американской агрессии и неоколониалистского государства. Вынужденные в этой агрессии опираться на сайгонскую военщину, американцы могли отвести буддизму лишь скромную роль — роль легальной оппозиции, действующей в рамках марионеточного режима. Такой подход США привел к переменам в руководящих кругах южновьетнамской буддийской церкви.

Через несколько месяцев после падения Зьема состоялся первый национальный конгресс буддистов, задача которого состояла в том, чтобы объединить организации буддистов в различных районах Южного Вьетнама; одновременно обсуждался также вопрос о том, как увязать религиозные задачи с политическими. Затем был обнародован устав буддийской сангхи, в котором ее целями провозглашались мир и верность заветам Будды. Сайгонская администрация признала этот устав и тем самым узаконила место и роль набравшей силы буддийской сангхи в жизни общества.

Однако в результате репрессий со стороны сайгонской военщины «Единое общество буддистов» на своем втором конгрессе, состоявшемся в октябре 1966 г., расколосось на два общества с противоположными идейно-политическими платформами. Одно из них, возглавляемое Тхить Там Тяу⁶², объединяло так называемых «умеренных» буддистов, которые на деле были антикоммунистами и приверженцами американо-марионеточного режима. Будучи в меньшинстве, они тем не менее держали в своих руках такие важные учреждения, как «Вьетнамская государственная пагода» и Управление подготовки священников в сайгонской армии. Из-за своего прислужничества режиму «умеренные» постепенно утрачивали свой авторитет даже среди буддистов-переселенцев с Севера, за «верных представителей» которых они себя выдавали.

«Умеренной» фракции противостояла «воинствующая» — Анкуанг, возглавляемая Тхить Чи Куангом⁶³. Она составляла большинство среди буддистов, охватывая подавляющую часть верующих Центрального и Южного Вьетнама. Руководители этой фракции контролировали духовенство почти всех провинций, университет Ван Хань, буддийские семинары и систему буддийских начальных и средних школ, а также многие представительства южновьетнамской буддийской церкви за границей. Эта фракция тем не менее не устояла перед США и постепенно перешла на позиции соглашательства с ними и сайгонской администрацией, ограничиваясь ролью «легальной оппозиции», предложенной Вашингтоном. Это нашло отражение в решениях третьего (март 1968 г.) и четвертого (декабрь 1971 г.) съездов фракции Анкуанг. Выдвигая формально требования национального «примирения» и «немедленного мира», руководство фракции на деле вело борьбу

с коммунистической идеологией, с «агрессией» Северного Вьетнама. Бурные массовые демонстрации буддистов сменялись дебатами в парламенте, где у буддийской «легальной оппозиции» имелись представители в обеих палатах. Руководство фракции лишь номинально участвовало в политической борьбе городских масс против режима Тхнеу. Оно всячески стремилось сдерживать патриотический порыв буддийского населения и помогало властям арестовывать наиболее активных лиц, которых обвиняли в «пособничестве коммунистам»⁶⁴.

Чтобы скрыть факт давления, оказываемого Вашингтоном, руководители фракции Анкуанг пытались представить претерпеваемую ими метаморфозу как «внутреннюю потребность буддийского движения». Прежде всего, переоценивалась борьба буддистов в предшествующие периоды. «Если буддисты заботятся только об укреплении своих рядов, используя доступные им идеологические и технические средства для того, чтобы создать из буддийской общины социальную силу, способную защитить себя от замыслов, направленных на подрыв буддизма, то весьма вероятно, что они преуспеют в этом. Но означает ли это защиту буддийской веры? Если говорить по существу, то это защита не подлинного буддизма, а группировки, выдававшей себя за последователей Будды, на деле прикрывавшейся формой и именем буддийской религии»⁶⁵. Автор этих строк Тхить Нят Хань, доктор буддологии, истолковывал тот реальный факт, что руководители буддийской саигхи использовали в своих интересах борьбу буддийских масс, как веление момента, признав, правда, это как нечто противоречащее сущности буддизма, заключающейся в просветленном взгляде, в сострадании, в умиротворенно-спокойной улыбке. Буддизму отводилась роль «более высокая, чем политика», — это «социально-культурная миссия». Утверждалось единственно правильное отношение к жизни — «спокойствие» перед лицом превратностей. «Революция должна начинаться с человека, субъекта революции. Вне человека нет и проблемы»⁶⁶. Такая позиция объективно отвечала замыслам американских агрессоров, препятствуя верующим буддистам занять активную жизненную позицию, осознать подлинные причины социальных бедствий, которые переживало южновьетнамское общество, и пути их ликвидации.

Проамериканские руководители буддийской общины приложили немало усилий в культурной, идеологической сферах для того, чтобы превратить буддизм в такую же антинародную, антикоммунистическую силу, как католицизм. Однако с каждым днем все большему числу патриотически настроенных буддистов становилось ясно, что «самой грозной опасностью для вьетнамского буддизма является именно бесчеловечная миссия Соединенных Штатов»⁶⁷. Эти буддисты ненавидели лжеслужителей Будды, работавших на заокеанских агрессоров, и с каждым днем все больше отдалялись от тех, кто хотел опираться на США в борьбе с Тхнеу, а в конце концов скатился на путь соглашательства и пособничества неоколонизаторам.

Глава XIV

БОРЬБА ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ПЕРЕЖИТКОВ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

После 30 апреля 1975 г. южновьетнамское население встретилось со своими освободителями — бойцами Народной армии. Первые же контакты с населением развеяли сфабрикованные врагом мифы о «бесчеловечности», «кровожадности», «диктаторстве» коммунистов. Народные массы Южного Вьетнама получили возможность сделать первые сопоставления между новой, революционной властью и старой, марионеточной.

Характерная картина наблюдалась в Южном Вьетнаме в первое время после освобождения: интеллигенция, студенты с огромным интересом начали изучать произведения Маркса, Энгельса, Ленина, президента Хо Ши Мина и других вьетнамских руководителей. В магазинах наибольшим спросом пользовалась общественно-политическая литература. Многие интеллигенты старой формации, в том числе и бывшие высокопоставленные чиновники марионеточного режима, обращались к представителям революционной власти с просьбой организовать для них курсы основ марксизма-ленинизма. Разумеется, речь еще не шла о сознательном поиске истины, а только об определенном любопытстве, стремлении ближе познакомиться с учением, перед которым оказались бессильны и американские бомбы, и снаряды, и доллары.

После полного освобождения Юга и воссоединения Вьетнама социалистическая революция, идущая на Севере с 1954 г., стала осуществляться по всей стране. К населению Южного Вьетнама пришло понимание того, что нельзя жить по-старому, но природа новой жизни, новой власти, нового социального строя не могла, разумеется, стать ясной сразу же. Революция, имеющая целью ликвидировать пагубное наследие колониализма и неоколониализма, обеспечить подлинно человеческим, национальным, социалистическим ценностям ведущее место в духовной жизни южновьетнамского общества, неизбежно должна была быть очень сложной и длительной.

Говоря о последствиях неоколониализма, обычно имеют в виду прежде всего социальные и экономические итоги агрессивной войны американских империалистов, огромные человеческие жертвы, разрушения, причиненные экономике и природной среде. Одна-

ко имеются жертвы и разрушения еще более глубокого свойства, которые не поддаются измерению в деньгах — это уничтожение духовных ценностей нации, массовое растление душ и сердец, насаждение паразитического образа жизни, характерного для западного «общества потребления», воспитание во всех слоях населения торгашеского, деляческого духа, привычки во всем рассчитывать на помощь извне и множество других духовных пороков.

Важнейшим условием для искоренения пережитков неокOLONиализма является активное содействие Югу со стороны социалистического Севера. Если ранее, в годы войны, Север играл в отношении Юга роль тыла, то на новом этапе он продолжает оказывать ему разностороннюю помощь, в первую очередь помощь кадрами для решения назревших проблем социалистических преобразований. На пути строительства новой жизни стоит немало трудностей: последствия войны и неокOLONиалистского режима на Юге страны, экономическая и научно-техническая отсталость, экспансионистская политика реакционных сил извне, сопротивление эксплуататорских классов. Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Со времени освобождения Юга Социалистическая Республика Вьетнам стала объектом атак со стороны империализма и международной реакции. Они создают препятствия для развития экономики страны, вынашивают планы новых провокаций; одновременно развернута крупномасштабная пропагандистская кампания клеветы, очернения достижений СРВ с целью скомпрометировать идеи строительства социализма в глазах населения.

Все это сливается в единое русло классовую борьбу и борьбу в защиту Родины за ее продвижение по пути социализма.

Победа, одержанная вьетнамским народом над американским империализмом, была не только военной победой: это была победа и в культурно-идеологической области. С одной стороны, революционные идеи, овладевшие массами, помогли им одержать военную победу над завоевателями, с другой стороны, военная победа создала условия для осуществления успешной политической борьбы на идеологическом и культурном фронте. После освобождения происходит переориентация целей воспитательной работы в сфере культуры и идеологии: если раньше она пробуждала сознание масс и мобилизовывала их на борьбу за свержение проамериканского марионеточного режима, то теперь она призвана вооружать людей верным пониманием революционной действительности, помогать им постигать природу нового социального строя с тем, чтобы они могли добровольно и сознательно включиться в дело социалистического строительства.

НеокOLONиализм имеет ту характерную особенность по сравнению со старым колониализмом, что он отравляет и национальное, и классовое сознание людей. Он формирует, по существу, псевдонациональное сознание, ложный национализм, камуфлирующий позорный удел гражданина поработенной страны, прививает населению буржуазный образ жизни, идеологию, культуру. Именно поэтому антикоммунизм в неокOLONиальном Южном Вьетнаме,

«оправившийся на вполне определенную социально-экономическую базу и имевший четко выраженное классовое содержание, в то же время проводился в жизнь в фальшивой форме буржуазного «объективизма». Этот «объективизм» сеял в определенных кругах южновьетнамской интеллигенции иллюзии «свободы», «свободного выбора», «независимости по отношению к обеим борющимся сторонам», «нахождения вне сферы борьбы идеологий».

Вступление революции в новый этап потребовало принципиальных изменений в сознании и чувствах людей, однако это не происходит автоматически вслед за изменениями объективных социальных условий. Осуществление радикальных перемен в классовых позициях, мировоззрении и поведении — очень длительный процесс.

К числу благоприятных факторов следует отнести наличие богатой национальной культуры, имеющей многовековую историю, ставшей неодолимой преградой американскому культурному «вторжению». Южновьетнамский народ упорно боролся против неоколониалистской культуры, сохранил и развил национальные традиции патриотизма и героической освободительной борьбы, отстаивал и развил национальное и демократическое начало в культуре даже в районах, бывших долгие годы оккупированными врагом. Тем самым была создана основа для массового движения за ликвидацию пережитков неоколониалистской культуры и создание новой культуры¹. «Культура должна отвечать интересам трудящихся, Родины, интересам строительства социализма. Необходимо наследовать духовные и культурные ценности нашего народа, а также человеческой цивилизации путем отбора, критического и творческого анализа. Созидание нового должно идти параллельно с преобразованием старого»².

В первые годы после ликвидации марионеточного режима Южный Вьетнам стал ареной острейших классовых столкновений. Участились попытки контрреволюционных переворотов, совершаемых под знаменем религии. Бывшие прислужники неоколониалистского режима — компрадорская буржуазия, военнослужащие, чиновники — всеми имеющимися в их распоряжении средствами, в том числе методами саботажа и дезорганизации экономической жизни, пытались подорвать устои нового общественного строя. К тому же неоколониалистский режим оставил после себя тяжелое наследство, осложняющее строительство нового общества; пришлось бороться не только с экономическим саботажем реакции, но и с такими явлениями, как проституция, наркомания, гангстеризм, разврат.

В этой сложнейшей внешне- и внутривнутриполитической обстановке проводились экономические и социальные преобразования, направленные на ликвидацию политических, социально-экономических, культурно-идеологических основ неоколониалистского режима. Сразу же после освобождения Юга революционные власти развернули широкую кампанию по трудоустройству населения. Сотни тысяч крестьян, ставших жертвами политики насильственной урба-

низации, возвращались из городов в родные села и деревни. Городское население, не имевшее постоянного заработка, трудоустроивалось в новых экономических районах, привлекалось к транспортному, ирригационному, коммунальному строительству и т. д.

Большую работу, облегчавшую осуществление революционных преобразований, проводили средства массовой информации, которые наряду с освещением политических, экономических, культурных мероприятий новой власти вели воспитательную работу среди населения: выступали с критикой паразитического образа жизни, тяги к наслаждениям, пренебрежительного отношения к труду. Населению, в первую очередь молодежи, прививались новые взгляды на жизнь, на назначение человека в обществе. В результате новый социальный строй завоевывал себе все большее число приверженцев.

Реакционные, антикоммунистические культурно-художественные организации были распущены, упадническая, потакающая низменным вкусам публики культура старого общества была подвергнута справедливой критике. Благодаря деятельности художественных ансамблей, кинопрокату, книжной торговле и т. д. народные массы освобожденных районов стали приобщаться к революционной литературе и искусству. Значительная роль в этом деле принадлежала бойцам Народной армии, первыми вступившим в освобожденные районы. Однако народные массы не только воспринимали новую культуру и искусство, но и сами включались в ее строительство. К этому же периоду относится зарождение ростков новой культурной жизни, начало развития художественного творчества масс. В учебных заведениях, на предприятиях и в различных организациях были созданы многочисленные коллективы художественной самодеятельности. Началось проведение ежегодных фестивалей или смотров самодеятельного искусства.

Важное значение имели мероприятия революционных властей, касавшиеся интеллигенции, принявшей новый общественный порядок и изъявлявшей желание сотрудничать с народной властью. Воздавая должное патриотическим и демократическим традициям и заслугам интеллигенции в сопротивлении культурной экспансии неокOLONиализма, КПВ всячески поощряет участие интеллигентов различного возраста и происхождения в восстановлении и развитии экономики страны, культурном строительстве. Большое внимание стало уделяться идейно-воспитательной работе среди интеллигенции. Идя навстречу ее многочисленным пожеланиям, были организованы специальные курсы по изучению основ марксизма-ленинизма. На этих курсах обучалось около 200 человек; почти все они имели высшее образование, а 28 человек — ученую степень доктора наук; многие из них занимали высокие посты в старой администрации: 16 человек были в свое время вице-премьерами, министрами и заместителями министров; имелись и бывшие члены национального собрания, священнослужители и общественные деятели. Курсы существовали в течение полутора лет (2 июня

1976 г. — 24 января 1978 г.), учебная программа была насыщенной и напряженной и включала лекции, самостоятельные занятия, консультации и семинары.

В 1976 г. министерством высшего образования были организованы также Политические курсы для преподавательских кадров, работавших при старом режиме. В процессе учебы поощрялось самостоятельное изучение слушателями произведений классиков марксизма-ленинизма; им предоставлялась возможность самим сопоставлять подлинное марксистско-ленинское учение со всем тем, что ранее преподносилось буржуазной «марксологией», и в свете новых знаний анализировать реальную действительность со всеми ее животрепещущими проблемами. Работа курсов совпала по времени с ожесточенными классовыми битвами, о которых говорилось выше, с инспирированием агентурой ЦРУ массовой эмиграции населения морским путем, с расширенным провокаций полпотовцев на юго-западной границе страны. Вопрос «кто кого?», остро стоявший перед обществом, заставлял каждого слушателя четко определить свою политическую позицию.

Не следует, разумеется, переоценивать значение этих курсов: вряд ли в столь короткий срок можно было в корне изменить мировоззрение людей, складывавшееся на протяжении десятилетий. Однако сам факт 20-месячной работы курсов глубоко знаменателен. Они помогли многим интеллигентам понять, что марксизм-ленинизм — это строго научное учение, не имеющее ничего общего с теми вульгарными извращениями, которыми оперировала антикоммунистическая пропаганда. Слушатели курсов убедились также в том, что политический курс Коммунистической партии Вьетнама всегда строился и строится на прочной теоретической основе и учитывает конкретные условия страны, а не является порождением субъективной воли группы руководителей.

Показателен ряд сомнений, раздумий, возражений, которые возникали у слушателей курсов:

— Правда ли, что на предыдущем этапе революции КПВ придавала первостепенное значение национальному сплочению, а на данном этапе — классовой борьбе? Если это так, то как в условиях ожесточенной классовой борьбы добиться национального сплочения и согласия?

— Марксизм-ленинизм — учение глубоко интернациональное, не противоречит ли оно национальным интересам, не ведет ли к пренебрежению интересами каждого народа?

— Надо ли проводить четкую грань между социализмом и капитализмом или целесообразно найти синтез между ними?

— Следует ли ориентировать Южный Вьетнам сразу на социалистический путь развития, или, может быть, следует дать ему развиваться некоторое время «свободно», извлекая соответствующие выгоды из капиталистического способа предпринимательства и мелкотоварного производства?

— Вьетнамские коммунисты, безусловно, имеют большой опыт как в военном деле, так и в организации масс, но обладают ли

они достаточными способностями для руководства экономическим и культурным **строительством?**

Подобные сомнения и раздумья свидетельствуют о стремлении южновьетнамских интеллигентов осознать новую реальность и приобщиться к процессу возрождения своей Родины.

Из числа других политических мероприятий, которые привлекли к себе большое внимание общественности в последние годы, следует отметить совещание по вопросам борьбы за ликвидацию пережитков неокOLONиалистской культуры, организованное министерством культуры СРВ в 1977 г. с участием более чем 200 ответственных работников и деятелей культуры. В апреле 1979 г. по инициативе Комитета общественных наук был проведен colloquium на тему «Некоторые проблемы идейной жизни в Южном Вьетнаме при американо-марионеточном режиме». Участники совещания относительно легко пришли к единодушному мнению о таких конкретных проявлениях неокOLONиалистской идеологии и культуры, как антикоммунизм, падение нравов, потребительский образ жизни и т. д., но когда речь зашла о таких сложных явлениях, как влияние экзистенциализма, теории «некоммунистической социальной революции», различных тенденций модернизации религии в Южном Вьетнаме до освобождения, вспыхнула острая дискуссия, в ходе которой отдельные представители интеллигенции отрицали факт негативного влияния на них различных буржуазных учений и даже утверждали, что они использовали эти учения как оружие в борьбе с американской культурно-идеологической экспансией, что именно эти учения подводили их к революции, к марксизму-ленинизму.

Учитывая это, Институт философии и Институт общественных наук г. Хошимина в том же 1979 г. организовали вторую встречу в форме «круглого стола», пригласив на нее многих интеллигентов, сыгравших в свое время важную роль в распространении тех или иных буржуазных идейных течений в Южном Вьетнаме. Дискуссия на этот раз вращалась вокруг трех главных тем: социальная революция; экзистенциализм, взаимоотношение религии, нации и социализма. Встреча была призвана внести ясность в идеологические вопросы и посредством свободного, равноправного обсуждения способствовать привлечению интеллигентов на сторону народной власти и КПВ, что в конечном счете должно было способствовать консолидации национальных сил. Это было продолжением диалога между интеллигенцией двух частей Вьетнама в новых исторических условиях.

Бурно развивающаяся действительность Южного Вьетнама за последние годы и новые знания помогли многим старым интеллигентам избавиться от ряда предрассудков. Вместе с тем остро вставал вопрос о необходимости более радикальных перемен в мировоззрении. Сложность здесь состояла в том, что субъективно многие интеллигенты искренне воспринимали свой переход от «национализма» зьемовского толка на позиции «некоммунистической социальной революции» (конец 1963 — начало 1964 г.) как ради-

кальный внутренний переворот, как результат продуманного личного «свободного» выбора. Поэтому, утверждали они, нельзя рассматривать движение за «некоммунистическую социальную революцию» в оккупированных южновьетнамских городах как идейный инструмент неоколониализма.

Подобным же образом обстояло дело и с оценкой роли и влияния экзистенциализма в Южном Вьетнаме. Некоторые участники «круглого стола», сопоставляя теоретические положения и установки основных представителей западного экзистенциализма с сайгонскими модификациями этого идейно-художественного течения, утверждали, что то, что до сих пор подвергалось критике, якобы не есть экзистенциализм. Более того, заявляли они, западный экзистенциализм вообще не находился в русле англо-саксонской культуры и идеологии и поэтому не может рассматриваться как идейный инструмент американского империализма. Другие участники дискуссии утверждали, ссылаясь при этом на собственный жизненный опыт, что именно экзистенциализм пробудил в них «бунтарский дух», отвращение к реакционной действительности Южного Вьетнама и что именно этот «экзистенциалистский» бунт в конце концов и привел их к революции.

Спор разгорелся и вокруг вопроса о сущности и общественном значении установок Второго ватиканского собора о модернизации католицизма. По мнению некоторых католических священников, именно эти установки помогли многим интеллигентам-католикам порвать с крайним антикоммунизмом старой южновьетнамской католической церкви и постепенно найти путь к сближению с народом, к началу диалога с коммунистами. Одна из главных забот католиков состоит в том, говорили они, чтобы в условиях социализма добиться гармонических отношений между верой в бога, любовью к родине и активным участием в строительстве новой жизни, избежать противоречий между гражданскими, земными обязанностями людей и их обязанностями перед Небесным отцом. Некоторые участники заседания «круглого стола» высказывали даже мнение, что можно использовать новаторские установки Второго ватиканского собора для дальнейшего обновления не только южновьетнамской, но и северовьетнамской церкви. Итоги встречи за «круглым столом» показали, что дальнейшее углубление изучения природы неоколониализма и его политики в культурно-идеологической сфере остается животрепещущей проблемой духовной жизни южновьетнамского общества.

Следует отметить, что неоколониализм отличается от старого «классического» колониализма более скрытыми, завуалированными приемами манипулирования людьми. Он, как правило, избегает открытого распределения ролей на политической сцене и даже поощряет определенную «критику» и «оппозицию», лишь бы они не затрагивали основ его господства. Такая тактика опасна тем, что она способна разобщать различные слои населения, особенно средние, отчуждать их от национально-освободительной борьбы, возглавляемой коммунистами, внушать им опасные иллюзии относи-

тельно других возможных решений национального вопроса, отличных от пути вооруженной борьбы, иллюзии о возможности других форм «социальной революции», более эффективных и гуманных, нежели «революция коммунистическая». Эту тактику неоколониализма нелегко распознать тем, кто был воспитан марионеточным режимом. Следует также иметь в виду, что огромные объективные трудности, а также ошибки и упущения, неизбежные на первых этапах строительства нового общества, в определенной степени подогревали иллюзии относительно возможности «третьего пути».

Борьба за ликвидацию очагов неоколониалистской культуры вместе с тем является составной частью борьбы за решение вопроса «кто кого?» в области идеологии и культуры в переходный период к социализму. В этой борьбе фронт находится не только в стране, но и за ее пределами. На протяжении всех прошедших лет в попытке взять реванш за поражение во Вьетнаме и во всем Индокитае американские империалисты и другие реакционные силы развернули против вьетнамской революции активную подрывную деятельность, в которой особо важную роль играла «психологическая» и «информационная война» (вернее дезинформация), осуществляемая в международном масштабе.

«Психологическая война» ведется Вашингтоном при помощи огромной «индустрии информации», которая извергает нескончаемые потоки лжи, измышлений, клеветы. Активную деятельность развернула и вьетнамская реакционная эмиграция. К началу 1981 г. за границей насчитывалось 119 газет и журналов, выходящих на вьетнамском языке, в том числе 26 — в США, 18 — в ФРГ, 15 — во Франции, 9 — в Бельгии, 8 — в Канаде³. Были созданы соответствующие издательства, театры, эстрадные ансамбли, фирмы грампластинок, предиазначенные для того, чтобы бороться с вьетнамской революцией оружием культуры⁴. Радиостанция «Голос Америки» регулярно ведет передачу «Песни эмигрантов», открыто подстрекающую вьетнамцев покинуть «гибнущее отечество». Инсценируется душераздирающая «Тоска по родине», устраиваются «ночи бдения» (накануне 30 апреля, дня падения Сайгона), «черный апрель», сколачивается «заморский фронт литературы и искусства за национальное возрождение»⁵. Реакционные силы в сфере идеологии и культуры как в стране, так и за ее пределами работают в тесном контакте и взаимодействии.

Выше уже отмечалось важное значение движения за самостоятельное художественное творчество масс как в городе, так и в деревне. Однако происки врагов революции сказались и на этом начинании. Из-за недостаточной бдительности и некоторых просчетов в работе органов культуры враждебным социализму силам удалось протолкнуть на эстраду и в повседневный быт множество произведений, ущербных по содержанию и форме; более того, порой возрождались в скрытой форме проституция, разврат, усиленно распространялась поп-музыка, процветавшая при американцах. Танцоры и певцы, в свое время развлекавшие публику в кабаре и

ночных клубах, снова объединились в сотни «исполнительских групп» с намерением возродить «старую сайгонскую музыку». Коллективы художественной самодеятельности многих заводов и фабрик комплектовались только из подобных «артистов», без участия рабочих. Такие ансамбли от имени предприятий разъезжали по городам и давали многочисленные концерты.

Разумеется, подобные отрицательные явления не характерны в целом для движения художественной деятельности народных масс, однако их появление свидетельствует о том, что пережитки старой культуры еще живучи, а при благоприятных условиях могут даже заглушать ростки нового. Старые эстетические представления, прочно укоренившиеся в сознании людей, изменить нелегко. Негативные явления в культурной жизни могут повторяться и в дальнейшем, поэтому борьба за последовательную ликвидацию пережитков неокOLONиалистской культуры и идеологии — это долговременная задача, которую нужно осуществлять последовательно и в то же время терпеливо. Необходимо также создавать новые художественные произведения, утверждающие красоту новой жизни, нового человека.

В процессе культурного обмена между двумя частями страны отчетливо выявились преимущества социалистической культуры и идеологии, утвердившихся в Северном Вьетнаме за последние два с лишним десятилетия. Вместе с тем имело место и бездумное заимствование некоторых форм и приемов модернистского западного искусства, в свое время импортированных в Южный Вьетнам как «последний крик моды». Таким образом, борьба с пережитками неокOLONиалистской идеологии и культуры, ведущаяся главным образом на Юге, в определенном смысле должна рассматриваться как дело всей страны.

Эта борьба ведется не только на фронте идеологии и культуры. Она представляет собой часть социалистических преобразований на Юге, преобразований, охватывающих в переходный период все сферы жизнедеятельности общества от базисных до надстроечных явлений.

Политическая, экономическая борьба с силами контрреволюции, находящимися на службе империализма и мировой реакции, за ликвидацию любых форм эксплуатации и угнетения человека человеком наряду со своими политическими, экономическими, социальными задачами имеет также огромное значение для преодоления идейно-культурного наследия неокOLONиализма. В сфере идеологии и культуры борьба не может ограничиваться преодолением ошибочных представлений и теорий, бытовавших в среде старой интеллигенции. Она ведется одновременно с формированием в сознании людей новой идеологии и утверждением новых культурных ценностей. Преобразование общественного бытия, массовое движение за новую культуру и идеологию, формирование нового образа жизни не ведут к автоматическому исчезновению различных по своей окраске, но буржуазных по сути взглядов и теорий, использовавшихся в свое время американскими империалистами и

их ставленниками в качестве «теоретической базы» неоколониалистского режима, в качестве средств духовного порабощения интеллигенции и молодежи. Вот почему борьба мировоззрений, борьба пролетарской, марксистско-ленинской идеологии с идеологией буржуазной представляет самую насущную задачу, которой Коммунистическая партия Вьетнама уделяет постоянное внимание.

Борьба за искоренение пережитков неоколониализма неразрывно связана с борьбой против происков американского империализма и сил международной реакции, избравших Вьетнам и Индокитай одними из главных объектов своих атак.

Как отмечается в отчетном докладе ЦК КПВ V съезду партии, за прошедшие годы достигнуты немалые успехи в области идеологии и культуры. **«Однако ввиду того, что наше общество только что вступило в переходный период, в нем наряду с процессом формирования нового, социалистического человека, воплотившего в себе новые, прогрессивные черты, сохраняется еще немало отрицательных, нездоровых явлений»**⁶.

Борьба по принципу «кто кого?» на идеологическом и культурном фронте продолжается и принимает очень сложный и острый характер, особенно на Юге. **«Она неотделима от решительной, непрерывной и всесторонней борьбы за окончательную ликвидацию пережитков отсталой и реакционной идеологии и культуры, продукта прежних обществ — феодального, существовавшего тысячи лет, и особенно колониализма и неоколониализма, господствовавших на Юге страны на протяжении нескольких десятилетий; она неотделима от мощной, упорной и последовательной борьбы против психологической войны, за ликвидацию и предотвращение проникновения любого влияния всякого рода реакционной, упаднической культуры, проникающей в нашу страну из-за рубежа»**⁷.

Залогом успешного решения проблем, связанных с идейно-политическим воспитанием масс, является испытанное руководство революционного авангарда рабочего класса — Коммунистической партии Вьетнама, ее мудрость и зрелость.

* * *

День 30 апреля 1975 г. стал днем полного поражения американских империалистов в Южном Вьетнаме. Эта дата ознаменовала собой также начало нового процесса — процесса залечивания ран войны, восстановления погрязших ценностей, искоренения пагубных влияний неоколониалистской идеологии и культуры, строительства новой, социалистической культуры во всей стране.

За девять лет, прошедших с того дня, в стране произошли значительные перемены в духе социалистических преобразований. Они стали новой вехой на пути вьетнамского народа к светлому будущему, свидетельствами новой жизни, расцветающей на земле Вьетнама.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Следует заметить, что сторонники подобной дихотомии встречаются и среди ученых и идеологов стран Азии и Африки. В этом случае противопоставление идет по линии апологии «совершенных» моральных ценностей, присущих якобы цивилизации Востока, в противовес упадку нравов, алчности, продажности и т. п., характерных для западного образа жизни.

² В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу.— Полное собрание сочинений. Т. 24, с. 129.

Глава I

¹ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, ч. II, с. 448.

² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 421.

³ Там же, с. 404—405.

⁴ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов, с. 448.

⁵ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, с. 376.

⁶ Там же, с. 382.

⁷ В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма.— Т. 30, с. 172.

⁸ В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении.— Т. 30, с. 40.

⁹ См. В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, с. 376.

¹⁰ См. там же, с. 382.

¹¹ Там же.

¹² В. И. Ленин. III конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы доклада о тактике РКП.— Т. 44, с. 5.

¹³ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам.— Т. 41, с. 243.

Глава II

¹ К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974, с. 297.

² См. К. Н. Брутенц. Против идеологии современного колониализма. М., 1961; Е. Д. Модржинская. Идеология современного колониализма. М., 1965; она же. Распад колониальной системы и идеология империализма. М., 1965; Б. А. Шабад. Идеологические основы современного колониализма. М., 1961; Е. Б. Черняк. Адвокаты колониализма. М., 1964. Отдельные аспекты идеологии неоколониализма рассматриваются в книгах: Е. Д. Модржинская. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1972; К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции; Е. С. Троицкий. Немарксистские концепции социализма и борьба за общественный прогресс в странах Азии и Африки. М., 1976; Неоколониализм и Африка в 70-х годах. Москва—София, 1975; М. О. Мнацаканян. Колониализм и его исторические формы. М., 1976; он же. Неоколониализм и стратегия антикоммунизма. М., 1977 и др.

³ Glen St. Barclay. Revolution of Our Time. 20-the Century Nationalism. N. Y., 1972, с. 8.

⁴ A. D. Smith. Theories of Nationalism. L., 1971, с. 41—49.

⁵ A. Inkeles. Changes in Soviet Russia. Cambridge, 1968, с. 244.

- ⁶ R. W. Sterling. *Macropolitics. International Relations in a Global Society*. N. Y., 1975, с. 430.
- ⁷ J. A. Armstrong. *Ideology, Politics and Government in Soviet Union*. Nelson, 1974, с. 28.
- ⁸ *The Soviet Union and Developing Nations*. Baltimors—London, 1974, с. 216.
- ⁹ «Проблемы мира и социализма». 1982, № 4, с. 59.
- ¹⁰ М. О. Мнацаканян. Освободившиеся страны: новый этап борьбы за экономический и социальный прогресс. М., 1983, с. 7—8.
- ¹¹ Цит. по: Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970, с. 143.
- ¹² *The Politics of Modernization in Eastern Europe*. N. Y., 1974, с. 18.
- ¹³ «Проблемы мира и социализма». 1978, № 1, с. 57.
- ¹⁴ *The Politics of Modernisation in Eastern Europe*, с. 338.
- ¹⁵ A. Smith. *Theories of Nationalism*, с. 3, 38.
- ¹⁶ *Modern Imperialism*. Lexington, 1969, с. 124.
- ¹⁷ C. U. Enloe. *Ethnic Conflict and Political Development*. Boston, 1973, с. 2.
- ¹⁸ D. Bell. *The Coming of Post-Industrial Society*. L., 1974, с. 74.
- ¹⁹ Цит. по: D. Bell. *The Coming of Post-Industrial Society*, с. 74.
- ²⁰ См. *The Politics of Modernisation in Eastern Europe*, с. 358.
- ²¹ Там же, с. 24—36.

Глава III

- ¹ G. Blainly. *The Causes of War*. L., 1973, с. 87.
- ² Там же, с. 248.
- ³ G. Liska. *Hates in Evolution*. Baltimore—London, 1973, с. 55—56.
- ⁴ *International Security. Reflections on Survival and Stability*. L., 1972, с. 2, 3.
- ⁵ D. Kimche. *The Afro-Asian Movement*. Tel-Avive, 1973, с. 20, 27.
- ⁶ M. Howard. *Studies in War and Peace*. N. Y., 1971, с. 219.
- ⁷ L. Kaplan. *Revolutions. A Comparative Study. From Cromwell to Castro*. N. Y., 1973, с. 25—26.
- ⁸ Цит. по: Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи. М., 1959, с. 426.
- ⁹ В. И. Ленин. Крах II Интернационала.— Т. 26, с. 224.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Положение и задачи Социалистического Интернационала.— Т. 26, с. 41.
- ¹¹ В. И. Ленин. Социализм и война (отношение РСДРП к войне).— Т. 26, с. 316.
- ¹² В. И. Ленин. Крах II Интернационала, с. 223.
- ¹³ В. И. Ленин. Письмо Г. Е. Зиновьеву.— Т. 49, с. 287.
- ¹⁴ В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм.— Т. 30, с. 86—87.
- ¹⁵ В. А. Кременюк. США и конфликты в странах Азии. М., 1979, с. 5.
- ¹⁶ «Правда», 1.VII.1976.
- ¹⁷ I. Kende. *Local Wars in Asia, Africa and Latin America. 1945—1969*. Budapest, 1972, с. 113.
- ¹⁸ В. А. Кременюк. США и конфликты в странах Азии, с. 17—19, 32, 34, 45.
- ¹⁹ R. Varnet. *Intervention and Revolution*. N. Y., 1968, с. 9, 60.
- ²⁰ T. Hoops. *The Devil and John Foster Dulles*. Boston, 1973, с. 115.
- ²¹ R. Paul. *American Military Commitments Abroad*. New Jersey, 1973, с. 106.
- ²² R. Varnet. *Intervention and Revolution*, с. 10.
- ²³ «Правда», 6.VI.1978.
- ²⁴ Б. Д. Пядышев. Военно-промышленный комплекс США. М., 1972, с. 230.
- ²⁵ «Правда», 6.VI.1978.
- ²⁶ «Правда», 26.VIII.1978.
- ²⁷ «Правда», 9.VIII.1977.

Глава IV

- ¹ В. И. Ленин. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии.— Т. 17, с. 187.

² Его участники: Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла.

³ Прекратил действие в 1980 г.

⁴ См. «Sunday Times», Johannesburg, 7.V.1969.

⁵ «Le Monde», 28.VII.1981.

⁶ См. «Правда», 14.V.1982.

⁷ См. «Правда», 19.II.1982.

⁸ «Times», 2.XII.1970.

⁹ НАТО — орудие агрессии, враг разрядки и мира. Минск, 1982, с. 34.

¹⁰ «Time», 28.IV.1980, с. 11.

¹¹ Там же, с. 18.

¹² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 21.

¹³ «Washington Evening Star», 9.IV.1968.

¹⁴ «Far Eastern Economic Review». February 29, 1980, с. 12.

¹⁵ См. «Правда», 7.II.1982.

¹⁶ «Business Day». Manila, 27.V.1982.

¹⁷ «Mainichi Daily News», 3.VI.1973.

¹⁸ «Asahi», 21.X.1982.

¹⁹ Переговоры о его создании велись королем Саудом еще с Даллесом в 1957 г.

²⁰ «L'Humanité», 30.III.1973.

²¹ «Times», 3.V.1971.

²² Weekly Compilation of Presidential Documents. January 2, 1978, с. 1975.

²³ «New York Times», 26.V.1979.

²⁴ «Правда», 10.IV.1982.

²⁵ «Wall-Street Journal», 26.III; 11.IV.1982.

²⁶ «US News and World Reports». 1982, January 18, с. 22—26.

²⁷ «New York Times», 9.IV.1969.

²⁸ «Bangkok Post», 2.II.1973.

²⁹ Кроме того, США контролировали территориальные воды страны в 10 местах общей площадью в 815,14 кв. км; в омывающих Японию морях было отведено под американские полигоны 23 района общей площадью 32 857,3 кв. км; военное командование США использовало бесплатно 74 открытых порта и 24 гражданских аэродрома страны (см. «Japan Times», 23.X.1971).

³⁰ «New York Times», 16.XII.1970.

³¹ «New Age», 6.XII.1970.

³² «Times of India», 19.III.1982.

³³ «Washington Post», 26.II.1973.

³⁴ «New York Times», 7.X.1972.

³⁵ См. «Правда», 4.IV.1982.

³⁶ См. «Washington Post», 27.I.1981.

³⁷ «Le Monde», 14.X.1981.

³⁸ «The Nation». 1978, July 8—15, с. 52.

³⁹ См. «US News and World Report». 1980, December 29; 1981, January 5, с. 27—29.

⁴⁰ См. «Washington Post», 27.VIII.1981.

⁴¹ «New York Times», 12.III.1981.

⁴² См.: «World Journal Tribune», 22.II.1967.

⁴³ «The Nationalist», 23.III.1966.

⁴⁴ «US News and World Report». 1980, May 12, с. 22—23.

⁴⁵ «Sunday Times», 13.XII.1981.

⁴⁶ «New York Times», 26.I.1981.

⁴⁷ См. «Правда», 20.VIII.1981.

⁴⁸ «New York Times», 3.V.1982.

⁴⁹ «Patriot». Delhi, 25.I.1983.

⁵⁰ Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов. ООН. Нью-Йорк, 1978, с. 10.

⁵¹ Там же, с. 33.

⁵² World Military Expenditures and Arms Transfer, 1967—1976. US Arms Control and Disarmament Agency. Wash., 1978, с. 161.

⁵³ «US News and World Report». 1980, April 21, с. 30.

⁵⁴ См. «Правда», 17.XI.1981.

⁵⁵ «Washington Post», 30.XI.1979; «US News and World Report». 1979, December 3, с. 57—60.

⁵⁶ R. L. Sivar d. World Military and Social Expenditures, 1979. Washington, 1979, с. 9.

⁵⁷ См. «Мировая экономика и международные отношения». 1980, № 6, с. 66.

⁵⁸ См. «Правда», 28.V.1982.

⁵⁹ «The White House Office of the Press Secretary Press Release, July 9, 1981». Wash., 1981.

⁶⁰ S. Lydenberg. Weapons for the World Update. US Corporate Role in International Arms Transfer. N. Y., 1977, с. 8.

⁶¹ См.: А. А. Куценков. Гонка вооружений и социально-экономические проблемы развивающихся стран.— «Народы Азии и Африки». 1980, № 2, с. 10, 25.

⁶² R. L. Sivar d. World Military and Social Expenditures..., с. 5.

⁶³ Там же, с. 72.

⁶⁴ Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов, с. 57.

⁶⁵ Заключительный документ Специальной сессии Генеральной Ассамблеи по разоружению (23 мая—1 июля 1978 года). ООН. Нью-Йорк, 1978, с. 5.

⁶⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20—21.

Глава V

¹ Ю. В. Андропов. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 19.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 14.

³ А. А. Громыко. Внешняя экспансия капитала (история и современность). М., 1982, с. 384.

⁴ См.: Nova ordem economica internacional: Forças «PRO» E «Contra». Berlin, Budapest, Varsóvia, Havana, Moscova, Praga, Sófia, Ulaб Bator, 1982, с. 14—23.

⁵ Будущее мировой экономики. 1979, с. 83.

⁶ Entering the Twenty First Century. The Global 2000 Report to the President. Vol. I, Wash., 1980, с. 16.

⁷ H. Kahn. World Economic Development. Colorado, 1979, с. 67.

⁸ OECD, Development Cooperation. 1974. Review, 1974, с. 155; «Международная жизнь», 1981, № 9, с. 159.

⁹ В. И. Ленин — А. М. Горькому.— Т. 48, с. 12—13.

¹⁰ См.: Б. Н. Пономарев. Великая жизненная сила ленинизма.— «Правда», 22.IV.1980.

¹¹ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года.— Т. 30, с. 320.

¹² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 29.

¹³ В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Т. 28, с. 91.

¹⁴ А. А. Громыко. Внешняя экспансия капитала (история и современность), с. 24.

¹⁵ Об этом уже писали в советской литературе. См., например: Дипломатия и экономическое развитие. М., 1965; Дипломатия и мировое хозяйство. М., 1966; Дипломатия и индустриализация. М., 1967; Дипломатия и кадры. М., 1968; Дипломатия современного империализма. М., 1969; Дипломатия развивающихся стран. М., 1976 и др.

¹⁶ См., например, W. Pomeroy. An American Made Tragedy. N. Y., 1974, с. 150.

¹⁷ African Students and Study Programms in the United States. Wash., 1965, с. 8.

¹⁸ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 313.

¹⁹ World Bank and Education Projects. Wash., March 1979, с. 1.

²⁰ World Development Report 1980. August 1980, с. 6.

²¹ «Survey of Current Business». August 1981, с. 24—25, 34, 36, 38.

²² Там же, August 1982, с. 17, 22, 23.

²³ «US News and World Report». 1981, October 27, с. 22.

- ²⁴ «Department of State Bulletin». № 2049, Special, April 1981, с. С.
- ²⁵ «International Herald Tribune», 22.IX.1981.
- ²⁶ Источник: данные Организации экономического сотрудничества и развития, приведенные в «US News and World Report». 1981, October 26, с. 23.
- ²⁷ См. Industry 2000— New Perspectives. N. Y., 1979, с. 4.
- ²⁸ Там же, с. 9.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Н. Н. Ливенцев. «Невидимый» арсенал торговой войны. М., 1980, с. 17.
- ³¹ O. Guarini. Dialogue on Wealth and Welfare: an Alternative View of World Capital Formation; A Report to the Club of Rome. Oxford etc., 1980, с. 253—254.
- ³² В итоге до сих пор лишь треть сырья перерабатывается в местах его производства, а доля готовых изделий в экспорте развивающихся стран в развитые капиталистические страны составляет всего 1% и полуфабрикатов—11% («Мировая экономика и международные отношения». 1981, № 10, с. 42).
- ³³ «Международная жизнь». 1978, № 11, с. 50—51; 1981, № 7, с. 76—81.
- ³⁴ Общая сумма прямых частных инвестиций США в развивающихся странах в 1981 г. составила 56,1 млрд. долл. («Survey of Current Business». 1982, № 8, с. 22).
- ³⁵ Подсчитано по: The World Bank. World Development Report. 1980, Wash., с. 25—31.
- ³⁶ «International Herald Tribune», 22.IX.1981.
- ³⁷ Industry 2000— New Perspectives, с. 112.

Глава VI

- ¹ В. И. Ленин. Ценные признания Питирима Сорокина.— Т. 37, с. 193.
- ² New Program of the Communist Party U. S. A. N. Y., 1970, с. 21—22.
- ³ N. J. Strykman. America's Strategy in World Politics. N. Y., 1942.
- ⁴ N. J. Strykman. Geography of the Peace. N. Y., 1944.
- ⁵ E. Huntington. Mainsprings of Civilization. N. Y., 1945.
- ⁶ J. E. Kieffer. Realities of World Power. N. Y., 1952.
- ⁷ J. E. Kieffer. Strategy for Survival. N. Y., 1953.
- ⁸ «Новое время». 1981, № 39, с. 7.
- ⁹ W. Simpson. Vision and Reality. L., 1978, с. 133—134.
- ¹⁰ Там же, с. 137.
- ¹¹ Там же, с. 152, 160.
- ¹² A. Schlesinger. The Imperial Presidency. Boston, 1975.
- ¹³ R. Aron. République Impériale. P., 1975.
- ¹⁴ Ph. Trezise. The Atlantic Connection. Wash., 1975, с. 5.
- ¹⁵ The Soviet Threat. N. Y., 1978, с. 245—256.
- ¹⁶ Там же, с. 256.
- ¹⁷ R. Legvold. The Super Rivals: Conflict in the Third World.— «Foreign Affairs». 1979, № 5, Vol. 57, с. 755.
- ¹⁸ J. McConnel and B. Dismukes. Soviet Diplomacy of Force in the Third World.— «Problems of Communism». 1979, № 1, с. 14, 26.
- ¹⁹ Moscow and the Third World: Ideology vs. Power Politics.— «Problems of Communism». 1979, № 1, с. 62.
- ²⁰ Там же, с. 59—62.
- ²¹ «Problems of Communism». 1979, № 2, с. 49.
- ²² J. Lindfors, J. Rislakki. C. I. A. Helsinki, 1978, с. 49.
- ²³ D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1979, с. 281.
- ²⁴ Там же, с. 281, 218.
- ²⁵ W. Romero. American Neo-Colonialism. N. Y., 1970, с. 288.
- ²⁶ Ю. Дадю. Военно-политическая тенденция в стратегии неокolonialизма.— «Проблемы мира и социализма». 1981, № 5, с. 26.
- ²⁷ A New Inter-American Policy for the Eighties for the Council for Inter-American Security. Wash., 1981.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ К. Хачатуров. Латинoамериканская политика Вашингтона.— «Международная жизнь». 1981, № 12, с. 56.

- ³⁰ America and the World 1980.— «Foreign Affairs». Vol. 59, 1981, № 3, с. 459—473, 500—521, 578—593, 648—666.
- ³¹ G. W. Ball. Reflections on a Heavy Year.— «Foreign Affairs». N. Y., Vol. 59, 1981, № 3, с. 481.
- ³² Там же, с. 481—482.
- ³³ Там же.
- ³⁴ G. Кемр. Defence Innovation and Geopolitics: From the Persian Gulf to Out Space.— National Security in the 1980's: From Weakness to Strength. San Francisco, 1980, с. 86, 87.
- ³⁵ Там же, с. 69, 74—76.
- ³⁶ «Time». 1981, № 6, с. 24.
- ³⁷ «Terrorism».— An International Journal. N. Y., № 1 and 2, Vol. 5, 1981, с. 7, 8.
- ³⁸ Там же, с. 181, 182.
- ³⁹ Там же, с. 7.
- ⁴⁰ X. Каррера. Наперекор имперским амбициям.— «Проблемы мира и социализма». 1981, № 12, с. 41.
- ⁴¹ «Международный терроризм»: факты и домыслы.— «Проблемы мира и социализма». 1981, № 4, с. 92.
- ⁴² Там же, с. 93.
- ⁴³ Г. Холл. Опасная доктрина мирового господства.— «Проблемы мира и социализма». 1981, № 11, с. 115.
- ⁴⁴ «Международный терроризм»: факты и домыслы, с. 92.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ The USA: Terrorism Elevated to the Rank of State Policy.— «Socialism. Principles, Practice, Prospects». 1981, № 9, с. 9.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ R. Khan. Violence and Socio-Economic Development.— «Mainstream». Vol. XIX, 1981, № 32, с. 15—23.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ S. P. Huntington. Political Order in Changing Societies. N. Y., 1968, с. 39—50; «Mainstream», 1981, № 32, с. 15—23.
- ⁵¹ R. Khan. Violence and Socio-Economic Development, с. 17.
- ⁵² G. Hall. Behind Assassination Attempts: Social Misfits or Misfit Society.— «Information Bulletin». Vol. 19, 1981, № 12, с. 32—33.
- ⁵³ P. B. Henze. Communism and Ethiopia.— «Problems of Communism». 1981, № 3, с. 55—74.
- ⁵⁴ Там же, с. 57.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ «Проблемы мира и социализма». 1981, № 5, с. 23.
- ⁵⁷ OECD. Development Co-operation. P., 1980, с. 220.
- ⁵⁸ «Мировая экономика и международные отношения». 1981, № 11, с. 75.
- ⁵⁹ Г. Холл. Опасная доктрина мирового господства.— «Проблемы мира и социализма». 1981, № 11, с. 115.
- ⁶⁰ R. Regan. The Deployment of Nuclear Weapons.— «The Atlantic Community». Vol. 19, 1981—1982, № 4, с. 393.
- ⁶¹ «Международная жизнь». 1981, № 12, с. 90.
- ⁶² G. R. Rao. Political Economy of Neo-Colonialism: Paris to Cancun.— «Party Life». Vol. XVII, 1981, № 20, с. 20, 25.
- ⁶³ M. Castells. The Economic Crisis and American Society. Princeton, 1980, с. 4.
- ⁶⁴ Там же, с. 6, 256.
- ⁶⁵ A. G. Frank. Crisis: In the Third World. N. Y., 1981, с. IX, XIII, 132—156.
- ⁶⁶ X. Каррера. Наперекор имперским амбициям, с. 41.

Глава VII

¹ См. «Правда», 2.IV.1982.

² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 360.

- ³ «US News and World Report», 31.III.1980, с. 61.
- ⁴ См.: «Monde diplomatique». P., Janvier 1975.
- ⁵ См.: Development Co-operation. Efforts and Policies of the Members of the Development Assistance Committee. 1978 Review. P., 1978, с. 104, 202.
- ⁶ Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981. Bangkok, 1982, с. 36.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «US News and World Report», 27.X.1980, с. 44.
- ⁹ «Commerce America». 1978, July 17, с. 4.
- ¹⁰ См.: «Survey of Current Business». 1980, August, с. 26.
- ¹¹ «World Development Report, 1978». The World Bank. August, 1978, с. 38.
- ¹² См. док. ЭСКАТО: E/ESCAP/L. 45, с. 124.
- ¹³ «Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981», с. 15.
- ¹⁴ См. док. ЭСКАТО: E/ESCAP/L. 45, с. 477—478; «Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981», с. 38.
- ¹⁵ Rugh L. Sivarad. World Military and Social Expenditures, 1979. Wash., 1979, с. 20.
- ¹⁶ «Business Standard». New Delhi, 6.XI.1980.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ «World Bank. 1979 Annual Report». Wash., 1979, с. 17; см. также док. ЭСКАТО: E/ESCAP/L. 45, с. 448—452; «Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981», с. 8.
- ¹⁹ «World Development Report, 1978», с. 31.
- ²⁰ См. Н. Симония. «Помощь» в стратегии неокOLONИализма.— «Международная жизнь». 1980, № 7, с. 36.
- ²¹ «World Economic Survey, 1978. Current Trends in the World Economy». 1980, с. 54.
- ²² В 1979 г. пассивное сальдо торгового баланса США достигло 24 млрд. долл.
- ²³ «Tagesanzeiger», 13.I.1978.
- ²⁴ «Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981», с. 12.
- ²⁵ Там же, с. 34; см. также: «Quarterly Bulletin of Statistics for Asia and the Pacific». Vol. XI, 1981, № 3, с. 42—44.
- ²⁶ См. F. Markos. South East Asia in the Year 2000. Manila, 1980.
- ²⁷ D. Stairs. The United Nations and the Politics of the Korean War.— «International Journal». 1970, Vol. XXV, № 2, с. 310.
- ²⁸ D. Wilson. The American Quarter Century in Asia.— «Foreign Affairs». 1973, Vol. 51, № 4, с. 817.
- ²⁹ См. «US News and World Report», 29.XII.1980, 5.I.1981, с. 27—29; «Правда», 15.I.1981.
- ³⁰ См. «Atlantic». Boston, June 1980.
- ³¹ «Правда», 4.VII.1980.
- ³² «Observer», 6.IV.1975.
- ³³ D. Wurfel. Southeast Asian Alignments.— «International Journal». 1974, Vol. XXIX, № 3, с. 449.
- ³⁴ «Washington Post», 3.VII.1975.
- ³⁵ «Times», 3.VIII.1976.
- ³⁶ См. F. Markos. South East Asia in the Year 2000.
- ³⁷ D. Wilson. The American Quarter Century in Asia, с. 812, 829.
- ³⁸ W. P. Bundy. New Tides in Southeast Asia.— «Foreign Affairs». 1971, Vol. 29, № 2, с. 187—250; H. Bull. The New Balance of Power in Asia and the Pacific.— «Foreign Affairs». 1971, Vol. 49, № 4, с. 671.
- ³⁹ «US News and World Report», 14.IV.1975, с. 27.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ «Baltimore Sun», 5.VII.1981.
- ⁴² «Times», 30.VII.1980.
- ⁴³ «US News and World Report», 9.VI.1980, с. 23.
- ⁴⁴ «Business America». 1980, July 14, с. 10.
- ⁴⁵ «Нихон кэйдай симбун», 11.II.1980.
- ⁴⁶ См. «Far Eastern Economic Review». 1981, 12 June, Special Supplement.
- ⁴⁷ См. K. Wakazumi. Japan beyond 1970.— «Foreign Affairs». 1969, Vol. 47, № 3, с. 515.

- 48 См. Н. Solomon Richard (ed.). Asian Security in 1980s. Problems and Policies for a Time of Transition. Cambridge (Massachusetts), 1980.
- 49 См. W. P. Bundy. New Tides in Southeast Asia, с. 197.
- 50 См., например, «Economist», 4.I.1975.
- 51 «Мировая экономика и международные отношения». 1979, № 11, с. 84.
- 52 См. «Far Eastern Economic Review», 4.XII.1981.
- 53 «Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981», с. 78.
- 54 См. «Far Eastern Economic Review», 11.VI.1982.
- 55 См. «Asiaweek», 26.XII.1980, с. 17.
- 56 Подробнее см. «Far Eastern Economic Review», 29.II.1980.
- 57 См. «Asia Pacific Community». Tokyo, 1980, Third Quarter, с. 42.
- 58 См. «Asiaweek», 20.I.1981, с. 27.
- 59 См. «Правда», 21.VI.1982.
- 60 См. «Far Eastern Economic Review», 11.VI.1982.
- 61 См. «Business Week». 1980, June 16.
- 62 «OECD, Development Cooperation. 1974 Review». P., 1974, November, с. 224.
- 63 Там же.
- 64 См. «Far Eastern Economic Review», 30.IV.1976.
- 65 См. «Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1981», с. 36.
- 66 См. прилож. к журн. «Мировая экономика и международные отношения». 1980, № 8, с. 19.
- 67 «Far Eastern Economic Review», 11.VI.1982.
- 68 «Far Eastern Economic Review», 20.V.1975, Special Supplement.
- 69 «Lensa Generasi», 30.VI.1979.
- 70 См. «Far Eastern Economic Review», 20.VI.1975.
- 71 S. Okita. Natural Resources Dependency..., с. 714—724.
- 72 D. Wilson. The American Quarter Century in Asia, с. 816.
- 73 K. Wakai zumi. Japan beyond 1970, с. 518.
- 74 «Wall Street Journal», 17.XII.1974.
- 75 «US News and World Report», 27.XI.1980, с. 41.
- 76 Там же, с. 44.
- 77 «Wall Street Journal», 18.III.1982.
- 78 См. «Le Monde», 27.I.1981; «US News and World Report», 1.II.1982, с. 51—
- 52.
- 79 «New York Times», 6.VI.1980.
- 80 «Economic Report of the President, January 1981», с. 353.
- 81 Там же, с. 350.
- 82 См. Н. Иноземцев. Что ожидает капитализм через два десятилетия.— «Проблемы мира и социализма». 1979, № 10, с. 49—51.
- 83 «National Herald». Delhi, 5.VII.1980.
- 84 См. «Far Eastern Economic Review». 4.VII.1980, с. 53, 71.
- 85 «Мировая экономика и международные отношения». 1981, № 8, с. 124.
- 86 Там же, с. 123.
- 87 См. «Far Eastern Economic Review». 18.III.1974, Supplement.
- 88 «Merkblätter Sur den Aussenhandel. Dresdener Bank», 10.V.1978, с. 87.
- 89 Там же.
- 90 См. «Far Eastern Economic Review». 24.VII.1980.
- 91 См.: К. Фонвухан. Революция в Лаосе: основные уроки и главные задачи. М., 1980, 21, 44.
- 92 См. «Правда», 17.IV.1983.
- 93 См.: Сотрудничество стран — членов СЭВ и Совета Экономической Взаимопомощи с развивающимися государствами. М., 1981, с. 44—45.
- 94 «Коммунист», 1983, № 1, с. 10.
- 95 Материалы XXV съезда КПСС, с. 26.
- 96 «Правда», 12.XII.1980.
- 97 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 29.
- 98 См.: «Правда», 20.VIII.1981; см. также: М. Дугэсурэн. Два курса в Азии.— «Проблемы мира и социализма». 1981, № 12, с. 37—40.
- 99 В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд советов. Доклад о концессиях на фракции РКП(б).— Т. 42, с. 107.

¹⁰⁰ См. М. А. Стыркин вич. Перспективы развития энергетики развивающихся стран.—«Курьер ЮНЕСКО». Июль 1978, с. 36—39.

¹⁰¹ Членом Ассоциации является также СРВ.

¹⁰² См. документы ЭСКАТО: E/ESCAP/L. 44, 1 February 1980, с. 68; E/ESCAP/L. 45, с. 37—40.

¹⁰³ R. Verbon. The Multinational Enterprise: Power Versus Sovereignty.—«Foreign Affairs», 1971, vol. 49, № 4, с. 741.

¹⁰⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 15.

Глава VIII

¹ Хо Ши Мин. Сочинения. Ханой, 1970, с. 32.

² Хо Ши Мин. Мой путь к ленинизму.—О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1969, с. 190.

³ A. S a g a u t. Grandeur et servitude coloniale. P., 1931, с. 202.

⁴ H ồ Chí Minh. Tuyển tập. (Избранное), Hà Nội, 1966.

⁵ Там же, с. 605.

⁶ См. «Nam phong» («Южный ветер»). Hà Nội, 1930, № 154, с. 295. «Nam phong» — ежемесячный журнал, издававшийся французскими колонизаторами с 1917 по 1934 г. с целью объединить местную интеллигенцию под лозунгом «франко-вьетнамского согласия».

⁷ «Вьетминь» — Единый национальный фронт в борьбе против французских колонизаторов и японских фашистов.

⁸ Термин «локальная война» употреблен здесь в том смысле, что вооруженная агрессия американского империализма осуществлялась в пределах одной страны — во Вьетнаме.

⁹ E. G. Lenxden. Tổng thống Ngô Đình Diệm và tôi (Э. Дж. Лэндсдейл. Президент Нго Динь Зьем и я). Sài Gòn, 1972 с. 265. Э. Дж. Лэндсдейл — генерал ЦРУ, дважды направлялся во Вьетнам (в 1954—1956 и 1965—1966 гг.) в качестве советника при «правительстве» Южного Вьетнама по вопросам борьбы против «подрывной партизанской войны».

¹⁰ Там же.

¹¹ См. «Cách mạng quốc gia» («Национальная революция»). Sài Gòn, I.VII.1960.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Lý Chánh Trung. Hết xài (Ли Тянь Чунг. Нечего больше ждать).—«Điện tín». Sài Gòn, II.VII.1972.

¹⁵ Công báo cộng hòa Việt-Nam. № 48, 26.X.1956, с. 1671—1672.

¹⁶ G. Chaffard. Indochine. 10 ans d'indépendance. P., 1964, с. 167—168.

¹⁷ Участники этого движения выступали за мирное воссоединение Вьетнама, за строгое соблюдение Женевских соглашений. Среди его руководителей были Нгуен Тхыу Тхо — ставший впоследствии вице-президентом СРВ, Фам Хюэ Тхы — вице-президент, директор Института археологии Комитета общественных наук. СРВ и другие деятели.

¹⁸ Hiến pháp của nước cộng hòa Việt-Nam. Chương I, § 4 (Конституция республики Вьетнам. Ст. I, § 4).

¹⁹ См. Архивы министерства обороны СРВ.

²⁰ «Cách mạng quốc gia», 24.IV.1959.

²¹ «Lé Monde», 29.VII.1970.

²² Цит. по: F. Fitzgerald. Fare in the Lake. L., 1972, с. 345.

²³ Секретный доклад Р. Комера американскому послу в Сайгоне. Архивы министерства обороны СРВ.

²⁴ Там же.

²⁵ R. Thompson. Revolutionary War in the World's Strategy. N. Y., 1972, с. 118—14.

²⁶ Цит. по: «Quân đội nhân dân», II.1973.

²⁷ F. Shurman. Reflexions d'un intellectuel americain sur le pouvoir sur la guerre et sur les USA.—«Democratie nouvelle». P., mars 1968. Разумеется, США дорогой ценой заплатили за это преступление геноцида. По данным сенатора У. Фулбрайта, на сентябрь 1969 г. Вашингтон потерял в Южном Вьетнаме 45 352

американских солдата убитыми, 252 059 — ранеными, 1895 — без вести пропавшими и 4946 сбитых и разрушенных на земле самолетов и вертолетов.

²⁸ См. «*Thông tin khoa học quân sự*» («Военно-научное обозрение»). Hà Nội, 1977, № 1, с. 95.

²⁹ L. B. Giông хон. *Điền lợi thế* (Л. Б. Джонсон. Выгодная позиция). Sài Gòn, 1972, с. 6.

³⁰ B. Russel. Nuremberg pour Vietnam. P., 1967.

³¹ По неполным данным, в Южном Вьетнаме насчитывалось 43 тыс. буржуазных семей, в том числе 17 тыс. офицеров марионеточного режима. Эта офицерская каста составляла костяк неокOLONИАЛИСТСКОГО строя. При французах в 1954 г. в марионеточной армии служило только 5800 офицеров, в том числе 10 полковников и 3 генерала. Двадцать лет спустя сайгонская армия имела в своих рядах 80 тыс. офицеров, в том числе 100 генералов, 700 полковников, 2700 подполковников и 7 тыс. майоров. 30% генералов являлись «миллиардерами» (Архивы министерства обороны СРВ).

³² «*Tập san quốc phòng*» («Национальная оборона»). Sài Gòn, 1973, № 31, с. 57. Нгуен Мань Кон, писатель и журналист, сотрудничал с Управлением «психологической войны» правительства Нго Динь Зьема.

³³ Фу Донг — герой вьетнамской легенды. Зя Лонг — первый король династии Нгуэнов. Тон Тхо Тьонг, Хоанг Као Кхай — предатели, помогавшие французам завоевывать Вьетнам.

³⁴ См. *Tâm Vu. Cuộc khởi nghĩa Nam kỳ* (Там Ву. Восстание в Намки). Hà Nội, 1960, с. 58.

³⁵ Там же, с. 64.

³⁶ См. «*Chính nghĩa*». Hà Nội, 16.V.1974, № 882, с. 6.

³⁷ См. *Nguyễn Văn Trung. Khuôn mặt thực của Tổng giám mục* (Нгуен Ван Чунг. Истинное лицо епископата). Sài Gòn, 1968.

³⁸ *Bộ mặt mới của nhà Phật* (Новое лицо буддизма). Hà Nội, 1967, с. 28.

³⁹ *Ánh sáng của đạo Phật trong đời sống cộng đồng* (Свет буддизма в общественной жизни). — «*Bách khoa*» («Энциклопедия»). Sài Gòn, 15.IX.1971. См. также «*Dân sống*». Sài Gòn, 19 и 22.IV.1973.

⁴⁰ *A. Phong tien. Lịch sử chiến tranh lạnh* (А. Фонтэн. История холодной войны). Sài Gòn, Т. II, 1971, с. 278.

⁴¹ «*Chỉ đạo*». Sài Gòn, 1957, № 3—4.

⁴² *Thích Nhất Hạnh. Đối thoại, cánh cửa hòa bình* (Тхить Нят Хань. Беседы о пути к миру). Sài Gòn, 1968, с. 5.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 4.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ «*Chính luận*». Sài Gòn, 9.X.1970.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, 31.VIII.1965.

⁵⁴ *Hành trình* («Маршрут»). Sài Gòn, 1964, № 2, tháng mười một.

⁵⁵ Всего же на прямую агрессию было истрачено 126 млрд. долл. (если учесть и долговременные последствия, то эта цифра возрастет до 300 млрд. долл.). См. *Phan Quang Dap The republic of Vietnam's environment and people*. Saigon, 1975, с. 87.

⁵⁶ Речь Нго Динь Зьема на конференции антикоммунистического союза Азии, март 1957 г.

⁵⁷ «*Cách mạng quốc gia*», 7.III.1957.

⁵⁸ Тхить Куанг Дык принадлежал к среднему слою буддийского духовенства. Актом самосожжения он хотел подчеркнуть антинародный характер зьемовского режима. Произошло это событие в 1963 г.

⁵⁹ *Lý Chánh Trung. Tìm hiểu dân tộc* (Ли Тянь Чунг. Размышления о нации). 14.VIII.1970.

⁶⁰ Там же.

¹ Фам Куинь — известный деятель культуры, занимал пост главного редактора журнала «Нам фонг», позднее министра при императорском дворе. Нгуен Ба Чак выполнял обязанности редактора, ответственного за издание «Нам фонг» на китайском языке.

² См. Phạm Quỳnh. Thượng chí văn tập (Фам Куинь. Литературный сборник). Sài Gòn, 1952. Т. III, с. 76.

³ Там же, с. 74.

⁴ Председателем Ассоциации азиатских культур был Нгуен Данг Тхук, возглавлявший одно время отделение восточной философии филологического факультета Сайгонского университета. Он выступал за сохранение в неприкосновенности традиционной феодальной культуры. Ассоциация выпускала журнал «Культура Азии», первый номер которого вышел в апреле 1958 г.

⁵ Проповедниками этой идеи выступали, в частности, Тхить Там Тяу и Тхить Няч Хань. Тхить Там Тяу — глава буддистов — переселенцев из Северного Вьетнама в Южный, сторонник Нго Динь Зьема, был настроен явно проамерикански. Смысл происходящих в стране событий он истолковывал следующим образом: если вьетнамский народ подвергся американскому вторжению, то это означает, что он должен заплатить «коллективную карму» за совершенные в прошлые века вьетнамскими феодалами преступления геноцида против народа тямпа. Тхить Няч Хань учился в США, в Колумбийском университете, где получил степень доктора, по возвращении в Южный Вьетнам стал профессором в буддийском университете «Вань Хань». Он заявлял, что надо использовать «tu bi» («милосердие»), чтобы погасить пламя ненависти, заменить революционное насилие чем-то вроде «Рах америсапа». Основные работы Тхить Няч Ханя: «Цветок лотоса в море огня», «Буддизм и жизнь», «Буддизм завтра», «Разговор с двадцатилетними», «Модернизированный буддизм» и т. д.

⁶ Перл Бак — американская писательница, написавшая десятки романов, темой которых было столкновение традиционного Китая с западной цивилизацией; наиболее значительный из них — «Ветер с Востока, ветер с Запада».

⁷ Линь Юйтан — писатель, пользовался широкой известностью в Китае в 40—40-е годы. Испытал на себе влияние китайской традиционной феодальной культуры, был настроен резко антикоммунистически. По политическим убеждениям — сторонник американской демократии; находился поэтому в оппозиции к режиму Чан Кайши. После 1949 г. эмигрировал из Китая в Гонконг.

⁸ Nguyễn Đăng Thực. Vấn đề nghiên cứu về mối liên hệ của các nền văn hóa châu 'A (Нгуен Данг Тхук. Проблема изучения взаимосвязей культур Азии). — «Văn hóa 'A châu» («Культура Азии»). Sài Gòn, 1958, № 4, tháng tư, с. 13.

⁹ Nguyễn Đăng Thực. Vấn đề nghiên cứu và truyền bá văn hóa 'A châu (Нгуен Данг Тхук. Проблема изучения и распространения культуры Азии). — «Văn hóa 'A châu», 1958, № 1, tháng tư, с. 13.

¹⁰ Phan Khang. Xung quanh vấn đề dung hợp văn hóa Đông Tây (Фан Кханг. Вокруг проблемы синтеза культур Востока и Запада). — «Văn hóa 'A châu» 1959, № 11, tháng hai, с. 6.

¹¹ Nguyễn Đăng Thực. Chính trị Khổng giáo (Нгуен Данг Тхук. Политическая доктрина конфуцианства). — «Văn hóa 'A châu», 1960, № 21, tháng mười, с. 117.

¹² Phan Khang. Xung quanh vấn đề dung hợp văn hóa Đông Tây (Фан Кханг. Вокруг проблемы синтеза культур Востока и Запада). — «Văn hóa 'A châu». 1959, № 11, tháng hai, с. 21.

¹³ Nguyễn Đăng Thực. Bình luận quan điểm của Nêru (Нгуен Данг Тхук. К вопросу о взглядах Неру). — «Văn hóa 'A châu». 1959, № 11, tháng hai, с. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ngô Đình Nhu. Vài nhận xét về nguyên tắc xã hội trong triết học phương Đông (Нго Динь Ню. Несколько замечаний о социальных принципах в философии Востока). — «Văn hóa 'A châu» 1959, № 12, tháng ba, с. 9. Нго Динь Ню — родной брат и советник Нго Динь Зьема, считавшийся «теоретиком» зье-

мовского режима, был убит тогда же, когда и Зьем — в ноябре 1963 г. во время государственного переворота, положившего конец правлению его брата.

¹⁶ Nguyễn Đăng Thực. Nhân bản (Нгуен Данг Тхук. Гуманизм). — «Văn hóa 'A châu». 1958, № 5, tháng tam, с. 3.

¹⁷ В «Лунь юй», основном произведении Конфуция, содержится следующий рассказ: «Цзы-лу спросил о том, как служить духам. Учитель ответил: „Не научившись служить людям, можно ли служить духам?“ (Цзы-лу) добавил: „Я осмелюсь узнать, что такое смерть?“ Учитель ответил: „Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?“.— См.: Древнекитайская философия. М., 1972, т. I, с. 158.

¹⁸ В «Лунь юй» есть такое место: «Янь Юань спросил о человеколюбии. Учитель ответил: „Сдерживать себя с тем, чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала — это и есть человеколюбие“» (см. Древнекитайская философия, т. I, с. 159).

¹⁹ Цит. по: Phan Bội Châu. Khổng — học — đấng (Фан Бой Тяу. Свет учения Конфуция). Sài Gòn, 1973, с. 561.

²⁰ Там же, с. 251.

²¹ Нго Динь Ню. Несколько замечаний о социальных принципах в философии Востока, с. 7.

²² В юбилейной речи, посвященной дню рождения Конфуция и опубликованной на страницах журнала «Культура» в марте 1973 г., говорилось: «В этой связи (юбилей Конфуция.— Авт.) г-н Нгуен Тхань, председатель Общества по изучению конфуцианства рассказал о программе и успехах Общества за прошедшее время. Г-н Тхань подчеркнул его антикоммунистическую роль, так как теория коммунизма, в которой нет места личности, не совместима с программой конфуцианцев» (см. «Vap». 1973, № 3, с. 167).

²³ См. Vê cội nguồn («К истокам»). Sài Gòn, 1967, tháng hai, с. 4.

²⁴ См. «Tu tưởng» («Мысль»). Sài Gòn, 1973, № 11, tháng chín, с. 3.

²⁵ См. Nguyễn Đăng Thực. Quốc học đầu thái sáng tạo (Нгуен Данг Тхук. Государственное образование и творчество). — «Tu tưởng». 1973, № 1, tháng tam, с. 23.

²⁶ См. «Tu tưởng». 1971, № 11, с. 80.

²⁷ Thu Giảng Nguyễn Duy Căn. Văn minh Đông phương và Tây phương (Тху Гянг Нгуен Дун Кан. Цивилизация Востока и Запада). Sài Gòn, 1957, с. 46.

²⁸ См. «Tu tưởng». 1971, № 3, с. 93.

²⁹ Thích Nhất Hạnh. Đạo Phật ngày mai (Тхить Няч Хань. Буддизм завтра). Sài Gòn, 1970, с. 61.

³⁰ Там же, с. 62. См. также прим. 5 к данной главе.

³¹ Документ, составленный исследовательским комитетом группы вьетнамских студентов-буддистов, находящихся во Франции, по вопросу о разработке теоретических основ буддийского прогрессивного движения [«Giáo nội» («Внутренний ветер»). P., august 1972, № 11—12, с. 30].

³² Tuệ Sỹ. Giá trị đời chết trong những tương quan văn hóa (Туэ Ши. Сопоставление ценностей в культурных взаимосвязях). — «Tu tưởng», 1972, № 5, tháng chạp, с. 3. Буддист Туэ Ши не говорил о синтезе Восток — Запад, ни об «актуализации» традиции. Формально он выступал за диалог между восточной и западной культурами. На самом же деле Туэ Ши пытался оживить традиционную феодальную культуру, в особенности буддизм, отыскивая сходные моменты в буддизме и в современных философских течениях. Например, как считал этот автор, существует определенная конвергенция между образом мыслей Будды и Л. Витгенштейна или между понятием бессознательного в психоанализе Э. Фрома и понятием «во ньем» в дзэн-буддизме.

Глава X

¹ Trần Hữu Thiện. Người công giáo Việt Nam đứng trước số phận của mình (Чан Хуу Тхань. Вьетнамские католики и их миссия). — «Cơ quan thông tin công giáo Việt Nam» («Информационный орган вьетнамских католиков»). Sài Gòn, 1968, с. 15.

² B. Faull. Deux Vietnams. P., 1967, с. 272.

³ Trần thuyết của Ngô Đình Nhu về văn hóa Việt Nam (Доклад Нго Динь Ню о вьетнамской культуре).—*Ngôn luận*. Sài Gòn. 18.I.1957.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. Đức mẹ hằng cứu giúp (Да поможет богоматерь милосердия). Sài Gòn. 1956, № 89, tháng mười, с. 3.

⁷ Trần Mục Đích. Khái niệm về chủ nghĩa nhân vị (Чан Мук Дитъ. О персонализме). Sài Gòn, 1956, с. 75.

⁸ Там же, с. 88.

⁹ Там же, с. 92.

¹⁰ «*Ngôn luận*», 8.I.1957.

¹¹ Там же.

¹² Trần Mục Đích. Khái niệm về chủ nghĩa nhân vị, с. 68.

¹³ См. G. Chappard. Indochine, dix ans d'indépendance. P., 1964, с. 160.

Говоря о так называемой «концентрации населения», французский журналист имел в виду следующее: стремись сорвать национально-освободительное движение, Нго Динь Зьем сконцентрировал сельское население в «стратегических поселениях», т.е. в деревнях, окруженных траншеями, сторожевыми вышками, охраняемыми католической милицией и службами безопасности, чтобы население не могло выйти из этих поселений и чтобы коммунисты не могли туда проникнуть.

¹⁴ Bách khoa, I.III.1964. Нго Динь Тхук—старший из четырех братьев Нго Динь (Нго Динь Зьем, Нго Динь Ню, Нго Динь Кан), составлявших клан семьи Нго. До 1960 г. был священником в районе Виньлонг, создатель Центра по воспитанию в духе персонализма. Позднее стал епископом, а с 1960 г. архиепископом в Хюэ. Религиозную деятельность тесно связывал с политической. Был настроен резко антикоммунистически, играл существенную роль в руководстве военными и административными делами в этом районе Южного Вьетнама, оказывал большую помощь своим братьям в течение девяти лет их пребывания у власти. По поручению Нго Динь Зьема часто выезжал за границу, в частности в Ватикан. В момент убийства Нго Динь Зьема находился за границей в качестве посла по особым поручениям, не решился вернуться в Южный Вьетнам и остался в Италии.

¹⁵ Инаугурационная речь Нго Динь Зьема в сайгонском парламенте. См. «*Ngôn luận*», 16.III.1956.

¹⁶ Trần Mục Đích. Khái niệm về chủ nghĩa nhân vị, с. 34.

¹⁷ Там же, с. 3.

¹⁸ Там же, с. 7.

¹⁹ Там же, с. 6.

²⁰ Там же.

²¹ Nguyễn Văn Tấn. Lời nói đầu cho cuốn sách của Trần Mục Đích «Khái niệm về chủ nghĩa nhân vị» (Нгуен Ван Тат. Предисловие к книге Чан Мук Дитя «О персонализме»). Sài Gòn, 1956.

²² Партия труда и персонализма — политическая партия, созданная Нго Динь Зьемом и его братом в 1954 г. и просуществовавшая до 1963 г. Партия действовала легально, однако ее организационная структура сохранялась в тайне. Среди ее членов были служащие государственной администрации, офицеры армии, священнослужители, многие из них были католиками.

²³ Ответ Нго Динь Ню интервьюировавшему его канадскому журналисту Ч. Тэйлору из «Уорлд ньюс». Цит. по: «*Dân mới*». Sài Gòn, 29.IX.1963.

²⁴ Informations catholiques internationales. P., № 188, 15.III.1963.

²⁵ Cơ quan thông tin công giáo Việt Nam (Информационный орган вьетнамских католиков). Sài Gòn, 1968, tháng Hai, с. 8.

²⁶ Nguyễn Văn Trung. Về chủ nghĩa duy linh nhân vị của chế độ Đệ nhị (Нгуен Ван Чунг. О персоналистском спиритуализме режима Зьема).—*Hành trình*, 1964, № 2, tháng một, с. 45.

²⁷ Linh mục Thanh Lang. Về sự biến hành và sa đọa của ngôn «Văn hóa» (Отец Тхань Ланг. О метаморфозе и вырождении слова «культура»).—*«Văn hóa»* («Культура»). Sài Gòn, № 23, I.IX.1964, с. 54.

²⁸ См. «*Đại học*» (Высшая школа). Huế, 1963, № 35—36, tháng chạp, с. 75.

²⁹ Nguyễn Minh Châu. Giải thích mấy nhận định (Нгуен Минь Тяу. Разъяснение ряда определений).—*«Đại học»*, 1959, № 9, tháng ba, с. 35.

³⁰ Trần Thái Đĩnh. Nhập môn triết học (Чан Тхай Динь. Введение в философию). Sài Gòn, 1961, с. 176.

³¹ Там же.

³² Trần Thái Đĩnh. Triết học hiện sinh (Чан Тхай Динь. Философия экзистенциализма). Sài Gòn, 1967, с. 225.

³³ Thích Đức Nhuận. Chuyển biến đạo Phật vào thời đại (Тхитъ Дык Нюан. Модернизация буддизма).— «Văn hạnh». Sài Gòn, 1967, tháng năm, с. 23.

³⁴ Giá trị đời chết trong những tương quan văn hóa (Туэ Ши. Сопоставление ценностей в культурных взаимосвязях).— «Tu tưởng» 1972, № 5, с. 1.

³⁵ Chơn Hạnh. Khổ đời Phật giáo và những hoàn cảnh giới hạn (Тьон Хань. Буддийское страдание и пограничная ситуация).— «Tu tưởng». 1971, № 2, tháng Tư, с. 52.

³⁶ Thích Minh Châu. Trước sự nô lệ của con người (Тхитъ Минь Тяу. Человеческое рабство), Sài Gòn. 1969, с. 105.

³⁷ Нгуен Ван Чунг — доктор геологии и философии Лувенского университета (Бельгия), профессор философии Сайгонского университета, одно время возглавлял кафедру современной западной философии на факультете этого университета, автор многих работ по философии и главный вдохновитель идеи «некоммунистической социальной революции» и журнала «Хань Чинь», о котором речь идет ниже.

³⁸ Такой характер носили, например, статьи Данг Тнена «Cuộc gặp gỡ của Ông Như Hầu và Ca mau» (Встреча Он Ньы Хау и Камю.— «Văn», 15.1.1964) и Ле Туена «Chính phủ ngầm và tâm thức lãng mạng của kẻ lưu đày và thời gian hiện sinh trong Đoàn trường tân thanh» («Плач жены воина» и романтическое сознание изгнанного).— «Экзистенциальное время» в «Стенаниях истерзанной души».— См. «Đại học», 1959, tháng Chín, Он Ньы Хау — псевдоним великого вьетнамского поэта XIX в. Нгуен За Тхнеу. «Плач жены воина» — лучшее его произведение. «Стенания истерзанной души» — поэма великого вьетнамского поэта Нгуен Зу.

³⁹ Бу Кхак Кхоанг — известный в Сайгоне драматург, придерживавшийся антикоммунистических взглядов. Под видом рассуждений о Чингис хане он хотел внушить читателю мысль об экспансионизме коммунистов. Вместе с тем, ставя героев пьесы в трагические ситуации (Чингис требует от них указать место, где скрываются их родные, в случае отказа им грозит выкалывание глаз), Бу Кхак Коанг хотел показать, что «жизнь — это абсурд».

⁴⁰ «Văn học» («Литература»). Sài Gòn, № 23, 1.IX.1966, с. 87.

⁴¹ Nguyễn Thị Hoàng. Ngày qua bóng tối (Нгуен Тхи Хоанг. День проходит и наступает ночь).— «Văn», № 30, tháng Tám, с. 8. Многие произведения Нгуен Тхи Хоанг имели экзистенциалистский характер (см. ее первый роман «Самые большие усилия одного человека»). То же самое можно сказать о Чунг Зыонг (роман «Дождь еще не увлажнил землю»). Их произведения были в моде в Сайгоне в 60-е годы. Нгуен Тхи Хоанг в настоящее время проживает в г. Хошимин. Чунг Зыонг эмигрировала в США.

⁴² Nguyễn Thị Hoàng. Ngày qua bóng tối. — «Văn», с. 8.

⁴³ Nguyễn Trọng Văn. Những đứa con hoang của Nguyễn Văn Trung và Nguyễn Văn Trung, đứa con hoang (Нгуен Чонг Ван. Эпигоны Нгуен Ван Чунга и эпигон Нгуен Ван Чунг).— «Bách khoa». 1968, № 264, tháng Giêng, с. 135. Нгуен Чонг Ван — в прошлом профессор философии в Сайгонском университете; в настоящее время проживает в г. Хошимин.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Nguyễn Sa. Rồi bỏ nền văn chương trú ẩn (Нгуен Ша. Оставим скрытую литературу).— «Đất nước» (Государство). Sài Gòn. 1967, № 2, tháng 6, с. 69. Нгуен Ша — известный в Сайгоне поэт. Эмигрировал в США.

⁴⁶ Chu Tử. Loạn (Тю Ты. Бунт). Sài Gòn, 1964, с. 74. Тю Ты — писатель-романист антикоммунистических убеждений. Погиб от случайной пули при бегстве во время освобождения Сайгона.

⁴⁷ Nguyễn Thị Hoàng. Ngày qua bóng tối, с. 147.

⁴⁸ Duyên Anh. Sa mạc tuổi trẻ (Зуен Ань. Молодая пустыня). Sài Gòn, 1964, с. 44.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ «Thái độ» («Подход»). Sài Gòn, 1967, № 2, tháng chạp. с. 88.

⁵¹ T h ấ U y ề n. Những thần linh bị truất phế (Т х е У ề n. Отвергнутые боги).— «Văn học», 1.V.1965, № 37, с. 47. Тхе Уэн — писатель, романист, придерживавшийся антикоммунистических убеждений, был мобилизован в сайгонскую армию, попал в плен во время освобождения в настоящее время живет в г. Хошимине. Естественно, под «вьетнамцами» он имел в виду тех, кто жил при неокOLONиалистском режиме.

⁵² Chu Tử. Sống (Т ю Т ы. Жить). Sài Gòn, 1964, с. 292.

⁵³ Nguyễn Thị Hoàng. Tuổi Sài Gòn (Нгуен Тхи Хоанг. Возраст Сайгона).— «Văn». 1967, tháng Chín, с. 39.

⁵⁴ Там же, с. 84.

⁵⁵ Там же, с. 157.

⁵⁶ Nguyễn Thị Hoàng. Ngày qua bóng tối с. 10.

⁵⁷ Nguyễn Thị Hoàng. Tuổi Sài Gòn, с. 123.

⁵⁸ Nguyễn Trọng Văn. Văn học hiện sinh (Нгуен Чонг Ван. Экзистенциалистская литература).— «Đất mới» («Новая земля»). Sài Gòn, 1967, № 2, tháng Chạp, с. 20.

⁵⁹ Группа «Lap Chyong» («Платформа») возникла в Центральном Вьетнаме (Хюэ), состояла из интеллигентов-буддистов, настроенных резко антикоммунистически, выступала против коммунизма под лозунгом третьего — буддийского — пути; участники группы считали его более эффективным, чем кровавый антикоммунизм Нгуен Ван Тхиеу и Нгуен Као Ки.

⁶⁰ «Хань Чинь» («Маршрут») — группа Нгуен Ван Чунга и Ли Тянь Чунга, двух профессоров философии Сайгонского университета (органом ее был журнал «Hành trình»), которые призывали к осуществлению «некоммунистической социальной революции». Ее руководителями, согласно их представлениям, должны были стать молодые интеллигенты. В настоящее время Ли Тянь Чунг является депутатом национального собрания СРВ.

⁶¹ «Тхай до» («Подход») — группа Тхе Уэна и нескольких его друзей, бывших офицерами сайгонской армии, объединившихся вокруг журнала «Thái độ», только шесть номеров последнего увидели свет.

⁶² Nguyễn Văn Trung. Nhận định (Нгуен Ван Чунг. Определение). Sài Gòn, 1966, т. 4, с. 79.

⁶³ Там же, с. 152.

⁶⁴ «Hành trình». 1964, № 1, tháng Mười, с. 12.

⁶⁵ «Hành trình». 1965, № 3, с. 23.

⁶⁶ «Hành trình». 1964, № 1, tháng Mười, с. 15.

⁶⁷ «Hành trình». 1965, № 6, tháng Hai, с. 28.

⁶⁸ «Hành trình». 1964, № 1, tháng Mười, с. 18.

Глава XI

¹ Речь идет о том, что находившаяся во Вьетнаме американская армия использовала бомбы и тяжелую артиллерию, чтобы изгнать крестьян из родных деревень и вынудить их переселиться в города или в «лагеря для беженцев». Эта насильственная урбанизация сопровождалась так называемой «модернизацией», т.е. попытками адаптировать крестьян к насаждавшемуся в городах американскому образу жизни.

² N. H o m s k y. At War with Asia. N. Y., 1970.

³ См. Võ Phiến. Mùa đêm cuối năm (Во Фнен. Дожливая ночь в конце года). Sài Gòn, 1966; Đoàn Quế Sĩ. Dòng sông định mệnh (Зоан Куок Ши. Река судьбы). Sài Gòn, 1959.

⁴ Nguyễn Nam Châu. Những nhà văn hóa mới (Нгуен НамТяу. Новые литераторы). Huế, 1958, с. 13.

⁵ Bùi Đăng. Cúi mặt (Буй Данг. Спрячь лицо) Sài Gòn, 1970.

⁶ Kim Định. Nhân bản (Ким Динь. Гуманизм). Sài Gòn, 1965, с. 18.

⁷ Там же, с. 81.

⁸ Согласно этому мифу, великан Пань Гу самозародился в первозданном хаосе. Он прожил много тысяч лет. После смерти Пань Гу различные части его тела дали жизнь всевозможным явлениям природы, люди же произошли из обитавших на его теле насекомых.

⁹ *Nguyen Dang Thuc. Nhân bản (Нгуен Данг Тхук. Гуманизм).— «Văn hóa Á châu». 1958, № 5, tháng tám, с. 7.* Нгуен Данг Тхук был ведущим сотрудником журнала «Культура Азии», принимал также активное участие в работе журнала «Мысль».

¹⁰ *Лао-цзы. «Дао дэ цзин», § 25.— «Древнекитайская философия», т. I, с. 122.*

¹¹ *См. Чжуцзы цзинэн. Собрание классических текстов. Т. I. Шанхай, 1956.*

¹² *Цит. по: Nguyen Dang Thuc. Nhân bản (Нгуен Данг Тхук. Гуманизм).— «Văn hóa Á châu». 1958, № 5, tháng tám, с. 4.*

¹³ *Там же, с. 7.*

¹⁴ *Xã luận tạp chí «Đức mẹ từ bi» (Передовица журнала «Богоматерь милосердия»). Sài Gòn, 1959, № 89, tháng mười, с. 3.*

¹⁵ *Lê Thanh Trí. Học thuyết về xã hội của chủ nghĩa duy linh nhân vi (Ле Тхань Чи. Социальная доктрина спиритуалистического персонализма). Sài Gòn, 1957, с. 3.* Ле Тхань Чи был профессором философии Сайгонского университета.

¹⁶ *См. Аитуан Сент-Экзюперн. М., 1979, с. 239.*

¹⁷ *Thích Nhất Hạnh. Phật giáo hiện đại hóa (Тхить Няч Хань. Модернизированный буддизм). Sài Gòn, 1968, с. 11.*

¹⁸ *Thích Nhất Hạnh. Đạo Phật và cuộc đời (Тхить Няч Хань. Буддизм и жизнь). Sài Gòn, 1966, с. 38.*

¹⁹ *Thích Nhất Hạnh. Phật giáo hiện đại hóa, с. 83.*

²⁰ *Nguyen Van Trung. Nhận định (Нгуен Ван Чунг. Определение). Sài Gòn, T. III, 1963, с. 152.*

²¹ *Там же, с. 145.*

²² *Там же, с. 143.*

²³ *Там же, с. 150.*

²⁴ *Речь идет о герое романа Ж. П. Сартра «Тошнота», который мучительно переживает абсурдность своего существования.*

²⁵ *Нгуен Ван Чунг. Определение. Т. III, с. 24.*

²⁶ *Nguyen Van Trung. Ca tụng thân xác (Нгуен Ван Чунг. Восхваление тела). Sài Gòn, 1967, с. 12.*

Глава XII

¹ *L. B. Giáp хоп. Diêm lợi thế, Sài Gòn, 1972, с. 106.*

² *Способ манипулирования людьми, заключающийся не в навязывании им политических и философских доктрин, а в изменении условий их жизни. Цель этого манипулирования — насаждение стереотипов мышления, норм морали, культурных стандартов, соответствующих социальным установкам неокolonизаторов.*

³ *Phan Quang Đán. The Republic of Vietnam's Environment and People. Saigon, 1975, с. 150.* Фан Куанг Дан был заместителем премьер-министра сайгонского марионеточного правительства в 1974—1975 гг.

⁴ *Văn Tiến Dũng. Đại thắng mùa xuân (Ван Тьен Зунг. Великая победа весной). Hà Nội, 1976, с. 288.* Hoang Nguyen. Les forces armées Saigonnaises.— «Études Vietnamiennes». 1975, № 42, с. 74.

⁵ *Võ Nhân Trí. Khía cạnh kinh tế của chủ nghĩa thực dân mới Mỹ ở Miền Nam Việt Nam (Во Няч Чи. Экономический аспект деятельности американского неокolonизма на юге Вьетнама).— «Đại đoàn kết» («Великое единство»). Sài Gòn, 6.V.1978, № 118, с. 5.*

⁶ *Там же.*

⁷ *Согласно данным, которые приводит Фан Куанг Дан, число вьетнамских жителей, находившихся в лагерях для «беженцев» на февраль 1975 г. (т.е. за три месяца до падения сайгонского режима), составляло 1 851 983 человека.*

⁸ *См. Võ Nhân Trí. Khía cạnh kinh tế của chủ nghĩa thực dân mới Mỹ ở miền Nam Việt Nam. — «Đại đoàn kết», 6.V.1978, с. 1.* Цифра 126 млрд. долл., которую приводит экономист Во Нхан Чи, была подсчитана с учетом всех военных расходов, включая расходы на содержание американской экспедиционной армии в Южном Вьетнаме в количестве около 0,5 млн. солдат.

⁹ *Phan Quang Dan. The Republic of Vietnam's Environment and People, с. 87.*

¹⁰ Тхнеу сказал: «Мы берем на себя заботы о части „плоти и крови“, а вы (экспедиционная армия Соединенных Штатов.— Авт.), которые нас покидаете, должны давать нам деньги, помогать нам кормить эту „плоть и кровь“, чтобы можно было продолжать борьбу против коммунистов» («Diệp Tin», 8.VI.1974). Слова «плоть и кровь» в данном контексте означают армию сайгонского режима.

¹¹ «Bách khoa» 15.I.1974, с. 27.

¹² Phan Du. Mất mát (Фан Зу. Потеря).— «Văn», Sài Gòn, I.IX.1972, № 209, с. 86—87. Фан Зу — популярный в то время в Сайгоне романист. До 1965 г. был антикоммунистом. После военного вмешательства Соединенных Штатов в борьбу южновьетнамского народа против реакционного правительства в его взглядах происходит определенная эволюция, о чем можно судить по произведениям, аналогичным тем, цитаты из которых приведены в данной статье.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Chinh luận», 14—16.III.1971.

¹⁶ Неоколониалистский сайгонский режим располагал восемью телевизионными каналами. По самому главному из них велись передачи на Сайгон и Канто, крупный город, расположенный в 160 км от Сайгона.

¹⁷ «Bách khoa», 19.I.1974, № 385, с. 65.

¹⁸ Там же, 15.X.1971, № 355, с. 70.

¹⁹ Там же, 15.VIII.1972, № 351, с. 72.

²⁰ См. H. Marcuse. L'homme unidimensionnel. P., 1968, с. 80.

²¹ Учился в США, выступал против интервенции американской армии в Южный Вьетнам. При возвращении на родину был убит в сайгонском аэропорту агентами империалистов.

²² Ким Зунг — китайский романист, проживавший в Гонконге, автор многих романов типа «плаща и шпаги». Почти все его романы были переведены в Сайгоне и имели там очень большой успех у читателей самых различных кругов — от генералов до сайгонского обывателя. Куньин Зао — китайская романистка, проживавшая на Тайване, автор многих романов типа «любовных историй», переведенных в Сайгоне и пользовавшихся там популярностью, особенно у молодежи.

²³ Кхань Ли и Бак Туэт — известные эстрадные певицы в Сайгоне. После 1975 г. эмигрировали за границу.

²⁴ «Bách khoa» 1.I.1971, № 115.

²⁵ См., например, книгу Нгуен Ван Чунга «Ca tụng thân xác» («Восхваление тела»). Sài Gòn, 1965.

²⁶ Lý Chánh Trung. Tìm hiểu thế hệ 20 (Ли Тянь Чунг. XX век).— «Đời đời» («С глазу на глаз»). Sài Gòn, 1971, № 25, с. 63. Речь идет о таких певцах, как Чань Лоан, Тань Чунь, которых навязывали молодежи в качестве идолов.

²⁷ Там же, с. 72. Ли Тянь Чунг хотел таким образом обратить внимание на тайную драму людей из «высшего» сайгонского общества. Они насаждали американский образ жизни и наживались на этом. Но именно их дети становились первыми жертвами подобного социального явления, однако жертвами более искренними и откровенными, чем их родители, поскольку в конце концов они осмеливались открыто говорить о вреде, приносимом американским образом жизни.

Глава XIII

¹ Религия каодай была создана в октябре 1926 г. в Сайгоне. Ее основатель — Нго Ван Тьеу, сотрудник «второго бюро» (орган французской разведки) при резиденции генерал-губернатора Кохинхины.

Каодай — имя «бога». Появление этой религии ее адепты связывали с актом «откровения» бога, свидетелем которого якобы стал Нго Ван Тьеу однажды ночью в 1925 г. Известно, что последний до этого увлекался оккультизмом. Каодай претендует на соединение нескольких религий: конфуцианства, христианства, даосизма и буддизма. Среди почитаемых ими исторических личностей — французский писатель В. Гюго, китайский поэт Ли Бо, вьетнамская поэтесса Доан Тхи Дьем и др. Подобное обстоятельство находит свое проявление и в культовой организации религии и в названиях храмов.

На самом возвышенном месте в каодаистском храме находится статуя Будды, а по бокам ее — статуи Конфуция и Лао-цзы. Ниже обычно расположены статуи буддийской богини милосердия Куан-Ам (авалокитешвары) и Тай-бо, старшего сына Гу-гуна (основателя Чжоуской династии). — рыцарей, охраняющих Будду, Лао-цзы и Конфуция. Еще ниже — статуя Иисуса Христа, в самом низу находится статуя древнекитайского героя Цзян тай гуна, очень чтимого в религии Каодай. Кроме уже упомянутых в каодаистском храме можно встретить статуи и изображения других богов и знаменитых людей различных религий стран Востока и Запада как древности, так и современности. Выше всех статуй расположен глаз — символ Каодая, всевышнего властителя всего человечества, всевидящего и всезнающего. В месте поклонения всегда горит маленькая лампочка, которая символизирует божественный огонь, дух космоса, олицетворяет создателя всего сущего.

Приношения со стороны верующих ограничены тремя предметами: цветами, чаем и водкой, которые обозначают смысл вещей, дух и жизненную энергию (силу). Каодаистские храмы — более величественные и красивые, чем церковные здания других религий. Во время религиозных церемоний одни священнослужители одеты в красные конфуцианские одежды, олицетворяющие силу и власть; другие — в желтые буддийские одежды, олицетворяющие добродетель, третьи — в небесно-голубые даосские одежды олицетворяющие терпимость. Верующие обычно носят одежды белого цвета, но иногда среди них встречаются люди, одетые, как герои старых китайских романов. В дни особых религиозных торжеств верующие носят роскошные, разноцветные одежды.

Многие исследователи считают, что в вероучения Каодая эклектически соединены принципы различных религий, однако, на наш взгляд, это вероучение не основывается по-настоящему на принципах какой-либо одной или нескольких религий, хотя очевидно, что идеи буддизма, конфуцианства и даосизма оказали влияние на формирование его догматов. Каодаистские священники в своих проповедях, как правило, «ссылаются» на «откровения» святых, они считают, что именно этим можно привлечь в лоно этой религии широкие массы верующих. Использование оккультных предметов западного происхождения призвано придать Каодаю «современный» и «научный» вид. На самом же деле, каодаистская религия использует многие суеверия, характерные для традиционного вьетнамского общества, такие, как заклинания духа, учение о карме. Последние были широко распространены в южных районах Вьетнама, где до XX в. в силу ряда исторических причин влияние конфуцианства и даосизма было незначительным. В этих районах культурный уровень вьетнамского населения был низок, здесь были широко распространены культы и суеверия народностей тямпа, бирманцев, поэтому оно оказалось крайне восприимчивым к проповедям каодаистских священнослужителей.

В 20-е годы нашего столетия вьетнамское общество переживало период обострения социально-экономических и политических противоречий, вызванных господством французских колонизаторов. В этих условиях в стране наблюдается подъем революционного движения. Давая разрешение на создание новой религиозной организации, колониальная администрация надеялась с ее помощью внедрить в сознание вьетнамцев идею «франко-вьетнамского альянса». Однако в условиях тогдашней вьетнамской действительности в Каодае постепенно сложилось 12 различных течений; хотя основная масса священнослужителей находилась на стороне колониальной администрации, среди них были и такие, кто искал опору в Японии. Но среди приверженцев Каодая имелись и сторонники революционного движения масс.

В 1954 г. Нго Динь Зьем, стремясь к укреплению своего диктаторского режима, устанавливает фактически оккупационный режим в пров. Тайнинь — центре каодаистской религии; ее организационная структура была преобразована, она становится приложением административной системы правительства Южного Вьетнама, глава Каодая — Фанг Кон Тан вынужден был эмигрировать в Кампучию, однако сама религиозная организация продолжала существовать.

К июню 1976 г. Каодай имел 19 приходов и примерно 2 млн. верующих.
² Религия Хоахао была основана 18 октября 1939 г.; она получила свое название по месту рождения ее основателя Хюнь Фу Шо — район Хоахао в пров. Тяу док (Южный Вьетнам).

История создания этой религии до некоторой степени напоминает историю появления Каодая. По причине слабого здоровья Хюинь Фу Шо смог окончить только начальную школу. Когда ему было 20 лет, он совершил восхождение на священную гору, во время которого на него была возложена свыше «миссия» основать новую религию. Такова история создания религии Хоахао в изложении ее официальных историографов. Наряду с проповеднической деятельностью Хюинь Фу Шо занимался также знахарством. Особое внимание при приобщении в свою веру он уделял крестьянам, полагая, что ему будет трудно действовать среди других, политических более активных слоев населения. Центр Хоахао находится в районе Хаузанг (Южный Вьетнам).

Что касается вероучения Хоахао, то его иногда называют «буддизм Хоахао». Это объясняется тем, что Хоахао использует ряд принципов буддизма, упростив вместе с тем его обрядовую сторону. Наряду с буддийскими книгами есть и своя «Библия», написанная Хюинь Фу Шо. В храмах данной религии обычно находится два священных предмета: верхний символизирует Вьетнам, а нижний ее основателя; над ними расположено священное буддийское знамя.

Помимо религиозной деятельности Хюинь Фу Шо принимал также участие в общественно-политической жизни. 21 сентября 1946 г. он и другие профранцузски настроенные интеллигенты создали социал-демократическую партию Вьетнама. 16 апреля 1947 г. Хюинь Фу Шо был убит в районе Донг Тхай Мьой; французские колониальные власти явно в провокационных целях обвинили в его убийстве коммунистов.

После прихода американских неокolonизаторов Нго Динь Зьем развернул кампанию террора против Хоахао, в результате часть последователей этой религии была убита, другие эмигрировали за границу, а третьи стали служить зьемовским властям. Однако и в последующие годы религия Хоахао продолжала существовать в районе Хаузанг. После гибели Хюинь Фу Шо во главе этой религии встал его отец — Хюинь Конг Бо, а после смерти последнего в 1962 г. — мать основателя. В июне 1976 г. у Хоахао насчитывалось примерно 1 500 тыс. последователей, которые принадлежали к трем течениям.

³ Протестантизм начал распространяться во Вьетнаме с конца XIX в. В 1917 г. французские колониальные власти официально признали право протестантов пропагандировать свое вероучение. В 1927 г. во Вьетнаме насчитывалось 5 тыс. протестантов. Протестантская церковь открыла свой лицей в Дананге, который в 1935 г. окончили 300 человек. В том же году было создано Вьетнамское протестантское общество. К 1976 г. в Южном Вьетнаме насчитывалось около 300 тыс. верующих протестантов.

⁴ У. Колби, У. Якобсон и П. Гарр — высокопоставленные чиновники американского посольства в Сайгоне во времена правления Нгуен Ван Тхьеу, руководившие оказанием помощи марионеточному режиму. В их обязанности входило, в частности, использование религиозных организаций в интересах США.

⁵ «Thế hệ». (Поколение). Montreal, 1972, № 27—28, с. 6. Чан Там Тинь — вьетнамский католический священник, эмигрировавший в Канаду и являвшийся преподавателем университета в Монреале.

⁶ Nguyễn Triêu Phong. Về vai trò của các hội từ thiện nu' ở c' ng oài (Нгуен Чиенг Фонг. О роли зарубежных благотворительных обществ). — «Khoa học xã hội» («Общественные науки». Sài Gòn, 1966, № 4, tháng giêng, с. 54.

⁷ Thông báo của Trung tâm nghiên cứu phát triển xã hội (Бюллетень Центра изучения социального развития). Sài Gòn, 1974, tháng chín, с. 33.

⁸ «Sống thân» 6. IV.1975.

⁹ Там же.

¹⁰ C. A. R. E. (Cooperative for American Remittances everywhere) название благотворительного общества протестантской церкви США. C. R. S. (Catholic relief services) — название благотворительного общества католической церкви США.

¹¹ Nacla's Latin. America Empire Report an Insider's Story. — «Religions Agencies in Vietnam», vol. VII, № 10, 12, 1973, с. 26.

¹² Там же.

¹³ COREV (Cooperation for Reconstruction in Vietnam) — название вьетнамского католического благотворительного общества, возглавлявшегося епископом Нгуеном Ван Тхуаном, племянником Нго Динь Зьема.

¹⁴ Thu' của 13 tổ chức công giáo gửi Giáo hoàng Henri Lơ-mê-tơ (Письмо 13 католических организаций Анри Леметру).— «Chọn» («Выбор»). Sài Gòn, 1975, № 72, tháng chín, с. 6.

¹⁵ См. Công giáo và dân tộc (Католицизм и нация). Sài Gòn. 1975, № 1, 10.VII, с. 1.

¹⁶ В конце 40-х годов, когда Нго Динь Зьем впал в немилость у французов, он некоторое время находился в США, в католической гимназии Мэри Холл.

¹⁷ Đức mẹ hằng cứu giúp (Богоматерь милосердия). Sài Gòn. 1954, № 84, tháng nam, с. 57.

¹⁸ См. примечание 14 к главе X.

¹⁹ Три «Д» — Дао (принадлежность к католической религии), Диа Фуонг (присоединение из того же района, что и Зьем, — города Куангбинь в центре Вьетнама), Данг (участие в политической партии, основанной Зьем, о которой упоминалось выше).

²⁰ Đức mẹ hằng cứu giúp, Sài Gòn. 1954, № 65, tháng mười, с. 12.

²¹ Там же.

²² Information catholique internationale. P. 15 mars 1963, с. 25.

²³ Cơ quan thông tin công giáo Việt Nam (Информационный орган вьетнамских католиков). Sài Gòn. 1968, № 1, tháng giêng, с. 45.

²⁴ См. Etudes Vietnamiens. Hà Nội, 1978, № 53, с. 235.

²⁵ Там же, с. 247.

²⁶ Công giáo và dân tộc, 20.II.1976, № 34, с. 3.

²⁷ Информационный орган вьетнамских католиков, с. 45.

²⁸ Эти курсы читались католическими священниками или офицерами секции «политическая война» с целью воспитания у военнослужащих религиозных чувств и одновременно ненависти к коммунистам-атеистам.

²⁹ Это были по большей части «призрачные» политические партии, имевшие только название, нескольких «лидеров» и резиденцию. Что касается их членского состава, то он был весьма незначителен.

³⁰ Информационный орган вьетнамских католиков, с. 136.

³¹ Эти партии возглавлялись Хоанг Куинем и Чан Зу — северовьетнамскими священниками, бежавшими на Юг: они зарекомендовали себя как ярые антикоммунисты. Созданные ими политические организации носили скорее формальный, чем реальный характер; их целью было привлечение верующих на сторону марionеточной клики Тхьеу.

³² Партия была создана кликой Тхьеу взамен партии «Данг Кан лао нян ви», распавшейся после смерти Нго Динь Зьема. См. примечание 22 к главе X.

³³ В этот совет входили также представители буддийской сангхи и конфуцианцев.

³⁴ См. Công giáo và dân tộc (Католицизм и нация), 30.X.1970.

³⁵ «Cơ quan thông tin», 1973, № 1, tháng giêng, с. 105.

³⁶ Những người công giáo Việt Nam trước sứ mệnh của mình (Вьетнамские католики и их миссия).— «Cơ quan thông tin công giáo Việt Nam». 1968, № 1, tháng giêng, с. 55.

³⁷ См. «Chính nghĩa». Hà Nội, 10.X.1974.

³⁸ Вьетнамские католики и их миссия, с. 103.

³⁹ Там же, с. 38.

⁴⁰ Там же, с. 3.

⁴¹ Công giáo và dân tộc 1972, № 5—6, tháng nam, с. 12.

⁴² См. Chọn. Sài Gòn, 1970, tháng chạp, с. 15.

⁴³ См. Công giáo và dân tộc, 30.X.1970, с. 1.

⁴⁴ Chính nghĩa», 10.X.1974, с. 35.

⁴⁵ «Bách khoa», 15.I.1971, № 337—338, с. 35.

⁴⁶ См. Информационный орган вьетнамских католиков, с. 132.

⁴⁷ Hòa bình (Мир). Sài Gòn, 30.X.1974.

⁴⁸ Đối diện (С глазу на глаз). 1974, № 65—65, tháng chạp, с. 32.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См. «Đại dân tộc», 2.I.1975. Интервью Чан Хью Тханя.

⁵¹ См. Chọn, 1972, tháng Ba.

⁵² Поколение, 1972, № 27—28.

⁵³ Сообщение агентства Франс Пресс от 4 апреля 1974 г.

⁶⁴ Названия католических журналов, издававшихся во Вьетнаме и в других странах. Их социально-политические позиции во многом совпадали; предоставление приоритета «родине», а не религии, осуждение агрессивной войны, ведущейся американским империализмом, призыв к обновлению католической церкви Вьетнама.

⁶⁵ Вьет танг тхонг — организация чисто религиозного характера, ее возглавлял боиза, который считался высшей инстанцией в буддизме. Его власть была скорее символической, чем реальной. Вьет хоа дао — исполнительный комитет буддийской церкви, который ведал всеми ее внутренними и внешними делами.

⁶⁶ Информационный орган вьетнамских католиков, с. 27.

⁶⁷ Оно называлось «Чыонг тхань ньен фунг су кса хой» — Школа по подготовке молодых буддийских кадров.

⁶⁸ При режиме Зьема в армии существовала только официальная организация проповедников католицизма. После 1964 г. в связи с растущим влиянием буддизма была создана аналогичная организация для солдат, не являвшихся католиками.

⁶⁹ После смерти Нго Динь Зьема в Сайгоне был построен крупнейший буддийский храм, которому дали название «Вьетнам куок ты» (Вьетнамская государственная пагода). Это отражало стремление буддистов сделать максимум возможного для того, чтобы их религия стала государственной религией Вьетнама. Храм являлся местопребыванием руководящих органов и Единого общества буддистов.

⁶⁰ См. Thích Tâm Châu. Diễn văn khai mạc đại hội khoáng đại tại Việt Nam quốc tử (Тхитъ Там Тяу. Речь при открытии расширенного съезда во Вьетнамской государственной пагоде). — «Van hạnh». 1965, № 8—9, tháng giêng, с. 15.

⁶¹ Там же.

⁶² Тхитъ Там Тяу — глава направления «умеренных», в которое в основном входили беженцы с севера, находился в прямом сговоре с Нгуен Ван Тхиеу.

⁶³ Тхитъ Чи Куанг — глава наиболее влиятельной фракции Ан Куанг, в которую входили буддисты Центрального Вьетнама. «Воинствующая» фракция находилась в оппозиции неокOLONиалистскому режиму. При Зьеме она существовала нелегально, при Тхиеу — легально; придерживалась последовательно антикоммунистических позиций.

⁶⁴ Đời diên, 1974, № 65—66, tháng chạp.

⁶⁵ Thích Nhất Hạnh. Đạo Phật ngày mai (Тхитъ Нят Хань. Буддизм завтра). Sài Gòn, 1970, с. 80.

⁶⁶ Там же, с. 1.

⁶⁷ Gió nổi. P., 1971, № 53—54, с. 15.

Глава XIV

¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 85.

² Там же, с. 86.

³ См. «Cộng Sản» («Коммунист»). 1981, № 5, с. 65.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 61.

⁷ Там же, с. 62.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть первая. Реакционная сущность идеологии и политики неоколониализма	8
<i>Глава I. Методологические принципы марксистско-ленинского исследования неоколониализма</i>	8
<i>Глава II. Особенности и основные черты идеологии неоколониализма</i>	21
<i>Глава III. Неоколониализм как источник международных конфликтов и войн</i>	35
<i>Глава IV. Военные методы неоколониализма</i>	48
<i>Глава V. Неоколониалистская политика — орудие агрессии государственно-монополистического капитализма США</i>	66
<i>Глава VI. Неоколониалистская сущность внешнеполитических доктрин США</i>	88
<i>Глава VII. Историческая обреченность неоколониализма США в Азии</i>	106
Часть вторая. Идеологическая и политическая стратегия неоколониализма в Южном Вьетнаме (50—70-е годы)	123
<i>Глава VIII. Неоколониализм — орудие духовного порабощения вьетнамского народа</i>	123
<i>Глава IX. «Традиционная идеология» на службе неоколониализма</i>	148
<i>Глава X. Современная западная буржуазная философия как идеологическое оружие неоколониализма</i>	160
<i>Глава XI. Использование неоколониализмом феодальных и буржуазных учений о человеке</i>	178
<i>Глава XII. Американский образ жизни как инструмент неоколониалистской политики</i>	190
<i>Глава XIII. Использование религии в интересах неоколониализма</i>	205
<i>Глава XIV. Борьба за ликвидацию пережитков неоколониалистской идеологии и культуры после освобождения Южного Вьетнама</i>	222
Примечания	232

**КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ
И ПОЛИТИКИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА**

*Утверждено к печати
Институтом философии
Академии наук СССР*

Редактор *А. М. Модель*
Младший редактор *О. А. Осилова*
Художник *Е. Волков*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Г. Э. Пабст*

ИБ № 14643

Сдано в набор 11.07.83. Подписано к печати
01.02.84. А-09370. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типо-
графская № 2. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отг. 16,25.
Уч.-изд. л. 17,82. Тираж 3400 экз. Изд. № 5505.
Зак. 507. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

**Идеология национально-освободительного движения в
странах зарубежного Востока (1917—1947). 20 л.**

В коллективной монографии показана эволюция основных идейных течений указанных лет в Турции, Индии, странах Юго-Восточной Азии, Вьетнаме и других странах Востока. Анализируются воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на идеологию освободительного движения этих стран, становление в них коммунистических идей.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

**Мазырин В. М. Вьетнамское общество и рабочий класс
на рубеже 70-х и 80-х годов. 13 л.**

В книге рассматриваются основные социально-политические закономерности строительства социализма во Вьетнаме на рубеже 70-х и 80-х годов. На обширном фактическом материале показаны сдвиги, происшедшие во вьетнамском обществе после воссоединения страны. Основное внимание уделяется характеристике состава и положения рабочего класса, деятельности профсоюзов, вопросам партийного строительства.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».